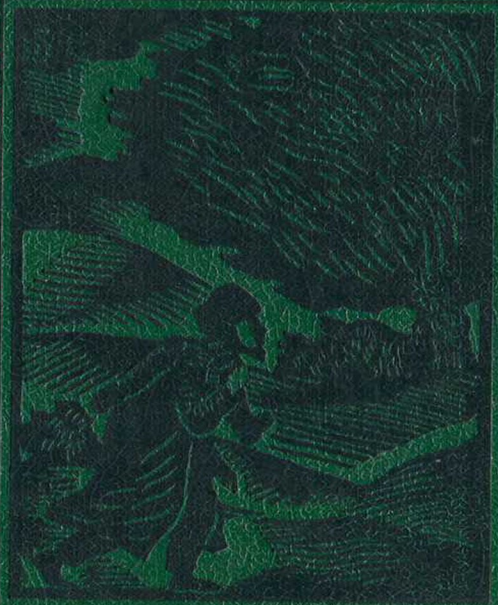
МИГ РАСПЛАТЫ



Миг расплаты

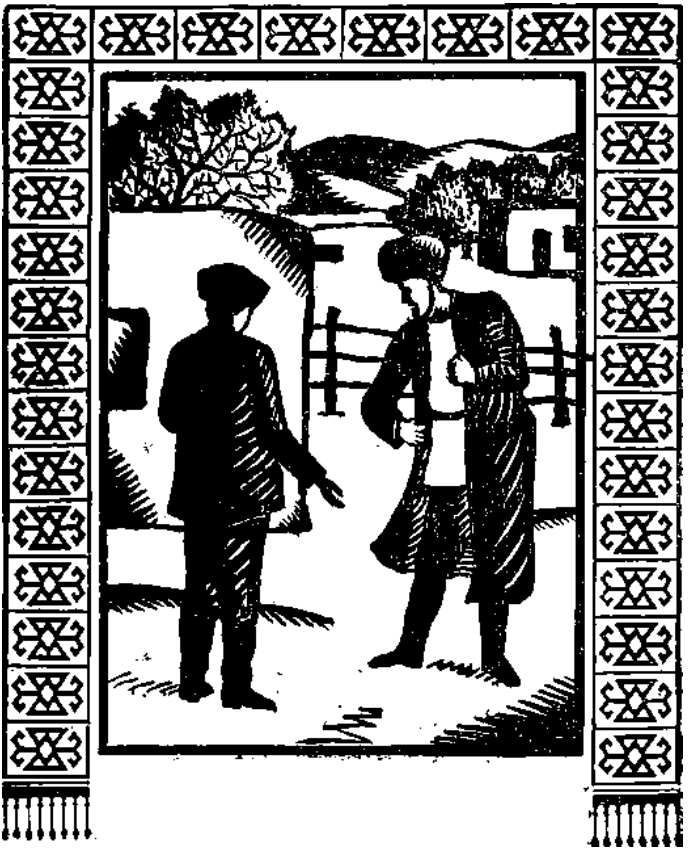
Худайберды Диванкулиев, Атагельды Караев, Атаджан Таган, Каушут Шамыев, Мухамметнур Курбанклычев

Аннотация
АТАДЖАН ТАГАН. МИГ РАСПЛАТЫ
АТАГЕЛЬДЫ КАРАЕВ. ГДЕ БРАТ ТВОЙ?
МУХАММЕТНУР КУРБАНКЛЫЧЕВ. ФАКЕЛЫ И ЗВЕЗДЫ
КАУШУТ ШАМЫЕВ. С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ
ХУДАЙБЕРДЫ ДИВАНКУЛИЕВ. ОБЪЕКТ САРРИ.
Научно — фантастическая повесть
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Аннотация

В сборник включены пять повестей известных прозаиков республики. Вобрав в себя временные пласты от далекого прошлого до наших дней, повести показывают знание жизни, достоверность характеров, открытый взгляд на жизненные сложности и противоречия, стремление найти свое отношение к изображаемым явлениям.

ТУРКМЕНИСТАН

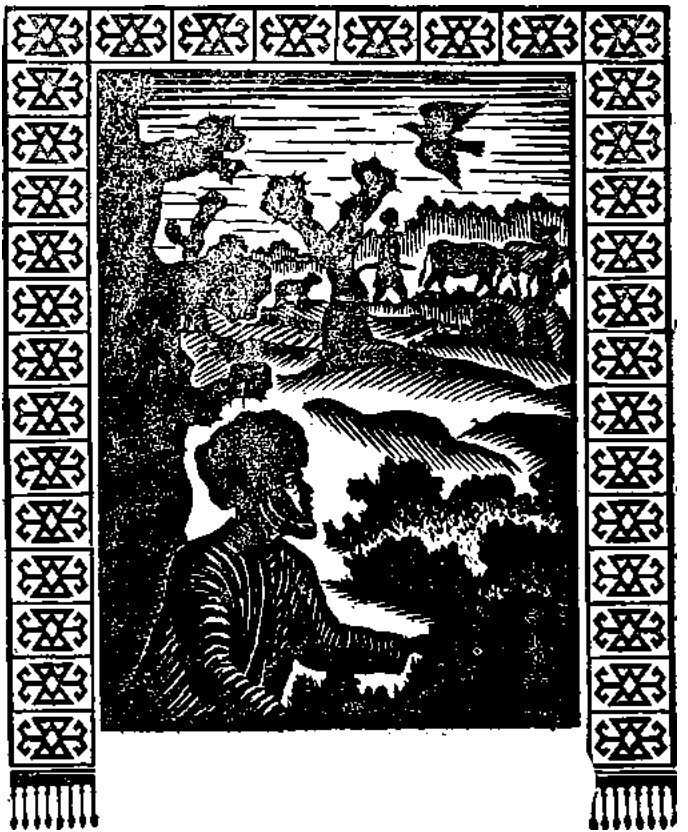


Рецензент А. Говберг

© Издательство «Туркменистан», 1987 Перевод на русский язык.

АТАДЖАН ТАГАН

МИГ РАСПЛАТЫ



Расплата идет в день Страшного суда
Всех грешников, всех, кто прогневал Бога.

Махтумкули

Чего бы тебе ни стоило, возврати долг умирающему. А если умирающий должен тебе, надо с ним рассчитаться: либо взять долг, либо от чистого сердца простить его.

Словом, дай ему возможность освободить свою душу от земных забот.

Таков древний туркменский обычай.

Нигде не записан он, однако знают его все. Он передается из поколения в поколение. Люди умирают, а этот обычай остается. Он всегда жив и будет жить вечно.

А вот Непес-ага отступил от этого обычая.

Всю ночь его мучил кошмар. Ему снились громадные черные сапоги. Они наступали на него, и от их жуткого скрипа холодели руки и ноги, все тело наливалось свинцом, мертвело. Непес-ага

не мог пошевелить даже пальцем. Сапоги были живыми, они пытались поймать его, и когда это им удалось, когда черное голенище закрыло собою свет перед глазами Непеса-ага, он стал задыхаться. Только один аллах ведает, как ему удалось освободиться.

Он проснулся, но долго не мог поверить в свое пробуждение. Сапоги, шайтан бы их взял, исчезли, страшный скрип их прекратился, дышать стало легче. Непес-ага сел на кровати, вытер ладонью вспотевший лоб и тяжело вздохнул.

— Наверно, Кервен кончается… — прошептал старик. — Может именно сейчас, в эту самую минуту…

Непес-ага встал, подошел к раскрытому окну и вгляделся в предутренний сумрак улицы. Ни в одном окне во всем ауле не было света, и ни одного звука, — кроме далекого ленивого собачьего лая. Он долго вслушивался в этот мирный лай и вдруг понял, что Кервен пока что не умер. Нет! Ведь когда умирает близкий, то надо, по обычаю, тут же выходить на улицу, хоть днем, хоть ночью, и голосить, извещая тем самым односельчан о смерти родственника. А у Кервена много родных, и сыновья есть, и дочери…

«Но все равно, — подумал старик, — больше

двух, трех дней он, пожалуй, не протянет…»

И он вспомнил, как печально и ласково смотрел Кервен в последний раз, когда Непес-ага пришел его проведать. Они остались в комнате одни, и Кервен, едва сдерживая слезы, с трудом проговорил:

— Непес… пока никого нет, давай попрощаемся… Мне уж, видно, не подняться… Если я когда-нибудь чем-нибудь обидел тебя, прости…

Непес-ага молча кивнул, как завороженный. Он вдруг ощутил, что все смертны на этом свете, и ему стало страшно. В тишине, наступившей в комнате, он услышал, как заколотилось от страха его сердце, и подумал, что когда-нибудь и оно остановится. Всегда отвлеченный для Непес-ага образ смерти как бы наполнился плотью, стал реальностью.

Кервен зашевелился, пытаясь повернуться, одеяло сползло и обнажило то, что когда-то было его ногами. Непес-ага в ужасе смотрел на две кости, обтянутые кожей, с надетыми на них черными носками, с трудом понимая, что это такое на самом деле, ибо то, что он видел, не могло быть частью человеческого тела.

В полном замешательстве он выдавил из себя:

— Держись, Кервен! Все будет хорошо! — и по-

спешил домой.

Но и дома Непес-ага не нашел успокоения, душа его была не на месте, безжизненные ноги Кервена в черных носках стояли перед глазами. И в ту же ночь кошмарный сон навалился на него…

До самого обеда ночные видения не шли из головы Непеса-ага. В конце концов, решив отвлечься, он взял садовые ножницы и пошел во двор.

Непес-ага хорошо знал, что еще не пришло время подрезать виноградную лозу, но потребность занять себя чем-то, оторваться от мучительных мыслей была так велика, что он стал бестолково состригать листья с каждого куста и носить их в коней сада.

На улице, за изгородью, он увидел внука Кервена и окликнул его:

— Эй, как там твой дедушка? Не лучше ему?

Мальчик вежливо поздоровался и ответил:

— Наверно, скоро уже будет лучше. А пока все так же. Да вы и сами видели…

— Да, да, — закивал старик. — Я вот подумал… ночь была прохладной, может, ему и лучше стало… — и он тут же застыдился, что говорит неправду.

Мальчишка молча повернулся и пошел. Не-

пес-ага долго глядел, как он уходит, и старику казалось, что понурая фигура внука Кервена выражает упрек: «Что ж ты спрашиваешь меня про деда, а не наведаешься к нему сам?»

Непес-ага снова вспомнил свой сои и задумался.

— Салам алейкум, Непес!

Он вздрогнул, услышав приветствие. Перед ним стоял Хаджи-кор, его ровесник, самый известный человек во всей округе. Нет, Хаджи-кор не был ни героем труда, ни передовым колхозником, он прославился своим пора-вительным любопытством. Хаджи-кор постоянно лез в чужие дела, он был просто одержим страстью знать все про каждого. Что бы ни произошло в селе, Хаджи-кор первым видел и слышал, и люди в отместку за это про-ввали его «кор», что означает «слепой».

— Вот ты меня называешь «слепым»… — добродушно улыбаясь, произнес Хаджи-кор, — а сам-то Непес-ага, зрячий ли? Пока вплотную не подойдешь к тебе, ты и не заметишь!

— Да уж какой ты слепой, — смутившись, ответил Непес-ага, разглядел вот меня в густом винограднике…

Обменявшись рукопожатием, какое-то время они вели необязательный разговор, как от века,

предписывает восточный ритуал. Обсудили погоду, виды на урожай, последние аульские новости. И вдруг Хаджи-кор сказал;

— А я только что проведал твоего соседа. Ндаа… — и он безнадежно покачал головой. — Не знаю, сколько еще он протянет. Сдается мне, что недолго…

Непёс-ага и сам так думал. Но ему неприятно было соглашаться с Хаджи-кором, и он промолчал.

— Все мы смертны, Непес, — скорбно проговорил Хаджи-кор, и лицо его приняло на редкость серьезное выражение. — Ты знаешь, — доверительно добавил он, — на всякий случай я простился с Керевеном. Чтобы потом не раскаиваться. Кто знает, когда его не станет? А опоздать в таком деле — большой грех.

И хотя сказал он все это не без вящей торжественности, тем не менее Непесу-ага послышалась издевка в голосе Хаджи-кора. Неужели знает?.. Да нет, откуда ему знать! Небось даже не подозревает, что своими словами задел самое больное место. И, насупившись, Непес-ага спросил:

— У тебя что, какие-то дела с Керевеном были?

— Да нет. Какие дела! Но мы ведь жили и ра-

ботали рядом, а значит, надо попрощаться. От отцов и дедов обычай идет. Обычай нельзя нарушать! — нравоучительно произнес Хаджи-кор.

«Это уж так, — подумал Непес-ага, — обычай предков нарушать нельзя. Иначе будет плохо, совсем плохо. Уж я-то знаю…»

Непес-ага вздрогнул, когда послышался рев двигателя. На улицу въехал грузовик. Поравнявшись с ними, машина затормозила, и они услышали зычный голос шофера:

— Эй, люди, покупайте виноград! Сладкий, как сахар! Покупайте виноград!

— Что он такое говорит?! — изумился Хаджи-кор, не веря своим ушам.

— Говорит: «Покупайте виноград!» Так что, если желаешь винограду, поспеши! — съехидничал Непес-ага.

— Интересно, с какой стати они везут сюда виноград, когда нам самим его девать некуда? Может, решили, что у них вкуснее? — разволновался Хаджи-кор и, забыв про Непеса-ага, устремился к грузовику, чтобы объяснить незадачливым продавцам, когда и куда следует везти виноград, где и почем его продавать, а заодно и прочитать лекцию о виноградарстве.

Непес-ага смотрел, как бежит Хаджи-кор, как

разлетаются полы его домотканого халата, и вяло думал:

«Что ж, каждому свое…»

Непес-ага снова защелкал ножницами, отсекая виноградные листья, но делал он это машинально, а сам думал все о том же. О близкой кончине Кервена. «Уж если и Хаджи-кор с ним простился, не жить Кервену на белом свете. Умрет. Не сегодня-завтра. Конечно, умрет!.. — пугаясь окаянной своей уверенности, думал Непес-ага и тщетно пытался успокоить себя. — Ну и что? Все мы смертны. И я умру. Да, но Кервен-то раньше. Вот что самое страшное… А я все размышляю! — вдруг ожгла его ненависть к самому себе. — Все раздумываю!.. Мыслитель, как же! А время уходит, минута за минутой. В любой момент он может умереть. И будет уже поздно…»

Непес-ага в сердцах бросил ножницы на землю и засеменил к дому. Торопливо переоделся и направился к соседу.

Время было полуденное, безлюдное. Кервен лежал один. Не сводя с него взгляда, Непес-ага тихонько присел у изголовья, страшась нарушить сон больного, и засомневался: не уйти ли? Но тут же резко оборвал себя: «Нет! Будет ли еще случай увидеться без свидетелей? Нельзя откладывать!»

Он осторожно взял руку Кервена, и тот, не открывая глаз, еле слышно спросил:

— Непес, ты?

Непес-ага встрепенулся:

— Как ты узнал, что это я?

— Как раз о тебе думал…

Непес-ага испугался.

— А… что ты думал? — настороженно спросил он.

— Да прошлое вспоминал… — Кервен говорил медленно, с трудом произнося слова. — Чего только не повидали мы с тобой в нашей жизни! И горя хватало, и радости…

Непес-ага понял, что лучшего момента может и не быть. Он решился, наконец, приступить к заветному разговору.

— А помнишь, Кервен, голодное время? Казалось, что оно никогда не кончится…

Да разве можно его забыть? И как только выжили! Ох, человек многое способен вынести… — Кервен закрыл глаза и вдруг заговорил шепотом: — Знаешь, со вчерашнего дня, как начинаю говорить, голова кружится, — и немного помолчав, он продолжал: — Теперь-то что, всякой еды полно. А ведь мы с тобой, Непес, знали времена, когда и жмых-то был роскошью, когда

за миску ячменя или джугары человек готов был отдать все, что имел…

Непес-ага замер. Вот и наступила решительная минута. Но последние слова Кервена будто парализовали его, и он силился произнести слова ответные, долго вынашиваемые где-то в глубине души, но не мог — только беззвучно открывал и закрывал рот.

«Похоже, Кервен того случая не забыл, — лихорадочно соображал Непес-ага. — Тогда почему столько лет молчал? Нет, если бы помнил, то не молчал бы! Все равно бы сказал, дал бы как-то понять… но тогда что означают эти слова про миску ячменя? Как их понять? Как намек, что он, Непес, в то время променял совесть на ячмень? Неспроста Кервен про ячмень вспомнил…»

Размышления Непеса-ага прервал неожиданный приход маленького, толстого доктора, который быстро, без стука, вошел в комнату, поставил свой чемоданчик на стул и, ни к кому не обращаясь, усталым дежурным голосом произнес:

— Всех посторонних прошу выйти.

Непес-ага вскочил и с отчаянием посмотрел на доктора, который невозмутимо открывал чемоданчик. Момент был упущен, тут уж ничего

нельзя было поделать. Оставалось только уйти. Он легонько пожал безжизненную желтую руку несчастного Кервена и смущенно произнес:

— Ну, не скучай тут... — и снова собрался с духом. — Вот что! Я хочу съездить в город. Прямо сейчас! Может, надо чего-нибудь, а? — с надеждой спросил он. — Скажи, чего тебе хочется? Я привезу!

По лицу Кервена прошла судорога, он силился что-то сказать и не мог. Разговор с Непесом-ага, как видно, отнял у него последние силы. Но вот губы Кервена зашевелились, и он еле слышно прошептал:

— Мне уже ничего не нужно... Прощай, Непес...

На рассвете следующего дня Кервен скончался.

Покойника, завернутого в бело-желтый саван, бережно положили в могилу, а сверху аккуратно заложили кирпичом.

«Вот и все», — сказал себе Непес-ага и вздохнул.

Двое крепких односельчан, закончив работу, выбрались на поверхность, и с разрешения самого близкого родственника умершего, его младшего брата Амана, каждый из присутствующих бросал в могилу по нескольку горстей земли, а потом вовсю заработали лопаты.

Через минуту-другую покойный Кервен остался на веки вечные под сырым тяжелым песком. Люди, думая о Кервене и представляя свое будущее, тяжело вздыхали. «Хорошим человеком он был», — шептали они.

Непес-ага, стоявший поодаль от могилы, тоже произнес еле слышно: «Хорошим он был человеком» и только тут пришел в себя и подумал о том, что не бросил и горсти земли в могилу Кервена. Он конечно, знал, что горсть земли, брошенная в могилу, является своеобразным знаком почитания покойного, он вовсе не забыл, что именно так надо делать, однако у него не поднялась рука…

Кажется, это было вчера, хотя прошло уже много лет. Непес-ага был в то время первым после председателя человеком в колхозе. Ему доверили ключ от святая святых — колхозного склада, хотя хранить было, по сути дела, почти нечего. Все, что туда поступало, сразу же отправлялось на фронт. В то трудное для страны время люди несли на склад и зерно, и вещи — какие у кого были. Они знали: чем больше дадут фронту, тем быстрее придет победа. То необходимое немногое, что не посылали на фронт, хранилось под замком у Непеса-ага. Даже за куском материи для савана, чтобы похоронить очередного умершего от голо-

да, приходили к нему.

Однажды в склад к Непесу-ага пришел Кервен. Две недели назад сосед вернулся с фронта после тяжелого ранения. Хоть и понимал Непес-ага, что Кервен явился не просто так, а с какой-нибудь просьбой, все же обрадовался его приходу. Ему хотелось увидеть еще разок черные блестящие сапоги Кервена. Сапоги были новенькие, с высокими голенищами и очень ладно сидели на Кервене. Черная зависть тайно терзала Непеса-ага с той самой минуты, как он, придя в дом Кервена на праздник по случаю его возвращения, увидел сапоги.

Однако теперь, когда Кервен вошел в склад и Непес-ага жадными глазами уставился на ноги Кервена, он увидел вместо блестящих черных сапог старые желтые ботинки.

— Эй… А где же сапоги?! — растерянно произнес Непес-ага, даже не поздоровавшись.

Кервен понимающе улыбнулся.

— Я их смазал и прибрал подальше. Беречь буду. Но… если кто попросит поносить…

Договорились они быстро. Кервен получил взаймы до следующего урожая мешок ячменя, а Непес-ага завладел заветными сапогами.

Когда созрел урожай и Кервен принес зерно,

Непес чуть не заплакал от досады:

— Слушай, Кервен, имей совесть! Я их и поносить-то не успел. Раза два всего надевал…

— Ну ладно, поноси еще немного, — великодушно сказал Кервен. — Мне они только к празднику Победы понадобятся…

На радостях Непес съездил в город, отдал там три красных бумажки сапожнику — за скрипучую стельку, и сапоги стали скрипеть на весь аул, привлекая всеобщее внимание. Теперь Непес носил их, не снимая. Дни складывались в месяцы, Кервен молчал, а Непес не мог расстаться с чужими сапогами.

Но вот пришел и День Победы. В колхозе устроили праздник. На южной окраине аула, у подножия холма Актепе, поставили пять казанов и наварили каши. Закололи и зажарили теленка. Люди веселились и плакали. Такой это был праздник — счастье и горе переплелись в нем неразрывно. Непес-ага в своих черных сапогах летал, как на крыльях. От одного казана к другому, от одного стола к другому, всюду успевал, за всем следил, распоряжался, раздавал мальчишкам разные поручения. И все время прислушивался к скрипу сапог… И только на одно мгновение исчезло ощущение радости, когда взгляд его упал на драные

желтые ботинки, в которых был Кервен. Однако совесть недолго мучила Непеса, он тут же и забыл о Кервене и, сказать по правде, старался пореже вспоминать о нем, точнее о том, что носит его сапоги. И только теперь, сорок лет спустя, вдруг заговорила совесть, и перед глазами Непеса все время стояли драные желтые ботинки, стояли так явственно, что он, словно в картину художника, мог вглядываться в детали, — глубокие черные бороздки, мелкой сетью покрывшие всю поверхность ботинок, небольшая дыра, откуда торчал мизинец Кервена…

«Интересно, что думал Кервен, прошедший войну, когда видел свои армейские сапоги на ногах человека, который не бывал на фронте?» — время от времени спрашивал себя Непес-ага.

На кладбище, у свежего холмика, перед тем как все-м разойтись, аксакал с седой бородкой возглавлявший похоронную процессию, торжественно проговорил:

— Люди, наступила минута последней расплаты с усопшим. Если кто-то был должен Кервену или наоборот, пусть скажет. Пусть не останется на сердце ни у кого тайного недовольства. И пусть никто не проявит малодушия в эту минуту. Говорите, люди!

После небольшой паузы он повторил свое обращение еще более громко, чтобы его расслышали все собравшиеся.

Всегда на похоронах, у могилы звучат такие слова. Считалось, что это слова покойного, как бы его последняя прощальная просьба, которую сам он уже не может произнести. И поэтому каждый сейчас честно пытался вспомнить свою вину перед Кервеном или обиду на него.

Наконец какой-то дряхлый старик прошамкал:

— После войны, кхе-кхе, Кервен взял у меня топор, а вернул его со сломанным топорищем. Я тогда был недоволен, кхе-кхе. А теперь прощаю покойному.

Никто не удивился, никто не подумал о мелочности старика. Ведь если сейчас, спустя сорок лет, он вспомнил о сломанном топорище, то, значит, обида его была очень глубокой, и следовало от этой обиды избавиться, то есть сказать о ней и забыть навсегда.

Седобородый повернулся к старику:

— Повтори трижды свое прощение.

— Прощаю! Прощаю! Прощаю! Кхе-кхе… — И старик закашлялся.

Седобородый вновь обратился к людям:

— Слыхали?

— Слыхали.

— Хорошо. Кто еще?

Хаджи-кор поднял руку:

— Я должен покойному. Как-то на базаре, когда мне не хватило денег, я встретил Кервена и взял у него взаймы, а потом забыл, и вот только сейчас вспомнил.

— Велика ли сумма?

— Тридцать рублей.

— Старыми, новыми?

— Старыми.

— Сегодня вечером принесешь три рубля в дом покойного.

— Обязательно принесу, обязательно.

Брат Кервена Аман вышел вперед:

— От имени старшего брата я прощаю Хаджи-кору эти три рубля.

— Повтори три раза.

— Прощаю! Прощаю! Прощаю!

— Все слышали?

— Все.

— Хорошо. Кто еще?

Непес-ага понимал, что настал его черед, но не мог выдавить из себя ни слова. Провинность его была так велика, что никто из стоящих здесь не снял бы ее, а человека, который хоть как-то мог

помочь ему, только что засыпали землей. Так какой толк, казалось Непесу-ага, рассказывать людям о своей беде? Не облегчит этот рассказ его душу, не найти уже ей успокоения вовеки.

Между тем обряд погребения завершился, и толпа, словно остатки потерпевшего поражение войска, понуро побрела к воротам кладбища, где стояли машины и автобус.

Непес-ага шел рядом с родственниками Кервена. Он не поднимал глаз, а потому видел только ноги — и везде сапоги: справа, слева, впереди, — глаза сами выискивали сапоги, и, казалось, что другой обуви просто не существует на свете. У него даже голова закружилась, и когда они дошли до ворот и Аман взял его за руку, чтобы подвести к машине, Непес-ага, покачнувшись, едва не упал. Аман встревожился и крепко сжал его руку, чтобы поддержать старика, а Непесу-ага почудился упрек в его глазах, хотя было совершенно ясно, что Аман ничего не может знать.

«На воре шапка горит», — подумал Непес-ага, садясь в машину, и горестно покачал головой. Он почувствовал, что вина его как бы удвоилась, и понял, почему он промолчал на кладбище. «Так это, наверное, мне а наказание, — вдруг догадался Непес-ага, — это аллах устроил, чтобы у меня в

нужную минуту язык отнялся и до конца дней моих я мучился бы раскаянием. Вот и расплата…»

Особых забот у Непеса-ага не было. Так, обычные домашние и садовые дела, их все равно не переделаешь, поэтому ничто не мешало бы ему провести в доме Кервена все три дня поминок. Тем более, что ему пришлось взять на себя роль хозяина, ведь Аман уже много лет не жил в селе и был здесь гостем. Непес-ага встречал людей, усаживал за стол, угошал.

Но еще не наступил вечер, еще не успели разойтись соседи и родственники, как Непес-ага поднялся, чтобы уйти. Аман удивился, но ничего не сказал. «Старый человек, — подумал он, — мало ли что, может, устал, может, дела какие…»

Но дел у Непеса-ага не было, и, придя домой, он сразу же лёг. Он устал от мыслей, противоречивых чувств, переживаний и старался ни о чем не думать. Просто лежал и ждал, как возмездия, ночного кошмара с сапогами. Он знал, что виноват, он вынес себе приговор и теперь ждал справедливого наказания. Но сои не приходил. Непесу-ага казалось, что и ночь издевается над ним, беспредельно растягиваясь во времени и не принося с собою ни кары, ни облегчения.

Уже на рассвете он забылся на несколько ми-

нут, а когда очнулся, сразу вспомнил, что Кервен умер: «Уже сутки как нет Кервена», — сказал себе Непес-ага, и страшная тяжесть снова навалилась на него.

Торопясь, он оделся и вышел на улицу, словно убегая от этой тяжести, но она крепко сидела в нем, и когда Непес-ага подошел к дому соседа, он понял, что стоит только войти, как эта тяжесть задушит его.

И повернув от самого порога, он направился к автобусной остановке. Все последнее время Непеса-ага тянуло в город, и сейчас он, не раздумывая, решил туда ехать. Вообще-то город он не уважал. Многоэтажные дома, скопление машин, уличный шум пугали и отталкивали его. Но свой районный центр — маленький, тихий поселок городского типа — Непес-ага любил. А самым желанным для него местом в городе была чайхана, построенная возле базара, у арыка. В этой чайхане подавали настоящий зеленый чай, ароматный и вкусный. Стоял там просторный топчан, где можно было удобно устроиться, поставить перед собой большой чайник и сразу включиться в разговор, который велся, не прерываясь, с утра до вечера. Удивительный мир чайханы притягивал к себе самых разных посетителей, и разговоры велись

самые разные. Здесь можно было узнать что угодно: о событиях в Индии и арабских странах, о редком блюде, поданном на обед президенту США, и последнем путешествии английской королевы… Конечно, не всему следовало верить, но ведь не в этом суть. Главное, что за пиалой зеленого чая гости становятся по-особенному разговорчивы.

Народу на остановке было мало. Непес-ага поджидал автобус чуть поодаль, на случай, если встретится кто из знакомых. Знакомый, конечно же, встретился и спросил:

— Что. Нспсс-ага, в город едешь?

И Непес-ага надолго задумался: «Здесь все едут в город, и спрашивать нечего. Почему же он именно ко мне обратится? Может, намекает, что не прошло еще трех дней, как умер Кервен, а я уже в город еду? Осуждает?»

Всю дорогу мучился Непес-ага, по так и не додумался до простой истины, что этот необязательный, заданный из вежливости, вопрос не имел никакого подтекста.

В чайхану можно было попасть, только минуя базар. Непес-ага шел по дорожке между торговыми рядами и удивлялся: «Кажется, я тысячу лет здесь не был, а базар ничуть не изменился. Ко-

нечно, и продавцы, и покупатели другие, а базар все тот же. Так и наш мир: каждый день умирают люди, рождаются новые, все кругом меняется, а мир остается прежним».

Непес-ага вошел в чайхану. Там уютно дымился самовар, за которым — благодарение аллаху! — стоял сам Рамазан-чайханщик. Могла бы стоять его жена, а она не выливает старую заварку — обычная женская скаредность. «Даже на чае экономят, чего хорошего от них можно ждать», — зло подумал Непес-ага, и от этой мысли его воодушевление по поводу личного присутствия Рамазана даже несколько поубавилось. А тут еще в чайхане появился юноша в блестящих черных сапогах и уверенно прошел прямо к самовару. И пока он шел, сапоги скрипели так сильно, что заглушили собою все остальные звуки, даже гул базара… Непес-ага нахмурился, настроение у него совсем испортилось. «До чего же противный скрип! Наверное, новые», — и он стал рассматривать сапоги, пытаясь отвлечь себя от мыслей, но образ Кервена уже явственно вставал перед ним…

До полудня, до той поры, когда чай пьется с особым удовольствием, было еще далеко, тем не менее в чайхане уже сидели посетители. Их

было двое. Один, по кличке «Чокнутый», мирно дремал, и так и будет дремать до самого вечера, пока Рамазан его не выставит. Второй, смуглый крепкий старик лет семидесяти, спокойно потягивал чай, внимательно наблюдая за всем вокруг. Его прозвали «Командиром» за властность, проступавшую во всем его облике, ясно видимую в движениях, взгляде, голосе. Он, так же как и «Чокнутый», постоянно сидел в чайхане, но в отличие от робкого, тихого приятеля имел большое пристрастие к скандалам. Он то и дело затевал их, и, невзирая на преклонный возраст, не принесший ему мудрости, получал от этого, видимо, истинную радость. Иногда он мог намеренно сесть на чужую шапку, только чтобы вызвать чье-то недовольство, заварить ссору, сумятицу. Он называл себя пенсионером, хотя никогда в жизни не работал.

Поглядев на эту парочку, Непес-ага не ощутил в себе обычного к ним презрения и удивился, когда понял, что вместо презрения испытывает зависть. «С радостью я стал бы кем-нибудь из них, — подумал Непес-ага, — ни забот, ни тревог, ни мучений…»

Тут в чайхану вошел еще один постоянный посетитель по прозвищу «Паровоз», известный в

этих краях пьяница. Прозвище свое он получил за «номер», который любил показывать, пытаясь всех рассмешить, чего ему никогда не удавалось. Приставив к иосу и подбородку указательные пальцы, он начинал раскачиваться и пыхтеть, изображая паровоз. Ему казалось это очень смешным, хотя на самом деле трудно было вообразить себе более жалкое зрелище. От постоянного пьянства он стал почти совсем слабоумным, превратившись в омерзительное существо с мутным блуждающим взглядом.

Он и сейчас был навеселе. Пошатываясь, прошел к Рамазану и, виновато опустив голову, протянул руку ладонью вверх.

«Аллах всемогущий, — ужаснулся Непес-ага, — попрошайничает! Совсем стыд потерял! Шел бы работать, бугай здоровый! Помрет он, что ли, если с утра пораньше не выпьет этой отравы? И как только она ему в глотку лезет? Уж пил бы, по крайней мере, на заработанные деньги, а не побирался!»

Между тем «Паровоз» все стоял с протянутой рукой, а чайханщик не обращал на него ни малейшего внимания.

— Паровоз, а Паровоз, иди сюда, — позвал его Командир.

Паровоз встрепенулся и радостно кинулся на голос.

— Тебе чего надо? — хитро сощурясь, спросил Командир, и Непес-ага понял: он что-то замышляет.

— Сто грамм, всего сто грамм, — заскулил Паровоз, — а можно и пива, пиво тоже подойдет.

Командир молчал, и Паровоз засуетился:

— Подожди, я тебя сейчас развеселю, вот смотри…

— Не надо, — величественным жестом остановил его Командир. — Слушай. Ставлю тебе хоть двести грамм, если ты… — он помедлил, Паровоз не выдержал паузы, судорожно вцепился в руку Командира и просипел:

— Говори скорее, говори, все сделаю!

Командир вырвал руку и продолжил:

— Если ты исхитришься поцеловать вон ту красотку, — и он указал на молодую, симпатичную торговку, которая расположилась со своим виноградом у самой чайханы.

— Тьфу, пара пустяков, — воскликнул Паровоз, воодушевленный легкостью задания, и снова протянул руку.

— Ну нет, — возразил Командир, — сначала дело.

Но Паровоз заартачился:

— Не пойдет. Для такого дела сначала надо принять!

— Я не обману, клянусь аллахом…

«Хоть бы аллаха не трогал! Совсем человеческий облик потерял», — с отвращением подумал Непес-ага.

— Ну хорошо, — после долгих препирательств согласился Командир. — Вот тебе деньги, и давай исполняй. А примешь потом.

Паровоз схватил деньги и затрясся от волнения. Он долго шарил по одежде, выискивая, куда бы получше их спрятать, а Командир, сгорая от нетерпения, подталкивал его к выходу, пока, наконец, не вытолкнул наружу, а сам остался в чайхане, за дверью, наблюдая и недобро ухмыляясь.

— Да что же это делается, люди… — пробормотал Непес-ага, который только сейчас осознал, что все это не просто болтовня. Он вскочил, намереваясь помешать пьянице, но не успел. Паровоз был уже у лотка с виноградом.

Торговля шла бойко. Молодая женщина весело сновала между ящиками и не видела, как подошел Паровоз, и, конечно, не поняла, что тот собирается делать, когда пьянчуга кинулся

к ней и мазнул своими слюнявыми губами по ее свежей смугло-розовой щеке. Не встретив отпора, ошалев, Паровоз, уже плохо соображая, что делает, вцепился в продавщицу. Только тут она опомнилась, н, мгновенно схватив с весов гирю, замахнулась ею. Но, увидев, что перед нею не кто иной, как Паровоз, она тут же опустила гирю и на лице ее возникла смесь жалости и отвращения. Скомкав край белого фартука и принявшись тереть им щеку, женщина заплакала в голос, как плачут маленькие обиженные дети. Паровоз ухмыльнулся, поглядел на Командира и загоготал. А Командир стремительно пронесся мимо Непеса-ага, выскочил в дверь и буквально накинулся на Паровоза: оба они повалились наземь и закопошились, как два огромных жука.

Непес-ага зажмурился и потряс головой, а когда открыл глаза, увидел, что новые черные сапоги, те самые, которые он рассматривал несколько минут назад, теперь мелькают возле Командира с Паровозом. Сапоги как бы танцевали в бешеном темпе. Непес-ага даже не мог уследить за ними. Вглядываясь в этот черный вихрь, он понял, что сапоги пляшут не беспорядочно; пинками они сталкивают двух негодяев в арык. Командир первым свалился в воду, на миг пропал, выныр-

нул, постоял, приходя в себя — вода была ему по горло, — и стал выбираться на другой берег. Паровоз какое-то время ползал у воды и вопил от страха, но сапоги спихнули и его, постояли, как бы убеждаясь в том, что Паровоз вынырнул, и быстро удалились от чайханы.

Непес-ага зачарованно смотрел на сапоги, пока они не скрылись из виду, потом устроился поудобнее, взял в руки пиалу, и… снова мучительная тоска навалилась на него, и он пожалел о том, что приехал сюда, пришел в чайхану. Он надеялся забыть хоть на какое-то время свою беду, а не получилось. Непес-ага поставил пиалу, не отпив ни глотка, тяжело поднялся и медленно побрел прочь от чайханы.

Он шел, опустив голову, стараясь смотреть прямо перед собой, чтобы не видеть ничего, кроме дороги. И все равно видел: вот пошли сапоги, а вон еще одни; и обогнали сапоги, и впереди сапоги. Но что было страшнее всего, — все сапоги будто просвечивали, и через голенища мерещились худые желтые ноги в черных носках… Непес-ага подумал, что так недолго и с ума сойти.

Усилием воли он сосредоточил свой взгляд на башмаках, неторопливо вышагивавших прямо перед ним. Башмаки были светло-коричневые,

потертые, на толстой подошве и уж никак не были похожи на сапоги. Непес-ага с удовольствием разглядывал их и чувствовал, что пойдет за ними хоть на край света, лишь бы подальше от этого ужаса…

Спустя какое-то время башмаки свернули с улицы в переулок, и Непес-ага сделал то же самое. Башмаки поднялись по каким-то ступенькам, и Непес-ага тоже, башмаки вошли в какое-то помещение, где пол был выложен плитками блестящего кафеля, и Непес-ага последовал за ними. И вдруг башмаки пропали. То есть не то чтобы пропали, а просто вокруг стало много-много самых разных башмаков, и те, прежние, затерялись среди них. Непес-ага остановился в замешательстве, и тут в нос ему ударил острый запах кожи и резины, он поднял голову и обнаружил себя в обувном магазине. Во всю стену, от пола до потолка, стояла самая разная обувь: пинетки, детские сандалики, женские туфли, мужские ботинки, огромные болотные сапоги… А вот и они, хорошо знакомые — черные, блестящие, с высокими голенищами… Непес-ага повернулся и кинулся к выходу, чуть не сбив кого-то с ног. На улице он перевел дух и, стараясь не глядеть по сторонам, решительно направился к автобусной

остановке.

Но и дома было не лучше. Непес-ага метался по комнате, словно ему не хватало воздуха. Что-то случилось с миром — он стал тесным и душным. «Ну стоит ли так терзаться из-за пары сапог? — в который уже раз спрашивал себя Непес-ага, тщетно пытаясь успокоить свою совесть. — Они и стоят-то не больше двадцати рублей. Это так. Но дело не в деньгах, совсем в другом. А в чем? В чем?» — на этот вопрос он не мог ответить.

По двум комнатам и коридору Непес-ага ходил взад-вперед, как в клетке. Надо было чем-то заняться. Но дела не находилось. На полу лежал чистый ковер без единой соринки, на диване аккуратно стояли симметричные горки ярко расписанных подушек, в зеркальном шкафу каждая вещь была на своем месте, и взгляд скользил по полкам, ни на чем не останавливаясь. Даже печь была уже вычищена после зимы. Непес-ага с ненавистью, как на предательницу, посмотрел на печь и увидел на ней коробок спичек. Он взял этот коробок, раскрыл его и разбросал спички по всей комнате.

— Вот и дело нашлось, — удовлетворенно сказал себе Непес-ага и стал собирать с пола спички, складывая их в пустой коробок. Но на-

клонившись несколько раз, он почувствовал, что дыхание у него сбилось, в голове стучит, в глазах темнеет, а в спине появилась тупая боль. Тогда он встал на колени и так, ползая, собрал все спички. Поднялся, положил коробок на телевизор и огляделся. Делать было опять нечего. «И ведь никто не придет, — с досадой подумал Непес-ага. — Повымерли они все, что ли? — Он прислушался, в селе стояла тишина. — Ну пусть бы Хаджи-кор пришел. Так ведь нет! Когда не надо — он тут, а теперь куда-то запропастился. А может, включить телевизор? А что люди скажут? Что я праздную смерть Кервена? Или что не горюю? Хотя кто увидит?»

Он постоял еще немного в сомнении, но воспоминания и мысли о давнем поступке так замучили его и так хотелось отвлечься, скинуть с себя этот кошмар, что Непес-ага, наконец, решился… Он запер входную дверь, затворил окна, задернул шторы, и, почти совсем убрав звук, включил телевизор.

На экране появился новый столичный ипподром «Неужели скачки?» — замер Непес-ага. Скачки были его любимым зрелищем. Он и телевизор-то купил, когда ему стало тяжело ездить на бега. И был очень доволен хотя в глубине души

немного обижался на изобретателей телевизора — как же так, ты все видишь и слышишь, а тебя никто не видит и не слышит, есть в этом несправедливость какая-то.

Ипподром шумел, двигался, волновался, но бега еще не начинались. Непес-ага уселся поудобнее, он почти совсем отрешился от той тяжелой внутренней работы, что шла у него в душе последние дни.

Голос за кадром объявил о начале скачек. Стали показывать лошадей. Первая была очень Красивой. Она в нетерпении переступала ногами, а всадник ласково похлопывал ее ладонью, успокаивая. Непес-ага представил, как она сейчас вихрем помчится вперед, и настроение у него поднялось. «Эта лошадь стоит всех остальных», — восхищенно подумал он. Телевизионная камера показала крупным планом голову лошади, гриву, затем наездника и поползла вниз: седло, руки с поводьями, стремена и… высокие черные сапоги. Непес-ага рванул провод от телевизора, и сапоги на экране растаяли, словно комочек снега в теплой воде.

Что делать дальше, он не знал. Мир опять сузился до размеров клетки, и Непес-ага распахнул входную дверь, вышел на крыльцо и глубоко

вдохнул горьковатый воздух, настоянный на терпких, вечерних ароматах сада. Но Непес-ага, всегда особенно любивший эту предзакатную пору, сейчас ничего не чуял.

Черные сапоги преследовали старика, и, стараясь освободиться от этого навязчивого видения, он заставил себя смотреть в сад, разглядывать деревья и виноградники, и тут взгляд его упал на остро отточенный серп, забытый под тутовником. Он вспомнил, как неделю назад приходил мастер из горного аула и наточил ему ножи и серп. Непес-ага сидел тогда рядом, смотрел, как разлетаются в разные стороны редкие снопы быстро гаснущих искр, и вел неторопливый разговор о жизни. После работы Непес-ага выставил на стол угощение, а мастер достал бутылку водки, и они долго сидели за столом, тихо беседуя, а за окном в темной ночи один за одним гасли огни аула.

Мастер не допил тогда водку и наутро, отправляясь домой, не взял с собой початую бутылку, хотя Непес-ага уговаривал его забрать водку — на что она ему, старому, давно не пьющему человеку!

Вспомнив про спрятанную в тумбочке бутылку, Непес-ага обрадовался. Вот что ему поможет. Вот что принесет забвение. Какое счастье, что

мастер оставил тогда водку. Ведь не пойдешь в магазин за бутылкой и у соседей не попросишь — что люди подумают? Что старик с ума сошел? Он давно уже слыл на селе одним из старейших, самых почитаемых аксакалов, которые не пьют и не курят и других невольно удерживают от этого своим примером. На любом празднике люди стеснялись лить, если рядом сидел Непес-ага, а самые заядлые курильщики, едва завидев его, тушили свои папироски…

И когда Непес-ага достал из тумбочки бутылку и налил в пиалушку водки, ему вдруг стало стыдно. Он попытался и не мог припомнить, когда пил водку в последний раз. Он даже забыл, как она пахнет, и резкий неприятный запах вызвал в нем отвращение. Но страстно желая душевного покоя, Непес-ага схватил пиалушку и поспешно глотнул из нее.

Это была ужасная гадость, и Непес-ага, сморщившись, скорежив лицо, взял кисть винограда и съел самую крупную ягоду, но вкуса ее не почувствовал. Он торопливо стал есть ягоды одну за другой, пока вкус винограда не вернулся к нему. «Раньше водка была намного слабее, — подумал Непес-ага. — Интересно, как люди пьют ее? Как она может нравиться, такая мерзость?..»

Ему стало душно, он раздвинул шторы. Светлый невесомый сумрак струился за окном, и почти прозрачная голубоватая луна дрожала на потемневшем небе.

— Холодно, небось, там, на высоте. Да и в земле не теплее… — сказал Непес-ага и с ужасом понял, что пьян.

Стараясь прийти в себя, он стал есть виноград и залюбовался кистью с крупными ягодами. «Такого винограда нигде больше нет! — гордо подумал старик. — А неужели правда, что водку делают из винограда? — мысли его неторопливо текли куда попало. — Разве можно из такой сладкой ягоды делать такую горечь? Хотя… Люди способны на все. Да это и легко, наверное, из сладкого сделать горькое. Ты вот из горького сделай сладкое. Вот это достижение! Попробуй-ка сделай! — и он погрозил кому-то пальцем. — А вообще-то вранье это все. Нет винограда в водке. Не может быть. Из змеиного яда ее делают, вот из чего», — и чтобы удостовериться в своей догадке, он еще немного хлебнул из пиалушки.

Мысль о змеином яде привела его к воспоминаниям о детстве — он вспомнил, как мальчиком боялся змей. Потом вспомнил свое село в те годы, и вдруг в ушах у него зазвучала давно забытая

песня тех лет:

Смотри-ка, вместо падали жрет плоды шакал,

А все богатство народ царю отдал.

В дом богача-злодея отдали дочь-красавицу,

Сверкает золотом наряд — чего теперь печалиться?

«Те, кто жил до нас, — подумал Непес-ага, — не были довольны своей жизнью. И я недоволен. А может, и вообще нет довольных?»

Настроение у него опять испортилось. Он уже раскаивался в своей затее с водкой. Беспокойство наваливалось на него: «А что если кто-нибудь придет? После ужина вполне вероятно...»

Он быстро убрал бутылку и пиалушку в тумбочку. «Ну, теперь врасплох не застанут. А вдруг заметно, что я пьяный? Наверное, заметно. Надо дверь закрыть».

Он вышел на крыльцо и обомлел. По борозде, разделяющей его участок с соседним, шел Хаджи-кор. «Всегда он появляется не вовремя. А иначе он бы не был Хаджи-кором». Непес-ага приготовился к встрече. Он расставил ноги пошире и взялся за ручку двери, чтобы крепко стоять, не шатаясь.

Но встречи не произошло. Хаджи-кор миновал его участок и пошел дальше, к южной окраине села, не повернув даже головы в его сторону. Непес-ага удивился. Либо Хаджи-кор его не заметил, либо был чем-то сильно озабочен. Непес-ага ещё продолжал недоумевать, когда в конце улицы показался неясный силуэт. Вглядевшись, Непес-ага узнал пастуха. Спустя минуту он увидел корову, понуро бредущую за пастухом. Вспомнив, как озирался Хаджи-кор, Непес-ага все понял. Корова у того была непослушной и своевольной, убегала, топтала чужие огороды и приносила Хаджи-кору много неприятностей.

Поравнявшись с крыльцом, пастух произнес: «Ба-ба!» и взмахнул палкой. Он был глухонемым, и по-другому здороваться не умел.

— Здравствуй, здравствуй, сынок, — ласково сказал Непес-ага и, обратившись к корове, крикнул:

— Чтоб твой хозяин пропал! Беспокоишь хорошего человека! — Но тут же, опустив голову, пробормотал про себя: — Чего это я? Хаджи-кор не виноват, что у коровы такой характер.

Пастух тем временем приостановился, а корова вдруг сорвалась и побежала. Пастух развел руками.

— Ба-ба! — и побежал за ней.

— Понял, понял, сынок. Такая у тебя жизнь — бегать за коровами. Что тут поделаешь? Но сейчас она как надо сделала, спасла мою честь. Ты ведь мог подойди ко мне… И почувствовал бы, что я…

Непес-ага долго смотрел по сторонам, как бы поджидая еще кого-то, но аул словно вымер, и Непес-ага вдруг понял, что ему нужно сделать. Из его сердца рвались слова, не сказанные им на кладбище в священную минуту прощания с умершим. И он решил пойти на кладбище и произнести эти слова. Он понял, что сделать это надо немедленно, не откладывая ни на минуту, чтобы скорее освободилась душа от мучительной тяжести.

Он вышел на улицу. Где-то плакал ребенок, на краю села лаяла собака. Мирные вечерние звуки успокоили его, охладили возбуждение, наполнили сердце покоем. Даже сердитый крик женщины, донесшийся с соседней улицы, не нарушил состояния умиротворения, а лишь дополнил картину безмятежного сельского вечера.

Непес-ага медленно прошел Годжук, ступил за околицу, тишина окружила его, и только хриплое дыхание Непеса-ага да шорох шагов звучали в природе.

Далеко впереди серые сумерки сгустились в два черных пятна, и по очертаниям Непес-ага догадался, что это были пастух и корова Хаджикора. «Бедняга! — подумал он о пастухе. — Когда он теперь домой попадет? И отдохнуть-то до утра не успеет. А люди еще завидуют ему, вернее, его деньгам — по пять рублей за корову. Да мне хоть по двадцать дай, я не пойду в пастухи. Одна эта корова чего стоит!»

Погрузившись в свои мысли, Непес-ага и не заметил, как добрел до кладбища. Там было пустынно и тихо. Ни одна ветка не шевелилась в тальнике, окружавшем кладбище, и оттого кусты казались безжизненной декорацией. Впечатление театральности усиливало сухое туговое дерево, не сохранившее даже веток, оно словно в вечном почетном карауле стояло у входа.

Представшая картина, исполненная простоты и величия, вызвала в старике чувство торжественной печали. Он смотрел на большие серые камни, на спокойный беспорядок могил, и душа его поднималась высоко, и казалось — нет этой высоте предела.

Но тут раздался страшный треск, хруст, громкое мычание, гортанные, бессловесные выкрики. Непес-ага едва успел спрятаться за ствол мощного, в

четыре обхвата, тутовника, как мимо пронесясь корова и за ней пастух со своей кривой палкой.

Прислонившись к дереву, Непес-ага отер рукавом лоб и чуть не вскрикнул: рукав, да и всю одежду облепили муравьи. Не заметив, он встал в муравейник, расположившийся у подножия мертвого дерева. Он стал стряхивать с себя муравьев, и вспомнилась ему древняя легенда о том, как однажды к богу пришли муравьи и пожаловались: мы такие маленькие, а люди такие огромные, они топчут нас, даже не замечая этого. Бог подумал и ответил: «А вы спите днем, а гуляйте ночью, когда люди спят».

— Но некоторые вот не спят, некоторые бродят по ночам. — сказал Непес-ага, обращаясь к муравьям. — Вы уж извините.

Он стряхнул с себя последнего муравья и направился к могиле Кервена. На туркменском кладбище могильные холмики расположены в беспорядке, но это на посторонний взгляд, туркмен же без труда находит нужную могилу.

Подойдя к свежему земляному возвышению, Непес-ага поздоровался и присел рядом.

Воздух заметно потемнел, стал почти фиолетовым, и в самой его глубине, где-то высоко над землей, ломкими стрелами поблескивали пер-

вые звезды.

За кустами тальника послышались легкие шаги, и показался пастух, он устало брел, опираясь на палку и ведя за собой корову.

Непес-ага только сейчас заметил, что пастух в сапогах, и сразу вспомнил, зачем сюда пришел. «А может, напрасно я это затеял? — засомневался Непес-ага. — Не поздно ли?»

— …Поздно, — вдруг услышал он тихий голос. — Ты поступил малодушно, Непес, — в минуту последнего прощания не смог сказать правду. А ты ведь знаешь, что открыть душу в эту минуту — священный долг каждого. Потому что мертвые все слышат, ты сам потом убедишься. Я сорок лет ждал, что ты вспомнишь про сапоги, я ждал этого, уже умерев. Но так и не дождался. А вот теперь ты пришел. Но теперь мои уши не слышат тебя. Поздно, Непес, слишком поздно…

Из густых зарослей кустарника с шумом взлетела ворона, и громкое хлопанье ее крыльев перебило мысли Непеса-ага. Он поднялся с земли и потерянно прошептал:

— Значит, поздно…

Вокруг безмолвно стояли могильные холмики. «А ведь это неведомые миры лежат, — подумал Непес-ага. — Каждый человек унес с собой целый

мир. А здесь все равны — кто воду таскал, а кто кувшины разбивал. Здесь это все равно. А там, в жизни, совсем не все равно — кувшины бить или воду таскать. А может быть, и здесь не все равно? Вот умру я, и похоронят меня рядом с Кервеном, тут как раз место для одной могилы есть, и как я буду лежать с ним бок о бок, я, вечный его должник?»

— Ну должен же быть какой-то выход! — громко, в отчаянии сказал Непес-ага и вспомнил о младшем брате Кервена.

…Слава аллаху, он пока жив и здоров. И я ему все скажу. Да и жена Кервена еще в полном здравии, с ней тоже можно поговорить, — он приободрился, но тут же снова задумался. Медленно склонился к могиле, взял кусок сухой глины и растер ее пальцами. Глядя, как глина быстро превращается в пыль, он скорбно повторил:

— Значит, поздно…

Прогулка в холодной осенней ночи не прошла Непесу-ага даром: он простудился и утром не смог встать с постели. Он лежал и проклинал свою болезнь, лишившую его сил и возможности пойти к Аману.

Аман работал бригадиром на новых землях колхоза, за сто километров от села. Он увез туда

свою семью и редко приезжал в Годжук. Шел уже третий день поминок, вечером Аман должен был уехать.

Погоревав какое-то время, Непес-ага успокоился, решив, что известие о его болезни дойдет до Амана и он перед отъездом, наверняка, навестит старого человека. И Непес-ага стал ждать. «Я ему скажу так, — начал он мысленно репетировать свою речь. — Аман, здравствуй, дорогой! Хорошо, что ты пришел. Присядь на минуточку...» И он присядет. Потом я ему скажу: «Мы с твоим братом Кервеном ровесники и всегда были друзьями. Но что поделаешь, кто пришел на этот свет, должен когда-то и уйти. Вот Кервен и ушел. Теперь моя очередь. И, наверное, уже скоро, а потому ты послушай меня внимательно...» И Аман будет слушать. Он родной брат Кервену, и все, что касается Кервена, в той же мере касается и его. И если он простит, значит, простил бы и Кервен..."

Но к вечеру вместо Амана пришла Чепер, жена Кервена, с круглой доской в руках.

— А где Аман? — приподнявшись, спросил Непес-ага.

— Аман уехал, — ответила Чепер.

Непес-ага откинулся на подушки и закрыл глаза. Горькая обида захлестнула его, но он попы-

тался оправдать Амана. "Ведь Аман не знал, что его ждут. Не такой уж большой грех — не проведать занемогшего соседа. Он и так, наверное, с ног сбился с этими поминками. А может, Кервен сказал ему что-нибудь о сапогах? Может он знает? Потому и не пришел?"

Старик открыл глаза. Чепер перекладывала с доски на тарелку свежеиспеченную лепешку, и по комнате плыл запах горячего хлеба.

В доме Кервена, где жили два его сына с женами и кучей детишек, женщины каждый день пекли лепешки и непременно приносили хотя бы парочку одинокому соседу.

— Я тебя разбудила, Непес? — повернулась к нему Чепер.

— Что ты, какой там сон! Скажи, как дела? Поминки прошли? Управились?

— Управились. Вот только старший брат обиделся, что его не встретили. Как можно обижаться, когда у нас такое горе? Ну да ладно...

— Не думай об этом, Чепер. Хороший человек не станет обижаться на поминках, — тут Непес-ага вспомнил про свою обиду и смутился. Помолчав немного, сказал: — Вспомни старинную туркменскую поговорку: "Бойся не бога, а свата!". Ладно, все это пустяки. Главное, что похоронили

Кервена, как подобает, — он опять помолчал. — Я думал, Аман забежит хоть на секунду, — все-таки не утерпел Непес-ага.

— Аман — человек занятой, всегда спешит. Да он ведь и не знал, что ты приболел… Поешь-ка хлебушка тепленького. Невестки послали.

Непес-ага тяжело вздохнул: и невестки меня жалеют.

— Ну, спасибо. И тебе, и невесткам твоим. Только не хочется мне есть, Чепер.

— А ты все равно поешь. Хлеб от всех болезней лечит.

— Боюсь, что для меня лекарства уже не найдется. Чепер рассердилась:

— Не говори так, Непес. Зачем аллаха гневишь? Зачем говоришь то, в чем сам потом раскаешься?

— Что толку от раскаяния, Чепер, — вздохнул Непес-ага.

Но Чепер его не слушала.

— Нельзя прощаться с жизнью, едва голова подушки коснется, — старалась приободрить она соседа. — А насчет лекарства, так ведь даже простая вода, бывает, лечит. На, возьми, съешь хоть кусочек. Все, что проглотишь, на пользу идет.

Непес-ага шевельнулся:

— Говоришь, все, что глотается, идет на пользу?

— Конечно. Если организм это принял, во вред не пойдет, — простодушно подтвердила Чепер, не предполагая иного смысла, какой имели эти слова для соседа.

Горько усмехнувшись, он покачал головой:

— Не все, что глотаешь, приносит пользу, Чепер. Увы, я понял это слишком поздно. Потому-то я не могу теперь спать спокойно. Боюсь, что и умереть спокойно не смогу.

Чепер решила, что сосед бредит. "Видать, сильно заболел, — подумала она, — температура высокая". И она от всей души пожалела его за то, что у него нет детей, слезы даже подступили к глазам, и она отвернулась к окну.

— Не нравятся мне твои слова, Непес, — пробормотала она.

Непес-ага усмехнулся:

— Тебе не нравятся мои слова... Я сам себе не нравлюсь. — Он долго молчал, потом тихо произнес:

— Мне кажется, настало время нам с тобой попрощаться.

Чепер испугалась и заговорила нарочно совсем о другом:

— Ночи стали какие прохладные…

Непес-ага понял ее маневр и рассердился.

— Что ж ты со мной, как с ребенком? Никто не приходит в мир навечно. Вот Кервен уже ушел. Теперь и мне надо готовиться. И пока еще есть возможность, надо попрощаться. А то будет поздно.

Чепер поняла, что ей не удалось переменить тему.

— Ты прав, никто не приходит навечно, — согласилась она.

— Наверное, я прожил уже отпущенное мне, — вздохнул Непес-ага и добавил: — Если я когда-то в чем-то обидел тебя, прости.

Чепер не верила, что он умирает, но перечить не решилась.

— Ты никогда меня не обижал, — сказала она и, подумав, воскликнула: — Да найдется ли хоть один человек, кого ты обидел?! Ты и мухи-то за свою жизнь, я думаю, не тронул.

Простодушная Чепер решила, что сказала соседу приятное, а Непес-ага с горечью думал: "Как люди неискренни! Никогда не скажут правду! Отчего так? Никто не остановил меня, когда я важно вышагивал в сапогах Кервена. А ведь все знали, откуда у меня эти сапоги. Двуличие — вот в чем

кроется все зло. И Чепер ничем не отличается от других. Ведь не могла, она не знать, куда делись сапоги, привезенные мужем с фронта!"

Он пристально вгляделся в глаза соседки в несбыточной надежде увидеть ее истинное к нему отношение, но Чепер бесхитростно и участливо смотрела на него.

— Поговори со мной искренне, Чепер, — взмолился Непес-ага. — Один раз в жизни сделай это. Вместо Кервена. Только этим ты поможешь мне.

Чепер растерялась. Она знала соседа пятьдесят лет и не могла вспомнить ни одного случая, чтобы тот с кем-нибудь ссорился или говорил о ком-нибудь плохие слова. Она вспомнила его жену, которая в один прекрасный день неожиданно для всех появилась в доме соседа, а потом, в один отнюдь не прекрасный для Непеса день, так же неожиданно исчезла. Она была чужая в этих краях, ни с кем не успела, подружиться, и никто так и не узнал, что произошло у них с Непесом-ага. Сам он никогда об этом не говорил. Чепер, как и все, ничего не знала, но она знала Непеса и была уверена, что в истории с женой нет его вины.

У неё опять сжалось сердце при мысли о том, как он одинок.

— Я правду говорю, поверь мне, Непес, — с жа-

ром сказала она. — Не перечесть всех добрых дел, что видели от тебя люди. Ты никогда не делал зла. Вспомни те черные дни, когда мы умирали с голоду. Ты дал нам мешок ячменя, до самой смерти не забуду этого.

Непес-ага вздрогнул: "Вот оно, наконец-то! Но почему она прямо не говорит, все ходит вокруг да около?"

— Это зерно вы получили не совсем даром, — решился напомнить соседке Непес-ага. — Но ты не думай, и мне эта история дорого обошлась.

Чепер, казалось, не поняла его.

— Как это не даром? — возразила она. — Да в те времена дать взаймы было все равно, что даром. Ты только вспомни те годы. Все наши дети хорошо знают этот случай. Хотя, конечно, они не могут понять настоящую цену того мешка с зерном. И слава аллаху, пусть никогда не придется им понять это.

Непес-ага жадно вслушивался в каждое слово соседки, но понимал все на свой лад: "Так, даже дети знают... Значит, Кервен всю жизнь помнил про сапоги". Его бросило в жар, нечем стало дышать. Он заметался по кровати и тоскливо прошептал:

— Жаль, что Аман уехал и не зашел.

— Да приедет еще Аман. Не за тридевять земель живет, — успокаивающе сказала Чепер.

— Приехать-то приедет. Но когда? — возразил Непес-ага. — Через месяц? Так это для вас скоро. А для меня месяц все равно, что год.

Чепер снова показалось, что сосед бредит.

— Температура у тебя высокая, — сказала она. — Где же ты так простудился?

— Да не простуда у меня, — с досадой ответил Непес-ага. — И температуры никакой нет.

— У тебя самая настоящая простуда, Непес, — упрямо сказала Чепер. — Уж я-то вижу. Вечера уже прохладные, а ночью такой холод стоит…

"Может, и впрямь ночью было холодно, — подумал Непес-ага, — но что-то я не заметил. Хотя как я мог заметить, если был пьян? Спасибо аллаху, что мне, кроме пастуха, никто не встретился…"

— Я принесу тебе лапши с перцем, — говорила меж тем Чепер. — Поешь на ночь и утром встанешь здоровым…

Непес-ага пристально посмотрел на нее. Он почти не сомневался, что она знает о сапогах. "Но почему не хочет говорить? — недоумевал он. — Считает, что давно прошедшее не стоит вспоминать? В то голодное, нищее время новые сапоги были настоящим богатством, хозяйка не

могла не заметить их исчезновения. А может, мне не ждать приезда Амана? Поговорить с Чепер? Она — хозяйка, она — жена Кервена. Говорят, жена — самый близкий человек, ближе брата. От жены тайн нету. Кервен мог ничего не сказать Аману, но жене наверняка говорил".

Непес-ага набрался решимости и спросил:

— Кервен говорил тебе что-нибудь, Чепер?.

Она не поняла вопроса:

— О чем? Когда?

— Я почему спрашиваю: человек перед смертью многое вспоминает. Обычно наказывает близким, чтобы они выполнили то-то и то-то. И даже раскрывает тайны, которые всю жизнь хранил. А ты Кервену самый близкий человек. Жена.

Чепер задумалась, взгляд ее стал печальным. Она опустила голову и тихо произнесла:

— Хорошо, что ты напомнил, Непес. Буквально за день до смерти Кервен говорил мне…

— Что? — крикнул Непес-ага, и Чепер вздрогнула.

— О халате и сапогах…

Непес-ага приподнялся. Сердце у него колотилось. "Я так и знал. Я так и знал. Ну, конечно, он не забыл. Разве забудешь такое? Но халат при чем?"

— С сапогами ясно, — трясясь, как в лихорадке,

пробормотал Непес-ага, — а о каком халате ты говоришь? Что за халат?

"Совсем спятил, — подумала Чепер. — Про сапоги понятно, а про халат нет. Или он в горячке и ничего не соображает?" Но вслух принялась объяснять:

— За день до смерти он увидел сапоги в углу, у кровати, и сказал: "Чепер, вон те сапоги отдай Хатаму-ага". Потом долго молчал, я думала, он уснул, а он вдруг добавил: "И халат отдай. Тот, новый". Он его раза два надевал, и мы его так и называли — "новый".

— И больше ничего не сказал? — растерянно спросил Непес-ага.

— Больше ничего. Я тогда засмеялась и спросила: "Чего это ты надумал свои вещи Хатаму отдать? Может во сне что приснилось?" А он улыбнулся и говорит: "Да что-то вспомнил о нем, и жалко его стало". Конечно, я понимала, что он умирает и что никакая одежда ему уже не нужна, и он сам это понимал, — она тихо заплакала. — Но мы оба делали вид, что ничего страшного не происходит, пытались друг друга обмануть. Что же делать? Мы не властны в своей судьбе...

— А меня он не вспоминал? — спросил Непес-ага.

— О тебе он ничего не говорил. Зачем бы он стал что-то передавать через меня, если ты сам к нему каждый день заходил? — она помолчала, видимо, вспоминая, и твердо сказала: — Нет, нет, мне он только про Хатама говорил.

Хатам-ага был самым старым человеком в ауле Год-жук. И в молодости он был необщительным, неуживчивым, а с годами характер у него и вовсе испортился, он стал совсем упрямым, своенравным, замкнутым. Рассорился со всеми своими детьми и внуками, отделился от них и жил один, не принимая от родных никакой помощи. Люди, жалея его, носили ему одежду, еду, помогали, как могли. Со временем это стало привычным, и Хатам-ага превратился в нечто вроде старьевщика. Жители села несли к нему в дом всю лишнюю, ненужную одежду.

Непес-ага любил старика-нелюдима и частенько заходил к нему посидеть. Пожалуй, он был единственным на селе человеком, чье общество Хатам-ага мог вынести.

— Ты сложи вещи в узелок. Как только мне станет полегче, я отнесу их, — предложил Непес-ага.

— Хорошо, если б ты это сделал, — обрадовалась Непер. — А то я боюсь его.

— Ладно, ладно, сделаю. — Непес-ага закрыл

глаза и глубоко вздохнул: — Значит, Кервен ничего больше не говорил…

Чепер вдруг рассердилась:

— Да что он должен был сказать, Непес? О чем ты спрашиваешь? Скажи прямо. Чего ты хочешь от меня?

Непес-ага молчал. Он запутался. Он уже ничего не понимал. Наверное, все-таки лучше поговорить с Аманом, не женское это дело — такие вопросы решать. А может, сказать ей? Другого такого случая не представится. И он решился:

— Чепер, я про сапоги… Те, что за мешок зерна… Ну, помнишь? Об этом Кервен тебе говорил?

Чепер с недоумением смотрела на него.

— О сапогах говорил, а о тебе нет. — Чепер тщетно силилась понять его. — Хатама вспоминал, тебя — нет… Погоди, — вдруг вскрикнула она, — тебе нужны эти сапоги? Ты сам хочешь носить их?

— Нет, что ты, нет! — замахал руками Непес-ага.

Он понял, что больше нельзя обходиться недомолвками, и подробно рассказал Чепер обо всем, начиная о того самого дня, как Кервен вернулся с фронта, и как он, Непес-ага, увидел сапоги. Он ничего не скрыл от нее: ни черной зависти, по-

будившей его завладеть сапогами Кервена, ни малодушной слабости, из-за которой он не вернул их. А закончив, ощутил странную пустоту и легкость. Он словно опустел, как дом, из которого все выехали.

Потупившись, Непес-ага ждал, что скажет Чепер. Но она молчала. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, взгляд оставался безучастным. "Почему она так? — обиделся Непес-ага. — Совсем не жалеет меня? Может, даже ненавидит? Или считает, что это не ее дело? Говори же что-нибудь, Чепер, — мысленно взмолился Непес-ага.

— Кервена нет, я не могу с ним поговорить. А ты — самый близкий ему человек, ты прожила с ним всю жизнь. Я раскрыл тебе тайну, которой никто не знает. Ты должна что-нибудь сказать..."

Но Чепер сидела молча. Поначалу она удивилась: можно ли из-за пары сапог так убиваться? "Что такое сапоги? Люди умирают, люди! Вон мой Кервен ушел, — глаза у нее опять наполнились слезами, — ему хоть немного еще пожить бы, а он ушел. Непоправимое горе. А тут из-за какой-то пары сапог морочить мне голову! Да хоть бы и двадцать пар — не жалко! Зачем так истязать себя? Это от одиночества. Будь у него дети, внуки, разве бедняга маялся бы на склоне лет невесть

от чего? — Ее опять захлестнула волна жалости к соседу, и она с недобрым чувством вспомнила жену Непеса-ага, покинувшую его тридцать лет назад: "Чтоб ей во всю жизнь счастья не было! Оставить такого человека! Думала, лучше найдет. Как бы не так!"

— Нехорошая она женщина, — вслух произнесла Чепер. — Потому и не сладилось у вас с ней.

Непес-ага догадался, о ком говорит соседка.

— Нет, Чепер, — возразил он. — Она неплохой человек. Я сам виноват. Видишь, и в этом случае вина на мне лежит... — и, заметив протестующий жест Чепер, поспешно сказал: — Ладно, не будем ворошить этого. Давай лучше вернемся к нашему разговору, ты мне пока ничего не сказала.

И Непес-ага с мольбой посмотрел на нее.

"О чем это он? — подумала Чепер и тут же вспомнила его исповедь. — Ах, да, сапоги. Откуда это взбрело ему в голову? Не иначе, как он в полубреду. Его лечить надо, а я сижу". — Она встала, так ничего и не ответив, и заспешила домой.

— Я пойду, позабочусь об унаше. Тебе надо пропотеть...

Непес-ага проводил соседку растерянным взглядом: "Ничего не сказала. Почему? Все-таки какой бы умной женщина ни была, она всегда

остается женщиной. Надо найти Амана. Придется выздоравливать". Приняв решение, Непес-ага повернулся лицом к стене и уснул.

В бреду и кошмарах Непес-ага провел четыре дня. На пятый день ему стало лучше, и он почувствовал, что может встать. Осторожно поднялся и, покачиваясь от слабости, убрал постель.

Дверь в коридор была открыта. На огромном гвозде, вбитом в стену, висели кирзовые сапоги, доверху наполненные зерном. Он даже помнил, сколько пиал зерна засыпал в каждый сапог, чтобы они стали абсолютно прямыми.

Непес-ага вышел в коридор. На сапогах был толстый слой пыли. Он долго глядел на них, потом с трудом снял сапоги с гвоздя, и пыль полетела во все стороны. Он так ослабел за четыре дня, что еле удерживал сапоги в руках, они были такие тяжелые, словно он положил в них свинец, а не зерно. Непес-ага чихнул и пошел искать посуду, чтобы пересыпать пшеницу из сапог. Он решил отнести их Хатаму-ага вместе с вещами Кервена, которые Непер принесла ему.

Непес-ага решил нести вещи не сейчас же, а вечером.

"Так будет лучше всего, — сказал он себе. — А то пойдешь с котомкой за спиной, и каждый встреч-

ный будет спрашивать, что несешь. А уж если повстречается Хаджи-кор, тот и вовсе изведет вопросами и дурацкими шутками".

Вечером, сложив свои сапоги и вещи Кервена в мешок, Непес-ага вышел из дома. Длинные белые фонари на столбах хорошо освещали улицу, и в ярких кругах света можно было рассмотреть любого прохожего, например, молодую женщину, неторопливо идущую по улице с детской коляской. "Это кто же гуляет в такое время? — вглядываясь в женщину, недоумевал Непес-ага. — Ну, конечно, Арзы-енге, кто же еще! Вместо того, чтобы сидеть дома... Вай, а что это за коляска у нее? Люди говорили, что к ней из Таджикистана гости приехали — родственники мужа. Наверное, с ребенком. Понятно. Если муж сбежал от нее, так зачем родственникам приезжать? Ушел — прерви всякие отношения. Лично я, случись мне избавиться от такой жены, устроил бы пир горой. Смотрите, все люди уже по домам сидят, а она гуляет. Чего еще ждать от этой бестолковой Арзы?"

Молодая женщина, словно услышав ворчливые мысли Непеса-ага, повернула к своей калитке, вышла из светлого пятна и будто растворилась в темноте.

Следующий, после Арзы-енге, дом принадлежал Хаджи-кору. Непес-ага стал молить аллаха, чтобы Хаджи-кор не встретился ему на пути, и, конечно, в тот же мир увидел его, тот сидел у своего забора и смотрел в сад. И хотя он не глядел на улицу, Непес-ага не сомневался, что Хаджи-кор обязательно заметит его. И посыплются вопросы. Сначала, конечно, приветствие, а потом: что у тебя там за спиной? Непес-ага попытается скрыть правду, — дети Хатама-ага обижаются на тех, кто носит одежду их отцу, — и скажет, что идет к Селиму-сапожнику починить старую обувь. Тогда Хаджи-кор криво улыбнется и заметит, что дом Селима-сапожника совсем в другой стороне. И еще он может ехидно поинтересоваться:

— Не переехал ли сапожник случаем?

И Непес-ага окончательно запутается.

— Салам алейкум! — раздалось вдруг справа.

Непес-ага повернул голову и увидел Байрама, сына старого Мереда-ага. Байрам на своем участке при свете электрического фонаря месил глину.

Увидев, что старик свернул с дороги и направляется к нему, Байрам подумал: "Правду говорят, что Непес-ага приболел и немного не в себе. А иначе с чего бы он вместо ответа на мое приветствие сам подошел? Я ведь не звал его, не

приглашал чай пить. А вдруг он собирается болтать со мной, пока не уснут собаки? Про сапоги начнет рассказывать..."

Историю с сапогами уже знал весь Годжук. После того как Непес-ага все рассказал Чепер, она, вовсе не затем, чтобы опозорить соседа, а напротив, всем сердцем жалея его, поделилась услышанным с невестками. И теперь эта история передавалась на селе из уст в уста, причем каждый раз в новом варианте.

Слышал ее и Байрам И теперь с большим интересом смотрел на Непеса-ага, помимо своей воли оказавшегося в центре внимания.

Внимательно присмотревшись к старику, Байрам увидел у него за спиной мешок, из дыры которого торчал носок кирзового сапога. Байрам подумал, что слухи о том, что Непес-ага свихнулся, не лишены основания.

Испугавшись, что старик проторчит тут до полуночи, он решил продолжать работать — показать, что очень занят. И тут же чуть не упал, потому что сапоги его глубоко погрузились в тяжелую жижу, и одна нога Байрама выдернулась из сапога. Парень стоял, опираясь на лопату, с трудом удерживая равновесие, поджав босую ногу, как аист, а из глины угрожающе торчало

голенище.

— Что за напасть такая, — пробормотал Непес-ага. — Куда бы я ни пришел, везде сапоги…

Байрам, справившись наконец со своей незадачей, обернулся к старику, но того уже не обнаружил. В недоумении пожал он плечами и вновь принялся за работу.

Хатам-ага сидел на веранде и связывал куски веревок. Он встретил приятеля сдержаннее обычного. Занятия своего не прервал, только поприветствовал гостя, ничем не выказывая интереса к пришедшему.

Непес-ага вынужден был первым начать разговор.

— Вот пришлось самому прийти, дабы ты проведал меня. Тебя ведь не дождешься. Умри я, ты и не заметишь. Хорошо же ты ко мне относишься!

— Нужны мы смерти, как бы не так, — неприязненно, словно они были в ссоре, ответил Хатам-ага.

Непес-ага привык к странностям старого нелюдима, поэтому не обиделся на его тон.

— Разве мы с тобой не люди? — примирительна улыбнулся он.

— Люди-то люди, спору нет. Но смерть выбирает хороших людей. Мы ей не нужны. — И, помолчав,

он добавил: — Азраил не дурак, он силы попусту не тратит.

— Может, ты и прав, но что-то я не видел ни одного плохого человека, избежавшего смерти или прожившего очень долго — тысячу лет, например. Может, ты видел?

— А губа у тебя не дура, — засмеялся Хатам-ага. — Тысячу лет хочешь прожить. Ты, конечно, хитрец, но и аллах не так уж глуп, и ангелы его тоже.

"Странные шутки, — удивился про себя Непес-ага. — Что это он так недружелюбен сегодня?"

— Ты сними мешок-то со спины, — сказал вдруг Хатам-ага.

И Непес-ага вспомнил, зачем пришел.

— Хорошо ты мне напомнил, — обрадовался он. — Вот это Чепер прислала. Я потому так поздно и пришел, чтобы идти в темноте. Ты же знаешь наш аул…

— Волков бояться, в лес не ходить… — презрительно улыбнулся Хатам-ага. — Зачем скрываться от людей?

Однако кивнул на дверь, мол, пойдем в дом… и неожиданно заговорил о покойном Кервене.

— Хорошим человеком был. Никогда никого не обижал. Его обижали. Я успел с ним рассчитаться

и проститься. Слава аллаху, не опоздал.

Непес-ага задумался: "Значит, у каждого в жизни есть какой-то грех. Только люди не затягивают с раскаянием, как я, а успевают покаяться перед умирающим, И отпускаются им грехи их".

— А я вот не успел, — вслух произнес Непес-ага и, с надеждой посмотрев на приятеля, поправился: — Нет, я не смог этого сделать, Хатам.

Хатам-ага, словно не услышав, указал на свободное место в углу:

— Брось мешок вот сюда!

И занялся его содержимым, как бы перестав замечать присутствие Непеса-ага.

— Ого, да тут две пары сапог! Мне не сносить их до конца моей жизни!

Непес-ага обиделся. Он высказал самое сокровенное, а Хатам делает вид, будто ничего не произошло.

— Корова думает о жизни, а мясник о мясе, — горько сказал он.

Хатам-ага аккуратно поставил сапоги в сторонку, потом повернулся, пристально посмотрел на Непеса-ага и спросил:

— Ты что, должен ему был? Но, что делать, — вдруг совсем другим, успокаивающим тоном продолжал он, — это жизнь, в ней без долгов не

обходится.

Непес-ага тяжело вздохнул:

— Долг это или нет, я даже не знаю, как назвать, Хатам. Наверное, один аллах знает… Непонятно, в общем, что это.

— Так все же — долг или нет? — серьезно сказал Хатам-ага. — Или какая-то обида между вами была?

Непес-ага посмотрел на сапоги, снова вздохнул и начал:

— Я обманом забрал у него сапоги. Сорок лет назад это было…

Впервые и неожиданно для себя Непес-ага назвал свой поступок обманом, и ему стало страшно. Что скажет сейчас Хатам-ага? И он приготовился покорно встретить его осуждение.

— Значит, ты согрешил в самом начале жизни, а вспомнил об этом только теперь, когда жизнь подошла к концу?

Непес-ага не раз задавался этим вопросом, но ответа не находил и теперь ждал, что скажет еще Хатам-ага.

А Хатам-ага понимал, что к нему пришли за помощью или хотя бы за советом. Ему хотелось выглядеть мудрым, все понимающим. Сощурив глаза, он смотрел вдаль, придав себе невероятно

важный вид.

— Значит, грех на тебе остался, — услышал наконец Непес-ага и, опустив голову, подтвердил:

— Остался, Хатам, да еще какой грех!

— В потусторонний мир ведут две дороги, Непес… — заявил Хатам-ага.

Непес-ага попытался представить себе эти две дороги, но у него ничего не вышло. Он вопросительно поглядел на приятеля.

— Ну, Непес, любой малец знает эти дороги. Одна ведет в рай, другая — в ад, — как несмышленому, разъяснил Хатам-ага.

— Ты что, смеешься надо мной? Кто же этого не знает? Мне показалось, ты что-то другое хотел сказать.

— Конечно. Я хотел сказать вот что: неизвестно, встретишься ли ты с Кервеном на том свете. — Хатам-ага окинул соседа взглядом с ног до головы, будто примеряя, куда того определить. — Я не могу утверждать, что ты непременно попадешь в ад, но ведь и Кервен не обязательно окажется в раю. На твоем пути в рай серьезной преградой станут сапоги, те самые, о которых ты говорил. Ведь на дороге, ведущей в рай, даже тонюсенькая иголка превращается в громадную скалу и преграждает человеку путь.

Разговор принимал странный оборот: один поучал, другой был как бы нерадивым учеником. Непес-ага рассердился.

— Как ты уверенно говоришь про все это. Уж не работаешь ли ты регулировщиком на дороге в рай?

Хатам-ага и ухом не повел.

— Ты ошибся, Непес. Я не работаю регулировщиком. Им у нас в районе работает сын длинного Хемра, как зовут-то его?

— Да попросту сын Хемра-узына или милиционера. Из нашего аула вышел только один милиционер. И стоит произнести это слово, всем сразу становится ясно, что речь идет о сыне Хемра-узына. Только так его и знают, а имени никто и не спрашивает.

Хатам-ага высокомерно усмехнулся.

— Ты не сравнивай меня с регулировщиком, Непес. Бери выше — я у бога в помощниках хожу.

— Ну, если бог берет в помощники таких, как ты, то ума у него не больше, чем у Хаджи-кора.

— Будь бог умнее Хаджи-кора, разве бы он стал вмешиваться в мелкие делишки презренного рода человеческого?

— Так-то ты говоришь об аллахе? И надеешься при этом попасть в рай?

— Ты пришел ко мне, чтобы это выяснить.

Непес-ага погрустнел.

— Нет, не за этим я пришел, — печально сказал он. — Я пришел к тебе за добрым советом. А ты плетешь о дорогах на тот свет. Я думаю, что и тебе не суждено очутиться в раю. Ну и ладно, оставим это. Давай лучше про наш свет поговорим.

— Можно и про наш, — уже со злобой в голосе сказал Хатам-ага. — Ты промолчал на кладбище в минуту расплаты. Допустим, это можно простить. Но потом? Почему потом молчал? Когда вернулся в село?

— Да с кем бы я стал говорить об этом?

— Как с кем? У Кервена есть родственники.

— Я пытался поговорить с Чепер. Но она не слушает.

— Но ты что, не мог добиться того, чтобы она простила тебя?

— О, Хатам, если человек не понимает, что ты виноват, какую вину он будет прощать тебе?

Хатам-ага задумчиво теребил конец своей длинной редкой бороды.

— Нет, подумать же надо, — медленно произнес он. — Человек признается в своей вине, а его за сумасшедшего принимают…

— И я этого не понимаю, Хатам.

— Знаешь, что! Ты зря с женщиной связался. В таких делах с ними ничего не добьешься, — решительно провозгласил Хатам-ага. — Слава богу, Кервен не один был у родителей. Есть у него родной брат.

— Вот, вот, и я об Амане думал.

— А если думал, так что же ты сидишь? Надо действовать! Не тяни с этим…

И Непес-ага окончательно решил, что разговор с Аманом — это единственный для него выход.

Ничего необыкновенного на том свете не было. Непес-ага вертел головой во все стороны и удивлялся прозаичности обстановки.

"А там, на земле, врали, что здесь вкушают амброзию", — разочарованно думал Непес-ага, глядя, как все что-то жуют, кто — яблоко, кто — кусок дыни, а кто — пересохшую халву.

А вот пивной ларек. И вывеска: работает днем и ночью, без перерыва.

"Надо же, — изумился Непес-ага, — а у нас с двух до семи. В другое время или продавца умоляй, или переплачивай. А здесь, выходит, пей, сколько влезет, никому дела нет!"

Рядом с ларьком валялся пьяный. Он колотил себя по лбу и кричал:

— Дурак я, дурак! Давно умереть надо было. Но

кто же знал, что здесь водку даром дают? Мулла, поди, знал! Ну погоди, мулла, вот умрешь, повстречайся мне только тут, я об твою башку бутылку разобью!..

"Двуногая свинья, — определил Непес-ага. — Хорошо, что у нас водку продают за деньги и не круглые сутки".

Неподалеку от ларька стоял большой кувшин. Никто не трогал его, а Непес-ага заинтересовался — для чего или для кого он тут поставлен?

Выбрав среди толпы не очень пьяного человека, он спросил:

— Скажи, старина, что это за кувшин?

Человек остановился, удивленно посмотрел на Непеса-ага и, в свою очередь, спросил:

— Новичок, что ли? Откуда будешь-то?

— Из аула Годжук.

— Да здесь даже слова, такого не знают: аул, — подвыпивший человек махнул рукой, — здесь ни аулов, ни городов — ничего нет. Видно, ты только что оттуда. Когда умер-то?

Непес-ага был убежден, что врать на том свете нельзя и, поскольку малейшая неточность казалась ему уже неправдой, он пустился в длинное объяснение:

— Я, брат, честно говоря, и сам не знаю, когда

умер. Помню, что простудился. Потом, по-моему, простуда прошла. Но ведь если я умер, значит, она не прошла?. Как ты думаешь?

— Я думаю, хоть и неизвестно, когда ты умер, факт твоей смерти не вызывает сомнений. А иначе мы бы не встретились сейчас с тобой, а?

Непес-ага согласился и счел вопрос исчерпанным. Правильно. Главное, что он умер, а когда, не так важно.

Махнув рукой в сторону большого кувшина, он снова спросил:

— А этот кувшин, он что, для новичков?.

Пьяный засмеялся:

— Не будь дураком. Это кувшин для свиты аллаха.

— Как?! — обомлел Непес-ага. — Неужели они пьют?

— А то как же? — снова засмеялся пьяный. — Если нечего выпить, и кувшин, бывает, грызут.

— А Заман-ишан… — пролепетал потрясенный Невес-ага.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — перебил его собеседник. — Небось, Заман-ишан говорил, что небесные властители — великие трезвенники, верно?

— Ну да…

— Ха-ха, верь больше. Сходи-ка в трактирчик "Хайям", там твой Заман-ишан валяется в стельку пьяный…

— Трактирчик "Хайям"?

— Ну, так его прозвали. А по-настоящему это торговая точка номер одна тысяча шестьсот семьдесят четыре.

— Их так много? — ужаснулся Непес-ага.

— Это что! В других краях, говорят, еще больше!.. А кувшин мы подносим богу, когда он осматривает свои владения. Чтобы не очень свирепствовал. Больно уж сердитый!

— Ба… Так это же самая настоящая взятка!

— А ты думал!

— Да разве бог может брать взятки?

— А если бы не брал, как бы этому люди научились? Ты что, совсем дурак? Взятка от бога и пошла. Будь бог честным, и подданные его не стали бы воровать.

— Да, да, я этого не сообразил, — прошептал Непес-ага.

— В том-то и дело. До самой смерти живешь дураком, игрушкой в чужих руках. Только здесь все понимать начинаешь.

— Да, да, так и есть. Теперь вижу.

— Ну, ладно, ты еще просветишься. А с собой,

слышь, принес чего-нибудь?

Непес-ага, чуя и в этом вопросе какой-то подвох, нервно ответил:

— Что же сюда можно принести, кроме савана?

Собеседник укоризненно покачал головой.

— Если тебе нечего сунуть ангелам, определяющим меру безгрешности, тебя ничто не спасет, ты попадешь прямо в самый центр ада — Сакар.

"Ну, если бог берет взятки, то ангелам, конечно, он сам велел", — уже не удивляясь, подумал Непес-ага.

— Да не горюй, — ободрил его пьяный. — Отдай им свои новые сапоги, и все будет в порядке.

Непес-ага посмотрел на свои ноги и увидел черные блестящие сапоги. "Вроде меня не в сапогах хоронили", — растерялся он.

И вдруг понял, что все кругом тоже в сапогах. Бесчисленное множество черных поскрипывающих сапог толпилось вокруг Непеса-ага.

"Это, наверное, и есть ад", — похолодел он от страшной догадки.

Но вот в толпе мелькнули босые ноги.

— Это Кервен босиком ходит, — прозвучал голос пьяного.

Непес-ага бросился в толпу.

— Кервен, постой, Кервен! — кричал он.

Но тот уходил, не слыша зова, все дальше и дальше, и, наконец, совсем исчез.

Непес-ага долго бежал, пока силы не оставили его. Отдышавшись, он огляделся и увидел, что стоит на перепутье. Две безлюдные дороги лежали перед его взором, и он вспомнил Хатама-ага.

"Говорил мне Хатам про эти дороги. Одна ведет в рай, другая — в ад. Но как узнать, какая куда? Указателей нет. Спросить не у кого".

Усталый и обессилевший, он сел на землю, не зная, как ему быть дальше.

"Что же я не спросил Хатама, как различать эти дороги", — устало подосадовал он на себя.

Вдруг, уловив какой-то шелест, он поднял голову и увидел невероятно тощего человека, который понуро брел мимо.

— Умерший брат, скажи мне, какая из этих дорог ведет в рай? — остановил его Непес-ага.

Человек замер и долго молчал. Наконец, задумчиво пососав указательный палец, просипел;

— Вот эта ведет прямо в Сакар.

— Сакар, центр ада?

— Сакар — это ад в аду. Посмотри на меня. Прежде я был полным и круглым. А теперь — одни кости.

— Так ты был в Сакаре? — с ужасом спросил Непес-ага.

— Был… Был… Теперь вот — одни кости.

— А какой на тебе грех?

— Не знаю. Но раз меня отправили в Сакар, какой-то грех есть.

— Ну, ладно, не будем про Сакар. Мне нужен рай. Как туда попасть?

— Вон по той серой дороге, но сначала надо уладить все дела с ангелами. Но если у тебя остались какие-то долги в жизни, я тебе не завидую.

— Как, и здесь существует минута расплаты?

— Существует, существует. Еще пострашнее, чем там. Что там могут сделать? В худшем случае, посадить в тюрьму. А в тюрьме и лежанка, и еда, и одежда. Все есть. Здесь же… — тощий поежился. — Да что говорить, сам увидишь. Я тебе только один совет дам: не пытайся врать, еще хуже себе сделаешь.

…Непес-ага долго шел по серой дороге. Он устал и давно уже не смотрел по сторонам — в унылом однообразном пейзаже не было ничего привлекательного. Наконец, когда он совсем выбился из сил, дорога неожиданно оборвалась, и перед ним появился необыкновенный мост.

"А, это, наверное, знаменитый Гылсырат, — до-

гадался Непес-ага и удивился: — Интересно, как это люди, не побывав в загробном мире, все про него знают?"

Непес-ага хорошо помнил легенду. В ней говорилось, что мост Гылсырат тоньше волоса и острее сабли, но идти по нему надо уверенно, без страха и сомнения, в противном случае оступишься, потеряешь равновесие и упадешь прямо в Сакар. И Непес-ага решительно, подавив в себе боязнь, ступил на мост. Идти было легко, и он, обрадовавшись, зашагал смелее. На противоположном конце моста стоял ангел Ризван и приветливо махал ему рукой. Рядом с ним вертелся еще кто-то, но только пройдя половину пути, Непес-ага смог разглядеть, что это Худайназар Чакан. Худайназар был отъявленным вором, почти всю свою жизнь он провел в тюрьмах. "И теперь он в раю? — недоумевал Непес-ага. — Либо на земле он безвинно страдал, либо аллах не карает за воровство. А может, к нему здесь отнеслись снисходительно из-за имени, в котором есть слово "худай" — "бог"?! Ну, во всяком случае, если такой плохой человек попал в рай, то уж мне-то наверняка там уготовано место".

Непес-ага приободрился. Он уже различал улыбку на лице ангела, когда на пути его неодо-

лимой преградой встало что-то большое, грозное, черное, и Непес-ага с ужасом увидел, что это один из сапогов Кервена.

"Надо поворачивать назад. И зачем только я возжелал садов Эдема? Но делать нечего, надо попытаться. Только не бояться! Смелее!" — и он резко развернулся, но обратный путь был закрыт вторым сапогом.

"Вот она, настоящая расплата, — понял Непес-ага. — Теперь никуда не убежать и никуда не спрятаться. Стоять мне тут вечно. Внизу — ад, а вверху... а что вверху — тоже ад?" — он посмотрел вверх, и в ту же минуту что-то упало ему на лицо.

Непес-ага почувствовал, что ему трудно дышать, и проснулся. Он долго не мог понять, каким образом подушка, лежавшая на шкафу, где были сложены одеяла, упала на него. И только когда со шкафа спрыгнула кошка и медленно, крадучись, пошла к двери, Непес-ага успокоился.

Он стоял на обочине шоссе и ждал автобуса. Мимо со свистом проносились машины, словно убегали от ветра. Ветер, настигая их, подлетал к Непесу-ага, будто хотел с ним поздороваться, в ответ на равнодушие и невнимание старика сердито задирал полы его халата и, торопясь,

улетал дальше.

Непес-ага ничего не замечал, мысли его были далеко отсюда. Он размышлял о совести — как она мучает его последнее время? Но почему совесть выбрала именно этот его поступок? Ведь были и другие грехи в его жизни. Наверняка были. Но, видно, они ничего не значили по сравнению с тем, что он натворил с Кервеном, и совесть их давно простила. Во всяком случае, Непес-ага не мог вспомнить ни одного проступка в своей жизни.

Сон, приснившийся ему сегодня, подтолкнул его к поездке. Он понял, что ждать, когда Аман приедет на поминки брата, нельзя. Непес-ага решил незамедлительно повидаться с ним.

"Не к добру этот сон, — размышлял Непес-ага. — Кто знает, может, смерть моя уже ходит за мной по пятам. Что такое жизнь человеческая? Сегодня ты есть, а завтра, хоп, и нет тебя. И все. И покаяться не успеешь. Может, бог сжалился надо мной и предупредил меня этим сном, чтобы я успел камень с души снять. Но вот что странно, бог позволил мне побывать на том свете, а сам не появился передо мной. Почему? Я даже не чувствовал его присутствия, будто его вовсе нет. А, может, его и нет? — испугался Непес-ага. — А ведь, наверное, нет. Иначе, как бы он мог допу-

стить, что мы совершаем прегрешения, а потом так мучаемся? Либо он есть, и он возвышен, но тогда и мы были бы лучше, либо его вообще нет. И получается, что нет".

Непес-ага даже не заметил, как рядом с ним остановился огромный КрАЗ, и молодой веселый голос прозвучал в высоком окошке кабины.

Непес-ага не сразу понял, о чем спрашивал водитель.

— Нет, сынок, я уже сорок лет не курю, — наконец ответил он.

Водитель засмеялся:

— Похоже, перевелись курящие мужики на этом свете. От большого моста уже третий раз останавливаюсь. И ни у кого нет спичек.

— А куда ты едешь, сынок? — думая о своем, спросил Непес-ага. — Если по пути, может, меня захватишь…

— А ты куда едешь?

— К Аману. Да откуда тебе знать Амана… — спохватился старик. — На новые земли я еду, на новые земли. Там Аман работает.

— Если на новые земли, то садись, отец, довезу. Мне еще дальше, — приветливо сказал парень. — Дорога дальняя, вдвоем веселее.

Непес-ага ловко, не по годам, влез в кабину,

успев заметить бочку с надписью "Вода", стоявшую в кузове.

Парень нажал на газ. Непес-ага, чтобы отвлечься от черных мыслей, решил завести разговор.

— Как тебя зовут, сынок?

— Хыдыр.

— И ты возишь воду?

— Да, чабанам.

— Так и должно быть.

— Почему? — непонимающе взглянул на старика шофер.

— Ну если ты возишь воду, — стал объяснять Непес-ага, — и зовут тебя Хыдыр, то можно сказать, что ты почти ангел Хыдыр, утоляющий жаждущих в пустыне.

Видно было, что парень никогда ни о каком ангеле Хыдыре не слыхал. Он помолчал, а потом уклончиво сказал:

— В пустыне я частенько мотаюсь, это верно, отец.

И тут же переменил тему разговора:

— А ты сам-то из какого колхоза будешь.

— Как тебе сказать? — Непес-ага подумал немного. — Видишь ли, за последние десять лет название нашего колхоза меняли двенадцать раз. Только люди начнут привыкать к новому

названию, как сменяется руководитель и дает другое название, какое ему больше по душе. Пли начинают объединять хозяйства — опять новое название, через год, глядишь, уже разъединяют, ну, стало быть, название опять другое. Хорошо, хоть аул не трогают. Как деды называли его Годжук, так и мы зовем. А не то беда…

Хыдыру нравилось, что аксакал говорит с ним, как с равным. Чтобы оправдать такое к себе отношение, он решил показать, что кое в чем разбирается:

— Вообще-то они не имеют права менять названия.

— Вот это правильно, — обрадовался Непесага. — Хотя что-то и без ведома Москвы, наверное, делают. К слову сказать, вон то село впереди прежде называлось Самсыкяб, что означает "глупый арык", а теперь его назвали Медениет — "культура". Ну, что ты на это скажешь?

— Что тут скажешь. По мне что одно, что другое название. Оба глупые.

— Это почему?

— Ну, что касается первого, арык есть арык. Разве он может быть глупым или умным? А второе еще хуже. Зачем называть культурой то, что к культуре никаким боком не относится?

— Верно говоришь про второе название. А вот про арык ты просто не знаешь. Дело в том, что все арыки в этом краю текут вниз, и только Самсыкяб течет в противоположную сторону. Вот почему его прозвали глупым.

Водитель промолчал.

Гладкая асфальтированная дорога неслась им навстречу, но мотор гудел неровно, и какой-то еле уловимый стук слышался в его натужном реве.

— Машина твоя, видать, поездила немало, верно, сынок? — поинтересовался Непес-ага.

— Да уж чего только ей не пришлось испытать, — с гордостью ответил парень. — Сколько воды она перевезла — хватило бы затопить все Каракумы.

И опять оба замолчали.

— Из села Годжук, говоришь? Мне кажется, раньше оно называлось "Сад Годжука". Но садов у вас, по-моему, никаких нет. Откуда же такое название?

— Деревья, если за ними не ухаживать, погибают. И тогда остается лишь название...

Хыдыр не понял ответа, но расспрашивать не стал.

— Я в прошлом году был в вашем селе, — сказал он. — Ночью, правда. Днем так и не повидал его.

Непес-ага удивился: зачем по ночам? Для каких таких дел? Но тут же сообразил:

— Ты случаем не зять кого-нибудь из наших?

— Нет, — Хыдыр весело засмеялся. — Я хоть и зять, но не ваш. А к вам ездил за левым заработком. Как говорится, воровал. И деньги мне платил тоже вроде вор.

— Что-то я ничего не пойму, — удивился Непес-ага. — Как это воровал, у вора, что ли?

— Ваш председатель строил себе особняк?

— Ясно! — воскликнул Непес-ага. — Слыхал я тогда по ночам рев машины. Так это ты ездил?

— Я. Ты уж прости, что спать не давал. Шестьдесят машин воды привез. Каждая — червонец.

— А машина-то государственная…

— Да, машина государственная, — перебил Хыдыр старика, — а государство наше.

Хыдыр умолк. Непес-ага пристально посмотрел на него: молодое загорелое лицо, уверенный взгляд, черные курчавые волосы без единой сединки.

"Ну что ж, — подумал он, — когда я был в таком возрасте, я ведь тоже иначе все оценивал. Ничего, вот проживет двадцать — тридцать лет, тогда посмотрим. Вообще жизнь человека делится пополам: до сорока люди только и делают, что

ошибаются, а после сорока размышляют над своими ошибками… — И он снова стал думать о своём: — Интересно, а если б я рассказал ему о моей беде, что бы он сказал? Стал бы смеяться?.. Мне почему-то кажется, что все надо мной смеются. Наверное, я не прав. А может, я кажусь сумасшедшим?"

— В гости едешь? — спросил водитель.

— Еду к брату моего недавно умершего соседа. Он был моим другом. Еду, чтоб испросить прощения. Успеть пока я живой… — Хыдыр быстро взглянул на попутчика. Лицо старика было серым, как дорожный асфальт.

— Скоро приедем, — подбодрил он Непеса-ага. — Здесь встречных почти нет.

— Еду, чтобы расплатиться, — задумчиво повторил Непес-ага.

— Много ему должен?

— Не знаю.

— Как так? — растерялся парень.

Непес-ага посмотрел на запыленные сапоги Хыдыра и начал рассказывать ему свою историю.

Парень терпеливо, не перебивая, слушал его рассказ и, когда старик закончил, долго ничего не говорил.

— Что же ты молчишь, сынок? — не выдержал

Непес-ага.

— Вот ты, отец, мучаешься из-за какой-то пары сапог. А твой председатель украл самое малое на десять тысяч пар таких сапог. И ни у кого не собирается просить прощения. И расплачиваться тоже. Да им в базарный день цена не больше двадцати рублей.

— Дело-то не в деньгах, сынок.

— Ну да, конечно, у нас все к этому сводится, — Хыдыр отвернулся. — Я согласен, не в деньгах дело. А за-, ботиться-то надо об этой жизни, а не о загробной.

Непес-ага спросил:

— Ты что, думаешь, я верю в бога?

Непес-ага вдруг с грустью подумал, что парень на пятьдесят лет моложе его, стоило ли так откровенничать с ним?

— Я очень сожалею о том, что бога нет, — произнес он устало.

Хыдыр не ожидал такого ответа.

— Но если ты не веришь в бога, не боишься его, то почему так мучаешься из-за этих сапог?

— Мне надо не перед богом, перед самим собой оправдаться. Перед своей совестью. Я много думал и понял, что бог — это наша душа.

Впереди показались времянки новых земель

колхоза, и всю дорогу до них оба путника уже не произнесли ни слова.

Машина остановилась перед двумя одинаковыми домиками с верандами. Сойдя с машины, он тяжело вздохнул, потянулся, размял ноги, чтобы снять усталость дальней дороги.

На веранде играли ребятишки. В сторонке, в подвесной низкой люльке раскачивался мальчуган лет трех. Взрослых нигде не было видно.

Непес-ага подошел к детям и попытался найти среди них внуков Амана. Черноглазые и чернобровые ребятишки были так похожи, что невозможно было различить их.

— Чистые близнецы, — сказал Хыдыр.

Непес-ага улыбнулся ему.

— Возьми эти спички с собой, а то будешь опять маяться.

— Да я-то возьму, — Хыдыр тоже улыбнулся. — А потом, когда настанет пора расплачиваться, что будем делать?

Непес-ага не успел обидеться.

— Смотри, смотри! — закричал уже от машины Хыдыр, показывая рукой в сторону скотного загона.

Оттуда к ним направлялся бык с огромными рогами.

— Бык отвязался! — крикнул кто-то из детей, и они бросились врассыпную.

Ребенок в люльке замешкался. Когда он вылез и спустился на землю, растерянно озираясь, бык уже был не более чем в десяти шагах от него.

— Хыдыр! — истошно закричал Непес-ага. И поняв, что Хыдыру не успеть, со всей стремительностью, на которую только был способен, кинулся к ребенку и отбросил его в сторону. В ту же секунду бык подцепил его за толстый халат и начал мотать по пыльной земле.

Наконец, быку надоел тяжелый Непес-ага, и он, откинув старика в сторону, побрел к загону. Непес-ага, кряхтя, поднялся и погрозил быку сухоньким кулачком. В сторонке хохотали над незадачей аксакала дети.

Из кабины крикнул Хыдыр:

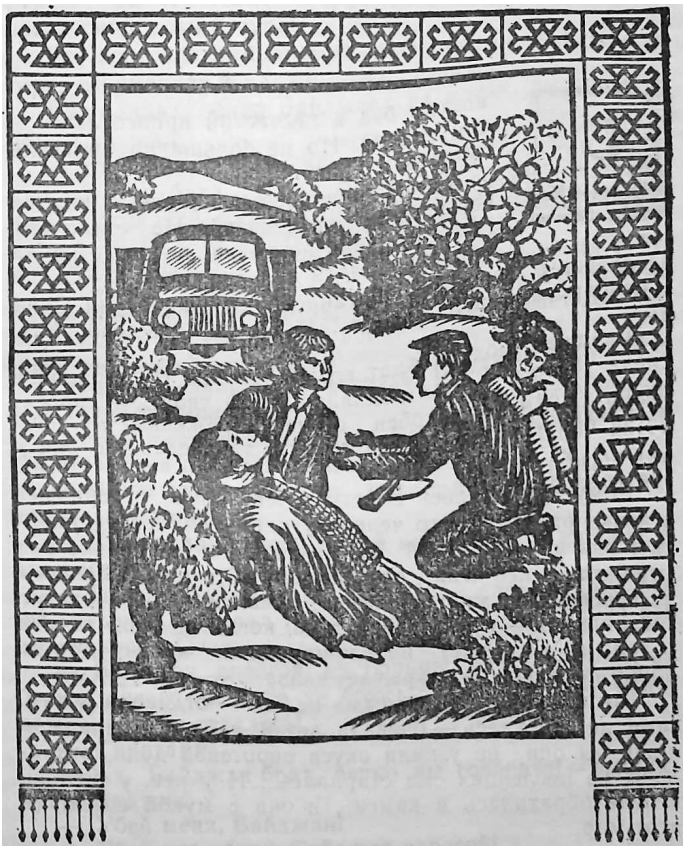
— Не убился, отец?

— Как новенький стал, — заверил его Непес-ага, хотя почему-то обиделся и на быка, и на детей, и даже на Хыдыра.

"Конечно, расплата не та, — вздохнул старик, — но что поделаешь, какая есть".

Перевод Ю.Антропова

АТАГЕЛЬДЫ КАРАЕВ
ГДЕ БРАТ ТВОЙ?



колько бед и несчастий принес людям голод? Но не больше ли принесла сытость?

Какой прекрасный парень жил на свете — где он сейчас? Не стало его, убит. Но ведь не война, ни даже крика или скандала в ауле не слышно — живи на здоровье, ешь заработанное, слушай песни Сахи Джепбарова, наслаждайся... Нет, не суждено ему, убит...

Байджан, родной брат его Байджан... Не стоящий и следа убитого — как поднялась рука твоя?.. — спросят люди. И сам ты подобен сейчас пораженной молнией ветви чинары — сохнуть и чахнуть тебе день ото дня и так погибнуть.

Кому приходилось видеть печень овцы, потерявшей ягненка ради нужного человеку каракуля, тот не умолчит: она как сплошной камень, да, да! И сколько раз отнимали у нее ягнят, столько камней и прибавлялось в ее печени. Они увеличиваются, мучая животное, растут, соединяются

— и наступает день, когда из этой печени в тело не поступает ни единой капли крови, и тогда животное навсегда закрывает глаза.

Так и бедная Зухра: сама не ела — отдавала детям, сама не одевалась — одевала детей, себя не жалела — лишь бы они не узнали вкуса сиротской доли, старалась, из последних сил старалась… И у нее, у бедной, печень обратилась в камень, и она с мукой покинула этот мир.

Да, приносит голод беду человеку, но и сытность немалые беды готова обрушить на его голову.

Чего только злого не делают люди от голода! Но от сытости — эй-хо! От сытости больше злого, больше беды, больше потери…

1

Юсуп навзничь лежал под деревцем саксаула, лицо его было спокойно — он ведь не ждал выстрела.

Тут же валялись два разбитых о ствол саксаула ружья — да что толку-то срывать злость на ружье, не воскресишь этим Юсупа!

Все трое плакали, закрыв лица руками: Байджан от горя, Джуманияз и Акджик — со страха.

Джуманияз, обняв Байджана за плечи, выта-

щил из ножен кинжал:

— Байджан, вот держи… — сам, отворачиваясь, рванул ворот рубахи, оголил грудь. — Бей, дорогой Байджан! Последней собакой буду, если только услышишь хоть единственное "вах", молча умру! Бей, Байджан дорогой! — и совал в ладонь рукоятку ножа.

Байджан, ослепший от слез, до крови закусил губу. Разве мог слышать, понять, что там предлагает невольный убийца его брата… Не понимал, чего хочет Джуманияз, не хотел понимать.

— Ударь, ударь меня в грудь, Байджан дорогой! — твердил Джуманияз.

Пелена, закрывавшая глаза Байджана, прояснилась. Он оттолкнул руку Джуманияза.

— Разве этим вернешь его… — и еще сильнее затряслись его плечи.

— Хоть и не вернешь — бей все равно! Я виноват в его смерти!

— Нет… — Байджан не сдерживал слез, однако все же услышал, покачал головой. — Нет… Очень плохо все получилось… Очень…

— Байджан, дорогой, ни тюрьмы, ничего другого не боюсь, ничего в мире не боюсь… Одно убивает меня: дети сиротами остались!

— Сиротами…

— Ах, Байджан-брат, верно вы говорите! — всхлипнул и Акджик.

— Убей меня, Байджан!

— Убей нас обоих, Байджан дорогой!

— Не оживить этим брата… Не вернуть его…

— Ах, верно говоришь, Байджан-акга[1],— Акджик вытер слезы. — Дорогие братья, нет пользы в том, что плачем здесь, надо добираться до аула! — и глянув многозначительно на Джуманияза, побрел к машине.

— Пойду поищу что-нибудь… перенести его надо в машину… — Джуманияз направился следом за шофером.

Отойдя подальше, оба враз перестали плакать. Стояли, поглядывали друг на друга.

Первым заговорил Акджик:

— Кажется, совсем плохи наши дела, дорогой брат.

— Да, мы в пропасти.

— Надо искать выход.

— Так.

— Только какой?..

— Может, сунем следователю, выкрутимся?..

— До луны легче достать. Нельзя доводить дело

---

[1] Примечания: 1

Акга — брат.

до следователя. Нужно обдумать, не торопясь.

— Не время давать верблюду садиться, надо быстро решать!

Акджик слушал, опустив взгляд, видом выражая подчиненность. Он был спокойнее этих двух — завфермой и пастуха, ловкая мысль пришла ему в голову.

— Акга-джан, — сказал он, — послушай меня, вот что надо сделать…

Пока он говорил, Джуманияз согласно кивал головой.

— Да, и я о том же подумал. Но согласится ли он?

— Попробуем… Может, и выйдет — он ведь очень мягкосердечный, все это знают.

Захватив из кузова машины доски и веревку, Джуманияз и Акджик вернулись туда, где лежал погибший Юсуп и плакал над ним его брат Байджан.

— Акга-джан, брат… — Акджик обнял Байджана за плечи, — плохо, когда увеличивается число сирот. Если хоть один ребенок остался сиротой, вина падает на весь род людской, на всех нас.

— Да, на всех нас… — Байджан, не отрывая рук от лица, кивнул.

— Мы не должны после этой страшной вины

брать на себя еще одну, отягощать свою совесть, брат. Но ведь дети Джуманияза-акга останутся сиротами!

— Сиротами…

— Брат, мы должны постараться уберечь Джуманияза-акга от тюрьмы — ради его детей.

— Да, да, только как? — кивнул Байджан, и Акджик заметил, что он за короткое время, прошедшее после злосчастного выстрела ружья Джуманияза, страшно осунулся. — Братья, а что если мы сделаем так…

Джуманияз смотрел ему в рот, затаив дыхание — неужели Байджан сам произнесет спасительные слова? Однако Акджик не дал сказать Байджану то, что тот уже готов был произнести — сам хотел выслужиться перед Джуманиязом, на всю жизнь сделать его зависимым — и перебил, заговорил горячо и напористо:

— Акга-джан, только ты можешь, все зависит от тебя! Твоя человечность руководит твоими делами, ты возьми эту беду на себя, брат! Тебя ведь даже в тюрьму не посадят, у властей есть же голова на плечах — кто будет воспитывать двенадцать детей — твоих и Юсупа!

— Да, да… — не отнимая рук от лица, согласно кивал Байджан.

У сироты тело выносливое, да душа мягкая.

Байджан вырос сиротой, он знал, что это такое. Не желая обездолить детей Джуманияза, вину за убийство брата взял на себя.

2

Джуманияз все не мог успокоиться. Крепка ли веревка, которой связал дрова. Или не крепка? Что если оборвется, что если один конец опутает ноги, другой захлестнет тело?

И сейчас, сидя позади летнего клуба, возле склада, и ожидая кладовщика, он пребывал в страхе. Вспоминал, перебирал, взвешивал, оценивал… Думал все о том же. Хотя и верил, что не проболтается Байджан, да случай — он же дурак…

Со злостью посмотрел на стариков — сидели под навесом из виноградных лоз у конторы и, казалось, не сводили с него глаз. Чего уставились, проклятые, что вам тут обезьяна играет?!

Один из них встал, сорвал виноградину, попробовал на вкус, сморщился и выплюнул. На что намекает?

А тут еще этот полоумный старый Риззак, скандалист аульный, никак богу душу не отдаст, принесло его откуда-то, трясет спутанной бородой. Клюку держит под мышкой, протянул

Джуманиязу морщинистую руку, дряблокожую, будто шея индюка.

— Ну-ка, давай поздороваемся.

Джуманияз поднялся, не глядя на старика, протянул руку.

— Как же это так получилось? — начал Риззак.

— Я ведь вчера все рассказал.

— Еще расскажи.

Кровь ударила в голову Джуманиязу, покраснел, словно бурак. В другое время не посмотрел бы на возраст Риззака, ответил бы ему покрепче… Однако, коли шея твоя в петле, то и язык у тебя короткий. Поэтому лишь молча отвернулся.

Однако Риззак, если нашел себе жертву, то уж не отпустит.

— Там у них сейчас такое горе, а ты тут покуриваешь в свое удовольствие.

— Ага, дорогой, ты меня оставишь в покое или нет?! — из самой глубины сердца вылетели слова Джуманияза. Швырнул в арык дымящуюся сигарету — та перелетела через воду и тлела теперь в траве на том берегу. — Жду здесь кладовщика, оставь меня в покое.

— Я-то оставлю тебя в покое — если только милиция оставит и судья.

В бешенстве перепрыгнул Джуманияз через

арык, зашагал к заднему входу на склад. Думал, жалея себя, что сейчас его будто жгут на медленном огне — лучше бы уж сразу: вспыхнуло — и отмучился!

Но нет, нет! Пусть сгорает тот, кто горит! Способен сгореть, поддаться! А мы еще посмотрим, мы еще подождем!

Увидел — навстречу спешит Акджик. Подошёл — пахнуло водочным перегаром.

— Выпил? — зло, сквозь зубы, спросил Джуманияз.

— Иначе не вынесу. Юсуп надвигается на меня, и днем и ночью вижу.

— Станешь пить — все напортишь. Не сболтнешь сам — так люди догадаются!

— Ну, раз говоришь не пей, так и не буду, акга-джан. Сейчас сяду за руль и, никому на глаза не попадаясь, прямо домой поеду, лягу спать.

— Так ты на машине?

— Да…

— Кладовщика, видно, так и не дождусь. Поеду с тобой, не то еще на милицию нарвешься. Или чего выкинешь, с пьяных-то глаз.

— Значит сам отвезешь меня, акга?

— Отвезу.

Они подошли к машине.

— Может, я сам поведу?

— Садись, да помалкивай! — бросил Джуманияз, включая зажигание.

— А если не захочу помалкивать, что тогда? — куражился Акджик.

— Тогда жена твоя будет плакать, отвернувшись к стене![5]

Акджик не очень-то испугался — такие разговоры слышал от завфермой уже не раз, не придавал им большого значения.

Джуманияз, сузив глаза, с каменным лицом гнал грузовик по пыльной, словно мукой присыпанной дороге, вдоль осевших стен старинной крепости по направлению к аулу.

Акджик поглядывал краем глаза, улыбался недобро. Спросил с подначкой:

— Акга-джан, ты прямо скажи — разве я хоть кому-нибудь сыпал перец на рану?

Джуманияз даже головы не повернул.

— Цена тебе известная, Акджик, и злобе твоей, и трусливому ехидству. Пока не вылил на людей все дерьмо, что у тебя скопилось внутри, надо тебя убрать, не то весь свет испоганишь! Запомни, я из тебя сделаю обезьяну, проглотившую нас!

---

[5] Примечания: 5
Так плачут по умершему.

Можешь мне поверить! И потом, встретив меня, визжать будешь, как та обезьяна в клетке!

Была история, давняя, когда Джуманияз учился в сельхозтехникуме, в город приехал зоопарк. Все ходили смотреть, ну и он пошел.

Возле клетки с обезьянами толпился народ — и взрослые, и дети — кидали печенье, конфеты, обезьяны хватали, прыгали, кривлялись.

Джуманияз подошел поближе, одна из обезьян протянула лапу, выпрашивая подачку, а когда он не бросил ничего — вдруг плюнула, да так точно, прямо в лицо попала. Люди вокруг захохотали. Джуманияз, взбешенный, кинулся прочь, но далеко не ушел. Попросил у кого-то конфету, а у седобородого старика взял щепотку наса и, выковыряв из конфеты начинку, затолкал туда горькую начинку. Вернулся к клетке, и когда та обезьяна снова протянула лапу, бросил ей свое угощение. Обезьяна тут же схватила конфету, но, съев, так закричала, что даже дремавший напротив старый лев проснулся и встревоженно стал ходить взад-вперед по клетке.

Через несколько дней Джуманияз снова наведался в зоопарк. Обезьяна сразу узнала его, скорчилась и закричала, как от боли.

Этого чересчур болтливого Акджика, он, Джу-

манияз, тоже заставит корчиться и кричать, как ту обезьяну!

— А сейчас, акга-джан, ты смотришь на меня точно на Азраила![6] — продолжал зубоскалить Акджик. — Зачем пугаешься — ведь не я стрелял в Юсупа, стрелял родной брат, его бойся!

— Я тебе говорю, много не болтай! — Джуманияз взглядом пронзил Акджика насквозь — как только тот уцелел.

Между тем машина сошла с дороги на обочину и вот-вот опрокинулась бы в канал, но Акджик проворно перехватил руль. Опомнившийся Джуманияз нажал на тормоз.

— Акга-джан, повезло нам, а?

— Вылезай!

Акджик, увидев скривившийся рот и дергавшееся веко Джуманияза, испугался:

— Хочешь побить?

— Кому говорю, вылазь, негодяй!

— Акга-джан, ты же обещал отвезти меня домой — ну и отвези!

— Отвезу, отвезу, только сначала ты слезешь на землю!.. — обойдя машину и открыв дверцу, он схватил Акджика за руку, с силой потянул его

---

[6] Примечания: 6
Азраил — ангел смерти.

из кабины.

— Зачем же мне вылезать, акга-джан, — Акджик засмеялся с чувством превосходства, — еще того гляди побьешь меня! — Он резко дернулся — рукав рубахи остался зажатым в кулаке Джуманияза, тот откачнулся, едва не слетел в воду — хорошо успел схватиться за куст чертополоха.

Акджик проворно пересел за руль, машина рванулась вперед — и остановилась метрах в двадцати.

Открыв дверцу кабины со своей стороны, Акджик смотрел сквозь поднявшуюся тучей пыль на растерянного и злого Джуманияза, манил его пальцем:

— Иди сюда, братец, если хочешь меня побить.

У Джуманияза сами собой сжались кулаки. Не зная куда девать руки, засунул их в карманы. Пошел к машине.

Едва подошел — Акджик нажал на газ. Облако пыли окутало Джуманияза.

— Ах ты!.. — завфермой подхватил комок земли побольше. — Шутить вздумал со мной, подлец! Убью!

— Если будешь нехорошо вести себя, братец, я уеду, а ты останешься один на дороге.

— Образумься, Акджик! Будь человеком!

— Так я, выходит, не человек? — глаза шофера недобро блеснули.

— Ты хороший, достойный человек, только успокойся.

— Вот так бы давно!

— Ну, рассердился я, сам знаешь, бывает.

— Проси извинения, братец.

— Прости меня.

— Ну так что ж ты идешь, словно на воровство. Шагай быстрее, не крадись, я ведь все замечаю, акга-джан! — Акджик откровенно насмехался над завфермой.

И снова, едва Джуманияз подошел к машине, Акджик дал газ. Тот в ярости заорал что-то, швырнул вслед машине комок земли, затем бросился догонять. Наконец, выбившись из сил, опустился на землю.

Акджик остановил свой грузовик, высунул голову из кабины и спросил, посмеиваясь:

— Ну что, братец, кто быстрее — ты или машина? Уяснил. В следующий раз, когда вздумаешь догонять меня, обязательно помажь зад скипидаром, тогда уж точно не отстанешь!

— Ах, чтоб твой отец стал ишаком! — не поднимаясь с земли, ругался Джуманияз. — Я тебя убью, подлец проклятый! Только попадись мне в руки!

— Вот он я, братец, если хочешь убить — пожалуйста! — Акджик спрыгнул с подножки. Беспечно заложил руки за спину, поднял лицо к солнышку. Постоял, всем видом выказывая спокойствие и уверенность, потом подбоченился, шагнул вперед:

— Вот что я тебе скажу, братец, не очень-то кипятись, угрозами ничего не добьешься — твоя жизнь в моих руках, не забывай, пожалуйста! В старину в таких случаях как говорили? "Молчи, держи язык за зубами, пустясь в путь бегай..." Вот так-то, акга-джан.

Джуманияз тяжело поднялся, помогая себе руками: не мальчишка давно уже, чтобы так бегать. Однако злоба все еще душила его, гнала вперед. "Если бы отошел от машины, уж я бы укоротил его проклятый язык!" — билось в мозгу.

Акджик, без труда догадываясь, о чем думает зав-фермой, усмехнулся:

— Гляди, вот я и от машины отошел! — и шагнул в сторону. — Не смотри на меня, как на дурака, братец! Пришел твоим шуткам конец, постарайся понять. Не держи против меня камень за пазухой, будь умницей. Не моя пуля попала в Юсупа — твоя, понимаешь, твоя!

И до сознания Джуманияза вдруг дошел смысл

этих страшных слов — ярость его улетучилась. Он сделался похож на пустой мешок, из которого высыпали траву. Вместо ярости в душу вошел страх, руки и ноги сделались будто ватными.

Молча проковылял мимо шофера, молча поднялся в кабину.

Акджик, насвистывая, сел за руль.

— Будем умницами, братец, — сказал Джуманиязу, глядя на него с брезгливой жалостью. — И еще тебе советую… Судьба по-всякому может повернуться, приведи в порядок все документы по ферме. Сейчас многие будут следить за тобой.

— Это ты верно говоришь, — вздохнул Джуманияз.

— Акга-джан, бывает — собаки меж собой дерутся, но когда нападают волки, они всегда вместе. И мы с тобой тоже должны держаться друг за друга, объединиться, а не ходить, задрав голову.

— Ты прав, Акджик, согласен…

3

Байджан сидел в плетеном из веток кустарника укрытии на вершине холма, где можно было скрыться от ветра, обогреться у костра, и в то же время наблюдать за отарой.

Потрескивали в огне ветки саксаула, но, как

сказано в поговорке: "Спереди поджаривается, сзади ветер гуляет", так получалось и сейчас: он все не мог согреться.

Еще с вечера Байджана знобило, болела голова — зато и никакие мысли не лезли. Сейчас он безуспешно старался согреться, и вдруг сквозь свист холодного ветра услышал женский голос:

— Чего прячешься, Байджан!

Он выглянул наружу — у шалаша стояла Аннагуль, жена Кемала, чабанившего по соседству. В песках и здоровому-то мужчине нелегко, особенно в такой холод, как сейчас, а уж женщине и подавно. Джуманияз, зав-фермой, рассказывал про нее, что не раз слышал, как она ходит и разговаривает вслух непонятно с кем. Конечно, долго останешься в одиночестве, можешь и с самим собой разговаривать — бывает и такое.

— Как ты попала сюда? — спросил Байджан и подбросил в костер еще парочку веток саксаула.

— Вот точно люди говорят: коли три года один станешь ходить по пескам с отарой, и сам из человека в барана обратишься! Нет, чтобы сначала предложить гостю чаю, сесть предложить, а уж потом задавать дурацкие свои вопросы.

— Какая разница — сначала спросил или потом спросил, лучше сразу спросить.

— Ну, конечно, настоящего, прямого мужчину сразу видно, — насмехалась Аннагуль; она отодвинулась от костра, чтобы искры не прожгли подол, подсела на матрац к Байджану. — Вот что я тебе скажу: станешь спрашивать в начале то, что надо спрашивать в конце — получишь туфлей по лбу. А сообразишь сперва угодить женщине, сердце размягчить, нужную струнку задеть — задавай свои вопросы, все звезды на твое небо высыпят.

— Вон ты куда… — улыбнулся Байджан. — Бойка, бойка…

— А сам что, стареть собрался?

— Погоди, не шибко так, ты уж совсем меня в угол загнала.

— Ай, это я так, просто к слову, Байджан. Не обращай внимания. Овцы проклятые отбились, ушли куда-то. И не мало — штук семьдесят.

— Давно? — забеспокоился Байджан.

— Да еще вечером. А заметила только утром. Ушли по ветру. Сначала следы видны были, сейчас снег повалил, все засыпало.

— Сама за ними смотрела?

— Нет, Кемал. Хотел, чтобы пожевали немного хоть черных веток, или травинок, вот и выпустил из кошары.

— Да найдутся, не пропадут, — начал утешать

Байджан.

— Беда с этой кошарой, — пожаловалась Аннагуль. — Ночью овцы потеют, на рассвете выпустишь — сразу могут простыть, а там и — воспаление легких, мрут, как мухи.

— Это ты правильно говоришь. Не только в кошаре — даже если под открытым небом ночуют, и то приходится за ночь раза два их поднимать.

— Ах, чтоб в землю закопали того, кто придумал эти кошары!

— Да он-то не виноват. Кошара хороша и выгодна там, где опускается под сорок, а у нас разве бывают такие морозы?

Оба замолчали, смотрели на огонь, слушали посвист ветра.

— Чай будешь пить?

— Чем спрашивать, лучше побить и дать, не спрашивая.

Байджан протянул руку к термосу.

— …Оставь… — Аннагуль поднялась. — Я тебе сама вскипячу чай. — Взяв металлический кувшин — тунче, зачерпнула из бидона воды, поставила на огонь.

— Кемал хоть знает, где ищешь овец?

— Какое там! Отару на помощников оставил, сам пошел в сторону Екеутуна, я — в южную сто-

рону. Дело случая, не мне — ему встретятся.

Аннагуль была крепкая, здоровая женщина, способная заменить при отаре мужчину. Ведь когда ночь стоит, когда темнота хоть глаз коли, какое там женщине искать отбившихся овец — не всякий даже опытный чабан решится выйти в пески. А вот Аннагуль не боялась ничего. Байджан уважал ее за это.

— Баран это баран, каждый хочет иметь полный казан, многие не прочь заполучить твоих беглецов. И чабаны теперь не те, что были раньше, мелочные стали, — вздохнул Байджан.

— Ну, конечно. У кого зубы есть — хотят сжевать, у кого глотка есть — готовы проглотить. Интересное существо человек! Если голодный — ворует от голода, если сытый — хуже того с жиру бесится!

— Правильно говоришь. Если голодный крадет — так пока желудок не насытится, если сытый — пока глаза не насытятся.

— А глаза вора никогда не насытятся. — Аннагуль вытащила бурлящую тунчу из огня, бросила в кипяток заварку. — Дай бог, чтоб наши овцы не попались такому.

— Не попадутся — если судьбой не предсказано. А написано на роду — так и попадутся. Но, думаю,

найдете вы их.

— Конечно, найдем, специально положили свой ковшик в казан, чтобы нашлись, — Аннагуль, улыбаясь, налила чай в пиалы.

Байджан поднял пиалу с зеленым чаем, подул. Невыносимо давила тоска, хотелось как-то облегчить душу. Вот и человек пришел, может выслушать, есть с кем поделиться печалью… Хоть немного.

— Овцы — это ничего, это не потеря, их можно найти, да ты и найдешь. Только избавь аллах от такой ноши, какая легла на меня. Душа болит, не может выдержать непосильного. — Аннагуль, понимая, что Байджан недоговаривает, и, не зная, как ответить, опустила глаза. — Есть старая притча, — продолжил Байджан. — Однажды некий падишах посадил в тюрьму мужа, сына и брата одной женщины, — в груди Байджана захрипело, он поперхнулся кашлем. Успокоившись, продолжал — Женщина в слезах пришла к падишаху. Повелитель выслушал жалобу и предложил: хорошо, выбери одного из троих, я отпущу, остальных ты не увидишь. Кого ты спасешь? "Муж в пути, сын в пояснице, а где брат? — сказала женщина. — Отпусти брата". Для человека самое дорогое — брат…

— Это, конечно, верно… — Аннагуль отхлебнула из пиалы, наслаждаясь горячим. — Только нужнее всего бывает для человека то, чего у него нет, так я думаю.

Байджан снова закашлял с хрипом.

— Ты, видать, сильно простыл. Лекарство хоть пьешь?

— Да ничего особенного, простыл и все.

— Надо бы тебе оставить овец на помощника, а самому в центральный кош, отлежаться в тепле.

— Мне здесь лучше.

Аннагуль чувствовала, что Байджану плохо, жалела его.

— Небось, и жар у тебя? — она потрогала его запястье. — Да нет, вроде. Только бьется так, будто кровь вену готова прорвать.

— Знобит меня.

— Это от простуды. Укройся хорошенько и ложись. Смотри-ка, у тебя и губы даже потрескались, что ж ты так… Я сейчас постелю тебе, а ты много не двигайся, за овцами твоими пригляжу.

— Сначала своих найди.

— Куда денутся! Вот как бы тебя из-за овец не потерять! Ложись, ложись.

Аниагуль накрыла его одеялом, потом теплой накидкой из верблюжьей шерсти. Допив чай,

поднялась, вышла наружу. Взглянула на овец, хотела покормить собак Байджана — они лежали, тесно прижавшись друг к другу, греясь так. Собаки понюхали чурек, лапами придвинули к себе, но есть не стали, навострив уши, вслушивались в свист и вой ветра. Помешкав немного, Аннагуль вернулась к огню. Присела возле изголовья постели, спросила:

— Теперь не холодно?

— Холодно.

— Чем же тебя еще накрыть? — Аннагуль оглядывалась по сторонам.

— Что увидишь, все набрось, знобит меня.

— Нет, так ты не согреешься. Сейчас я сделаю иначе. — Женщина взяла лопату, поворошила горящие угли, освободила и отодвинула в сторону кучу почерневшего раскаленного песка из-под костра, потом смешала его с холодным. Добившись нужной температуры — так, чтобы не сгорел матрац, распорядилась. — Ну-ка, Байд-жан, поднимись. Сейчас мы твою постель перетащим сюда, на горячий песок, потом ты съешь лапшу — унаш с перцем — и только попробуй после этого не согреться!

Когда Байджан лёг на новом месте, Аниагуль снова укрыла его одеялом и накидкой.

— Ну, теперь не холодно?

— Теперь, вроде, теплее стало.

— Если человек мерзнет снизу, никогда ему не согреться. Даже сказка есть такая — про Султан Союна и Мырали. Мырали, он тогда постелил под себя тридцать девять одеял, и только одним укрылся, и на самой вершине горы не умер от холода. А до него ложились другие на одно одеяло, тридцатью девятью укрывались, и оттого все замерзали и умирали. Да ты не слушаешь меня, Байджан? Не думай, что я какая-нибудь болтушка. Ведь целыми днями ходишь за овцами, молчишь, только думаешь — а сказать некому, не с кем перемолвиться.

— Холодно мне, Аннагуль, знобит…

— Вот сейчас сделаю лапшу, приготовлю унаш. Перец-то есть у тебя?

— Есть, в торбе.

Женщина засуетилась, и через некоторое время обед был готов.

— Вставай, Байджан, надо тебе поесть хоть немного.

— Не хочется есть, во рту горько.

— Нет, нет, вставай обязательно!

— Холодно мне…

— Если сейчас не съешь унаш с перцем, не вы-

пьешь горячего, будет лихорадить, температура поднимется. У всех мужчин одинаковая привычка: стоит им положить голову на подушку, все — умирает. О, аллах, бедные мы — женщины, какие болезни переносим на ногах! Я тебе не Сельбинияз, жена твоя, умолять да упрашивать долго не буду, а ну, вставай!

Байджан через силу поднялся, сел.

Аннагуль заботливо укрыла его, поставила перед ним полную чашку лапши. И себе нашла чашку, села рядом с Байджаном.

— Ешь, пока не остыла, увидишь — тут же пот прошибет!

И правда, хотя и начал Байджан без желания есть, скоро почувствовал, как тепло от горячей пищи разливается по жилам, а по лбу пробежали капельки пота.

Аннагуль, то упрашивая, а то и прикрикивая, заставила-таки Байджана съесть целую чашку унаша.

— А теперь не говори ничего, иди и ложись.

Байджан лёг, и сразу почувствовал, что тепло от горячего песка снизу как следует прогрело всю постель. Он с блаженной истомой ощущал, что последние остатки холода покидают его тело, глаза его слипались, он засыпал.

В это время к колодцу, возле которого держал свою отару Байджан, приближался на машине завфермой Джуманияз — он и помогал искать отбившуюся часть стада Кемала-чабана, и, разъезжая от колодца к колодцу, предупреждал пастухов об особой осторожности в это трудное холодное время.

Джуманияз подъехал к становищу с подветренной стороны, поэтому ни Аннагуль, ни тем более Байджан не слыхали шума мотора.

Оставив машину в низине, Джуманияз, подняв воротник тулупа и укрыв лицо от резкого, холодного ветра, торопливо направился к шалашу, где мерцал неяркий огонь костра. Когда он взобрался на бархан и подошел к плетеному чабанскому укрытию, в свете поземки увидел совсем не то, что ожидал, настолько не то, что даже растерялся и остановился в нерешительности. У костра в неверном колеблющемся свете пламени лежал на матраце Байджан, а рядом сидела Аннагуль; Джуманияз не разобрал от неожиданности — то ли гладила лоб, то ли просто положила руку на голову. Завфермой даже зажмурился, прежде чем поверил собственным глазам. "О, аллах, кто бы мог подумать такое! Байджан — и Аннагуль... Может, просто померещилось?"

Он и не подумал узнать, что означает увиденное им, и видел ли он на самом деле, как женщина гладит лоб Байджана, или ему показалось, — главное, он был потрясен, он был возмущен и оскорблен!

Он торопливо спустился с бархана к машине и никак не мог совладать с собой. Нет, вы посмотрите, чего только не бывает на свете! Вся округа ищет отбившуюся часть стада Кемала-чабана, даже на центральном коше никого не осталось, кто-то мерз сейчас в ночи, кто-то был голоден… А эти… Они наслаждаются! Если узнает Кемал, сдернет с обоих кожу живьем! Нет, ему нельзя даже намекнуть, не приведи аллах — последствия невозможно даже представить. Эх, Байджан… От кого не ждал, так от тебя…

Но главное, что потрясло и оскорбило Джуманияза, связано было не с Байджаном и не с Кемалом, а с самой бесстыдницей Аннагуль.

Дело в том, что жена Кемала-чабана была единственной женщиной на все десять колодцев округи.

Случалось, показывала себя грубой и крикливой — и это ничуть не трогало Джуманияза, ведь она постоянно, наравне с мужчиной, ходила за отарой. Но…. Душа и тело Джуманияза желали эту

высокую, гибкую, сильную женщину. Он не влюбился в Аннагуль, ничуть! Однако в воображении своем он подчинял ее. Как-то, улучив момент, сказал ей об этом. Улыбнувшись обычной своей далекой, не ему адресованной улыбкой, она ответила тогда: "С тех пор как помню себя девушкой — первого увидела Кемала-чабана, и он будет последним". Ах, если бы она не улыбнулась так — совершенно иной был бы разговор, если бы она, как многие другие, обиделась бы, раскричалась — чувства, разгоревшиеся в душе Джуманияза, тут же бы и погасли. Однако Аннагуль тогда взяла и улыбнулась. Она так улыбалась, что у Джуманияза закружилась голова, от прилива крови потемнело в глазах... Потом, опомнившись, он убедил себя, что ее отказ — обычное жеманство. Окрыленный, притянутый ее непостижимой улыбкой, он забыл свое мужское достоинство, свою сдержанность — схватил ее за руку. И вот тогда глаза Аннагуль загорелись огнем ярости. Впрочем, сказала она спокойно: "Убери руки". — "А что будет, если не уберу?" — "Ничего не будет, только ты не двинешься". — "Это мы еще посмотрим!" — и он притянул к себе Аннагуль. — "Знай меру, мужчина, не то вырву сейчас твое мужское отличие и тебе же отдам в руки". Это было ска-

зано так зло и так уверенно, что у Джуманияза сразу иссяк весь пыл — он даже не заметил, как убрал руки. "Вот так, будь умницей. Если б я сама не могла постоять за себя, разве Кемал-чабан взял бы меня в пески?" — сказала она и снова улыбнулась. Ах, эта ее улыбка — будь она проклята! Какая сила в ней скрывалась!

Джуманияз хотел, пытался забыть Аннагуль — не мог, не выходило. Такой у него был характер — любил все преувеличивать, и если она так светло улыбается, представлялось ему, то ведь что-то же это да значит!

Однако сколько он ни старался — не способен был найти дорожку к ее сердцу. А ведь посмотреть — так он и лучшие корма давал Кемалу-чабану, что получали с Лебаба, и премии ему же первому выписывал, а Аннагуль была всей той же недосягаемой Аннагуль, хотя — вот она, тут, рядом, под рукой, можно сказать.

Но сегодня, сегодня! Где! И с кем! Ну, погоди, погоди ты у меня, женщина!

Разгоряченный своими мыслями чуть не до бешенства, Джуманияз сначала хотел было повести машину прямо на шалаш, ударить, смять, уничтожить... Не включая фар, двинулся к бархану — и тут его осенило: "Ведь это прекрасно, это моя

удача!" — и он уже мог рассуждать спокойнее. Сейчас он думал так: если Аннагуль сблизится с Баяджаном — забудется история с Юсупом. А чем быстрее отдалится Байджан в своем сознании от того дня, когда погиб Юсуп, тем спокойнее будет жить ему, Джуманиязу. И это — находка, божий дар! Раньше надо было сообразить, самому надо было найти ему такую женщину! Да, так вот оно и бывает в жизни: принесет ветер черную тучу, взметнет песок — дышать трудно, трудно открыть глаза. А потом начнется ливень — легкие очищаются и душе становится легко. И это событие — словно благодатный ливень для Джуманияза! Да, умный человек всегда может обратить черное в белое, потерю в прибыль, неудачу в удачу!

Так и получилось, что хорошее, доброе, сделанное Аннагуль для Байджана, Джуманияз превратил в черное, грязное, превратил в стыдное — как его мысли, как его душа.

4

Вскоре Байджан, ослабевший и уставший, приехал домой, в аул. По старой привычке заглянул к родственникам, к соседям — порасспросить о житье-бытье, побывал на поминках; как обыч-

но, его встречали улыбками, однако посидев и поговорив в одном доме, в другом, третьем, он увидел, что теперь улыбки хозяев не очень-то искренние. Это еще больше обеспокоило, стеснило душу. Да, теперь тропинки от его дома к соседям и родственникам зарастут травой, понял он. И решил до отъезда в пески совсем не выходить из дома, отдыхать среди семьи — с женой и ребятишками.

Так появилась стена между Байджаном и прежде близкими ему людьми, и стена эта с каждым днем становилась крепче и выше.

Раньше, стоило только Байджану вернуться из песков, в дом к нему сходились соседи и родственники. Говорили ему: "Ну, Байджан, давай рассказывай, что там нового в песках? Да не заставляй тянуть себя за язык, не молчи!" Их все интересовало — и вода, и корма, и качество каракуля… И ему, пастуху, достаточно было сказать несколько слов, только начать, а там уж беседа катилась сама собой, никто не теребил молчаливого Байджана, все вспоминали о наболевших делах, о том, что беспокоило и что предстояло решать.

Так было раньше. А теперь…

Никто ведь не знал, что Байджан не виновен в

смерти младшего брата, что взял на себя вину другого — хотел, чтобы меньше было на свете сирот. И все в ауле смотрели на него, как на виноватого — пусть нечаянного, но убийцу Юсупа, и ждали от него поведения именно виноватого человека. Это Байджан остро чувствовал, и в нем действительно рождалось ощущение собственной вины, а значит, отсутствие необходимого человеку достоинства, ущемленности и второсортности.

Какое это, оказывается, счастье — жить, не зная за собой греха, жить с чистой совестью, когда самая тяжелая ноша на плечах — своя же одежда! А попробуй сбросить груз вины! Куда ни пойдешь, она с тобой, превращается в твою тень, отбирает твою силу, веру в себя, твою сущность — вроде ты и прежний ходишь по земле, ан нет — не ты, только видимость.

Трудно жить виноватому на свете. Вина закрывает все пути, дом твой осыпает камнями. Хорошо еще — есть такая штука, как телевизор, целыми днями можешь сидеть да смотреть — и не замечаешь, как пролетают твои дни. Но и это надоедает. Тогда Байджан просто ложился на кровать и молчал — ни идти ему никуда не надо было, ни разговаривать с кем-то.

Сегодня Байджан перекинул через плечо при-

готовленный с вечера хурджун и направился к остановке автобуса. Интересное дело: вроде отдыхал несколько дней, не уставший он, но раз устала душа — и тело плохо слушается, шел, еле волоча ноги.

Автобус мчался по гладкому чистому асфальту, блестевшему после недавнего дождя, словно только что вымытое зеркало. Вдоль дороги тянулись мокрые поля.

Пока не начался сезон окота, решил Байджан, надо ему и за хозяйством своим присмотреть, и нужные детям обновы приобрести. С этой мыслью он отправился в Керки, в педучилище, где жил сейчас в интернате старший сын погибшего Юсупа Куванч.

Над детьми брата, над сиротами, чтобы не чувствовали они себя обездоленными судьбой, он, Байджан, как бабочка порхал. Только дети-то Юсупа заботы Байджана принимали холодно. Старшие вообще старались не встречаться с ним взглядами, младшие, едва глянув, отводили глаза. Грустно смотрели — а ведь в глазах их должны были озорство и задор сверкать, готовность к шалостям… Угнетало все это Байджана, но как быть, что делать — он не знал.

За окном автобуса дети пасли баранов, сами

грелись на проглянувшем солнышке. Где-то на поле жгли прошлогоднюю траву, черный дым змеей тянулся в небо.

Дым… В тот день, ближе к вечеру, к нему на стойбище приехал Юсуп. И точно также поднялась вдалеке к небу струйка черного дыма. Байджан сказал тогда настороженно:

— Кажется, наши зеленые пастбища горят.

Юсуп, всегда уравновешенный, и на этот раз успокоил его:

— Нет, это курек, сухие стебли хлопчатника жгут. — Оглянулся. — Удивительно, до чего у тебя здесь тихо!

Жаль, не захватил свой дутар!

— Вах, я то же подумал. Ну, ничего, садись вод там — хоть и без дутара, напой мне.

Но Юсуп тогда заговорил о другом:

— Помнишь, мы маленькими на этих барханах играли в ханов? Вот были золотые дни!

— Да, да, — подхватил Байджан. — Сначала ханом был Джуманияз, и мы его стащили с трона — ты за ногу тянул, а я толкал в грудь. Так заигрались в тот день, даже саксаула мало собрали, помнишь? — Братья дружно улыбнулись детским воспоминаниям. — Джуманияз тогда еще ворчал, мол, нас двое на одного, а мы отвечали, что как

раз вдвоем и надо стаскивать с трона, а он пусть со своим братом вместе обороняются — только они никак не могли поладить между собой, место хана поделить… А перед ханом полагалось ставить чай, наливать ему в пиалу, помнишь? И у всех остальных надо было собирать по кусочку сахара и отдавать ему…

Юсуп радовался, слушая, глаза его блестели озорством:

— Сейчас мы только вдвоем, соперников нет, ну, кто из нас будет ханом?

— Да вроде как-то неловко теперь в детские игры играть… — сказал Байджан, но, по правде, и сам был раззадорен уже. — Ладно, давай посмотрим!

Хохоча от радости, они схватились — боролись, тянули друг друга за одежду, не допуская один другого к вершине песчаного холма. Привычный к барханам Байджан, косо-косо шагая, легко вытаскивал ногу в чарыке из песка, согнувшись, охая от натуги, рвался вперед. Вырвался, но подол его рубахи оказался зажат в руке Юсупа. Он потянул брата за рубаху вниз, весело крича:

— Хе-е-е, хочешь стать ханом — не получится!

Их радостные возгласы неслись над осенней грустной пустыней, возвращали ей молодость. И

пес, сторживший стадо, и овцы, забывшие щипать сухую траву, удивленно смотрели на двух взрослых мужчин, которые играли и боролись, словно маленькие дети.

И снова Байджан и Юсуп, смеясь, рвались к заветной вершине, обгоняя друг друга. А оттуда, сверху, махало рукой, звало их прекрасное, ушедшее детство. Белый песок плыл под ногами, ручьями стекал вниз. И вот, уже у самой вершины бархана, следы их ног соединились. Первым, задыхаясь, опустился на песок Байджан, с ним разом упал ничком, обнял вершину бархана Юсуп, пропуская чистый белый песок сквозь пальцы.

— Надо же… совсем как дети, — говорил он. — Когда были маленькими, пели песню "Ты пустыня", а настоящего смысла не понимали. А вот сейчас, когда смотрю на нее, и солнце закатывается, и ты рядом, я понимаю. Мне хочется еще раз спеть ту нашу песню, помнишь?

— Спой, пожалуйста!

Отдышавшись, Юсуп вытащил из песка корень акации, изобразил с его помощью дутар и начал петь:

Охотники мечтают пуститься в путь…

Там маралы, там джейраны
С прекрасными черными глазами.
Все есть у тебя, пустыня.

Высокий голос Юсупа летел от бархана к бархану и пропадал вдали. Байджан лежал на мягком песке, как на подушке, смежил ресницы, видно было, что опьянен песней о близком и родном ему. Юсуп пел о песках, о барханах, которые передвигаются, словно огромные стада, о красоте пустыни… Да, для свободного, для сильного человека — в любое время года, в любой час дня она полна поэзии и красоты. Но для слабого она страшна, слабого она не терпит…

Юсуп кончил петь и, сам погруженный в музыку, не сразу заговорил, молчал, закрыв глаза. Потом улыбнулся:

— Что за спокойный ты человек, хотя бы спросил, зачем я приехал!

— Приехал — и хорошо. Зачем — сам скажешь.

— Если б я мог быть спокойным, как ты!

— Сказано: "Кто упадет в соль, сам станет солью". Работал бы ты в пустыне, сделался бы спокойным. Давай возьмем отару на двоих, хочешь?

— Такие слова приятно слышать ушам. Но сейчас в ауле много работы, солончаковые земли

разравниваем. Чтобы подать на новые поля воду, нужно провести арыки.

— Кого-нибудь другого сделают мирабом.

— Овец тоже не всякий способен хорошо пасти, Байджан, сам знаешь. То же и с мирабами — не каждому можно доверить воду. Позже как-нибудь, думаю, и походим вместе за отарой. А сейчас возьми коня, езжай в аул, переночуй дома. Ты скучаешь без детей, и они скучают без тебя.

— Да, это верно… — Байджан встал с песка. — Я тебе даже чая не предложил, хлеба-соли за всеми этими разговорами.

— Чай сам попью и хлеб сам отведаю, а ты не мешкай.

Байджан, радуясь поездке к семье, вскочил на коня.

— Спать ложись на кошме, ни змея, ни скорпион не полезут, — крикнул на прощанье брату.

Вдали над барханом появились горящие глаза зайца и сразу превратились в погасшие угольки, серый искал место для ночлега. Поблизости чирикала какая-то маленькая птичка размером с воробья.

Пламя костра, напоминавшее приоткрытый клюв беркута, сделалось ярче — над пустыней опускались сумерки. Воздух был прохладный и

чистый, как песок, на котором сидел Юсуп. Он глубоко, всей грудью вдохнул родной ему воздух пустыни, и ему показалось, что он оторвался от земли и летит куда-то…

В пустыне наступила прохладная вечерняя пора, пора тишины и покоя.

А потом все смешалось, перепуталось, разладилось!..

Ну, поехал бы он после встречи с Юсупом к детям, спал бы спокойно дома — так нет, понадобилось ему отправиться на охоту.

На охоту! Зачем?..

Когда он верхом на лошади приближался уже к дому, услышал за спиной шум грузовика. Догнав его, машина остановилась. Из окошка кабины выглянул Акджик.

— Байджан-акга! Ты здесь откуда взялся?

— Да вот решил проведать детей.

— А стадо свое подпаску поручил, что ли? — спросил из глубины кабины завфермой Джуманияз. Байджан и не разглядел его сразу.

— Пришел Юсуп, сказал, одну ночь сам приглядит за овцами.

— Просто замечательно! — обрадовался Джуманияз. — А то мы собрались за тобой.

— Что, дело есть?

— На охоту едем!

— Ай, я…

— Никаких "ай", — сказал завфермой. — Все, давай собирайся! — Байджан заметил, что Джуманияз навеселе.

— Сколько уже времени не был с детьми, хов!

— Давай, давай! Пошли!

Слишком хорошим, метким стрелком был Байджан — и Джуманияз не слушал его отговорки.

Все же Байджан сначала заглянул к себе, посмотрел на детей. Убедившись, что дома все в порядке, все живы-здоровы, захватил кусок жареного мяса и поднялся в кузов.

— Даже поесть не дали, — сказал недовольно.

— Даже если день-два не поешь, и то ничего не случится! Мы сейчас подстрелим хочешь джейрана, хочешь зайца, такой шашлычок соорудим — пожалеешь, что взял с собой домашнее!

Тогда-то Байджан и почувствовал разлад с собой. Сколько отговаривался, отказывался ехать — да разве бывает, как ты хочешь… Нет, не должен человек идти против себя, не должен раздваиваться в нерешительности — это ведет к плохому, точно.

Потом они отправились домой к подпаску — не застали, ушел смотреть кино. Подъехали к клубу,

Джуманияз вызвал парня прямо с сеанса. Тот хотя и ворчал недовольно, все же согласился выполнить просьбу завфермой.

...Сейчас Байджан не хотел вспоминать те черные часы. Смотрел на мелькавшие за окном автобуса поля, строения — ни на чем не мог задержаться взглядом, события той страшной ночи, как ни отгонял их, когтями вцепились в мозг и долбили, долбили — так беркут, вцепившись, долбит клювом мозг козленка.

Уехав от Юсупа на лошади, Байджан через небольшое время вернулся к нему на машине.

Джуманияз после обычных приветствий заговорил полушутя-полусерьезно:

— Юсуп, ты, гляжу, тоже стал чабаном, хов? Хочешь, иди ко мне на ферму?

— Да, я всегда мечтал получить отару.

— Смотри, а то хоть завтра отсчитаю тебе, будешь при хорошем стаде, а?

— До завтра еще дожить надо, — ответил Юсуп. Повернулся к брату. — Что ты так быстро вернулся?

— Да уж возле дома был — вот они встретились, стали уговаривать на охоту с ними поехать. Повидался с ребятишками — и вот я здесь.

— Даже сам пророк Мухаммед раз в месяц ел

дичь, — вставил Акджик.

— Ну что ж, раз пророк ел, и вам, наверное, можно.

— Нет, без тебя ничего есть не станем, возьмем с собой. Подпаска специально вытащили из кино.

— Я не могу ехать, — возразил Юсуп.

— Да что вы в самом деле! Сначала старший, теперь младший. Что вас — на руках отнести в машину? Охота ведь не каждый день случается!

Боясь, что Юсуп скажет Джуманиязу резкие слова, а тот обидится, Байджан произнес:

— Ладно, Юсуп, едем побыстрее, — и схватился за борт, полез в машину.

И Юсуп против воли согласился и полез в машину вслед за братом.

5

Маленький зайчишка — в два кулака — выскочил из-за бархана прямо под фары грузовика. Джуманияз тут же нажал курок. Но в этот момент Акджик наехал на сваленное деревце саксаула, машину резко тряхнуло — и Джуманияз промазал.

— Не умеешь стрелять, зачем берешься? — крикнул сидевший на корточках в углу кузова Байджан.

— Да все из-за Акджика, не может вести машину прямо! — Джуманияз постучал прикладом о крышу кабины. — Акджик, езжай потише! А ты, Юсуп, держи ровнее прожектор. Покажется заяц, не упускай.

— Ты, может, лучше бы не указывал, — посоветовал Байджан, — стреляешь плохо, возьми лучше в руки прожектор, так вернее будет.

— Мы ведь договорились: первая пуля попадет не попадет, все равно не засчитывается. И потом, в моем промахе виноват Акджик.

— Почему это я виноват? — возмутился Акджик. — Сам не можешь стрелять — отдай ружье жене, ей пригодится в хозяйстве — вместо палки, когда хлеб в тамдыре выпекать будет! Так-то, акга-джан!

Джуманияз, словно боясь, что у него и вправду отберут ружье, закричал:

— Ты много не болтай, несчастный! Заяц побежал к кустам, давай двигай скорее обратно!

— Из-за одного зайца, что, возвращаться теперь? — недовольно пробормотал Акджик.

— Если первого упустим, вся охота будет неудачной. Поехали!

Повернули назад. Юсуп шарил ручной фарой вправо-влево. Мощный прожектор вспарывал

темноту ночи, облизывал барханы и ложбины, высвечивал голубовато-молочные под лучом деревца акации и саксаула.

Снова вдруг показались заячьи уши.

— Стреляй! — крикнул Байджан.

— Не упусти, акга-джан!

Джуманияз не успел выстрелить, заяц исчез.

— Акджик, веди машину к тому вон большому саксаулу, заяц там! — азартно скомандовал завфермой. — А ты, Юсуп, что, не можешь как следует держать фару? Байджан, возьми у него, свети сам!

— Ай, ферма, не ищи причину в других! При чем тут Юсуп, раз сам не можешь выстрелить!

— И ты тоже, оказывается, способен иногда голос подать? — недовольно проворчал Джуманияз. Сузив глаза, жаждущим взглядом следил за лучом прожектора.

Машина подъехала к большому саксаулу, но и там зайца не было видно. Ствол дерева был опутан металлическим тросом, кора ободрана, висела клочьями, нижние ветви обломаны. Крепкие корни кое-где выходили на поверхность и снова прятались в песке. У подножия лежал, похожий на черную змею, брошенный или забытый моток троса.

Кучи раскиданных веток говорили о том, что здесь прежде были целые заросли саксаула; люди безжалостно вырвали с корнем деревья, отобрали пригодное для себя, остальное бросили. Некоторые кучи веток были уже полузанесены песком.

— Может, хватит вчетвером гоняться за одним зайцем? — предложил Юсуп.

— Стреляй, стреляй, говорю! — закричал, перебивая Юсупа, Акджик. — Прямо, прямо фару держи, дармоед!

Из-под кучи веток выскочил заяц и, пока Юсуп поворачивался с прожектором, показал охотникам хвост и исчез.

— Стреляй, говорю!

— Куда, куда стрелять?! Разве тут выстрелишь! — кричал в раздражении Джуманияз. — Среди всех этих кустов… — Снова вскинул ружье вслед мелькнувшему позади сваленных веток зайцу. — За ним, за ним следом езжай!

С хрустом ломая ветви, грузовик рванулся вперед. Заяц кинулся в сторону далеко протянувшегося солончака, в свете фар казалось, будто там выпал снег. Другой шофер побоялся бы ехать на солончак, по хорошо знающий эти места Акджик мастерски вел машину — ни барханы, ни солончаки ему были нипочем.

— Куда же он подевался? — сердито проворчал Джуманияз.

Машина, оставляя на солончаке глубокий чернеющий след, еле ползла вперед.

— Как бы не застрять нам. Давайте вернемся, — озабоченно предложил Юсуп и погасил фару.

— Это тебе не колхозный ишак, на котором в коровьей лепешке застрянешь, — Акджик засмеялся, довольный своей выдумкой.

Снова перед фарами выскочил заяц, запрыгал по веткам, уходя в сторону кустарников.

— Прожектор зажги! — заорал Джуманияз, словно у него сердце вот-вот лопнет.

Байджан выхватил фару из рук младшего брата, включил свет, повел лучом — все увидели зайца. Тут уж сам Байджан закричал:

— Стреляй!

— Стреляй же! — Акджик вроде даже зубами заскрежетал.

— Ах-хей! — Джуманияз отшвырнул ружье, выругался.

— Ишаки! Чего же вы не стреляете! — заорал во все горло Акджик, резко нажав на тормоз.

— Ушел! — Байджаи досадливо хлопнул себя по колену.

Когда Акджик затормозил, Джуманияз не

удержался на ногах, сильно ударился о борт, но, похоже, не почувствовал боли, сверкая глазами, смотрел вслед убегавшему зайцу и ругался не переставая.

— Проклятье! После первого выстрела забыл снова зарядить ружье!

Сначала Байджан затрясся в смехе, потом и все остальные присоединились.

Пастух забрал у Джуманияза ружье, сунул в руки фару:

— Хоть ты и завфермой, становись в очередь.

— Но я ведь даже не выстрелил.

— Конечно, и не выстрелишь, если не зарядишь.

Грузовик снова пошел вперед, теперь к зарослям кустарников.

— Ах ты, проклятый Акджик, ты убьешь человека в этой своей машине!

— Если ты так стреляешь, мы так водим машину!

— Этот проклятый ушастый опозорил меня — в жизни подобного не случалось! — ворчал Джуманияз. Повел лучом прожектора — под кустами вновь показались заячьи уши.

Байджан выстрелил.

Заяц, подпрыгнув, растянулся на песке.

— Хоть и опозорил зава, зато чабан лицом в грязь не ударил! В честь такого случая мы этого ушастого здесь же освежуем и зажарим! — Байджан хоть и не был хвастуном от природы, однако, как истый охотник, не мог не похвалиться.

— Молодец, Байджан-акга! — Акджик вылез из кабины, стал собирать лежащие на песке ветки саксаула.

Джуманияз, не ободрав тушки зайца, а только вынув внутренности, посыпал внутри мясо солью и перцем, положил лук и чеснок, завернул все в газету и закопал под горящие угли.

— Я еще никогда не видел, чтобы так готовили зайца, — поразился Юсуп.

— Сейчас попробуешь — на всю жизнь запомнишь, — пообещал Джуманияз, сгребая поверх жарящегося трофея остаток углей.

И правда — зайчатина получилась отменной.

6

И снова грузовик с охотниками несся по пустыне.

Поднялись на огромный бархан — и тут вдруг в свете фар показался старик на ишаке.

— Акга-джан, не упускай, самая интересная охота начинается, — расхохотался Акджик. Высу-

нув голову из кабины, он помахал рукой. Возле старика Акджик затормозил.

Старик, повернув голову, спокойно кивнул:

— Салам алейкум, амаплыклы? Все здоровы?

— Ест, мы сами себе принадлежим! — расхохотался Акджик.

— Ее произноси столь заносчивых слов, сынок, вы все принадлежите земле.

— Ты, ага, хоть приятные вещи говори, раз уж встретился нам! — попросил Джуманияз, задетый столь мрачным наломинанием.

— Разве я сказал неправду? Ведь жизнь так и устроена: человек, делая первый шаг, не замечает, что движется прямо к могиле. Он думает, что вступает в райские сады, но нет: в итоге все приходят на кладбище.

— Яшули, просим вас, или помолчите, или говорите что-нибудь хорошее.

— Как ни люби тепло, нельзя всегда умываться теплой водой. Что кожа человека, что нрав — одинаково портятся от теплого, иногда и холодное не помешает.

— Яшули, вы так говорите о жизни, будто все о ней знаете. Кто вы?

— Я Хыдыр Ата![2]

— Ха-ха-ха! Он — Хыдыр Ата?

— Эх, хо-о-о, тоже мне нашелся Хыдыр Ата! А мы-то думаем, встретили старичка из сказки о Бо-венджике[7],— хлопал себя по коленям, смеясь, Акджик.

— Да, я тот самый, которого проглотил давным-давно Бовенджик, а потом вышедший наружу, я и есть истинный Хыдыр Ата.

— Если вы Хыдыр Ата, куда же направляетесь?

— У Хыдыр Ата не спрашивают, куда он направляется, потому что у Хыдыр Ата только один путь — это мир.

— Мир широк.

— И мой путь широк.

— Ну что ж, тогда счастливого вам пути, — иронически улыбаясь, пожелал Джуманияз.

— Спасибо. — Старик тронул ишака, но когда тот сделал два — три шага, вдруг спросил. — У вас поесть не найдется?

Джуманияз от хохота повалился на спину и не мог подняться.

---

[2] Примечания: 2

Хыдыр Ата — сильный, один из пророков.

[7] Примечания: 7

В известной сказке Бовенджик проглотил и верблюда, и старика с ослом, и детей. В конце концов он лопнул — и все вышли наружу.

— Тоже мне… нашелся… Хыдыр Ата! Разве Хыдыр Ата попрошайничает? Наоборот, у него все просят!

— Хыдыр Ата многолик, знайте, джигиты, он может предстать и попрошайкой, и пастухом, может даже обернуться куланом, собакой, птицей. Таким путем он может вызнать истинную сущность каждого. Не забывайте, джигиты, Хыдыр Ата способен принять любой облик, поэтому люди не должны обижать ничто и никого в этом мире.

— Так, значит, мы должны дать вам поесть?

— Я попросил, теперь сами решайте — дать или нет.

— А если не дадим, что будет?

— Будет то же самое. Только если человек просит — исполнить его просьбу хорошо, а не исполнить — плохо. Хорошее в дальнейшем создает хорошее, а плохое ведет к плохому.

— Чая у нас нет, яшули. Есть мясо, водка.

— Этого достаточно.

— Вы же все перепутали, яшули, разве Хыдыр Ата может пить?

— Так ведь я не древний Хыдыр Ата, я живу сейчас, в старину люди не пили, потому не пил и Хыдыр Ата.

— Да-а? — протянул Джуманияз. — Ну, это просто удивительно. — Под светом ручного прожектора, который держал Юсуп, налил в череп зайца водки, из которого пили до этого сами, предложил. — Вот, выпейте, яшули, — и протянул через борт грузовика.

Старик, на которого Юсуп направил луч фонаря, внешне вовсе не походил на старика: широкий лоб, длинный тонкий нос, запущенная черная борода — скорее он напоминал молодого крепкого мужчину, обросшего бородой из желания казаться старше или просто от лености. Под фарой он щурился и моргал, ослепленный.

— Убери свет, — попросил он, и Юсуп тотчас же отвел луч прожектора в сторону.

— Так ведь это, по-моему, не пиала? — удивился яшули.

— Это череп ушастого, убитого нами и съеденного.

— Значит, вы пьете из черепа?

— Так ведь заяц!

— Какая разница — все равно череп. Когда-нибудь и наши головы пойдут в дело — вместо пиалы.

— Типун вам на язык! — угрожающе бросил Джуманияз.

— Истинно говорю вам — все может быть. Тут не очень давно археологи положили один череп на камне у дороги. Всего нашли черепов-то много, но остальные забрали, а этот оставили на время, вроде как пометку для себя. Я спросил у черепа: "Ты кто?" — "Раньше был ханом, а теперь сам видишь". — "А почему ты здесь, на камне?" — "Теперь, где положат, там и приходится лежать". Видите, люди, был хан, властвовавший над многими, а теперь его череп лежит на камне у дороги. И вы тоже не думаете сейчас, что будет с вашими черепами…

— Еще одно слово — застрелю! — в бешенстве оборвал Джуманияз.

— Теперь не скажу ни слова. Только ты не подумай, что испугался твоей пули, нет, Хыдыр Ата не умирает, говорю, что хочу. Я не стану пить из черепа: если Хыдыр Ата сделает подлость, потеряет способность быть пророком. — Яшули вернул череп, а от куска мяса откусил, и тронул с места своего ишака.

— Эй, погоди! Выходит, мы подлецы?!

— Это узнает каждый в конце своей жизни.

— Я точно знаю, что вы не Хыдыр Ата! — закричал Джуманияз. — Вы с какого колодца?

— Я не с колодца, я принадлежу всему миру.

— Надо же, плюнул нам в рот и ушел! — Джуманияз зло смотрел в спину удаляющемуся старику.

— Акга-джан, не волнуйся из-за таких мелочей, это же сумасшедший, — успокоил Акджик. — Ведь просто умный человек на такие мудрые речи, как этот яшули, просто не способен!

Они ещё колесили по пустыне, однако не сумели больше подстрелить ни одного зайца. С сожалением поглядывали на меркнущие звезды — ночь, а с ней и время охоты подходило к концу.

— Не встретился бы нам этот Хыдыр Ата, может, охота и удалась бы, — ворчал Джуманияз, взглядом ища поддержки у Байджана и Юсупа, но те молчали, лишь смотрели на молочно-белые под светом фар, уплывающие в сумрак, по бокам автомобиля кустарники.

Впереди на бархане обозначились силуэты двух джейранов.

— Джейраны!

— Гопи, Акджик! Гони в их сторону, говорю тебе!

— Вижу, хов, акга-джан, только они тебе не дадутся — считай, что надежды твои пустые.

— Ладно, хоть погоняемся за ними!

— Очень они далеко, акга-джаи!

— Гони, тебе говорят!

— Раз говоришь езжай — я-то поеду, только уже светать начинает, прожектор не поможет.

Акджик нажал на газ, но тут Джуманияз вдруг закричал:

— Кулан!

— Где, где?

— Давай поворачивай к нему! — приказал завфермой.

И правда — недалеко пасся кулан, его вполне можно было догнать. Акджик живо развернул машину:

— Мясо кулана — лечебное, хоть его не упустите!

Байджан, разглядев, наконец, в предрассветной мгле животное, воскликнул:

— Молодой! — и поднял ружье.

— Это хорошо, это еще целебнее! — Джуманияз переломил ствол, проверил, не забыл ли зарядить. — Юсуп, и ты тоже заряди, теперь не до очередности, кулана мы не должны упустить. Такая удача не каждый день случается!

Юсуп, поехавший на охоту без желания, невеселый и грустный, только и сказал:

— Зачем?..

Куланчик и не думал убегать от машины, пасся все на том же месте.

Когда подъехали на расстояние выстрела, охотники разом спустили курки. Кулапчик рухнул, как подрубленное деревце, и больше не шевелился.

— Вот это охота, ха-ха-ха!

— Акга-джан, на этот раз вы молодцы!

Спрыгнув с машины, подбежали к несчастному животному — куланчик лежал, подняв к небу свою беленькую мордочку с еще открытыми красивыми глазами, меж ушей алела кровь, стекая на белый песок.

Джуманияз оглядел добычу:

— Этому куланчику не больше пяти месяцев.

7

Отрезав голову и ободрав тушку, развели костер. Из веток акации сделали шомпола, нанизали куски мяса.

Лишь Юсуп не присоединился к веселью. Заложив руки за спину, поднялся на бархан, потом скрылся за деревцами саксаула.

Что он делал там? О чем думал? Это была последняя его прогулка… Ходил грустный, вернулся грустный. Не стал пить со всеми чай, не при-

тронулся к шашлыку. Лёг в сторонке на песке, молчал.

— Вставай, хов, вставай! Давай к нашему дастархану! — тянул его Джуманияз, но тщетно.

— Ничего не хочу есть, давайте побыстрее уедем отсюда.

— Сам не голодный — так хотя бы нас не торопи. Не каждый день подбиваем кулана!

Мясо, нанизанное на ветки, поджаривалось на угольках саксаула, далеко разнося приятный аппетитный запах.

Акджик снял с ветки кусочек, подул, отправил в рот.

— Мясо какое-то странное, хов! Запах… что-то не похожее на то, что пробовал раньше.

— Сам ты на себя не похожий! Это ведь запах лекарственных трав пустыни.

— Я ведь не сказал — воняет, просто странное какое-то, акга-джан… — Акджик угодливо улыбался. — Давайте уже снимем с углей, пора, а то подгорит.

В это время из-за машины неожиданно появился давешний яшули на ишачке.

— Салам алейкум.

Сидящие у костра испуганно оглянулись и дружно перевели дыхание.

Джуманияз не сдержался:

— Ох, как ты нас напугал! Хоть и в середине песков сидим, все равно страшновато!

— Хыдыра Ата не надо бояться, его просто уважают, — сказал яшули, дотронувшись до бороды.

— Так ты давешний Хыдыр Ата, что ли? — иронически улыбаясь, спросил Джуманияз.

— Да, я Хыдыр Ата, рожденный вместе с Адамом и Евой.

Юсуп посмотрел на этого странно одетого человека, на его лицо, заглянул в глаза и увидел, что блеск в них не одинаков; он еще раз утвердился в своей догадке — человек этот немного не в своем уме.

— Братец Хыдыр Ата, почему вы все время преследуете нас?

— Хыдыр Ата никогда никого не преследует. Это люди должны следовать за Хыдыр Ата.

— Но ведь мы раньше вас пришли сюда, вы — за нами, правда? — не отставал Акджик.

— Это тебе, наверное, кажется. Я уже был в этих краях.

— Ну, тогда слезайте, отведайте нашего шашлычка.

— Нет, я не слезу. Хыдыр Ата чист, как праведное человечество, он ест только то, что едят

люди.

— А мы что — едим разве не то, что едят люди?

— Да, вы едите поганое. Вчера тут заблудился и пропал маленький ослик моего ишака, и теперь вы едите его мясо.

Все замерли, уставившись на яшули.

— Это мясо кулана… — тихо, заикаясь, сказал Джуманияз.

— Нет, вы едите маленького ослика. Вы кинули в кусты шкуру и голову, я увидел и узнал.

— Я ведь говорил — пахнет не так… — простонал Акджик.

— Даже во время войны не ели ишаков! — Байджан отвернулся, его тошнило.

Акджик бросился к кустам, его выворачивало наизнанку.

— Пошел вон отсюда! — заорал взбешенный Джуманияз, и сам бросился к кустам.

— Я — пророк Хыдыр Ата. Не стану проклинать вас, тем унижая свое достоинство, просто уйду, — ответил яшули и погнал своего ослика.

Настроение было испорчено, все до сих пор ощущали тошноту после злополучной охоты и шашлыка.

Акджик, закусив губу, гнал машину напрямую через кустарники, сидящих в кузове бросало из

стороны в сторону.

— Акджик, негодяй, езжай потише! — крикнул Джуманияз.

Вдруг из-под корня чогана, раскачиваясь из стороны в сторону, поднялась кобра.

Джуманияз, державший ружье наготове, быстро прицелился.

— Не делай этого, не стреляй! — Юсуп потянул Джуманияза за руку.

Тот с силой вырвал ружье, пальцем нечаянно задел курок — оглушающе грохнул выстрел.

Юсуп молча схватился за грудь и упал спиной на дно кузова.

Джуманияз замер, лицо его страшно побледнело. Потом он стал яростно бить прикладом в крышу кабины.

Байджан стоял на коленях возле брата. Это были самые страшные мгновения в его жизни.

Брат умирал.

Не дай бог, чтобы еще кому-нибудь пришлось испытать подобное! Не дай бог, чтобы повторилось!

Голова Юсупа склонилась набок, он обмяк, не двигался, рот был чуть приоткрыт, словно хотел что-то крикнуть — и не мог. Теперь это страдальческое лицо все стоит перед глазами у Байджана,

приоткрытый рот... Что хотел, что пытался сказать тогда Юсуп!

"Байджан, брат, мне пришлось умереть от твоей пули, позаботься хоть о детях..."

Нет, Юсуп такого не говорил. Он вообще не сказал ни единого слова, умер, не приходя в сознание.

Слова эти придумали, сочинили потом Джуманияз и Акджик. Потом, позже. Акджик тогда сказал: если мы одинаково передадим его последнюю волю, получится правдоподобно, нам поверят.

Так и появились несказанные Юсупом слова.

Да, действительно, слова эти убедили родственников, заставили поверить в рассказ очевидцев о том, что произошло несчастье.

8

Куванч встречал Байджана на автобусной станции. Мальчик вытянулся, возмужал, над губой у него уже пробился темный пушок. Байджан заметил это сразу, вглядывался с болью и любовью в лицо племянника.

— Общежитие тут недалеко, — сказал Куванч и взял у Байджана сетку.

Байджан нагнулся, чтобы поднять хурджун, и

вдруг взгляд его остановился на синих, потертых, с крупными заметными заплатами штанах Куванча — тут сердце Байджана сжалось от боли.

— Ну-ка, подожди, в общежитие твое мы успеем. Где тут у вас магазин одежды? Давай сначала туда заглянем.

— Да вы, может, отдохнете сначала…

— Нет, пожалуй, начнем все же с магазина.

Байджан, следуя за мальчиком, клял себя на чем свет стоит: "Ах, Байджан, Байджан, мало тебя закопать живым! Как можешь подростку, уже юноше, позволять носить рванье! Увидели бы аульчане, так бы и сказали — еще года не прошло, как умер их отец, а Байджан уже одевает ребятишек брата в штаны с заплатами".

Такси пронеслось по улице, остановилось у полукруглого одноэтажного дома.

— Вот все это — за всеми витринами — магазины. — В голосе Куванча слышалось недовольство и упрек.

Народу в магазине было полным-полно.

Байджан протолкнулся к отделу, где висели во множестве пиджаки и брюки. Позвал Куванча;

— Посмотри, нравятся тебе? — протянул он юноше сразу несколько пар брюк.

— Вроде носить можно.

— Нет, ты выбери самые лучшие, для себя.

— Но мне не нужны брюки!

— Не стесняйся, брат, бери, у меня денег много.

— Нет, мне брюки не нужны, — сказал упрямо Куванч.

— Братишка, пока я хожу по земле… Достаточно того, что мы сами мальчишками носили одежду в заплатах. Ну, которые выбрал? — повернулся он к Куванчу, а того уж и след простыл. Брюки, что Байджан дал ему в руки, валялись на полу.

Удивленный Байджан огляделся, но Куванча в магазине не было. Уплатив за брюки, он вышел на улицу. Там и увидел племянника.

— Мало вам того, что сделали для нашей семьи, теперь еще надо мной посмеяться захотели?

Ничего не понимающий Байджан шагнул к нему, протягивая покупку. Тогда Куванч сорвался с места и убежал.

Расспросив людей, Байджан отыскал общежитие педучилища.

Когда он вошел в комнату, где жил Куванч, тот лежал ничком на постели. Увидев дядю, закричал:

— Что вам от меня нужно!

Байджан молча снял с плеча хурджун, сел возле стола. Опустив голову, вздохнул.

Между тем поведение Куванча объяснялось просто. Незадолго перед тем в педучилище собрали всех студентов вместе с преподавателями, и на общем собрании шла речь о ребятах, которые, забыв об учебе, гоняются за модой. Вот тогда-то вместе со всеми досталось и Куванчу И теперь, отправляясь на занятия, он одевался скромнее, но на улице, естественно, как и прежде, щеголял в том, что представлялось модным в кругу его товарищей. Теперь же его разозлило поведение дяди, решившего тоже переодеть его в обычные штаны. Разозленный ущемлением на собрании своих, как он считал, законных прав носить то, что нравится, юноша уловил в поступке дяди насмешку над собой, желание лишний раз показать власть старшего.

Однако удрученный вид родственника смягчил его злость.

Байджан некоторое время сидел молча, глядя в пол, потом сказал:

— Не обижайся, братишка, я не хотел смеяться над тобой. Откуда мне знать, что сейчас носят в городе. Ты убежал, я спросил у парня в магазине, почему молодые ходят в брюках с заплатками. Он говорит: "Мода, яшули".

Куванч скупо улыбнулся. Байджан почув-

ствовал перемену в настроении племянника, развязал хурджин, вытащил темно-синие джинсы с заклепками, с замысловатой наклейкой.

— Ну-ка, взгляни, может эти тебе больше понравятся. Я после магазина пошел на базар, там подозвал молодого парня, попросил помочь выбрать. Купил с рук. Тот парень сказал, что по-настоящему модные.

Для Куванча в его пятнадцать лет джинсы были лучшим, самым желанным подарком. Он заулыбался, оттаял наконец.

И у Байджана на душе стало легче, когда увидел, что племянник повеселел.

Они долго разговаривали — Байджан рассказал об ауле, Куванч — об учебе, о техникуме, показал даже грамоту за хорошую успеваемость.

Он очень был похож на отца, и это волновало Байджана. Смотрел на Куванча и видел Юсупа, каким он был в пятнадцать лет.

…Детство, воспоминания детской и юношеской поры — большое богатство. В самую тяжелую жару, когда ослабел, когда мучит жажда, глотнешь воды, и сразу легко становится на душе, тело наполняется силой.

Для человека уже немолодого воспоминания о счастливом времени детства — тот же освежаю-

щий глоток в полдневную жару, на седьмом небе от счастья чувствует он себя, пусть ненадолго, но и за это спасибо памяти!

Была тогда, давно, в их ауле дружная компания ребятишек — человек десять туда входило. Время военное, трудное, голодное. И вот ребятишки поклялись друг перед другом, что станут помогать старшим, хоть немного постараются облегчить их тяжелый труд. В свободное от школы время и по воскресеньям собирались в пески за дровами. По дороге — мальчишки есть мальчишки — подгоняя своих ишаков, устраивали гонки — кто кого обгонит.

Юсуп младше всех был в компании, а ишак, которого выпросил на вечер у соседей, длинноногий — вдвоем они всех остальных далеко позади оставили. Мальчишки завидовали ему, худенькому и легкому, этим и объясняли его победу, никто не хотел признать, что соседский длинноногий все-таки бегает быстрее остальных своих собратьев.

Потом всей ватагой пели песни. И тут уж никто из ребятишек и не тянулся быть первым, все знали, что у маленького Юсупа память самая лучшая, он никому не уступит; заводил он песню еще на окраине аула и продолжал до тех пор,

пока не доберутся до места, в пески, — друзьям оставалось лишь подтягивать.

Как-то весной, когда еще только снег сходил и появлялась робко зелень, случилось неприятное: собирая ветви, ребята сильно устали, а когда решили перекусить, оказалось, что у них нет ни куска лепешки. Осел Джуманияза сорвался с привязи и уничтожил весь их запас.

Голодные и уставшие, ребята хотели даже отлупить Джуманияза, как хозяина виноватого ишака, да Байджан заступился, отговорил.

Вечером, так и оставшись голодными, возвращались домой. Выехали на окраину селения — донесся соблазнительный запах чурека. Уставшие дети увидели тамдыр, алеющие в нем угольки, женщину с ватной тонкой подушкой для выпечки хлеба. Потекли слюнки, с надеждой заблестели глаза.

Маленький Юсуп держался, держался, даже зубы стискивал, потом не вытерпел:

— Хочу чурек!

Байджан, не говоря ни слова, подъехал к тамдыру, остановился. Да храбрости не хватило попросить у женщины кусочек чурека.

— Эй, мальчик, погоди-ка! — окликнула женщина. — Что, проголодался? — голос ее был

ласков.

— Да, наш чурек съел осел.

— Ай, тебе надо хороший подзатыльник дать — разве можно ишака кормить хлебом! Если так кормить животных, что же нам самим останется? — Женщина плеснула в тамдыр воды из деревянной чаши, чтобы умерить жар углей. — Ладно уж, возьми вот, отломи кусочек.

Байджана не нужно было уговаривать.

— Теперь скажи, только твой чурек съел осел?

— Нет, у всех ребят.

Женщина выпрямилась, протянула ему горячий еще хлеб:

— Вот, возьми, разделите между собой. Заморите червячка, пока доедете до дома.

Чурек ребята поделили поровну. А в следующее воскресенье, возвращаясь из такой же точно поездки за саксаулом, сложили каждый по охапке веток возле накормившего их тамдыра.

Тут из дома показалась и женщина. Увидела ребят, растрогалась:

— О, мои родные, стоило ли вам так беспокоиться, ведь и самим понадобится… нет, нет, соберите эти ветки, везите домой. Но вот среди вас есть хороший певец, в прошлый раз, я слышала, как звонко он поет… пусть он мне споет ту самую

песню.

— Это Юсуп! Юсуп, давай спой, — загалдели ребята.

Юсуп смутился, потом все же запел.

Это была песня о солдате, который с фронта шлет привет любимой, о клятве, которую он дал перед народом. Чистый звонкий голос мальчика придавал словам песни особую нежность и доверительность, проникал в душу — поэтому слушать его было тяжело. Вокруг собрались женщины из окрестных домов, плакали.

— Вырастет, станет прекрасным певцом-бахши, — сказали они, когда Юсуп кончил петь, — а сам какой хорошенький.

Юсуп все больше увлекался песнями, и кончилось это неожиданно. Его мать Зухра, боясь, что если сын отдалится от лопаты, то может сбиться с пути, вообще запретила ему петь.

Юсуп не мог перечить матери, заменившей к тому же в семье и отца, поступил по ее желанию и больше ни разу не взял дутар в руки, не запел.

Когда он женился, его молодая жена Агагуль увидела на стене инструмент в чехле, спросила мужа:

— Вы играете на дутаре?.

Юсуп и рта не успел раскрыть, как мать отве-

тила за него:

— Ах, невестушка, какая тут может быть игра, ты взгляни на его грубые пальцы, разве такая рука годится для музыки! Дутару нужны нежные, длинные пальцы!

— Я только потому спросила, что на стене увидела… — молодая женщина стеснительно опустила голову.

И снова Юсуп не успел даже слова вставить.

— Какой же туркменский дом без дутара, невестушка! — опередила его Зухра.

После этого никто больше в семье не заводил разговора ни о дутаре, ни о пении.

Через год у Юсупа родился сын. Минуло сорок дней после появления малыша на свет, в доме собрались родственники, соседи и знакомые — справили небольшой той.

Зухра осторожно сняла со стены дутар, протянула невестке:

— Отдай Юсупу в руки, пусть немного побренчит своему сыну в ухо.

— А если он не сможет…

— Ступай, делай, что тебе говорят.

Соседка, пришедшая поздравить с рождением сына, укорила:

— Ах, Зухра, твоя вина, что такой талант про-

пал.

Мать Юсупа промолчала.

Юсуп веселился с друзьями и сверстниками. Когда жена подала ему дутар, изменился в лице, погрустнел.

— Ну-ка; Юсуп, сыграй!

— Пусть дутар запоет соловьем!

Агагуль решила, что друзья просто подшучивают над Юсупом, и по-своему хотела выручить мужа:

— Эне[8] сказала не здесь играть, — и густо покраснела. — Сказала, чтоб вы побренчали над ухом ребенка.

Собравшиеся поняли, почему покраснела молодая женщина, решили снова вогнать ее в краску:

— Конечно, не надо здесь играть, сходи побренчи над Куванч-джаном, — выкрикнул кто-то из друзей Юсупа. Агагуль, улыбнувшись, вышла из комнаты.

Юсуп приблизился к своему малышу, который и не различал еще отца среди других людей, засучил рукава.

— Ну-ка, сынок, сыграй, как прежде, — попросила одна из сидевших в комнате старушек. Агагуль

---

[8] Примечания: 8

Эне — мать.

и это приняла за шутку — не могла представить себе мужа в роли бахши.

Две струны дутара издали первый звук. Маленький Куванч то ли не почувствовал эту музыку, то ли проголодался — сморщил личико, явно собираясь заплакать.

Огрубевшие пальцы Юсупа с трудом управлялись со струнами, однако вскоре дом наполнился музыкой. Куванчик перестал морщиться.

— Прекрати сейчас же! Разве можно над грудным ребенком играть "Кечпелек"! — прикрикнула на сына Зухра.

— Мелодия хорошая...

— Да примета дурная.

— Может, сыграть из "Героглы"?

— Нет, пустая твоя голова, сыграй "Торгайгушлар"[9]. Посмотришь — огромный, как верблюд, а ума ни капли. — Увидев, как вспыхнула невестка, проворчала. — Не стой и не красней, успеешь еще нахвалиться мужем! — и сама чуть не всхлипнула от грубовато-строгих своих слов.

Еще одна старушка вступила в разговор:

— Ах, Зухра-джан, ты не обижайся на Юсуп-джана! Он еще молодой. Был бы постарше, даже

---

[9] Примечания: 9

"Кечпелек" — "Несчастный", "Торгайгушлар" — "Жаворонок".

если бы ты не сказала играй "Кечпелек", он бы стал играть.

— Какой же он молодой, уже отцом сделался!

— Мама, но ведь "Кечпелек" — красивая мелодия, — гнул свое Юсуп.

— Ну, если она тебе так уж нравится, играй ее в другом месте, хоть на моей могиле, когда помру. "Кечпелек" — это ведь грусть, тоска, слезы, а нам сейчас не нужны слезы, хотим смеха, радости, — ворчала Зухра.

Юсуп после упреков матери чувствовал смущение, волновался, поэтому долго не мог настроиться на игру, просто перебирал струны. Но постепенно рука его обрела уверенность, и полилась мелодия "Торгайгушлар".

Зухра потихоньку подошла к колыбели внука, распеленала его, чтобы крошечное тельце надышалось воздухом мелодии, впитало ее живительную силу. Маленький Куванч радовался свободе, весело двигал ручонками.

Сморщенные старушки поблагодарили Юсупа за игру. Растроганная Зухра, заметив, что невестка с любовью и гордостью посматривает на мужа, и сама успокоилась, развеселилась и сказала ей:

— Родная моя, ты не обижайся на меня, безмозглую. Хоть ты и невестка мне, а ему жена, я от тебя

скрыла, что он умеет играть на дутаре и петь. Боялась: увлечется музыкой и песнями — охладеет к дому. Теперь же сына моего привяжут к семье не один, а целых три аркана. Теперь, даже если и захочет куда пойти, Куванч-джан схватит за полу и скажет: останься дома. Так что пусть сейчас хоть дни и ночи напролет играет на своем дутаре — уже не опасно.

Свою бывшую любовь к дутару, к песне Юсуп променял на любовь к земле, к воде. Лишь изредка брал инструмент в руки.

Ах, надо, надо было ему играть на дутаре, надо было петь! Может, и жизнь его тогда оказалась бы долгой. Но не знает человек, где и когда встретит его смерть, где и когда оборвется жизнь. Вроде, думает хорошо, делает хорошо, а потом не может понять, отчего же получилось зло.

11

И Байджан, и Куванч долго не могли уснуть. Вроде обо всем переговорили, но каждого тяготили свои, невысказанные мысли.

— Дядя, ведь, оказывается, мой отец не любил охоту... — только и сказал Куванч.

Но Байджану и так было понятно, о чем думает мальчик. Он обвинял его, Байджана.

И Байджан был согласен с Куванчем — он тоже считал себя виновным, хотя знал то, чего не мог знать племянник. Однако сейчас он обвинял себя во всем случившемся: и в том, что не отговорил брата ехать на охоту, и в том, что послушался тех двоих и взял на себя грех перед людьми, перед семьей брата. Преступник он — ведь теперь никогда не оправдаться ему в глазах Куванча, никогда не доказать свою непричастность! Но Куванч, он вообще не говорит о том, виноват ли Байджан или нет, и правильно, Байджан его понимает — для мальчика не то важно, кто виноват, ему нужен, необходим отец, нужна отцовская поддержка и ласка. Разве хоть кто-нибудь способен заменить для него Юсупа! Нет, никто, и ничью руку не сможет он принять за отцовскую! Нет, нет, Байджан, хоть ты и смотришь на него глазами отца, но он не ответит тебе взглядом сына, никогда! Никогда не посмотрит на тебя с любовью и доверием!

Прежде Байджан не задумывался об этом, считал, что с чистой совестью постарается заменить детям Юсупа погибшего отца. И только сейчас, столкнувшись с сопротивлением, с неприятием мальчика, понял со страхом и тоской, насколько тяжело и безысходно положение, увидел вдруг неприкрытую правду. Вот о чем он думал всю

ночь, вот почему не сомкнул глаз до рассвета. Тяжело было понять действительность, тяжело примириться с ней.

Байджан вышел из автобуса разбитый, усталый — но не от дороги, нет. Угнетали, отбирали силы тяжелые мысли, неотвязные воспоминания. Направился было к дому, еле волоча ноги, потом вдруг свернул ко двору Юсупа.

Перед домом в саду увидел старшую дочку брата Хумай. Она чуть вздрогнула, заметив Байджана. Нахмурилась, но спросила положенное:

— Благополучно ли добрались, ага?

В голосе холод и безразличие, словно не человека спрашивает… животное, или, может, просто показалось Байджану? Прежде он не очень-то обращал внимание на голоса, на интонации — теперь же ничего не упускал, следил за выражением лица говорящего, сопоставлял… Но нельзя, нельзя так, Байджан! Вспомни, каким открытым и добрым был раньше, как доверял людям, соберись с силами, очнись, стань самим собой, прежним!

Но как? Разве можно вернуться в ушедшее время? Теперь меж теми беззаботными днями и сегодняшним Байджаном — пропасть, бездна, разве ее одолеешь!

— Сестренка, Куванч хорошо учится, всем вам передавал привет.

Лицо Хумай просветлело.

— Как он сдал экзамены?

— Да, да, все хорошо, ему даже дали Почетную грамоту.

Хумай улыбнулась, но тут же свела брови.

— Сестренка, как у вас дома, все ли живы-здоровы? А где мама?

Хумай помедлила с ответом, потом выдавила через силу:

— Сахат упал, потерял сознание, не дышал даже… — и вдруг заплакала.

— Что?! — Байджан не верил своим ушам.

— Сахат упал… Джума столкнул с велосипеда. Мама понесла его к врачу… — плечи девочки вздрагивали, она закрыла лицо руками.

Байджан должен был облокотиться о дувал — силы вдруг оставили его Потом медленно пошел к воротам.

Неужели мало ему той тяжести, что давит на душу? Зачем же судьба добавляет еще? Вот уж правильно говорят: беда не приходит одна.

На улице раздалась сирена "скорой помощи". Маниша остановилась у дома, из нее вышла Агагуль, младшего сына несла на руках. Байджан

бросился помочь, Агагуль не отдала ему ребенка, прошла мимо, не останавливаясь.

— Отца убили, теперь, проклятые, детей начали убивать! — выкрикнула сквозь слезы и, прижав к груди мальчика, вошла в дом.

И тут Байджан понял, что дальше выносить такое он не в силах — прямо тут же, во дворе у брата, вслед плачущей Агагуль впервые мучительно захотелось крикнуть: "Не я убил Юсупа! Не убивал я!".

Только кричи не кричи, хоть надорвись в крике — поздно. Ничем ты уже не изменишь, сказанного прежде не вернешь. Связан своими же собственными словами, да покрепче, чем веревкой связан, лежишь скрученный на земле… а те, другие, твоими словами прикрыли черное свое дело.

Смолчал Байджан, прикусил язык. Следом за Агагуль вошел в дом, бессильно прислонился к стене.

— Что стоишь, разиня рот, быстрее постели! — прикрикнула Агагуль на дочь.

Хумай торопливо схватила с сундука ватную подстилку, сложив, постелила на кошму.

— Мама, пить хочу, — сказал вдруг Сахат.

Услышав голос мальчика, Байджан не выдер-

жал, закрыл лицо руками, заплакал навзрыд.

— Вы-то что плачете! — сквозь слезы бросила Агагуль. — Все зло от вас!

Но Байджан не вникал в смысл сказанного ему, одно билось в мозгу: "Он живой, живой!".

Молча подошел к мальчику. Сахат улыбнулся ему.

— Ага, ты принес мне альчики? — спросил Сахат.

— Альчики... — Байджан принялся шарить в карманах. — Я тебе много альчиков принесу, попозже, хорошо?

Хумай тут же раздобыла где-то целую горсть альчиков, принесла, отдала брату. Тот взял их в руки и прижал к груди.

— Меня Джума толкнул, я упал с велосипеда, — сказал он.

— Я с него шкуру спущу, Сахат-джан!

Эти слова Байджан не ребенку говорил, он их себе сказал. Все в его душе смешалось сейчас, не способен был различить маленького от большого, виноватого от невиновного, черен был сейчас мир для Байджана.

Позабыв о хурджуне, он уже мчался к своему дому.

Вошел во двор — в лице ни кровинки, ноги в

тяжелых сапогах едва мог оторвать от земли.

Во дворе Джума, его сын, окапывал яблони. Увидев отца, бросил лопату.

— Папа! — и бросился к отцу, раскинув руки.

Байджан схватил сына за воротник:

— Ах, чтоб ты, которая тебя родила!.. — и ударил мальчика по спине, по плечу, снова по спине…

На пронзительный крик сына из дома выскочила перепуганная Сельбинияз.

— Байджан! — схватила мужа за руку.

— Ты, если женщина — почему не смотришь за ребенком как следует! — Байджан в слепой ярости схватил жену за шиворот и потащил по двору. Сельбинияз задыхалась, ворот платья душил, наконец, порвался, она смогла вздохнуть, и лишь теперь ощутила боль от ударов, сыпавшихся на ее плечи и спину. Она не кричала и не убегала. Не понимая, за что ее бьют, полуживая от испуга, она в то же время ощущала, что заслонила собой ребенка и радовалась этому.

Байджан яростно и неумно избивал жену, словцо мстил ей. За что? Душа его горела, жаждала мести — не себе ли самому он мстил?.. Во всяком случае, Сельбинияз чувствовала в муже что-то такое, что заставляло ее терпеть побои.

Наконец, Байджан опустил руки.

Сельбинияз, еле волоча ноги, поплелась в дом, подставила на газовую плиту чайник — хотела заварить чай для мужа.

— У Сахатика на ноге трещина, упал, ударился головой, потерял сознание, мы все до смерти напугались… — говорила она мужу из комнаты.

Байджан молчал; похожий на перевернутый казан, сидел на корточках, опершись спиной о стену, не имея сил подняться. Закрыл руками лицо. Сначала молчал, потом плечи и руки стали вздрагивать, он плакал.

Сельбинияз выбежала во двор, обняла мужа за плечи:

— Успокойтесь, успокойтесь…

Байджан не мог совладать с собой, трясся сильнее; казалось, от маленького ручейка родился целый селевой поток. От чего-то очень мучительного, наболевшего освобождался сейчас Байджан.

— Ну-ка, я помогу… идемте в дом, попейте чаю, — обняв мужа за плечи, поддерживая его, Сельбинияз повела Байджана в комнату. Стащила с него сапоги, сняла портянки, положила под голову две подушки помягче. Позабыв уже о своих синяках, поспешила к Джуме — он снова окапывал яблони — дала ему конфеты.

— Вот, твой отец тебе из города привез.

Ласково поговорила с сыном, успокоила его. Однако когда пошла обратно к дому, в лице ее не было ни намека на ласковую добрую улыбку — глубокая грусть и жалость погасили ее свет. Хоть и двигалась сама с трудом, укрыла беспокойно ворочавшегося во сне Байджана, сама села в темном углу комнаты, сжалась в комочек, палец прикусила, чтобы не разрыдаться.

Байджан проснулся и сразу почувствовал — ноша его не сделалась легче, наоборот, еще тяжелее прежнего стала. Он сейчас ненавидел себя за то, что избил ни в чем неповинную жену, любимого сына — ведь виноват-то во всем сам, нашел на ком вымещать. "Что ты за человек! Будто кость, попавшая собаке в зубы — куда захочет, туда и песет тебя! Да дай ты как следует псу!.. Слишком ты доверчив, слишком ко всем без разбору добр — вот потому-то голова твоя вечно в заботах, совершенно ненужных тебе заботах. Даже когда мальчишкой был, и тогда уже привык всем доверять... А как Джуманияз тогда одурачил тебя, а! Помнишь тот случай!.."

А случай был такой. В ауле впервые появилась машина, обыкновенная полуторка, но из всей компании никто и никогда никаких машин не

видал. Как она себя поведет, как им быть, никто из мальчишек не знал, надо было испытать ее нрав, приноровиться к ней.

Они тогда всей ватагой купались на отмели, барахтались в пыли и, чумазые, как чертенята, снова плюхались в воду. И вот вдали послышался шум мотора. Джуманияз мигом сообразил: "Давайте испугаем машину". — "Разве она испугается?" — "Еще как! Если мокрые вываляемся в пыли, а потом выскочим перед ней на дорогу, будем кричать что-нибудь, да погромче!.." — "Конечно, если уж верблюд испугается, то машина и подавно!.." Хотя предложение Джуманияза всеми было одобрено, никто не вызвался выскочить внезапно на дорогу перед машиной, да чтоб чумазый и с криком. И вот когда все наотрез отказались, Джуманияз начал упрашивать Байджана, и тот поддался. Сделал все, как научил его приятель: окунулся, потом вывалялся в пыли и залег в таком виде в кустах у дороги, где должна была пройти машина. Джуманияз с ребятами наблюдали с безопасного расстояния.

Как только полуторка приблизилась, Байджан с веселым гиканьем выскочил на дорогу. Бледный от страха шофер едва успел нажать на тормоз. Едва машина остановилась, Джуманияз закричал

из своего укрытия: "Испугал, беги, беги!" Но куда там бежать, Байджан и шагу сделать не успел: шофер мигом спрыгнул с подножки, больно схватил за ухо: "Еще раз увижу на дороге — глаза выколю!".

Байджан тогда расплакался — не столько от боли, сколько от того, что его так легко одурачили, — а Джуманияз и остальные весело смеялись над ним, убеждали, веселясь, что машина и вправду испугалась, что он, Байджан, оказывается, настоящий батыр[10], а они-то не знали. Кличку "батыр" тоже придумал Джуманияз. И сейчас еще, собравшись компанией, чабаны иногда вспоминают ту свою давнюю мальчишечью проделку и смеются.

Ну хорошо, Байджан, тогда ты был ребенком, провести тебя ничего не стоило, но сейчас-то, сегодня! Взрослый человек, умеешь отличать белое от черного. Не спеши, не давай власти переживаниям, подумай спокойно. Рассуди здраво: "Ну, не взял бы эту вину на себя, что изменилось? Было бы лучше? Если бы Джуманияз пошел в тюрьму, а дети его остались бы сиротами, было бы лучше, а, Байджан? Вспомни: ведь то, что

---

[10] Примечания: 10
Батыр — герой, мужественный.

случилось, произошло случайно, вовсе не по воле Джуманияза..."

Так старался успокоить себя Байджан, такими вот рассуждениями. Помогало мало, не было мира в его душе. Каждый раз, когда видел осиротевших детей брата и убитую горем его жену, каждый раз умирал Байджаи, потом воскресал — чтобы снова увидеть и умереть. Поэтому не мог сколько-нибудь долго оставаться в ауле, торопился обратно в пески.

Но и в песках он не находил себе места. Теперь и в работе он не знал прежнего рвенья. Мало беспокоился о том, сыты ли, голодны его овцы, есть ли запас кормов. Равнодушно встречал Акджика и Джуманияза, с равнодушием думал о себе, о своей жизни, опустились у человека руки.

Джуманияз не спускал глаз с Байджана. Часто наведывался, привозил сахар, чай, лекарства. Всегда имел при себе бутылку, без этого вообще не появлялся.

Джуманияз и о том позаботился, чтобы Байджан как можно меньше оставался один, наедине со своими мыслями. Каждое стадо обычно пасли три чабана. Джуманияз прибавил к отаре Байджана полторы сотни баранов и дал еще одного помощника.

Помогал Джуманияз и семье Юсупа. Привозил и саксаул, и гузапаю для обогрева жилища, привозил мясо, муку, сахар. Байджан знал об этом и немного успокаивался, но ненадолго.

А недавно Джуманияз сказал ему: "Начнется окотная кампания, отправлю тебя туда, где режут ягнят, там много народу, жизнь повеселее..." Куда угодно согласен был податься Байджан, лишь бы подальше от своих мыслей, от собственной памяти.

12

Пески были неспокойны, как неспокоен бывает человек.

Исподволь, незаметно для глаза, совершалась великая весенняя работа — обновление жизни.

Ни звука, ни шума не долетало вроде бы со стороны, а меж тем пустыня потихоньку, по-своему гудела, полная незаметного глазу движения.

Кто не видел этого, не бывал в песках весной, не чувствовал своим телом тепла прогревающихся барханов, не лежал на них, утонув взглядом в голубизне неба, прочитав эти строки, может сказать: что за несуразность, говоря о пустыне, употреблять такие слова, как "шум", "гул", "неспокойствие". Однако человек, побывавший весной в

песках, познавший их великую все-затопляющую тишину, поймет и слова об их беспокойстве.

В бескрайнем, неоглядном пространстве пустыни одинокий голос пропадет без следа. Лишь когда к нему присоединяются десять, сто тысяч голосов, складывается неповторимая своеобразная мелодия, начиная кружить в небесах.

Шелест трав, невнятное лепетанье кустарников под дуновеньем ветерка рождают прекрасную, доступную четкому уху музыку. Нет, это не шум селевого потока, не глухой рев водопада… музыка эта сродни нежному плачу только что увидевшего свет ребенка…

Иногда чабаны, желая услышать эту милую душе мелодию, уходят подальше от становища, садятся на вершину бархана. Сам того не замечая, человек начинает напевать, и голос его вливается в общий весенний хор, славивший бытие.

Даже всегда молчаливый лис в апреле лает, и его тявканье не портит песню, нет, она присоединяется к голосу чабана, плывет от бархана к бархану, от вершины к склонам и, слившись с тысячью других звуков, уходит все дальше и дальше.

Мягкая мелодия пустыни похожа в чем-то на песенку говорливого ручья: журчит себе и жур-

чит потихоньку, и так из года в год, но незаметно это журчанье обозначает неустанную работу: зеленеют поля, зацветают сады, пустые, не способные родить такыры превращаются в райский уголок.

В нескольких шагах от того места, где сидел Байджан, на только что зазеленевшей ветке саксаула чирикал воробей, невдалеке, словно передразнивая, в тон ему подал голос дрозд-чопаналдар. Откуда ни возьмись явилась трясогузка, за ней сорока — веселый птичий хор радовался жизни и щедро дарил свою радость всему окружающему.

Байджан любил весну, всегда встречал ее с легкой душой, но в этом году печаль заслонила все. Хотя весна и одела весь мир в новый яркий наряд, душу Байджана она не смогла обновить.

Джуманияз, наконец, прислал за Байджаном машину, чтобы увезти его на основной кош.

Хотя земля вокруг была в цветах и травах, здесь пахло смертью, пахло кровью. В небе летали птицы, но не их пение слышали уши — все звуки покрывало жалобное несмолкаемое блеяние ягнят, которых свозили сюда, и от этого беспомощного детского блеяния сердце исходило болью.

— Проклятые, словно с порванного подола вы-

сыпались, не сосчитать! На рассвете привез две машины, теперь у тебя не будет времени даже присесть. Я поеду в кош к Сейитли-чабану, у него, наверное, тоже столько же народилось, — говорил Акджик, обводя легким взором теснившихся в загоне ягнят. Едва способные стоять на слабых ножках, сразу по рождении лишившиеся матерей и не узнавшие вкуса материнского молока, они жалобно блеяли.

Байджан увидел этих несчастных, слабых, надрывно блеющих ягнят, обреченных на заклание, и у него оборвалось что-то в груди. Прежде с ним такого не бывало. Что это значит? Или сердце ослабело, размягчилось? Или попросту сдали нервы?

Ягненок, золотистый, маленький, будто альчик, в поисках теплого сытного вымени хотел пососать такого же маленького ягненка, как сам. Подломил передние ножки, мордочку подсунул под столь же крошечного и голодного, а тот, второй, не устоял, опрокинулся на бок, на спину и слабо сучил ножками, не имея сил перевернуться и подняться.

Байджан прошел мимо площадки, где лежали ободранные тушки ягнят и роем вились зеленые мухи, повесил свою бурку на крюк.

Откуда ни возьмись появилась ворона, села на куст саксаула рядом с ямой, где уже почти застыла алая кровь ягнят и над которой еще вился теплый парок, громко начала каркать.

— Тебя тут еще не хватало! — Назар-забойщик бросил на специальный кирпичный прилавок шкурку только что освежеванного ягненка. — Так и смотрит, где поживиться!

Ворона не улетела. Акджик ушел в дом, появился с ружьем, прицелился, выстрелил. Пронзительно каркнув, ворона упала прямо в яму с кровью.

Назар сложил друг на друга свежеободранные шкурки каракуля, отнес в угол под навес, бросил там на цемент, пересчитал по одной. Потом взял коробку с солью, присел на корточки. Складывая шкурки одна на другую мехом вниз, посыпал каждую солью, и, чтобы соль легла равномерно, разглаживал ее рукой. Разровняв слой соли, брал новую шкурку. В детстве Байджан слышал сказку об Акпамык: там страшный див каждый день заставлял девушку приходить к себе и сосал ее кровь и гладил ее волосы… Байджан, тогда маленький, с замиранием сердца представлял эту страшную руку, и сейчас, увидев работу Назара, он вспомнил свой давнишний детский страх.

Долго Байджан не мог выдержать. Он подошел

к Акджику — тот устроился на кровати, пил горячий чай.

— Отвези меня назад…

— Акга-джан, тебе тут будет хорошо, поверь!

— Отвези меня туда, откуда привез.

— Ну хорошо, попозже.

— Нет, отвези сейчас.

Байджан вернулся на свое стойбище. Вместо него помогать Назару поехал Осман.

13

И вновь Байджан на какое-то время остался один. Радостное весеннее обновление природы не поднимало его настроения, он чувствовал себя прескверно. Вместо веселого посвистывания ветра, вместо возбужденного птичьего щебета ему слышалось жалобное блеяние несчастных обреченных ягнят…

"Оставив здесь свою ношу, уходишь дальше… Этот мир — словно каравансарай", — вспомнил Байджан одну из любимых песен Юсупа. "Оставив ношу… оставив ношу…" А если придется идти дальше, не сбросив ее? Пока не познаешь беду, не поймешь смысла песни, скользит мимо сознания, слышишь лишь ухом. Да, смысл понимаешь не сразу, но почему Юсуп любил эту песню?

Лучше бы его, Байджана, путь не пролегал через этот караван-сарай, лучше бы не видеть ему этой жизни, не родиться на свет — тогда бы не сжигали его глаза осиротевших детей Юсупа, не ходил бы он по земле живым трупом!

Когда хоронили Юсупа, твоя, Байджан, и твоего погибшего брата мать разорвала ворот платья, распустила волосы, она плакала, жалуясь миру и людям:

Взрастила тебя, радовалась,

Гордилась тобой, дитя мое.

Что за беда обрушилась на твою голову!

Услышь мои стенанья…

Лучше бы не видеть тебе, Байджан, этого, не слышать жалобных слез ее, не слышать, как плачут вместе с матерью односельчане:

В чем, о боже, виновата я перед тобой!

Померкло мое солнце, угасла моя луна!

Верни мне ребенка, о боже.

Возьми себе мою душу!

Материнский стон, материнский плач не умолкают в ушах, не умолкают в душе Байджана, о,

какая же это тяжелая ноша! Мама, и ты тоже считаешь меня виновным…

Нет, не надо было ехать в центральный кош. Ягнята, кровь, ворона каркает… Докаркалась, бедная, она-то в чем виновата? Нет, не надо было ехать! Совсем ты расклеился, Байджан, где твоя выдержка, всегдашнее спокойствие? Наберись терпения, время сгладит остроту потери. Сгладит ли? Все же не один ты, о тебе беспокоятся Джуманияз и Акджик. Не расслабляйся же так, возьми себя в руки!

На закате послышался шум мотора, через некоторое время и сама машина показалась вдали на верхушке бархана, ползла медленно, точно жук. Приблизилась, остановилась за спиной Байджана, и тут же послышался шутливый окрик Джуманияза:

— Байджан, принимаешь гостей?

— Гостей еще никогда не прогонял.

— Акга-джан, нас любит теща[3], быть мне жертвой для тебя — приехали прямо на ишлекли! — Акджик спрыгнул с подножки. — Давай помогу резать мясо.

— Ты лучше займись, как всегда, огнем. Пока

---

[3] Примечания: 3

По старому поверью, если гость появился к угощению, значит, его любит теща.

нагреешь песок, мы с Джуманиязом и мясо нарежем, и тесто приготовим.

За угощением Джуманияз рассказал, что дело Кемала-пастуха хотели передать в суд: двадцать овец потерялось зимой, не шутка. Однако он, Джуманияз, из своего личного стада отдал пять баранов, другие чабаны дали взаймы, так и удалось спасти Кемала, возместить пропажу. Дело в суд не пошло.

— Ты правильно поступил, надо было и у меня взять две-три овцы, — сказал Байджаи.

— Какая разница, брат, взяли у меня или у тебя!

— И все же… Не хочется стоять в стороне, если кому-то надо помочь.

— Ты не в стороне, Байджан, наоборот, это мы должны тебе помогать. Закончится окотная кампания, я увеличу твое стадо.

Байджан сразу понял смысл сказанного. Когда весна хорошая, много травы, тогда овцы приносят немало двойняшек. И если засчитать в доход колхоза одного из двух народившихся ягнят, а второго приплюсовать к своему личному стаду, то его можно быстро увеличить.

— Нет, Джуманияз, спасибо, такая помощь мне не нужна. Я сам вырос сиротой, не зная ласки

отца, но никогда не трогал чужую скотину. Пока жив-здоров, и своих детей прокормлю честным трудом, и детей Юсупа тоже.

— Я знаю, Байджан, конечно, только... — он не договорил, взял пиалу в руку. — Тогда, брат, я тебе в другом помогу. Наша ферма — одна из передовых в районе. Вроде, обещали нам мотоцикл с коляской. Один из двух обязательно отдам тебе. Куванч летом приедет на каникулы — пусть катается.

Джуманияз с Акджиком помогли Байджану построить несколько домиков — укрытий для новорожденных ягнят, поставили брезентовый навес, чтобы дождем не намочило сено. За работой незаметно прошло время, и только поздно вечером они уехали.

Байджану показалось, что их дружеское участие чуть облегчило его ношу. Но спустя немного тоска накатила с новой силой. Он сидел, обняв голову руками, и плакал, вздрагивая, и тогда вместе с ним вздрагивал и покачивался весь окружающий мир. Вдруг громко и злобно, видно, почуяв волка, залаяли собаки. "И брата оплакать не дадут!" — горько подумал Байджан, вскочил, схватил ружье.

14

Он только что задремал, как вдруг услышал голос:

— Примешь гостя?

Сразу сел, вглядываясь в темноту.

— Кто бы ты ни был, назовись и проходи. — Наконец, различил в темноте силуэт старика верхом на ишаке.

— Проезжал мимо, знал, что здесь могу встретить человека, поэтому завернул.

— Голос твой мне знаком, но скажи, кто ты?

Старик подъехал ближе к Байджану.

— Я Хыдыр Ата.

Байджан, дрожа, вскочил. Он слишком хорошо помнил ночь, когда видел этого человека, и сейчас боялся его: старик казался ему вестником несчастья. Молча разворошил жар костра, подложил сухих веток саксаула, они задымились, потом пламя осветило пространство вокруг. Хыдыр Ата, привязав ишака, подошел к огню.

— Ты мне дашь чаю?

— Дам.

— И дашь что-нибудь поесть?

— Дам.

Байджан налил чаю из термоса, положил перед

стариком кусок пирога с мясом.

Насытившись и выпив чаю, Хыдыр Ата заговорил.

— Расскажу тебе притчу, — начал он. — Мусульмане связывают ее с именем халифа Али, но кто такой Али — вчерашний ребенок, а притче, может, две тысячи лет. Индусы выдают ее за свою, но им тоже особенно не верь, притча эта обошла многие земли, многие пароды. Теперь слушай. В далекие времена ехал по дороге на копе молодой крепкий джигит, сложением пальван-богатырь. Навстречу ему старенький старичок с мешком за спиной, согнулся под мешком, чуть носом земли не касается. Джигит ласково поздоровался со стариком и говорит: "Яшули, давайте помогу вам нести мешок". — "Сынок, ноша моя тебе тяжелой покажется", — отвечает старик. "Яшули, вы не знаете меня, я известный в этих местах пальван. Этот ваш мешочек мизинцем подниму". — "Ну, что ж, если ты такой сильный, тогда попробуй", — сказал старик и опустил мешок на землю. Джигит, гордясь своей удалью и мощью, не слезая с коня, схватил мешок, хотел поднять — конь по колено ушел в землю, а ноша старика и не приподнялась. Джигит напряг силы, снова потянул мешок — конь по грудь ушел в землю,

мешок как был, так и остался на месте. Удивленный джигит спросил старика: "Дедушка, что же это у тебя за ноша такая?" — "Это, сынок, мои грехи, совершенные за долгую жизнь, — ответил старик. — Потому-то мешок этот никто, кроме меня, не может поднять, каждый должен сам знать тяжесть своих грехов". С тем яшули взвалил мешок на плечи и отправился в путь. Да, никто не может носить чужую ношу, даже я, Хыдыр Ата, не смог бы.

Байджан вздрогнул, почувствовав себя так, как если бы его поймали на воровстве. Откуда этот странствующий яшули знает, что он взял на себя чужую ношу? Может, и вправду он и есть настоящий Хыдыр Ата?

— Как хорошо, что у муравья перетянуто брюшко. Не то он со своей трудолюбивой алчностью весь мир, перетащил бы в свою нору.

Байджан с удивлением слушал старика, стараясь вникнуть в смысл его слов. На что он намекает, на какие возможности-невозможности? На мою зависимости свою свободу? Или просто заговаривается?

— Спасибо тебе за хлеб-соль, — сказал Хыдыр Ата. Помолчав, добавил. — Мне просто жаль тебя.

"Откуда этот сумасшедший, странствующий ночами в песках знает о гибели моего брата?" — поразился Байджан.

— Я Хыдыр Ата, а Хыдыр Ата все знает, все видит. Вот я посмотрел на тебя и сразу понял, что ты не хочешь жить на этом свете. Но те, кому не хочется жить на этом свете, те живут очень долго. Только не живут, а мучаются.

Байджан слушал старика со страхом — точно, накличет беду сумасшедший странник!

— Ты добрый человек, — снова заговорил Хыдыр Ата. — А добрым, хорошим людям всегда тяжело. На только хорошим людям тяжело, даже хорошим вещам. Я тебе дам одну траву, она уберегает от многих бед. Всегда держи ее при себе. — Вытащил откуда-то из рванья пучок засохших побегов. — Эту траву, запомни, не оставляй, носи с собой, она отведет от тебя все несчастья, дела твои пойдут хорошо.

Байджан принял сухой пучок и, отойдя за ветками саксаула для костра, со страхом выкинул его в темноту.

— Я каждому хорошему человеку даю эту траву, — раздался голос Хыдыр Ата, — жаль только, никто ей не пользуется. Все сразу выбрасывают. А ведь у нее чудодейственные свойства, ее нельзя

бросать на землю. Эта трава вобрала в себя все лучшее в мире — веру и надежду. Кто носит с собой эту траву, тот верит себе и людям. А тот, кто способен верить, тот самый счастливый на свете.

Яшули сел на своего ишака. Отъехал от костра и уже из темноты крикнул Байджану:

— Не потеряй же мою траву!

Байджан, когда старик скрылся из виду, пошел к месту, где бросил дар гостя, хотел подобрать, не потому, что поверил болтовне сумасшедшего, не потому, что надеялся на чудесные свойства травы — просто так, хотел сохранить этот сухой пучок. Однако не нашел его.

15

Надсадно завывая мотором, оставляя в песке глубокий след, машина взбиралась с одного бархана на другой. Вода в радиаторе уже кипела.

Акджик, сильно выпивший накануне, соображал с трудом, поэтому не остановился вовремя. Когда же понял, что произошло, поспешил нажать на тормоз, но было уже поздно.

— Акга-джан, кажется, в плохом месте застал нас буран. — Он посмотрел на сидевших в кабине Джуманияза и Байджана, оба спали, склонив-

шись друг к другу.

Акджик, перегнувшись через Байджана, толкнул завфермой:

— Давай не свисти носом, просыпайся. — Ему показалось этого мало, он дернул Джуманияза за нос. — Эй, приехали, вставать пора!

Джуманияз, недовольный, что разбудили, поднял голову, еле разлепил глаза:

— Что, колодец?

— Акга-джан, кажется, мы приехали не к колодцу.

Эти слова окончательно заставили Джуманияза проснуться. Огляделся — вокруг ничего, кроме огромных барханов да кустов песчаной акации.

— Почему остановился?

— Это не я, Акга-джан, это машина остановилась.

— Не дури голову, говори, в чем дело!

— Радиатор потек.

Джуманияз, еще плохо соображая, смотрел в огрубевшее лицо шофера. И вдруг, словно вспомнив что-то важное, выпрямился, глянул внимательно:

— Акга-джан, воды нет.

— Как можно ездить без воды, когда работаешь в песках! Ну, что сидишь, словно нянька семи

детей! — Обернулся к Байджану. — Вставай, привез нас этот…

Не дожидаясь, пока пастух проснется и поймет, что случилось, спрыгнул с подножки, достал из кузова ведро, поставил под радиатором, из которого еще выливались остатки воды. Капля по капле, — набралось с пол-литра.

Байджан, словно происходящее не касалось его, равнодушно вылез из машины, сел на песке.

Спокойствие спутников выводило Джумания-за. Не понимают, что им грозит!

— Ты что ж с машиной сотворил, а? Теперь сидишь, как баба только что из объятий хана! Не соображаешь, что привез нас прямо в лапы смерти?

— Не говори так, акга-джан, зачем сильно пугаешь! — позевывая, сонным голосом ответил Акджик. — Зачем — к смерти!

— Кроме этой воды, что стекла в ведро, есть еще?

— Конечно! Хочешь — в канале, хочешь — в колодце.

— Ах ты… — Джуманияз выругался. — Ну-ка, посмотри термосы.

— Да пустые они! Мы же в них вино привезли, вчера вечером и выпили.

Джуманияз, словно не веря Акджику и еще надеясь на что-то, сам проверил термосы. И правда, они оказались пустыми. Тогда он слил в один из них набравшуюся из радиатора воду.

Завфермой был не из пугливых, однако теперешний его страх всерьез насторожил Акджика.

— Тут до вечера должна пройти машина, акга-джан, я знаю, — сказал он, больше успокаивая себя, чем своих друзей.

— Еще неизвестно, будет машина или нет. В песках иногда по десять дней машины не проезжают, а ты к тому же сбился с дороги.

— Да хотел поскорее доехать до колодца, акга-джан.

— Вот и доехал поскорее! Теперь стой, вытаращив глаза, жди попутку! Пешком захочешь идти — до канала все тридцать километров, а обратно еще больше, и ни колодца, ни чабана!

Акджик только теперь сообразил, что положение их плачевное, и помощь ниоткуда ждать не приходится. Хотя он много лет колесил по пескам и слышал о мучениях от жары и безводья, самому не доводилось испытать на себе беспощадность пустыни. Он всегда был за рулем, самое тяжелое, что случалось — ну, полетит камера, так это же на — дороге, и всегда при себе имел воду в бурдюках

и чурек — хоть неделю можно продержаться.

А сейчас…

Вчера они хорошо погуляли, обмывая мотоцикл, который получил Назар.

На рассвете Джуманияз поднял чабанов и всех отправил к своим отарам, кроме Байджана. Поднял и Акджика, сказал: "Надо на зиму запастись верблюжьей колючкой, проедем по берегу канала, посмотрим, где хорошие корма. На обратном пути завезем брата в его кош".

Вот и завезли… Исход теперь только один — умереть от жажды. Джуманияз крепкий, он, словно пуля, выстреленная из ружья, будет одолевать бархан за барханом. И Байджан — он тоже сможет пройти далеко, ведь сколько уже ходит за овцами. Все плохое случится только с ним, Акджиком. Из троих он самый слабый, менее выносливый и привычный…

Акджик бросился к термосу, схватил его и, отвинтив крышку, хотел выпить воду, собранную из радиатора. Джуманияз выхватил у него термос:

— Что за ишак, а!

Акджик обиделся, как ребенок, у которого отняли конфету.

— В книге прочитал, человек произошел от обе-

зьяны. Может, это и правда, что ты сказал, может, мои предки произошли от ишака. Ну хорошо, ты от обезьяны, я от ишака. Думаешь, большая разница, да? Да хоть от свиньи! Какая разница, от черного или белого, чистого или нечистого — все равно все мы произошли от животного!

— Вырвал бы с корнем твой поганый язык, да не время сейчас, — Джуманияз приторочил термос к поясу. — Давайте не мешкать, трогаемся.

Акджик обеспокоенно огляделся:

— А может, переждем?

Джуманияз поморщился, правда, не столько от глупости Акджика, сколько от другого: он уже некоторое время слышал неприятный запах — ветерок доносил дух разложения, запах смерти.

— Надо поскорее уходить с этого места, тут плохо пахнет.

Акджик принюхался:

— Ничего не слышу.

— Как ты можешь что-то чувствовать, от самого разит, как из бочки. Байджан, а ты?

Байджан тоже потянул носом:

— Нет, никакого запаха.

— А ты повернись к ветру, с той стороны несет.

Байджан снова принюхался:

— Нет, ничего.

— Да разве ваши носы способны хоть что-нибудь различить, — заворчал Джуманияз. — Ведь мертвечиной пахнет! — Он всерьез испугался этого запаха, поэтому и торопил всех. — Одежда должна быть легкой, выбросьте лишнее.

— Акга-джан, начнется жара, мы погибнем, давай переждем.

— Нет, ждать тут нам нечего. Мы должны идти.

— Беда не ищет человека, человек сам на нее набредает. Мы своими ногами набредем на собственнную смерть!

— Останешься сидеть здесь, беда сама придет за тобой!

В это время невдалеке на вершине бархана показалась самка джейрана с детенышем. Насторожив уши, постояла, посмотрела на людей и неторопливо ушла.

— Вот, посмотри на нее. Она тоже уже знает, что тебе тяжело. А как спокойна. Эх, было бы ружье... — Джуманияз повернулся и зашагал вперед.

"Странное все же существо человек, — подумал Байджан, глядя ему в спину. — Алчность в нем бывает сильнее даже ощущения близкой смерти".

Дождя давно не выпадало, и поэтому поверх-

ность песка рябила разнообразными следами, издали напоминая чешую рыбы.

Акджик некоторое время оставался на месте. Тишина, установившаяся вокруг, вселяла в него страх, и он пустился вдогонку.

Джуманияз и Байджан уже поднялись на следующий бархан. Солнце на несколько минут спряталось за облачком, вокруг потемнело.

Джуманияз остановился:

— Этот проклятый хоть идет или нет? — Акджик, поднимавшийся по склону бархана, согнувшись, был похож на вопросительный знак. — Давай подождем его, — и завфермой сел под кустом песчаной акации. — Садись и ты, брат, — сказал он Байджану. — Слушай, что тебе говорю: нам надо беречь воду и силу. И то и другое необходимы, иначе пропадем — не мне тебе объяснять, брат.

Байджан молча опустился на песок под кустом саксаула. На ветке над ним оказалось гнездо славки. "Верно, высиживает птенцов", — подумал он и глубоко вздохнул. Кому-то жить, кому-то умирать — в тех же самых песках. Так устроен мир.

Наконец на бархан поднялся Акджик.

16

Солнце поднялось высоко, теперь оно властвовало над миром, все остальное подчинялось ему, стараясь приспособиться. Пекло в полную силу. Да, это было уже не ласковое солнышко раннего утра, теперь оно сделалось бесжалостно жестоким и обжигало так, что душа готова была выскочить из груди.

Туркмен гордится чистотой своих песков. Правда, они всегда чисты, только не всегда добры и ласковы к человеку. Они готовы тебе помочь, когда у тебя все в порядке, ты здоров и у тебя есть вода, они дадут тебе постель, подушку и пищу. Но если тебе приходится плохо, особенно летом, тогда берегись, человек!

Пустыня сильна, и, подобно живому могучему существу, любит сильных и смелых, хочет состязаться с равным себе. Слабые не любят сильных, но сильные не отвечают им ненавистью, не опускаются до вражды, не высказывают пренебрежения, — они просто не замечают их.

Три человека, тихо бредущие по сыпучим склонам барханов, думали об одном и том же, правда, выводы делали разные.

Байджан, которому жизнь опостылела, устав-

ший от тяжелых воспоминаний, без вины виноватый, равнодушно думал о том, что и дальше путь по пескам в жару он все же выдержит, сил у него хватит, поэтому шагал себе спокойно.

Зато Акджик понимал, что он самый слабый и его шансы спастись — наихудшие, боялся отстать от Джуманияза, старался шагать с ним в ногу.

Маленький плотный Джуманияз — посмотреть издали — будто катился по пустыне. Казалось, он не обращает внимания на жару, на тяжесть пути, не думает о грозящем, почти неизбежном конце… На самом деле он только об этом и думал, и поэтому старался идти быстрее, пока солнце пекло не так сильно. Большую часть своей жизни он провел в этих песках, видел многое, поэтому и боялся. Да еще этот запах… Это не к добру, точно, и то, что двое других не слышали запаха смерти, лишь он один слышал, пугало его. Он помнил рассказы, будто человек незадолго перед неминуемой смертью начинает пахнуть падалью. Сначала незаметно старался принюхаться к Акджику и Байджану, но нет, от них ничем таким не пахло, тлением несло откуда-то со стороны. Значит, черный ворон кружит над его головой! Нет, нет, этого не может быть! Никогда! Не должно! Если рядом идет Байджан, если, едва поспевая,

плетется слабый Акджик, почему смерть должна обрушиться на голову Джуманияза! Только будь осторожен, остерегайся любой опасности, особенно змей и скорпионов. Ужалит сейчас скорпион, вот тогда точно крышка!

Обернувшись, Джуманияз поглядел на спутников.

— Что, устали? — Байджан и Акджик промолчали. — Шагайте, шагайте, — и не говоря больше ни слова и не оборачиваясь, тронулся дальше.

Они шли, и барханы будто накатывались на них без конца и края, как тяжелые волны, огромные и скользкие. Кое-где на песчаных склонах росли деревца саксаула, кустарник помельче. Иные барханы, лишенные растительности, походили на плешивую голову козла, они-то и были самыми страшными. Одолевать их склоны было особенно тяжело, каждый такой бархан заставлял терять силы. В ботинки набивался горячий песок, ноги тяжелели, будто к каждой привязали по пудовому камню.

Акджик начал отставать от Джуманияза, хотя тот не прибавлял шагу, шел размеренно, как и прежде. Акджик пытался догнать его, но не получалось, он задыхался.

Зеленая весенняя трава давно уже сгорела,

пустыня надела свой траурный наряд. Кусты и деревца поникли, словно люди, проклиная жару. Кое-где на склонах обнажились длинные корни саксаула и кандыма, иногда они сближались, переплетались, отливая на солнце черно-красными гладкими боками. Сами деревца в отдалении друг от друга поодиночке терпели свою нужду; ни за что не подумаешь, что они машут друг другу ветвями в жару или же в зимний буран, но когда видишь их переплетенные корни, вместе ищущие под песком воду, а значит, жизнь, понимаешь, откуда берут силу деревья пустыни.

Да, хотя корни и выползали на поверхность песка, ни саксаул, ни кандым не высохли. Джуманияз должен был видеть эти корни и понять их значение, но он не видел, шел по ним, топтал их.

17

Джуманияз, лежа на песке, смотрел в небо, где проплывали пышные, белые кучевые облака, и это предвещало усиление жары. Скоро даже вот этот слабенький, не приносящий отрады ветерок, стихнет, не шелохнутся ни травинка, ни веточка, установится давящая, непереносимая жара.

Рядом без сил повалился Акджик и сразу же начал всхрапывать. Дав ему поспать минут десять,

Джуманияз разбудил его. Акджик открыл глаза, посмотрел по сторонам и снова повалился на бок. Тогда Джуманияз встряхнул его сильнее.

— У тебя нет жалости, акга-джан, — простопал Акджик.

— Надо идти.

— Но ведь самая жара начинается.

— Будешь ждать, пока спадет жара, — умрешь от жажды.

— Не пугай меня, акга-джаи, и так уже нет сил двигаться.

— Пошли! — сказал Джуманияз и оглянулся на Байджана — тот уже встал. — Пошли!

Это короткое слово хлестнуло Акджика больнее плетки, но было оно необходимо, как горькое лекарство, несущее возможность жизни, возможность спасения.

— Акга-джан, выпьем по глотку воды!

— Нет.

— У меня пересохло в горле.

— И у нас пересохло в горле.

Акджик с усилием встал на четвереньки, выпрямился.

— Акджик, если теперь отстанешь, не думай, что остановимся и будем ждать. Байджан-джан, считай, что и тебя касаются эти слова, не помогай

ему. Пусть каждый несет свою ношу.

"Негодяй! Будто ворон над трупом, сидишь и радуешься!" — подумал Акджик, вслух же сказал:

— Акга-джан, видно, лучшего от тебя не дождешься. Сейчас ты бросишь в песках меня, потом Байджана.

— Много не болтай!

— Я тебя хорошо знаю, акга-джан!

— Ах, ты!..

— Не злись, акга-джан, не время. — Акджик первым сделал несколько шагов вперед, остановился: "Если не встретим машину, плохо будет", — он жалобно поглядел на Джуманияза.

Тот понял:

— Вода не мне одному нужна, всем нужна, потому берегу. Идем!

Хотя Джуманияз и не показывал слабости, но ноги тоже дрожали от усталости, по всему телу разлилась тяжесть. Да еще вдобавок воды совсем мало, для троих очень мало. Вот если бы она досталась ему одному... Но разве это трудно, оставить всю воду себе? Нет, еще не время. Когда станет совсем трудно, вот тогда... Надо уловить момент, чтобы не слишком поздно...

"Негодяй, настоящий подлец! — с тоскливой злобой думал Акджик. — Он же нас обоих убьет,

не даст воды, это яснее ясного. Как он убил Юсупа и вину свалил на Байджана, так и здесь поступит. Ни глотка, ни капли не даст, все выпьет сам… мы умрем, а он останется живым… Да, сам уцелеет, а про нас потом скажет, что умерли от жажды. Что ему наши жизни! Как говорится, смерть ишака — псам праздник. Каждый шаг, каждое движение — все у него рассчитано! Он сейчас с нами не как товарищ идет, нет, просто одному страшно. Пока мы ему нужны. А когда начнет слабеть, он бросит нас и уйдет, бросит на полдороге…"

— Акга-джан, дальше не пойду, — сказал упрямо Акджик.

— Ну и станешь пищей для шакалов и птиц.

— Если не дашь воды, не пойду.

— Не пойдешь?

— Нет!

— Ах ты!.. А ну, двигай! — Джуманияз, подхватив толстую обломившуюся ветку, двинулся на Акджика.

Тот вытаращил от страха глаза, откуда и силы взялись — снова потащился вперед, медленно передвигая ноги.

Байджану не понравилось поведение Джуманияза. Посмотрел на него с неприязнью, но ничего не сказал. Занятый своими мыслями, двинулся

дальше, но следам Акджика.

18

Из пересохших, растрескавшихся губ Джуманияза и Акджика сочилась кровь.

Пусть преградил очередной большой бархан. Акджик еле полз по склону на четвереньках, Джуманияз видел, как он мучается, обессилевший, но не протянул руки, не захотел помочь.

Помог Акджику Байджан: опираясь, держась за него, Акджик смог взобраться по склону. Сверху они увидели впереди заросли саксаула. Сразу стало легче дышать, даже показалось, будто прохладой пахнуло в лицо.

— Кажется, счастье улыбнулось нам, — радостно объявил Джуманияз и запнулся. В нос ему снова ударил запах мертвечины — и тут же исчез. Был на мгновение, на один короткий вздох, но был, был проклятый запах! А потом исчез. И снова, сколько ни принюхивался Джуманияз, ничего он не чувствовал. Настроение его тут же упало, радости как не бывало, остались тревога, страх и безумное, звериное желание выжить.

Деревья саксаула давали хорошую тень. Акджик первым упал на песок, раскинув руки, тяжело дышал. Джуманияз, прежде чем сесть,

тщательно осмотрел выбранное место, убрал сухие ветки, проверил: не затаился ли где скорпион. Сел, снял с пояса термос, сказал неприязненно:

— Каждый отхлебните по глотку. Только по одному.

Акджик схватил термос, глотнул, хотел глотнуть еще, но Джуманияз следил, тут же вырвал термос из рук.

— Кому было сказано, негодяй! Если так торопишься умереть, прикончу собственной рукой.

— Ну, убей, убей! Все равно собираешься уморить нас без воды!

Джуманияз промолчал, протянул термос Байджану, по тот отвернулся, не стал пить.

Все трое молчали. Джуманияз и Акджик вроде заснули. Байджан повернулся на бок — и вдруг увидел рядом голову змеи: пасть широко открыла, белели ядовитые зубы. Байджан протянул руку, схватил голову. Верно, когда-то змея была сильной и злой, а потом, похоже, встретила более сильного — дикобраза или ежа. И злейший ее враг напал, схватил змею за хвост, стал грызть. В отчаянных попытках спастись змея, наверняка, металась, хотела укусить, широко открыла пасть — и ударилась о колючки, а до тела врага так и не смогла достать. А еж, верно, продолжал грызть

тело змеи — она не могла вырваться, спастись от острых зубов, и даже умереть сразу не могла, чтобы не мучиться, а металась, извивалась, билась о колючки.

И вот теперь от нее остались лишь два страшных глаза, раскрытая пасть с торчащими ядовитыми зубами — и больше ничего.

Байджану стало жалко эту высохшую голову, и впервые в жизни он пожалел змею. Ему даже показалось, что он слышит ее боль, и он поморщился, как от собственной боли.

Повертевшись некоторое время с боку на бок, Байджан наконец заснул.

Тогда тихонько поднялся Джуманияз, все это время старательно изображавший спящего. Посмотрев и убедившись, что его спутники заснули, обулся, проверил, хорошо ли закреплен термос у пояса. Осторожно ступая, отошел на несколько шагов, и тут же раздался голос Акджика:

— Стой, акга-джан, куда уходишь без нас! Ты что же думаешь, мы такие простаки? Я же знаю, что ты хочешь сбежать с водой, поэтому ни минуты не спал!

Джуманияз даже не остановился.

Тогда Акджик закричал, словно у него разорва-

лось сердце:

— Байджан, вставай, Байджан!

Джуманиязу в этот миг больше всего хотелось вернуться и кинуться на Акджика, задушить его.

Байджан проснулся.

— Наш акга хочет сбежать с водой!

Байджан, будто не слыша слов Акджика, смотрел в песок.

— Акга, наш старший акга хочет забрать воду и сбежать, он хочет, чтобы мы умерли от жажды, — растерянно бормотал Акджик, не понимая равнодушия Байджана.

А Байджан не сразу поверил, сначала решил, что Акджик просто шутит.

— Я притворился спящим… а он встал и пошел, — еще раз попытался объяснить Акджик.

Джуманияз не стал спорить, разубеждать. Однако, когда Байджан шевельнулся на песке, оценил его крепкую фигуру и неутомленный вид. Поразмыслив несколько секунд, он вернулся.

— Каждому по два глотка, — и протянул термос Акджику. Затем хотел передать Байджану, но тот снова отвернулся, не стал пить.

— Ты ему не верь, Байджан, он хочет погубить нас, лишить воды, — Акджик поднялся с места, перебрался ближе к пастуху. — Дай еще воды,

хоть каплю! — и облизал потрескавшиеся губы.

— Воды? На! — Джуманияз показал ему кулак.

— Был бы нож, я б выпил твою кровь, проклятый! Дай мне воды!

Байджану стало жалко Акджика, он поднялся с песка. Положил руку на термос, где еще плескалась бесценная влага.

— Не трожь! — Джуманияз ударил его по руке.

— Ты же видишь — он не выдержит.

— Так брось его, если не выдержит.

— Он ведь умрет!

— Пускай умрет!

— Но он же — человек!

— Если человек — пусть будет сильным, как другие!

— Не у всех ведь силы равны!

— А не равны, значит, туда ему и дорога, пускай подыхает!

Байджан долго смотрел на Джуманияза — словно впервые увидел. Потом сказал:

— Дай ему воды.

Джуманияз все-таки открыл термос, дал один раз, глотнуть Акджику и снова закрыл.

— Еще дай!

— Нет.

— Я ведь тебе такое добро сделал!.. — и Акджик,

собрав все силы, ударил Джуманияза кулаком в нос. Удар пришелся в цель, и из носа его потекла кровь, капли упали на песок.

Тогда он в бешенстве схватил Акджика за горло, начал душить. Байджан ухватил Джуманияза за руку, тот в ярости отшвырнул пастуха в сторону.

Байджан упал, вскочил на ноги и с разбегу ударил Джуманияза в бок головой. Он, задохнувшись, согнулся пополам, в глазах у него потемнело, он зашатался.

Байджан опустился на колени возле лежавшего на спине Акджика, приложил ухо к груди.

— Живой… — пробормотал он, и, подняв упавший на песок термос, дал несколько раз глотнуть Акджику.

Джуманияз меж тем пришел в себя, распрямился и, видно, еще не соображая толком что и как, что ему сейчас делать, не подобрав даже слетевшую с головы кепку, поспешно отступил, торопливо зашагал прочь. Взобравшись на небольшой бархан, остановился и, будто вспомнив о чем-то важном, начал спускаться обратно. По дороге подхватил увесистый обломок ствола высохшей акации.

Остановился перед Байджаном — тот помогал подняться Акджику.

— Отдай воду! Мозги выпущу! — заорал, подняв дубинку.

— На, подавись! — Байджан отбросил термос в его сторону.

Джуманияз схватил термос, встряхнул, услышал бульканье на дне и захохотал.

— Вырвался! Теперь я вырвался! — орал он во весь голос.

— Люди меня называют Акджиком, на самом деле настоящий акджик[11] ты, подлец! — плаксиво закричал шофер вслед уходившему с последним запасом воды Джуманиязу. — Вся твоя жизнь — подлые дела, негодяй, перед людьми выставлял себя порядочным! Байджана вместо тебя судили, он вместо тебя дает деньги детям Юсупа! Ты же говорил Байджану, что сам будешь платить, ему останется только относить!.. Байджан не согласился, сам тащит на себе оба дома, а ты и рад! Не засчитываешь в приплод двойняшек, потом мясо продаешь спекулянтам, негодяй!

Джуманияз не отвечал, наверное, даже не слышал криков шофера: обняв термос, он хохотал, ошалевший от радости.

Байджан, глядя ему в спину, тихонько говорил,

---

[11] Примечания: 11

Акджик — дословно, подонок, подлец,

словно самому себе:

— Брат… Ты же называл меня братом… Жестокость — это подло… Не ходи… Нет, ты не должен уйти! Стой! — закричал он. — Стон, Джуманияз! — А тот, крепко прижимая к себе термос, взбирался по склону бархана, даже не оглянулся. — Стой, проклятый! — Байджан в ярости схватил брошенную Джуманиязом дубинку и бросился следом за ним к бархану. — Стой!

Джуманияз услышал за спиной тяжелое дыхание, обернулся:

— Брось палку, нам с тобой хватит этой воды!

— Мне не вода нужна, твоя душа!

Джуманияз словно впервые увидел Байджана, товарища детских игр; удивленно оглядел с ног до головы, увидел горевшие яростью глаза, в них плескалась не только ярость — возмущенная совесть, увидел непреклонность воли — и понял:

— Брат, что ты! Что ты, мы ведь братья!

— Оставь слова, защищайся!

— Я не хочу состязаться в силе… — Джуманияз нащупал ногой обломок сухой ветки, глянул краем глаза — подходящая. Мгновенно нагнулся, схватил ее и бросился на Байджана.

Однако Байджан уклонился от удара, и промахнувшийся Джуманияз, увлекаемый силой

инерции, упал, проехал несколько шагов вниз по песку.

Байджан сейчас мог ударить Джуманияза по голове, но посчитал это бесчестьем, и дал противнику подняться.

Теперь Джуманияз был внизу. Он поднял было свою палку, но пастух ударил раньше, раздался резким стук дерева о дерево, на Джуманияза посыпался песок. И в этот миг он снова почувствовал явный запах мертвечины. И не от песка, нет, не снизу. Он не мог выдержать — он должен был знать, откуда доносится проклятый запах, — завертел головой, но уже ничего не услышал, и снова поднял над головой свое оружие.

Байджан, смотревший на него сверху с презрением, тоже поднял свою дубинку.

Акджик, держась рукой за ствол саксаула, следил за ними издали. Не мог оторвать глаз от термоса, и единственной его мыслью было: "Хоть бы с Байджаном ничего не случилось..."

Новый резкий удар дерева о дерево заставил его вздрогнуть.

Когда крепкая ветка акации встретилась с сухой палкой в руках Джуманияза, та треснула, на голову завфермой посыпалась труха, будто кровь выступила на голове. Джуманияз понял, что дела

его плохи: сухая палка не выдержит еще одного удара дубинки Байджана. Он прекрасно знал Байджана — и опустился на колени:

— Убей меня, убей!

— Обороняйся, негодяй!

— Нет, убей! — и разорвав на груди рубаху, на коленях пополз к Байджану.

— Вставай!

Джуманияз лёг, прижался к песку:

— Бей! Ударь по голове!

Байджан опустил было занесенную дубинку, молча прошел мимо Джуманияза, спустился вниз по склону.

Акджик поразился:

— Акга, почему не обрушил на его голову этот сук?

— Молчи, подонок!

— Ты у него хоть воду забери!

Байджан промолчал.

Джуманияз, увидев, что опасность миновала, вскочил на ноги и, все так же прижав к себе термос, начал взбираться на бархан.

И снова послышался запах смерти…

Байджан и Акджик еще долго сидели в тени саксаула.

— Может, пойдем? — Акджик с усилием под-

нялся.

— Подождем, пусть сядет солнце, определим путь по звездам, — ответил Байджан. Помолчал, потом объяснил. — Какой ты ни будь опытный, в жару любой человек может ошибиться в направлении. Появится перед глазами мираж — вот и собьет с дороги. А вечером прохладно, и воды не надо. Смотри, эти саксаулы очень крепкие, крупные, в глубине, где их корни, влажность больше. У меня есть с собой бумага, свернем трубкой, в середину — лист селина. Выкопаем яму, будем тянуть эту влагу через песок, селиновый лист влагу пропустит, песок — нет. В старые времена, говорят, люди так спасались, без воды обходились дней десять-пятнадцать. Джуманияз дурак, хотел задержать его…

Акджик плакал от радости, пытался обнять Байджана:

— Брат ты мой, дорогой акга-джан!

— Жук ты навозный, а не брат, вот ты кто! — Байджан брезгливо сбросил со своего плеча руку Акджика. — Отдыхай, вечером и ночью придется много идти.

Перевод С.Шевелева

МУХАММЕТНУР КУРБАНКЛЫЧЕВ

ФАКЕЛЫ И ЗВЕЗДЫ

белом халатике и синей шапочке, стройная и гибкая, она появилась на буровой около десяти утра, в тот час, когда щедрое солнце над пустыней Шехитли успело прогреть каждый бархан и каждую песчинку.

— Здравствуйте! — бойко воскликнула девушка. — Вот приехала взять очередной керн… Газ-то скоро будет?

— Будэ, милая, будэ, — ответил кто-то из рабочих.

— У нашей Гульджемал глаза, как у молодой газели! — с восхищением отметил весельчак и балагур Эзиз. — Что-то редко стала к нам наведываться, красавица?

— Я приезжаю по графику, Эзиз, так что не упрекай… — Лаборантка посмотрела на часы и опустила ресницы.

К буровой подошел Сердар, поздоровался. Под мышкой у него была кипа чертежей и бумаг.

— Скоро солевые пласты, ребята… Будьте поосторожней! — Сердар пристально оглядел буровую, потом обратился к Гульджемал. —

Здравствуй, долгожданная, как поживаем?

— Как говорят русские, с божьей помощью… Что-то не пойму вас, мастер, то вы на "вы", то на "ты", — девушка смутилась, было заметно, что она волнуется.

Волновался и Ниязов, и было почему. Он давно уже выпестовал в душе образ любимой, и вот она опять перед ним… Дабы не спугнуть свое счастье, Сердар даже не попытался продолжать разговор… Сердце его неожиданно зачастило…

— А я с поручением, — Гульджемал порылась в красной сумочке и протянула Сердару телеграмму.

"НИЯЗОВУ ДВЕНАДЦАТОГО ДЕВЯТЬ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НА СОВЕЩАНИИ ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР ТРЕСТА "ТУРКМЕНГАЗПРОМ" КУРБАТОВ", — прочел он. "Следовательно, до совещания еще десять дней, — подсчитал мастер и задумался. — Наступают наиболее ответственные этапы бурения, вдруг это совещание, зачем?.."

Пассажирский поезд, разматывая стальные нитки дороги, шел в Ашхабад. За горбатыми барханами в сумерках таяли буровые вышки Шехитли. Мастер, погруженный в свои мысли, одиноко сидел в душном купе, поглядывая на консервную банку, приспособленную под пе-

пельницу… "Прокурился, как сапожник. В легких, небось, только песок да никотин", — со злостью раздавил очередной окурок. Затуманенными от бессонницы глазами уставился в темноту. Над уходящими в небо макушками буровых горели гирлянды ламп. "На бескрайнюю пустыню словно звезды опустились… Вот и моя зажглась… Гульджемал, ненаглядная! Как ты там?..". — Смутное чувство тоски легкими молоточками стучало по вискам и не давало покоя.

Говорят, что первая встреча редко когда обманывает чистые души. Сердар и Гульджемал встретились впервые три месяца назад. И, словно споткнулись, долго и с удивлением смотрели друг на друга. И на незримой пленке памяти было зафиксировано: "Ты мне нравишься!" — "Вижу, что нравлюсь… И мне приятно на тебя смотреть… У тебя нежные глаза, светлый и отзывчивый взгляд. Но больше всего меня тронула твоя солнечная улыбка. Да, да, улыбка! Только она заставила меня остановиться и посмотреть в твои глаза. Когда ты улыбнулся — я сразу вспомнила Чары…"

Сердар, как в столбняке, застыл на месте, а она пошла дальше… Ты не хотела, и все же оглянулась. Мастер, словно мальчишка, сел на раскаленный песок и снял брезентовый сапог. По-

том он начал вытряхивать из него камушек… Он был околдован твоим взглядом и тобой. Камушек так и не вылетел из сапога. Не вылетел потому, что его там не было… И ты это прекрасно поняла и не осудила вконец растерявшегося парня, и даже скупо улыбнулась.

А мастер встряхивал сапог и думал… "Гульджемал! Да, да, это Гульджемал! Новая лаборантка… Значит Эзиз рассказывал о тебе и о Чары… Этого симпатичного и рослого парня с густой шевелюрой, с третьей буровой, я видел один-единственный раз, как раз перед аварией. Утром буровая зафонтанировала, и Чары бросился к заглушке… Чары знал, что рискует, по по-другому он поступить не мог… Потом раздался мощный взрыв, от которого оглохли и люди, и небо…

Говорят, тебя долго не могли оторвать от могилы… Делать было нечего, бережно подняли и увезли в поселок. Ты долго болела. Потом навсегда ушла с третьей буровой… И вот ты здесь! Я знаю, что подходить к тебе — кощунство! Ты не можешь и, видимо, не сможешь забыть Чары… Но ты мне поправилась, и я не знаю, что мне делать?"

Вдоль дороги проплывали знакомые места. Четыре года назад буровая бригада, которой

руководил Сердар Ниязов, перебазировалась в Шехитли на освоение Шатлыкского газового месторождения. Большинство членов бригады были молодыми и малоопытными парнями. Да и сам Сердар не считал себя зрелым буровиком, хотя два года трудился с известными мастерами управления. Когда стал руководить бригадой, поначалу растерялся. Новые места, новые люди, незнакомые пласты! Каждый метр бурения был новшеством и большим испытанием. Работали осторожно. В трудные минуты на помощь приходил опытный наставник Эдвин Саркисович Нуриджанов: "Ты не теряйся, Сердар! Уверенность — это удачный выстрел! Пословица "Тише едешь — дальше будешь" — для нас, брат, не всегда подходит. А главное, всегда советуйся с парнями и в накладе не останешься".

Мудрые и доброжелательные слова наставника глубоко запали в душу мастера и подтолкнули еще раз проанализировать отношения в бригаде и организацию труда.

Глядя на огни вышек, напоминающие мачты кораблей, Сердар вспоминал; "Совсем недавно в этой пустыне, кроме трех бригад, не было ни одной мухи... А сейчас? Вырос лес вышек, оборудованы городки, в каждом есть столовая и даже

клуб на колесах. Правда, с водой туговато, но пустыня — есть пустыня... Прорубили первую скважину — удачно! Вторую — удачно! И пошла работа..."

Поезд подходил к Ашхабаду.

Бригада Сердара в последнее время проводила разведочные работы на новом участке Йылдызлы, что означает Звездный. Скважина Сердара была надеждой управления, подтверждением прогнозов ученых, заверявших, что в этих местах есть газ. "Видимо, придется выступать. Что ж, по ходу дела увидим..."

* * *

Когда к трибуне подошел смуглый парень среднего роста с зеленой папкой в руках, в зале раздался легкий шепоток: "Ниязов... Передовик, новатор, смелый джигит!"

Плотный мужчина, сидевший в последнем ряду, увидев в руках Сердара объемистую папку, забеспокоился и толкнул соседа в бок...

— Вах!.. Да этот парень, ей-богу, проморочит нас не менее двух часов!

— Потише, Джепбар Сахатович. Я уверен, что разговор будет дельным, а зарапортуется — осадим, — сказали рядом.

Джепбар опять пристально посмотрел на Сердара.

— Вах! И как я сразу не узнал… Хотя столько лет прошло… Это же мой бывший сосед. Вот это да!..

Но "шептуны" Сердара не смутили. Он обвел взглядом коллег и начал развязывать тесемки папки.

До сих пор ему ни разу не приходилось выступать на больших собраниях. В зале было много народа, и это подавляло его. Язык словно онемел. Говорить начал невнятно, чувствуя, что уходит от намеченного плана выступления. После очередной реплики из зала он окончательно разволновался, зачем-то приподнял папку.

— Спокойнее, парень! Оставь папку в покое, — выкрикнул кто-то.

Лицо Сердара горело от стыда и беспомощности. "Что это я, как первоклассник, — мастер прокашлялся, и голос его обрел уверенность и силу. Отодвинув папку, стал рассказывать о своей бригаде, о новых методах бурения, которые собирается внедрять на вышке.

— Но не менее важное, — Сердар глубоко вздохнул, — это организация труда, которая невозможна без хорошей дисциплины. Там, где допускается разгильдяйство, бывают аварии, и

снижаются темпы работ. Нередко бывает, что из-за оплошности одного буровика страдает весь коллектив, буровая простаивает по месяцу и больше… Правильно говорили выступавшие здесь товарищи: лучше наказать, чем проявить жалость, унижая человека. А наиболее острый наш бич это отсутствие запчастей.

— Конкретнее давай! Это нам и без тебя знакомо…

— Да он, как жокей, пошел на большую ставку, а вот разогнаться никак не может, — добавили рядом.

— Факты давай, поделись опытом! — потребовал все тот же голос.

Сердар откинул назад шевелюру, в нем закипала злость. Говорить стал отрывисто и четко.

— Для того, чтобы повысить темпы бурения, необходимо добиться более производительной работы оборудования… Всем известно, что основными факторами, влияющими на механическую скорость проходки, являются: характеристика породы, тип, нагрузка и частота вращения долота, свойства бурового раствора. Каждый фактор в большей или меньшей степени оказывает влияние на скорость бурения. Однако, нельзя утверждать, что механическая скорость проход-

ки снижается только в результате увеличения плотности бурового раствора. Необходимо, чтобы промывочный раствор при эксплуатации содержал минимальный объем твердой фазы... У нас была очень плохая скорость при отборе образцов. А почему? А потому, что была очень малая мощность турбин. Поэтому мы применили новое устройство при отборе образцов из забоя. Сделанный нами секционный колонковый турбобур позволил в два с половиной раза увеличить скорость бурения. А иногда, товарищи, — звенел голос Сердара, — происходят вообще удивительные вещи... Все знают о том, что на нашем участке второй месяц подпирает небо готовая, но бездействующая буровая. Я прикинул и решил: одному мастеру можно справиться и с двумя буровыми... Захожу к начальнику управления и говорю, так, мол, и так... В управлении много молодежи, желающей добывать "голубое топливо", что создам новую бригаду, не затронув ни одной другой... Некоторые давно просят взять их на буровую. Среди них — ребята с высшим образованием, есть и опытные, по разным причинам ушедшие с буровых. А мне товарищ Атаев отвечает: "Пока буровую не примет государственная комиссия, и думать забудь!". А как можно забыть! — Сердар

сжал кулак, пальцы захрустели. — Сердце щемит, когда проезжаешь мимо смонтированной буровой, у которой нет хозяина.

Джепбар восхитился выступлением бывшего соседа. Не поднимая головы, он ткнул в бок погруженного в свои мысли Ялкаба:

— Слушай, племянничек, и мотай на ус!

Ялкаб насупился, не зная, что ответить. Брови его вздернулись. Он заворчал на дядю:

Мечтать легко, а вот когда до дела дойдет, так сразу в кусты… Знаком я с этим говоруном. Это, дядя, тот самый мастер, который преградил передо мною дорогу в самую ответственную минуту. А ведь могло быть открытие… — В голосе Ялкаба закипела злость. — Он свел на нет все мои труды. А сейчас, смотри, как поет, будто другие люди ни на что не способны.

Джепбар уставился на племянника.

— Так бы и сказал, что это тот самый мастер, от которого ты ушел полтора года назад, потерпев поражение. Расстроил ты меня, племянничек. С твоим-то образованием и от этого мальчишки…

А Сердар продолжал:

— В Каракумах буровики добиваются хороших результатов, внедряя в производство достижения науки и техники. Только… Наши иногда поче-

му-то стесняются обращаться к ученым… Чем глубже уходят буровые, тем больше становится загадок и задач, требующих решения. Не боюсь повториться, если скажу: давайте сотрудничать, товарищи ученые!

— Лихой джигит! Слышишь, куда клонит, — вслух размышлял Джепбар.

— Вот в этой папке, — Сердар поднял ее над трибуной, — собраны материалы, над которыми я размышлял в течение четырех лет. На мой взгляд, товарищи, над многими вещами мы должны задуматься гораздо серьезнее! — Он сделал паузу и посмотрел в сторону Ялкаба. — Но не торопиться с выводами и предложениями, как некоторые молодые научные работники…

— Никак по тебе прокатился, — Джепбар с ехидцей взглянул на Ялкаба. — Ничего, все еще впереди… Необходимо заполучить папочку, дорогой племянничек! Чую, что в ней материала достаточно и для тебя… Заполучить ее просто необходимо, а потом… разберемся, что к чему.

— Вы так легко рассуждаете, дядя, будто триста лет как знакомы с этим оратором.

Сошедшего с трибуны Сердара окружили буровики, и между ними завязалась оживленная дискуссия.

— Триста не триста, а знакомы мы с ним давно и очень даже хорошо, — Джепбар, морщась, почесал затылок. — Жаль, но мне не было известно, что от Сердара зависела судьба твоего раствора. Мастера я помню с тех пор, когда он был мальчонкой с кулачок. И если бы ему подсказали, что ты — мой племянник, то эксперимент наверняка бы прошел…

Джепбар понимал: заполучить папку — мыслишка довольно подленькая. "Но на что только не пойдешь ради непутевого племянника", — в душе оправдывался он, и вдруг резко поднялся.

— Молодец, Сердар-джан! Молодец!

Сердар повернулся на знакомый голос и приветственно помахал рукой.

— Тише, дядя! Не позорь нас… Люди смотрят!

— Пусть смотрят! И знай, Сердар — мой друг. Он ведь единственный сын Дурсунджемал. Не так давно я и мать его видел возле универмага. Еле-еле узнал… А когда-то была красивой женщиной.

Несколько лет назад Джепбар жил по соседству с семьей Сердара, как говорится, стена в стену. Сердар был шустрым и смышленым мальчиком. Вокруг него всегда гуртовались ребятишки. Они не болтались без дела, а по предложению Сердара собирали всякие железки, пытаясь смастерить

колесницу… Но все надежды детей лопались. С возрастом влечение к технике не ослабевало. "Мой Сердар хочет оживить железо, да жаль — еще молод! Мечтает стать механиком! Не сглазить бы, он и сейчас чинит все, вплоть до моей швейной машины", — с удовольствием рассказывала Дурсунджемал соседям.

В те времена Джепбар был уже известным инженером. Поговаривали, что он сделал сенсационное открытие в области то ли нефти, то ли газа. Но высокомерия в нем не было. Это был вежливый и довольно симпатичный молодой человек с открытым лицом. Но, несмотря на его молодость, за советом к нему обращались и старшие. И Дурсунджемал однажды пришла к Джепбару. Он внимательно выслушал и посоветовал: "Как только твой сын закончит семь классов, отдай его в профессионально-техническое училище. Там он сможет выбрать профессию по душе". И Дурсунджемал согласилась.

Мальчик рано лишился отца. Двадцатилетняя красавица Дурсунджемал стала вдовой. Ей несколько раз предлагали руку и сердце, но она так и не смогла изменить не вернувшемуся из дальнего рейса веселому джигиту.

Джепбар самолично устраивал Сердара на

учебу.

"До конца жизни не забуду вашей доброты", — с благодарностью в голосе несколько раз повторил Сердар, переступая порог училища.

Ялкаб внимательно слушал дядю, и нутро его бунтовало…

— Раствор-то мой засох тогда, — с горечью констатировал он.

— Сам ты засох, дорогой племянничек! — все внимание Джепбара было сосредоточено на папке в руках Сердара. — Упускать нельзя! — опять поймал он себя на крамольной мысли.

А Ялкаб?.. Судя по посеревшему лицу, состояние его было не из лучших. У него даже уши покраснели от напряжения. Ему хотелось узнать, о чем думает дядя. Но, увы!.. Гордость и высокомерие глушили в нем и желание, и вопросы… Он был из тех людей, которые не очень-то любят посещать подобные собрания. И Джепбар не зря иногда ворчал на племянника: "Обзаводись друзьями! — Высокомерием ты нигде и никогда не пробьешь себе дорогу… И помни, если за что-нибудь ухватился, то не отпускай до тех пора, пока не отломится. Вытолкнут за дверь — лезь в окно… Эх, мне бы твою молодость!" Но сейчас заговорил с укоризной:

— Смотри, племянничек! Десять лет назад он был мальчишкой, путавшимся в собственном поясе. Потом, после училища, словно растворился в пустыне… И вот, пожалуйста, мастер, новатор! Так-то…

Ялкаб почувствовал себя униженным. Губы его сомкнулись в узкие полосочки.

— Ладно, не обижайся… Никто тебя не поддержит, если я не помогу. Сам поговорю с Сердаром.

— О чем? — сверкнул Ялкаб оливковыми глазами.

— Сердар — свой парень. Он не сможет не послушаться меня…

И опять Ялкаб не догадался о задумке дяди.

Собрание закончилось во второй половине дня. Наиболее горячую дискуссию вызвало предложение Сердара бурить на глубину в пять и более тысяч метров. "За фантастическими цифрами гонишься, парень…", — возражали ему. Но Сердар не терялся.

— Вы говорите, что долота не выдержат нагрузку? Вполне возможно… Но для этого, разумеется, необходимо изготавливать специальные долота, для каждого пласта создавать соответствующее давление.

— Остынь, парень! Не хуже нас знаешь, что

долота не валяются на дороге…

— Они и не должны валяться… Необходимо подключить ученых и создать новые — на алмазной основе и беречь, как зеницу ока, — парировал Сердар.

— А сколько энергии потребуется для бурения на ваших глубинах?

— Конечно, силы дизелей для этого, маловато. Необходимо, видимо, переходить на электропривод…

Вокруг Сердара были и такие, которые посматривали на молодого мастера с нескрываемой иронией и… завистью. Мужчина с отвисшим брюшком, помигивая сальными глазами, с неприязнью в голосе попытался возразить:

— Легко сказать — электропривод! И дураку ясно, что работа станет перспективней. А питание где взять?

Джепбар бесцеремонно раздвинул кольцо вокруг Сердара.

— Атаковали, не подступиться! Здравствуй, Сердар-джан! — он, словно девушку, взял его за плечи и прижал к широкой груди.

— Здравствуйте, Джепбар Сахатович! Рад видеть! — Сердару стало неловко, и он довольно резко снял с плеч его руки. В упор посмотрел на

лоснящегося Джепбара. "Не человек, а мешок с овсом... А ведь был когда-то высоким и стройным, на каждое плечо можно было усадить по подростку... Сейчас не удержатся, скатятся... Крутые горки..."

— Хотел, поговорить с тобой, братишка!

Выручил незнакомый мужчина в очках. Он подошел к Сердару и пригласил в кабинет главного инженера треста.

— Ступай, "братишка, но имей в виду, буду ждать до потопа... Сегодня ты мой гость. Постарайся не засиживаться! Я давно хотел повидаться, но каждый раз, когда ты приезжал, мы успевали только твое имя услышать.

— Спасибо, Джепбар Сахатович! Я всегда помнил и вас.

— То-то же... Жду! — В хитроватых глазах Джепбара заиграли искры надежды и радости. — Жду тебя внизу, братишка!

Сердар не ответил ни да, ни нет... "Отказать? Вроде неудобно... И времени нет! Хватит ли у него терпения дожидаться? От главного быстро еще никто не вырывался", — подумал он, входя в просторный кабинет, в углу которого стоял массивный стол под зеленым сукном.

Джепбар же спустился вниз, отыскал племян-

ника и заторопил:

— Жми домой и сразу же свали овечку…

— Овечку?! Я не уверен, что сейчас смогу найти даже костлявую курицу… Кстати, а с какой целью?

— Недогадливый человек, до сих пор не дошло? — не дал договорить ему Джепбар. — Если вы не держите дома у дверей паршивую овцу, то хоть у соседей возьми и приготовь обед. Я уговорил Сердара…

Ялкаб был поражен известием.

— Делать тебе нечего, дядя! Будь у меня в глазах пуля — убил бы его взглядом… Приглашаешь на обед, а со мной даже не посоветовался.

Джепбар рассвирепел. Он схватил Ялкаба за грудки и прошипел:

— Олух! Папка сама идет к нам в руки, и не воспользоваться таким моментом — просто глупо! Дошло?..

— Плевал я на него и на его папку! Для такого гостя мне жалко даже больного цыпленка. Высказанные им мысли о бурении не стоят ломаного гроша…

— Ничего не скажешь, благородный парень!.. Только туповат малость, — Джепбар выразительно покрутил пальцем у виска. — Горюшко ты мое,

горе! Для тебя ведь стараюсь! Я привез из Нохура пару козлят, хотел друзей пригласить, да, видно, не придется... Топай ко мне и скажи тетушке, пусть ставит казан.

Понимая, что перечить бесполезно, Ялкаб перешел оживленный перекресток и побрел к дядиному особняку.

Сидя в кабинете главного инженера, Сердар царапал карандашом уголок ненавистной папки и сосредоточенно размышлял: "Зачем он меня пригласил? Во время выступления ничего лишнего вроде не сказал..." Главный прохаживался вдоль стола, временами поглядывая на озадаченного Сердара.

— Гадаешь и не можешь догадаться, зачем вызван?

— Что скрывать... Так оно и есть, — чистосердечно признался парень.

Яшули бросил в пепельницу выкуренную до фильтра сигарету, порылся в ящике стола и достал новую пачку. Закурил сам и предложил Сердару.

— Значит, так. Сердар Ниязов! — Инженер закашлялся и легонько постучал себя по груди ладонью.

Сигарета, которую разминал Сердар, вдруг лоп-

нула, табак рассыпался по столу.

— Плохая примета! — Мастер попытался щепоткой собрать рассыпавшийся табак. — Остатки сдул на пол.

— Гадания, приметы… О тебе думаю, молодой человек! О твоем будущем, о кадрах нашего управления. — Некоторое время инженер молчал, потом неторопливо потянул на себя папку, но развязывать не стал. Подержал и опять положил на стол. — Давно следим, Сердар, за твоей работой. И тоже думаем о повышении скоростей бурения… Давненько занимаешься этим вопросом? — неожиданно спросил он.

— Четыре года… Собралось много, пора систематизировать. Может, и для дипломной работы что-нибудь пригодится…

— Доброе дело делаешь. Ты, кажется, в этом году заканчиваешь институт?

— В этом… Заниматься только некогда.

— Вот, вот, самое время перейти в управление, — главный искоса посмотрел на Сердара. — Что ответишь, мастер?

— Если вы действительно хорошо ко мне относитесь то не превращайте в чиновника. Не по душе мне все это… Я люблю живую творческую работу, а копаться в бумажках — не для меня!

Главный инженер подошел к окну и задумался. Прямолинейность Сердара пришлась ему не по душе.

— Выходит, что я — чиновник! Кручусь, как белка в колесе. То на одном участке, то на другом... Столько буровых! И везде необходимо не только побывать... Приходится и подсказывать, и поощрять, и наказывать... А ответственность?.. Вот она где. — главный хлопнул себя по шее.

Мастер смутился. "Вывел человека из терпения", — стало неловко за резкий отказ.

— Думаешь, люди не знают, каких результатов ты добился к настоящему времени? Знают... Все знают. Сердар. И прекрасно понимают, что добился ты их не штурмовщиной, а благодаря тому, что в этой папке.

Лицо Сердара посветлело. Он подался вперед, собираясь что-то сказать, но главный жестом руки остановил его.

— Повышение в должности не помешает начатому делу, — инженер постучал пальцем по папке, и она опять легла на стол.

Больше всего не нравилось Сердару, когда его начинали, по поводу и без оного, уговаривать... Это его злило, и он почти всегда, порой вопреки собственному желанию, поступал наоборот, на-

чинал действовать, как подсказывала интуиция. Вот и теперь ему стало явно не по себе. "Только бы не сморозить глупость!" — внушал он себе.

— Сказано давно и не нами: свято место пусто не бывает… Думаю, что всегда найдется человек, который захочет стать начальником службы…

— И кого ты предлагаешь?

Не ожидавший подобного вопроса, Сердар замолчал.

— Вот тебе и "свято место", — с иронией подчеркнул яшули. — Если мы возьмем инженера со стороны — вы сами будете недовольны…

Теплое и спокойное местечко не прельщало Сердара, и он категорически заявил:

— Назначьте кого угодно, кто побольше моего видел и погорластее. А я… не справлюсь!

— С вами, как говорится, все ясно! Есть у нас и толковые механики, и способные инженеры… Нам же нужен не только грамотный, но и деловой человек, способный стать хорошим организатором производства, — пальцы главного нервно забарабанили по столу. — Может быть, после института ты собираешься поступить в аспирантуру? Если это так, то молодчина! Будет нужда — поможем…

— Да с меня вполне достаточно института.

Закончить бы… А помощь нам нужна в другом деле.

— Что за дело?

— Мы предлагаем внедрять модернизированные нами долота.

— Но ведь на совещании одобрили ваши предложения.

— Спасибо за одобрение, но…

— Никаких "но"…

— Боюсь, что долго придется ждать, пока бумаги изучат там… — Сердар ткнул пальцем в потолок.

— Не беспокойся, это не твоя забота. Долго ждатьне придется. Какие еще есть просьбы?

— Спасибо и за это!

Яшули подошел к Сердару и пытливо посмотрел в глаза.

— Рассчитывал я на тебя, но, скажу честно, не было уверенности, что согласишься на мое предложение. Нет слов, там бесспорно интересней, чем в прокуренном кабинете… А впрочем, время подскажет, как жить дальше. В твоем возрасте я поступил бы так же…

Главный инженер взял в руки папку:

— Оставишь ее деньков на десять? Чувствую, что на совещании было сказано далеко не все…

— Ради бога! Папку я с удовольствием оставлю,

только не обижайтесь, пожалуйста, за отказ. Не могу я иначе.

— Нет, нет! Я не обижаюсь… И желаю только одного: как можно быстрее одолеть солевые пласты.

— Соли в наших местах предостаточно. Но мы най-дем выход!

— Говорят, вы уже нашли?

Мастер не хотел прежде времени рассказывать о задумках, в которых не уверен и сам… И главный это понял.

— Вы хоть от людей не скрывайте методы бурения, — тихо попросил он.

— Что скрывать! Сначала необходимо проверить и убедиться — пойдет ли дальше долото…

— Я слышал, что, преодолевая солевые пласты, вы собираетесь применить соленый раствор… Так ли это?

— Вообще-то, такая мысль есть… Только делиться опытом рановато…

— Пробуй! Если будут какие затруднения — дай знать… Вместе покумекаем. И не забывай — мы ждем большой газ! — Главный инженер протянул для прощания руку, и Сердар вышел из кабинета.

Внизу мастера поджидал Джепбар.

— Засиделся, братишка! О чем толковал с хозяином?

Но Сердар не торопился отвечать, думая о своем.

— Значит, решено! Едем!..

— Куда? — не сразу сообразил Сердар.

— Ко мне, братишка! — Джепбар услужливо открыл дверцу машины и легонько подтолкнул мастера. — После такого совещания не грех и отдохнуть.

— Отдохнуть — это хорошо. Но наши желания, к сожалению, не всегда совпадают с возможностями. Хотел зайти в институт геологии — не успел… Не заехать к маме — просто грех… — Сердар вытащил из кожаной сумки блокнот и начал его перелистывать.

— Солнце садится, братишка… Все дела побоку… А к маме успеешь!

Машина набирала скорость. Приятный прохладный ветерок запутался в воротнике рубашки, но не остудил Сердара. Он устало прикрыл глаза. Думать ни о чем не хотелось…

— Не до веселья мне сегодня, Джепбар Сахатович.

Напрасно вы его затеяли. Мне необходимо быть на буровой.

— До поезда еще много времени, братишка. И почаевничать успеем, и к маме не опоздаешь… Давно уже все приготовлено, и стол накрыт, — самодовольно захохотал Джепбар.

— По какому случаю веселье? — поинтересовался Сердар.

— По случаю хорошей погоды и встречи с тобой, дорогой новатор! Хотя причитается с тебя, но угощать сегодня буду я… Давненько не виделись…

Рассерженный на Джепбара, Ялкаб не торопился домой. В голове все перепуталось от воспоминаний. Он никак не мог понять, зачем дядя затеял очередную авантюру, узлом которой стала злополучная папка Сердара. "Нет! Подальше от этой игры! — сверлила его беспокойная мысль. — Благо, я уже имел удовольствие опозориться, благодаря твоим советам, дядя! — вслух рассуждал он. — Из-за тебя окончательно потерял интерес к жизни. Вах, вернуть бы годков пять… Ведь даже ишаку должно быть ясно: если мечтаешь стать ученым, то не думай сразу об аспирантуре, не подходи даже к дверям академии, а подавайся сначала на производство. Поработай как следует, пообтрись среди людей и наберись опыта… Не зря умные люди толковали, что у Каракумов большое будущее. Всем

было ясно, только не мне, — Ялкаб зло сплюнул и, не обращая внимания ни на прохожих, ни на столпившихся подростков вокруг двух дерущихся пацанов, продолжал разматывать невеселые мысли. — Повкалывай я хотя бы с годик в разведочно-буровом отряде, наверняка нагрузился бы материалом для кандидатской. Потом стучись в дверь желанного института, и лицо не покраснеет. Наученный горьким опытом, так и не ставший доктором наук, дядя мог предостеречь, но, видимо, заблуждался и он..."

Ялкаб устало брел по знакомой с детства улице. На душе было муторно. "Вах, жаль, что упущенное не поймаешь за хвост!" — постучал он себя кулаком по груди и остановился под старой, запыленной чинарой. Расстегнул пуговицы рубашки и надушенным носовым платком вытер вспотевшую шею. Спиной прислонился к шершавому стволу, и ему показалось, что даже чинара сочувствует его невеселым думам.

К Джепбару идти не хотелось. Над городом, как над котлом с ароматным пловом, стоял легкий туман. "Никто не понимает... Один, совсем один, как суслик в пустыне..."

Немного постоял, прикусив губу... Эх, если уж не повезет, так не повезет! А может, просто в жиз-

ни наступила черная полоса? Кто мог подумать, что она начнется с того дня, когда женился на Айсолтан… А ведь любил… И как любил…" К горлу подкатился комочек горечи и обиды и на себя, и на свою судьбу… А была она не из легких…

Родители Ялкаба были пастухами. Воспитывался он в интернате. После десятилетки, перед поступлением в институт, Джепбар попытался пристроить его на работу. Но избалованному Ялкабу не понравилось ни на ткацкой фабрике, ни в мастерской консервного завода… Кое-как одолев геологический факультет университета, он стал младшим научным сотрудником одного из научно-исследовательских институтов.

Полнокровному и крупному Беркели шел шестой десяток. Он был завмагом небольшого промтоварного магазина на южной окраине города. С отцом работала и его дочь Айсолтан.

Девушка во всем старалась следовать примеру отца. Но вскоре она стала замечать, что среди посетителей — парней и мужчин — появляются и такие, которые больше смотрели на нее, чем на товар… И однажды она не выдержала и устроила такой разнос очередному "поклоннику", что тот не знал, куда деваться.

На рассерженный голос дочери из крохотного

кабинета вышел Беркели, быстро оценил ситуацию и извинился перед "покупателем". Подошел к Айсолтан. "Вот что, дочь, запомни раз и навсегда: пусть приходят каждый день и с утра до вечера, ничего не покупая, смотрят только на тебя… И ты должна терпеть и улыбаться, на то ты и продавец! Не можешь?.. Подыщи более скромное место!" Девушка покраснела и быстро смахнула первую слезу, оросившую ее лицо.

Беркели нельзя было назвать общительным человеком. В его дом редко приходили гости, в основном, старые друзья. По складу своего характера, чем-то похожей на отца, была и Айсолтан. Жизнерадостная и доброжелательная, она, в свободное от работы время, занималась домашними делами и лишь изредка ходила с подругами в кинотеатры. Но иногда она становилась угрюмой и замкнутой. "Казалось бы, дом — полная чаша! Приглашай подруг, ходи в гости, развлекайся, и мы тебя ни в чем не попрекнем. Так нет же… Может, ее лицо посветлеет, когда выйдет замуж?" — сокрушались родители.

В мае Айсолтан исполнилось двадцать лет, и Беркели основательно готовился, чтобы день рождения дочери прошел в исключительно торжественной обстановке.

На празднество пригласил друзей с семьями, Айсолтан — подруг. В беседке, обвитой виноградными лозами, был накрыт длинный стол, благоухающий ароматными яствами. И возможно, впервые старик увидел Айсолтан в прекрасном настроении. "Красавица! Вах, какая красавица!" — радовался, глядя на улыбающуюся, нарядную дочь.

Среди гостей было много молодежи. Некоторых, особенно парней, Айсолтан видела впервые. Тамадой провозгласили старого друга хозяина Джепбара Сахатовича. Рядом с ним сидел симпатичный, но, судя по растерянному лицу и неловким движениям, стеснительный парень. "Эх-ва!.. Да у Джепбара, оказывается, есть взрослый сын, а я и не знал!" — возбужденный Беркели подошел к другу, и тот познакомил его с племянником. Было заметно, что Ялкаб понравился не только хозяину дома, но и многим гостям, особенно девушкам. После того, как веселье было в полном разгаре, Беркели поинтересовался у друга:

— Странно, приятель, странно… Никак не пойму, где ты прятал этого джигита? — Беркели пристально посмотрел в глаза Ялкаба.

У проницательного Ялкаба запела душа: разговор начинал течь по предполагаемому им руслу…

Он поспешно проглотил кусочек молодого барашка и опять протянул руку к искрящемуся бокалу.

— В песках, дружище, в песках… Ялкаб решил подгрызть науку под корень… Вот и мечется из одной пустыни в другую, с одного бархана на другой.

— Вах, какая же наука может быть в песках? — удивленно спросил Беркели.

— Редко читаешь газеты, дорогой! Именно в песках и наука, и открытия, — Джепбар загадочно улыбнулся. Жаль только, что нет настоящей поддержки, а говоря точнее, племянник никак не может подобрать подходящую тему для научной работы.

— Да, в нынешние времена в любом деле необходима поддержка, — вмешался в разговор известный садовод Фазиль, сидевший напротив Джепбара. — Мой младший брат пятый год обивает пороги институтов и не может защитить готовую тему. Друзья для застолья есть… А поддержки — нет! Прошли славные времена, когда из наших ран друзья; высасывали яд…

— Так-то оно так… И все же, выход можно найти, — поддакнул Беркели, пытаясь повернуть разговор на более веселый лад.

Ялкаба нельзя было назвать истуканом за

столом. Держаться в обществе он умел. Но сам в разговор не вмешивался и лишь изредка ронял ничего незначащие фразы. Особенно много не ел и не пил. Ни с кем не танцевал. В честь Айсолтан не провозгласил заздравный тост, и со стороны могло показаться, что празднество ему безразлично. Но это было далеко не так. Из-под опущенных ресниц за Айсолтан следили пытливые и ласковые глаза джигита, и девушка чувствовала это… Глядя на балагурящих отца и Джепбара, она смутно догадывалась, что разговор идет о ее дальнейшей судьбе.

Рассыпая комплименты перед Айсолтан, благодаря и пожимая руки хозяину, повеселевшие гости постепенно расходились по домам. Девушки, помогавшие матери Айсолтан убирать посуду, о чем-то перешептывались и хохотали, поглядывая на Ялкаба.

— Какой общительный парень, словно воды в рот набрал… — иронизировала гибкая, как ящерица, черноглазая озорница.

— Действительно, видела молчунов, но такие, как этот, не часто встречаются…

— Ошибаетесь, подружки… Молчал он не зря… Разговаривать ему было некогда. Вы заметили, что он не мог оторвать глаз от нашей Айсолтан, —

затараторила самая бойкая.

— Кто знает, может, влюбился?..

Айсолтан слушала все это и лишь краснела. Ее сердечко колотилось в предчувствии чего-то неведомого и желанного. Но всему есть предел.

— Да перестаньте вы!.. Нашли о чем судачить! — Но всем было ясно, что девушке льстили эти беспечные разговоры.

После того, как гости разошлись и двор опустел, хозяин долго не заходил в дом. Побродил по двору, опять зашел в беседку, сосредоточенно о чем-то думая. Беркели не был заядлым курильщиком, но на этот раз не выдержал, закурил оставшуюся после гостей сигарету. Закашлялся и пристально посмотрел на распахнутое окно, за которым находилась Айсолтан. Но перед его мысленным взором была не только дочь, но и Ялкаб…

— Скорей бы увидеть их вместе, — сказал он жене. — На первый взгляд, не пустопорожний парень… Никак не может подобрать тему… Да разве везет на каждом шагу? Нельзя же отступать от намеченной цели из-за одной неудачи? Если у парня есть тяга к науке, к знаниям, то почему бы не помочь? Джепбар ищет поддержки?.. Что ж, поживем — увидим, возможно, и поддержим,

кемпир!"[12]

Прошло два месяца, и в доме Беркели опять собрались гости… Шумная и пышная свадьба Айсолтан и Ялкаба надолго осталась в памяти приглашенных. "Айсолтан вступила в семейную жизнь… Не каждой встречаются такие умные и рассудительные парни, как Ялкаб. В каком бы направлении ни пожелал расти, я всегда помогу ему. Пусть учится, достигнет ученых степеней… Ради счастья дочери ничего не пожалею. Ялкаб для меня теперь и зять, и сын!" — произнес в конце торжества Беркели. И всем стало ясно, что на Ялкаба возлагаются большие надежды.

На свадебное путешествие молодоженов не поскупились ни Джепбар, ни Беркели. А деньги — это навоз… Сегодня нет, а завтра воз… За полтора месяца молодые супруги побывали в Ташкенте, Киеве, Ленинграде, Москве. Столица вытряхнула из карманов беспечного Ялкаба последние рубли, и он дал телеграмму Беркели.

Деньги получили на второй день и вернулись домой с ворохом нужных и ненужных вещей "Все это можно было достать и у меня…", — нахмурился Беркели, но промолчал.

---

[12] Примечания: 12
Кемпир — старуха.

Тесть с зятем посидели в беседке, поговорили… Вскоре Ялкаб получил новую диссертационную тему.

— Это то, что нужно! — радостно воскликнул он, размахивая пустой папкой, на которой синими чернилами было написано: "Остатки морских черепах, найденные в низменности Каракумов".

Шло время… И прошло ни много, ни мало три года. В папке нашли место несколько торопливо заполненных бумажек, но весомее от этого она не стала. В конце концов, черепахи надоели младшему научному сотруднику, и он "нечаянно" потерял папку, а вместе с ней и все свои "труды"… Всей семьей погоревали и постарались поскорее забыть о пропаже… Пытался забыть и Беркели, но из этого ничего не получалось. Ведь пока Ялкаб "работал" над диссертацией, старик все его расходы взял на себя. Под предлогом необходимых командировок Ялкаб побывал во многих городах. И каждый раз, когда модно одетый муж Айсолтан отправлялся из дому, его карманы были набиты деньгами. Не знал яшули лишь одного, самого главного: деньги уплывали, а дело не двигалось… Мозоли на руках Ялкаба так и не появились… Дважды Ялкаб заявлял, что собирается в экспедицию. Но местом полевых работ были не Каракумы, а

крупные города, гостиницы и рестораны. Но и в отдельных номерах он не брал в руки карандаш и почитывал лишь детективы… Привыкший пользоваться силой и знаниями других, Ялкаб подыскивал людей, которые, как говорится, испили из семи рек… И нередко выворачивал карманы перед прохвостами, научившимися, что называется, жевать с левой стороны. Но и деньги не помогли… Просадил много, а найти человека, который написал бы за него диссертацию, он так и не смог.

Айсолтан, хотя и не показывала вида, но всегда страдала, когда уезжал муж. И уже через несколько дней после его отъезда, залает ли собака, пройдет ли по улице машина, она прилипала к окну, надеясь на его возвращение. Но раньше, чем через месяц, Ялкаб редко когда появлялся. Постепенно тоскующая молодая женщина превращалась в иссохшую былинку. Не в силах удержать свою боль в трепещущем сердце, она падала на холодную постель и беззвучно плакала, прикусывая язык…

Выйдя замуж, Айсолтан все реже стала появляться в магазине, а когда забеременела, то и вовсе перестала выходить на работу. Беркели, скрепя сердце, какое-то время, под предлогом

отгулов, больничных листов и отпусков за свой счет, стыдливо покрывал прогулы дочери... Но бесконечно тянуться так не могло, и он подписал заявление на расчет.

Когда родился первый ребенок, супруга дома не оказалось. Айсолтан навещали подруги и мать. Больное сердце Айсолтан пуще прежнего пылало из-за равнодушия мужа. Около месяца она промаялась в больнице. Когда выписалась, ребенка нёс домой не муж, а ее отец.

Молодая мать надеялась, что ребенок найдет место в сердце Ялкаба и остепенит его. Ялкаб появился поздней ночью и спросил о сыне лишь тогда, когда тот запищал. "Да у меня сын! Сын!" — наигранно воскликнул он. Но истинной радости в его голосе Айсолтан не уловила и молча уткнулась в подушку... "Толстокожий верблюд! — впервые со злостью подумала она. — За что такое наказание?"

Прошла всего лишь неделя, и Ялкаб опять стал собираться в командировку. Безропотная жена не выдержала и запротестовала:

— Скажи, Ялкаб, есть ли у тебя хоть капля жалости?.. Ты же видишь, что я болею...

— Зачем так, солнышко мое ненаглядное! Не перекладывай на меня заботы о единственном

ребенке.

— Была солнышком, да погасла… Довел, муженек!

В это время в комнату без стука вошел Беркели.

— Успокойся, дочь, потерпи! Не более, чем через год, твой муж взойдет на вершину науки… Как говорила моя бабушка: "Не ломай нож о коровий хвост…". Скоро наступит и твое спокойное время, — пытался утешить ее отец. Но видно было, что он и сам не очень верил в звезду Ялкаба.

Безрассудная трата денег постепенно превратила в лед и сердце завмага, и он решил откровенно поговорить с зятем. "Ты, сынок, перестань метаться в разные стороны, словно одинокая муха под потолком… Вас уже трое и скоро, как я понимаю, будет четверо, а ты мучаешь и себя, и свою семью. Не пора ли заняться делом, которое тебе по силам?" Жестокие, но справедливые слова ошпарили зятя.

— Ну и ну! — только и смог выговорить Ялкаб. — А я-то… надеялся.

— Надеялся и я, сынок! Но одной надеждой сыт не будешь… Из дома вынести легче, чем внести.

Пока добрел до двора Джепбара, Ялкаб просеял через решето памяти почти всю свою непутевую

жизнь. И, возможно, впервые посмотрел на себя как бы со стороны. Сжимая тонкими руками железный угольник калитки, он постоял с минуту в оцепенении и сам себе вынес суровый приговор: "Дурак! Мерзавец! Не клюнь хоть сегодня..."

Решительно вошел во двор и заявил полнотелой тетушке:

— Побыстрее ставьте казан! Дядя везет гостя...

— Что за гость, милый?

— Бывший ваш сосед... Сердар!

— Ну... Для такого гостя я мигом, — захлопотала она. — Да, чуть не забыла... Толко что Айсолтан с ребятишками приходила, справлялась о тебе.

— Никак ей дома не сидится! Каждый день где-нибудь в гостях! — проворчал Ялкаб.

— Вот как! — тетушка подбоченилась на племянника. — А сам-то... Все знаю...

— Не будем пререкаться, тетушка.

Жена Джепбара поставила казан. И вовремя! К дому подкатила "Волга", и Ялкаб направился открывать ворота.

— Знакомься, Сердар, этот парень — мой племянник! Ялкаб...

Сердар не ожидал такой встречи.

— Мы знакомы, Джепбар Сахатович, — взволнованно проговорил он и протянул руку Ялкабу.

— Вот как?! Отлично, если знакомы, — миролюбиво пророкотал Джепбар, делая вид, будто не знает о неудачной поездке племянника на буровую. — В доме-посидим или под виноградником?..

— Под виноградником, дядя! — опередил Ялкаб.

Необычно хриплый и властный голос племянника озадачил Джепбара, но возражать он не стал.

— Будь по-вашему, джигиты! Где прикажете, там и будем.

От мягкой подушки шел запах духов. Сердар ненавидел духи, но он был воспитанным человеком, для которого обязанности гостя святы. Он с утра ничего не ел, и, пока готовили обед, поднимал свое настроение зеленым чаем. Чувствовал себя скованно, но прекрасно понимал, что сидеть в чужом доме молчаливым сурком неприлично, и он переключил свое внимание на подбежавших ребятишек.

— Джепбар Сахатович, богато живете! Это ведь ваши?..

К ним подбежал ребенок с золотистыми волосенками и протянул гостю грецкий орех. Сердар поблагодарил мальчика и погладил его по во-

лосам. Ребенку очевидно не понравилось, он схватил гостя за руку и вырвал орех.

— Ого, какой шустренький! — Сердар привстал и сделал вид, будто собирается его поймать.

Ребенок отбежал, покрутился на одной ноге и рассмеялся, показывая язык.

— Это отпрыск племянника Ялкаба, — придвинувшись к гостю, словно о чем-то сожалея, пояснил Джепбар.

— Можно только позавидовать! Такой молодой и уже имеет наследника…

— У него двое… — добавил Джепбар. — Это дело нехитрое, успеешь наплодить, — покровительственно похлопал по плечу гостя. — Ялкаб пятый год женат. Понарожали, а воспитывать помогаю я… Пора и тебе, братишка!..

— До детей ли бродяге, кочующему с бархана на бархан…

— Вот как… А я недавно видел твою мать и мне показалось, что она хотела о чем-то посоветоваться. Жизнь — сложная штука: женился — плохо, не женился — еще хуже… Но паскуднее всего, когда женат, а детей нет… Вот и угадай, где найдешь, где потеряешь… — Джепбар был хорошим собеседником и, дабы не бередить душу загрустившего гостя, не стал задавать лишние вопросы.

Но Сердар заговорил сам.

— Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Верю! На себе испытал и до сих пор не жалею, — Джепбар ласково посмотрел на жену, хлопотавшую под навесом. — Сильно сдала за последнее время, постарела…

— Вах, была бы она взаимной — с первого взгляда, — Сердар опустил голову и задумался.

— Никак влюбился? — воскликнул Джепбар. — Могу помочь… Быстро женим!

— Спасибо, сам разберусь, Джепбар Сахатович.

Сердар попытался встать, но Джепбар был начеку.

— Ты нас не уважаешь!

— Зря вы так, Джепбар Сахатович!

— Ладно, не будем торговаться… Ялкаб, обнови еду!

"Опять еда! — Сердар, привыкший к скромной жизни, хотел остановить Ялкаба, но, вспомнив о "законах гостеприимства", вовремя остановился. — Пусть несет!", — смирился он.

— Я понимаю, что мать заждалась и другие есть дела. Но дело делом, братишка, а друзей и близких тоже нельзя обижать… На душе становится теплее, когда сможешь хоть чем-то помочь близкому человеку, — вспомнив о папке, стал за-

кидывать удочку Джепбар. — На какой бы работе ты ни работал, какой бы должности ни достиг, никогда не ставь себя выше хлеба и соли! Ходи и на праздники, и на траур…

Джепбар взял у Ялкаба миску и поставил перед гостем.

— Кушай!

— Гость ел без аппетита. Зато Джепбар чавкал сосредоточенно и жадно.

— А сейчас где работаете, Джепбар Сахатович?

— На строительстве… Нелегкое это дело — работать в ладу с людьми. Когда-то я и не предполагал, что буду вынужден отказаться от своей профессии… Но, по некоторым причинам, кое-что изменилось. Теперь-то ничего, дела идут нормально… Не повезло только вот племяннику.

Ялкаб отодвинулся от миски. "Начинается…", — предположил он.

Сердар краем глаза посмотрел на Джепбара, пытаясь понять, куда тот клонит и на что намекает. Но… Джепбару надоело темнить.

— Он благородный парень, только тихий, как овца… Короче говоря, подробностей я не знаю, но получилось так, что однажды Ялкаб отказался от кропотливых двухлетних трудов и вернулся со своим раствором ни с чем… Хотя бы со мной

посоветовался, паршивец! Так нет, молчал до последнего дня…

Сердар ничего не ответил. Опустив голову, он прикрыл глаза…

Летом тысяча девятьсот семидесятого года первая буровая бригада раскинула свой стан на песках урочища Шехитли. Все хорошо понимали, что бурить новую скважину на новом участке — далеко не простое дело. Изучив геологические материалы о строении земли, в грудь ее вонзили бур с острыми зубьями… Очень сложным оказалось не только начало работы. Когда достигли глубины две тысячи метров, случилась авария. И днем и ночью находились на буровой… Перебрали сотни вариантов спасения скважины, и выход все-таки нашли. Оборвавшуюся трубу наконец извлекли. В три раза сэкономили время на ремонт. И, сотрясая землю, снова заработал мощный агрегат. Однако бригаду ожидали новые испытания. Каждый метр глубины давался с большим трудом. И стало совсем невмоготу, когда на пути оказался пласт соли толщиною в восемьсот метров…

Что делать? Уже несколько лет велись поиски ответа на этот вопрос. Когда разбуривались изыскательские участки в Фарабе и Уч-депе, из-за

толстых слоев соли разведочные отряды сталкивались с подобным "что делать?". Ни одной бригаде не удалось преодолеть солевые пласты без аварий. Но люди не унывали! Убежденные, что под многочисленными пластами расположилось богатейшее газовое месторождение, первопроходцы продолжали штурмовать земные недра…

Коллектив, возглавляемый Сердаром, искал оптимальные варианты бурения… В ожидании чего-то страшного вышка замерла! И вот наступил критический момент: стенки скважины стали осыпаться, вся работа могла пойти насмарку… Спасая скважину, сообща решили: дабы не осела скважина, крутить буровые инструменты вхолостую…

И вот, в один из таких напряженных дней перед вышкой остановилась машина — лаборатория. Из нее вышли Ялкаб и геолог Джанмурадов.

— Куда торопишься, Ниязов? — обратился последний.

Сердар остановился. Подошел Джанмурадов и протянул руку, поздоровались.

— Как поживаешь, мастер?

— Наша жизнь и настроение зависят от работы, — Сердар протянул руку в сторону буровой. —

Как она, так и мы…

— Значит, плохи ваши дела, мастер, если даже настроение зависит от этих железок, — осклабился Джанмурадов. — Попытаемся помочь…

— Милости просим… От помощи не откажемся!

— Вот, привез тебе молодого ученого! Подходи, Ялкаб, не стесняйся.

Парень смутился и пожал почерневшую руку Сердара.

— Не буду вводить вас в заблуждение, товарищ Ниязов! Насчет ученого — маленько преувеличено… В настоящее время работаю младшим научным сотрудником Центральной лаборатории.

— Очень хорошо! Мы уважаем и младших… Чем могу быть полезен?

Не торопясь, направились к вагончику, в котором жил Сердар.

— Мы задерживать тебя не станем и чаевничать особенно некогда, — заговорил Джанмурадов. — Ялкаб Эминов два года изучал химические свойства газовых пластов, их состав… Об этом написал ряд научных работ. Как тебе известно, Центральная лаборатория поддерживает с нами тесную творческую связь… Не посчитай за обузу,

а помоги Эминову, чем можешь… Вот какая к тебе просьба, Сердар.

Мастер слушал и не знал, как быть и что отвечать.

Джанмурадов был наслышан о крутом характере мастера, поэтому старался не повышать голоса:

— Я тебе Эминова не навязываю. Только…

Недосказанная фраза не понравилась мастеру.

— Простите! — Он прямо посмотрел в глаза Ялкаба. — Чем вы собираетесь заняться на буровой?

Ялкаб пожал плечами.

Постояли… Помолчали… Под потолком вагончика клочьями пополз дым. Джанмурадов подошел к плотно закрытому окну…

— Песком забивает, поэтому и закрыто, — пояснил Сердар.

— Да, от песочка, видно, не видать покоя, дорогой мастер! Покой нам только снится… Тем более, таким молодым, как твоя бригада… Думаю, что в твоем коллективе Эминов быстро приживется, и вы сумеете понять друг друга.

Сердар не очень-то любил подобных гостей, но долг вежливости и работа обязывали быть терпеливым.

— Вы не обижайтесь, товарищ Эминов… Мне до сих пор не приходилось работать вместе с учеными, поэтому — не взыщите, опыта у меня нет! Но, прежде всего, конкретная цель вашего приезда?

— Я не собираюсь решать мировые проблемы, цель моя более скромная. — Ялкаб, наконец, обрел дар речи и протянул руку в сторону машины, стоявшей перед буровой. — Мы привезли две бочки раствора, который надеемся испытать вместе с вами…

Сердар насторожился:

— Какой раствор?

Ялкаб немного помедлил, расстегнул молнию лежавшей на столе папки, вытащил стопку бумаги, разложил чертежи.

— Я познакомлю вас с химическими элементами, которые вошли в состав раствора, и вы поймете. Вот…

К столу подошел Джанмурадов.

— Товарищ Эминов изобрел новый глинистый раствор для бурения глубоких скважин…

— Любопытно, — Сердар задумался. — Слушаю вас…

— Он сумел приготовить глину, которая терпима к высоким температурам… Привезли то, чего вам как раз не хватает…

— Заманчиво… Если это действительно так, то вы нам здорово поможете. Только что-то я впервые слышу о подобной глине… На каком участке, на какой скважине вы ее испытывали, каковы результаты испытаний?

— В том-то и дело, что раствор пока не испытан! Совершенно свеженький… Из лаборатории и сюда…

— Как не испытан?! — От неожиданного ответа Сердар даже опешил. — И вы об этом так спокойно говорите?! Это же дело огромной важности! Если ваш раствор окажется удачным, вы представляете!.. — Мастер задумался. — Хотя нам, честно говоря, не до этого, но ради науки и доброго дела на что не пойдешь… В ближайшее время начнем испытывать!

— Вот и отлично! — Джанмурадов схватил и крепко пожал руку Сердара.

— Я надеюсь, письменное распоряжение на испытание у вас имеется?

— Не будь формалистом, Сердар! Какие распоряжения? — Джанмурадов развел руками. — Ты — хозяин буровой, мы — хозяева раствора… Неужели не сможем договориться?..

— Вот оно что?.. Все хозяева! А если вышка кувыркнется, кому отвечать, хозяева?

Гости молчали.

— То-то же…

— Вот, Ялкаб, говорил я тебе, что номер не пройдет…

Минутная нерешительность Сердара подстегнула Джанмурадова на повторную атаку.

— Вы не сомневайтесь и откройте дорогу раствору товарища Эминова. В этом наш будущий авторитет… И не забывайте: если испытание окажется удачным, то диплом вам привезут прямо сюда…

Сердар от души расхохотался:

— А если окажется… неудачным?

— Шутник вы, товарищ Ниязов! — сразу перешел он на "вы". — Уверяю, что все будет нормально.

В разговор опять ввязался Ялкаб. Он начал рассказывать о свойствах изобретенного им раствора и выгоде, в случае удачного испытания… И Сердар убедился, что "изобретатель" и сам не уверен в положительных качествах своего детища… Бессвязный и путаный монолог Ялкаба надоел Сердару, и он принял окончательное решение:

— Спасибо, что уважили, приехали, только… Я не могу взять на себя такую ответственность.

Джанмурадов сжал от злости кулаки.

— Торгуемся, как на базаре: хочу, не хочу… Вы испытываете трудности из-за раствора. Того и гляди — обрушится скважина…

— Да, ее стенки не удерживают старый раствор…

— Вот и испытайте новый… Кто знает, может повезет?

— При нынешнем положении у нас нет возможности обновлять раствор, — отрезал Сердар.

— Не хитрите, Ниязов! При этом положении буровую вам не удержать. Осядет…

Сердар, убежденный в своей правоте и не привыкший отказываться от собственных решений, понял, что разговаривать дальше — все равно, что воду в ступе толочь. Он поднялся и направился к выходу. Джанмурадов опередил его.

— Не будьте мальчишкой! Сколько времени вы не можете пробурить ни одного метра? А за это по головке не погладят… Есть и такие, которые думают закрыть буровую…

— Знаю!

— Если знаете — рисковать вам нечем… Испытывайте!

— Самовольно испытывать ваш раствор — преступление!

— Не думайте, что мы по настроению, провет-

риться, одолели такую дорогу… Потом пожалеете…

Сердару надоели пререкания, и он ничего не ответил даже на угрозу Джанмурадова.

Ялкаб, как побитый щенок, молча подошел к столу, собрал бумаги, и гости направились к машине. По дороге Сердар, как бы извиняясь, тронул Ялкаба за плечо и с участием посоветовал:

— Хотите, оставайтесь… Поработаем вместе, потом посмотрим… Испытание, проведенное в спешке, никогда не даст хороших результатов.

Ялкаб молчал, зато не сдержался Джанмурадов. Сидя в душной кабине, он опять пригрозил Сердару:

— Ваше высокомерие до добра не доведет! Вставлять палки в колеса науки — это вам не в нарды играть…

— А мы в эти игры не играем, товарищ Джанмурадов! Счастливой дороги…

Сердар проводил взглядом машину, пытаясь успокоиться, но червячок недоверия к этому человеку еще долго не давал ему покоя…

Джепбару показалось, что Сердар задремал.

— Намаялся за день, бедолага! — кивнул в сторону мастера. — Уснуть сидя не каждый сможет…

Сердар вздрогнул:

— Извините, пожалуйста, сморило…

— Ничего, братишка! Это даже лучше… Десять минут погрезил, зато теперь и бодр, и на отсутствие аппетита не пожалуешься. Давай, Ялкаб, неси свежатинки!..

Сердар отхлебнул минеральной, Джепбар пива. Ялкаб вернулся с дымящимся подносом.

— Сглупил ты, племянничек! Если бы те "благородные" пески как следует опалили твое лицо, то под руководством Сердара давно бы стал толковым специалистом, — вернулся к разговору Джепбар.

— А вы что… Так и не испытали свой раствор, товарищ Эминов?

— Где там! — Вместо Ялкаба, пухлой ладонью поглаживая живот, ответил Джепбар. — Вернулся и забыл о растворе… Нашел, говорит, новую тему. Но золотая жила оказалась фикцией…

— Жестокий ты человек, дядя!.. Зачем так?..

— Не жестокий, а говорю то, что знаю… — выпрямился и ткнул пальцем в грудь Сердара. — Вот, племянничек, нужный тебе специалист. Хоть теперь ты понимаешь, что сморозил глупость, не прислушавшись к совету Сердара? Ты завалил свой двор поленницами арчи, как будто кто-то

у тебя замерзает, потом, как сумасшедший, натаскал кучу костей... Но пойми, если обо всем этом напишешь толстые тома, все равно не вознесешься до небес!

Ялкаб, как малый ребенок, надул губы, обиделся... Оно и понятно, кому понравится, когда начинают отчитывать при постороннем человеке. Он собрал посуду и, не в состоянии выдавить ни слова, удалился.

— Правильно говорят, Джепбар Сахатович, что один и пылинку поднять не сможет.

— Верно, братишка, одиночество хорошо только для аллаха, — неопределенно поддержал хозяин.

— Тогда, из-за раствора Ялкаба, мне все же пришлось отведать палок!

Джепбар захохотал:

— Никак, обвинили в том, что зажимаешь науку? Вот это да... Ты только посмотри, что делается!

— Не делается, а делает Джанмурадов!.. И что за человек?..

Сердар был крепкий орешек, но Джанмурадов не бездействовал. После отъезда гостей, на следующий день Сердара вызвали к начальнику управления.

Помещение с низким потолком — если не пригнуться, то коснешься головой побелки, — было битком набито людьми. Дым стоял коромыслом… Подходил конец года, а план управления был далек от выполнения. Многие бригады выбились из графика. Из-за ремонта в хвосте оказался и Сердар.

Начальник управления Атаев нудно и долго говорил о поступающей новой технике, запчастях, потом неожиданно резко заговорил о научной организации труда. "Кончайте работать по старинке и нечего бояться новшеств!" — зыркнул он на Сердара.

По неизжитой с детства привычке, прикрыв веки, мастер внимательно слушал оратора. "Оказывается, люди ушли не так уж далеко… Одолеть бы только солевые пласты, и я наверстаю упущенное… Интересно, о моей буровой скажет что-нибудь? Скорее бы закончилась эта тянучка… Посоветоваться надо, как быть дальше?.."

— Итак, товарищи, задачи ясны… За исключением Ниязова, все свободны, — словно угадав мысли мастера, закончил совещание Атаев.

"Вот и посоветовался!" — Ниязова охватила тревога.

— Долго только не задерживайте!

— Задерживать мы вас не будем, товарищ Ниязов, — обратился к нему высокий и плотный мужчина, как потом оказалось, научный руководитель Ялкаба. — Разобраться кое в чем необходимо… Факты подтверждают, что вы — против науки!..

— Я? — прикинулся удивленным Ниязов. — Ошибаетесь, товарищ! Я всегда за науку и против… отсебятины.

— Поясните!

— Что пояснять!.. Пусть Джанмурадов расскажет.

— Вы слышите, какой высокомерный! — Джанмурадов ухмыльнулся и начал рассказывать о том, как Сердар чуть ли не прогнал его вместе с ученым с буровой. — Мы его везде хвалили, мол, молодой, но опытный буровик, напористый в работе, новатор… А оказался обыкновенным формалистом…

— А у вас есть разрешение на испытание раствора? — спросил начальник управления.

— Нет… Да и зачем оно, — попытался прикинуться простачком Джанмурадов.

— Как зачем?! Вы же хотели испытать что-то новое?

— Хотел… — Руки Джанмурадова мелко задро-

жали. "Кажется, попался?" — уныло решил он.

— Следовательно, без всякого разрешения хотели на несколько дней остановить буровую?

— Хотел, да не вышло, — подсказал Сердар. — А меня за это обзывает формалистом.

— Оказывается, только товарищу Ниязову все позволено… Например, без разрешения испытывать новые-долота и кое-что другое… А нам почему-то нельзя? — глаза Джанмурадова загорелись волчьим блеском.

— Товарищ Ниязов, это правда? — с неподдельным интересом спросил начальник управления.

— Что было, то было. — честно сознался мастер.

— Молодец, что хоть сознался! И все же, за непозволительное "новаторство" придется наказать…

Джанмурадов ликовал, у него даже нос вспотел.

Сердара это взбесило. От сильного удара кулаком по столу пепельница слетела, и все окурки оказались на модных брюках Джанмурадова.

Все вскочили. Выпучив глаза, Джанмурадов, как прижатая сапогом мышь, пугливо озирался по сторонам. На лице Сердара не было ни кровинки… Он прикусил губу и закрыл глаза.

Начальник управления помотал головой и глубоко вздохнул… Наконец-то он понял, что произошло на буровой, и с презрением посмотрел на Джанмурадова, который пытался опорочить опытного мастера.

Сердара трясло, словно в лихорадке…

— Простите! Я — скажу! Так больше нельзя… Можете освободить меня от работы, но вы должны знать, что это за тип!

— Вы уже высказались, и довольно красноречиво, — вставил научный руководитель Ялкаба.

— Пожар погас, товарищи! И все же необходимо подумать о том, чтобы подобное не повторялось. К этому вопросу мы еще вернемся и окончательно установим, кто прав, кто виноват… Вы свободны, Ниязов.

…Выйдя из душного кабинета, Сердар передернул плечами, словно паутину, стряхивая осадок от столкновения с Джанмурадовым. Довольно долго шел по песчаной улице закладывающегося поселка. Старался ни о чем не думать. В поисках транспорта на буровую дошел до гаража. "Но кто в такое время поедет на буровую?" — чертыхнулся он. Выйдя из гаража, остановился за углом лаборатории. "Заходить или не заходить?.. Новоявленный Гамлет!" — обругал он себя за

нерешительность. И только отряхнул запылившиеся брюки, на пороге замаячила тщедушная фигура Джан-мурадова. Он звонко смеялся. "Хорошее настроение у подлеца!". Прислушался…

— Больше ни о чем не спрашивайте, девушки. Ниязова мы разделали, как собаки курдюк!..

— Вах, милые, какого прекрасного парня мы упустили из-за этого заносчивого мастера! — донесся до Сердара бойкий женский голос.

— Ай, не будь Ялкаб тюхой, не сбежал бы от такой, как ты, козочки, — возразил Джанмурадов.

— Не придумывайте, он больше на Гульджемал поглядывал…

— На Гульджемал?! Завтра же вызываю на дуэль! — топнув ногой по дощатому порогу, попытался сострить Джанмурадов.

"Гульджемал?! Я здесь, милая!" — прошептал Сердар. От услышанного к его сердцу словно огонь приложили…

Пококетничав с девушками, Джанмурадов ушел.

Дверь лаборатории осталась открытой. Болтовня и смех были хорошо слышны Сердару. Ему стало стыдно, что он, как воришка, подслушивает. Но любопытство оказалось выше здравого рассудка…

— Глупышка ты, Гульджемал! Машина, дача, мешок денег — вот что такое Джанмурадов… А ты все думаешь, ждешь чего-то… Конечно, как мужчина, он не смотрится рядом с Ниязовым… Впрочем, тебе лучше знать, кто чего стоит, — ножом по сердцу ударил насмешливый голос. — Мы не слепые и видим, что он искренне любит тебя. Пора решать, милая, а то отобьем!

Веселый смех и восклицания не стихали…

— Есть же счастливые женщины на свете!

— Ладно, подружки, мне пора, дочурка заждалась, — голос Гульджемал прозвучал тихо и печально.

— Не прикрывайся ребенком, мы-то хорошо знаем, кто тебя ждет. Догоняй его, плоскостопого…

— Постеснялась бы…

Гульджемал поспешно вышла из лаборатории и стала озираться по сторонам. Невдалеке, возле недостроенного домика, прохаживался Джанмурадов… Гульджемал подбежала к нему, засмеялась… Джанмурадов попытался обнять ее, но девушка ловко вывернулась из-под его руки…

Сердар застонал, голова стала чугунной…

Вчерашний разговор с Гульджемал, когда они вместе шли к буровой, клещами сжимал горло…

"Одна я. Сердар! Одна… И ни о чем не беспокойся, милый…"

— Джанмурадов? — покрасневший Джепбар Сахатович сытно икнул и стал ковыряться в зубах. — Это тот геолог, что приезжал к тебе на буровую с Ялкабом?

— Он самый…

Джепбар был давно и хорошо знаком с Джанмурадовым и прекрасно знал о том, что произошло тогда, но промолчал… Он продолжал разыгрывать комедию:

— От таких никогда пользы не будет… Держись подальше. Будешь падать — подтолкнет!

— Похоже, что так…

— Для меня, Сердар, ты, как сын родной, поэтому хочу посоветоваться вот о чем: племяннику опять предлагают бесперспективную тему…

Сердар хотел возразить, что таковых не бывает.

Джепбар поднял руку.

— Бывают, братишка, бывают… На какого бы коня ни сел Ялкаб, скакун боится наездника, — заговорил витиевато. — Помогаю, чем только могу, а толку, — Джепбар торопливо облизал толстые губы. — Ялкаб гоняется за миражом… Плохо это…

Ялкаб принес ребрышки, поджаренные на уг-

лях. Налил стакан пива…

— Но, гоняясь за миражом, ученым не станешь, — посочувствовал гость.

— Правильно говоришь, братишка. Он должен найти толкового руководителя и не поддаваться иллюзиям. Без руководителя ему не пробиться в большую науку, вот я и хочу просить, чтоб ты…

Сердар понял, чего от него добиваются, и с удивлением ответил:

— Но ведь я — не ученый!

— Не скромничай, братишка! Ты мудрее некоторых трижды дипломированных, — Джепбар наклонился и похлопал по сумке, лежавшей рядом с Сердаром. — Не будь ребенком.

Сердар подумал, что Джепбар шутит, и с улыбкой посмотрел на Ялкаба. Парню стало неловко, и он опустил голову.

— Если у Ялкаба есть намерение "позагорать" вместе с нами, я не против.

— Да если он побегает в помощниках, попотеет чернорабочим, то из его головы улетят последние умные мысли…

— Почему улетят? Может быть с помощью Ялкаба мы быстрее пробьем солевой пласт… В прошлый раз, правда, не получилось с раствором… Но, кто знает, на что он способен? Жизнь

— сложная штука… И трудно сказать, на что мы будем способны завтра!

Сгущались сумерки, и мастер с тревогой посмотрел на часы, вознамереваясь встать. Но не тут-то было… На сумке повис Джепбар.

— Вах, да если бы он смог с умом поработать в Каракумах, то давно бы стал академиком… Но один он — ноль без палочки… Ты помоги ему, не вставая с места, а потом уходи! — медленно и отчетливо проговорил Джепбар.

Сердар не понял:

— А чем я смогу помочь именно здесь?

Джепбар потянул на себя кожаную сумку, ремень которой был зажат в руке Сердара, и осклабился.

— Я уверен, что вот в этой сумке материала столько, что хватит для десятерых аспирантов…

Сердару будто дали пощечину. По телу пробежал озноб, лицо побледнело.

— Говорите, хватит для десятерых… А откуда вам известно, что в этой сумке? Может, в ней кирпичи…

— Не шути, Сердар! — от злости глаза у Джепбара стали белыми. — Не доверяй никому пухлую папку, которой потрясал на совещании. Уйди и оставь ее племяннику. Ялкаб возьмет, что ему

нужно… Систематизирует материал и под научной работой, вместе со своим, поставит твое имя! И все будет чисто…

"Так вот зачем меня чуть ли не силой затащили в гости?" — с горечью подумал Сердар.

А Джепбар продолжал:

— Мы, братишка, тоже в курсе дел, какие открытия ты делаешь в глубине Каракумов. Только, дорогой, одному тебе не под силу научно обосновать новые методы бурения. Необходимы и чертежи, и расчеты, а без высшего образования, сам понимаешь… Вот Ялкаб тебе и поможет… — Он вдруг оглянулся по сторонам и заговорил шепотом: — Знаю, есть прохвосты, которые выхватят из рук и убегут… А Ялкаб надежный парень! И тебе поможет поймать лисицу, и для себя шкурку добудет…

Сердар задумался. С одной стороны, ему было жалко парня. С другой стороны, все это, мягко говоря, попахивало подлостью… И хорошо, что папку он оставил в надежном месте.

— Джепбар Сахатович, если я оставлю вашему племяннику труд всего коллектива, как вы думаете, что они мне скажут?!

— Чепуха, братишка! Ты руководитель, следовательно, хозяин папки. И не вешай мне лапшу

на уши… Я не хуже твоего разбираюсь, как это делается.

— Весело получается… Мы в пустыне под зноем трудимся днем и ночью, порой не доедаем и не досыпаем… Думаем, ищем и все для того, чтобы в один прекрасный день все это отдать вашему племяннику… Справедливо ли это? Я все-таки надеюсь, что вы меня разыгрывали, Джепбар Сахатович!

Слышавший все это Ялкаб готов был сгореть со стыда. Промычал что-то несуразное, зарыдал и бросился к забору.

— Довели парня, Джепбар Сахатович! Человека можно не уважать, но зачем его унижать так откровенно, а?..

— Это не твоя забота… Переживет! Мне не легче… Который раз приходится унижаться…

— А вы не наступайте на горло собственной гордости и пощадите парня. И представьте себе: я отдаю вам папку, Ялкаб, воспользовавшись чужим трудом, пишет диссертацию… А дальше что? А дальше, как в одном кинофильме, герой своровал идею, защитился, а потом выбросился с десятого этажа… Устраивает вас подобная перспектива?

Крыть было нечем, и окончательно осоловев-

ший Джепбар только крутил головой. Наконец его прорвало:

— Щенок! Вернись в свое детство… Тогда ты не постеснялся воспользоваться моей помощью.

— Помощь бывает разной, Джепбар Сахатович. Я вам благодарен и никогда не забуду то трудное время, когда вы вывели меня на верную дорогу в жизни.

Сердару надоел этот унизительный разговор. Он встал и, не прощаясь, направился к воротам. Грохнула железная калитка.

"Погостевал… называется!" — Сердар смял пустую пачку из-под "Столичных" и свернул за угол "гостеприимного" дома…

Съежившегося на краю топчана Ялкаба словно кто-то схватил за волосы… Ему показалось, что над карнизом беседки вьется не виноградная лоза, а шипят змеи…

— Что нюни распустил? — толкнул его в бок Джепбар. — Не вышло, накладочка получилась, племянничек! Давай разливай!..

— Разливайте сами, дорогой дядя! Вот бутылка, а вот — вы… Только без меня. Бывает же такой позор! Прощайте!..

Глаза Джепбара, казалось, выскочат из орбит. Он угрожающе зарычал:

— Стой! Куда?!

Ялкаб не слушал его. Он со всех ног побежал по улице в сторону вокзала.

* * *

Когда Сердар вернулся на буровую, в вагончике никого не было. Он снял висевшую на гвоздике каску и вышел под утреннее солнце. До буровой было около ста метров. Но Сердар не торопился. "Как они там?" — сверлил назойливый вопрос.

На площадке, мигая покрасневшими от бессонницы глазами, навстречу ему шагнул Эзиз.

— Уж не с неба ли ты свалился? — тепло поздоровался он с мастером.

— Судьба дала крылья…

Мастер осмотрелся. Буровая была в движении. Гул мощных моторов глушил самые громкие слова. Буровики общались друг с другом лишь им понятными жестами.

— Не опустилась скважина?

— Пока жив-здоров Эзиз, скважина не провалится, хозяин!

— Рассказывай, как дела?

— Твоя луна взошла, хозяин!

— Бурит?

— Еще как! Последнее долото начало пре-

одолевать солевой пласт. Только ротор иногда вибрирует… Раньше подобное случалось, но не так часто…

Помбур, стоявший на рычаге тормоза, заметил:

— Как говорится, у напуганного в глазах двоится…

Эзиз сердито посмотрел на него.

— Что за "штуки"? Расскажи подробнее, — заторопил его Сердар. — Что стряслось?

— Испугаешься… Вечером выкинула такие штуки…

— Если бы просто стряслось… Около часа вышка качалась… Думал, что оборвутся трубы…

— И чем все кончилось?

— Покачалась, покачалась и… перестала.

— Потом не повторялось?

— Было! И не раз…

— Ну, ребята, наши труды, кажется, не пропали даром.

Сердар больше ни о чем не расспрашивал. Внимательно понаблюдал за работой агрегатов и остался доволен. Раствор тек нормально! Медленно, свечой в небо, поднималась извлекаемая из скважины труба. Возбужденный Сердар во все глаза смотрел на застывшую на краю площадки Гульджемал. Они кивнули друг другу…

Возле Гульджемал остановился Эзиз и стал что-то шептать ей на ухо. Вскоре она, уложив в коробку поднятый с глубины в сотни метров керн, собралась в обратную дорогу.

Сердар не знал, как ему поступить. Наконец он решился и подошел к девушке.

— Пристают ребята?

— Да нет, — она улыбнулась и ласково посмотрела на Сердара. — Вот только Эзиз допекает, все спрашивает о свадьбе…

Это было для него неожиданным.

— Не обижайся, ребята у нас веселые, особенно Эзиз…

— Я не обижаюсь… Неловко только, из-за керна опять задержала вашу работу. Но и без проб нельзя, вдруг нефть или газ.

По тону разговора и светлым глазам девушки Сердар понял, что ничего между ними не изменилось. А "третий" — это наваждение, растает и все забудется…

— Кстати, как прошло совещание? — с тревогой в глазах спросила Гульджемал, и они стали медленно спускаться с площадки. — Джанмурадов хвастался, что тебе, якобы, устроили головомойку…

— Да, досталось!

— Не дает он мне прохода, Сердар.... Не знаю, как от него отвязаться? Но самое постыдное — он везде рассказывает, будто я в него влюблена. Недавно грозился покончить с собой, если... — Гульджемал вздохнула и податливо прижалась к мастеру. — Я иногда подыгрываю, но долго так продолжаться не может...

— Потерпи, милая! Скоро приедет мама, я вас познакомлю и...

Гульджемал круто повернулась и прижала твердую ладошку к губам Сердара.

— Ладно, ты иди, а я пока побуду на буровой. Когда стемнеет, встретимся возле "слона".

Гульджемал озорно сверкнула глазами и быстро ушла в сторону вагончика. Сердар долго смотрел вслед на хрупкую фигурку своего счастья. "Какой я дурак! Ведь любит, любит! А я подозревал".

На буровой, не смотря на подошедшего Сердара, как всегда витийствовал Эзиз:

— Э-э, джигиты!.. Поймите вы, я ведь не о себе забочусь! — Он украдкой посмотрел на мастера, лицо которого покраснело от услышанного. Но это не смутило балагура. Он подмигнул парням и продолжал: — Я ведь поведал девушке с джейраньими глазами о душевном состоянии нашего

хозяина… А вы!..

— А что мы?! — сверкнул стальными зубами Саид, стоявший на тормозе.

— Не лезь парню в душу, ему и так не сладко…

— Кончай базарить! — прервал его Сердар. — Займемся делом! А болтовню Эзиза послушаем на досуге.

Однако Эзиз не сдавался:

— О чем говоришь, мастер! Что касается нас, то терпение давно лопнуло… И я считаю, пора поставить все точки над "i"…

Буровики удивленно переглянулись.

— Кончай "икать" и выражайся поясней, — оборвали Эзиза.

— Я, как пионер, всегда готов! — Эзиз уставился на мастера. — Скажи, хозяин, когда мы погуляем на твоей свадьбе?

— Вот это другой разговор, — поддержал Саид, не ожидавший подобной атаки со стороны закадычного друга.

— Сначала необходимо вырваться из прорыва, а уж потом, — Сердар пока не знал, что будет "потом", снисходительно улыбнулся и махнул рукой, — будь по-вашему!

Рабочие, не сговариваясь, разошлись по местам.

Сердар не стал дожидаться сменщиков. Не смутила его и повторная вибрация ротора. Он чему-то улыбнулся и молча сошел с площадки.

"Вода в баке стынет, видимо, только к зиме", — подумал он, в третий раз намыливая щеки. Переоделся, взял кожаную куртку и вышел из вагончика. Сердце учащенно забилось... "Увижу, скоро увижу!" — успокаивал он себя, направляясь к заветному месту.

Если издали посмотреть на величественный бархан, то не трудно убедиться, что он действительно похож на слона, угрожающе поднявшего золотистый хобот... У подножия его медленно расхаживала Гульджемал. Красные полусапожки девушки оставляли глубокий след на песке.

Прошло три дня... Гульджемал на буровой не появлялась, и это встревожило мастера. Куда бы ни шел и что бы ни делал, он постоянно думал о Гульджемал. Она мерещилась ему за каждым барханом... Но напрасно Сердар оглядывался по сторонам, направляясь к вечернему, словно ритуальному, костру Эзиза. Когда он подошел, Эзиз устанавливал возле огня закопченную тунчу[4].

Сердар постоял с минуту, любуясь острыми

---

[4] Примечания: 4

Тунча — конусообразный чайник для кипячения воды.

язычками огня, потом на спине улегся возле костра. Эзиз тихонько напевал песенку о заблудившемся верблюжонке и собирал хворост. Набрав охапку, подошел к начавшей шуметь тунче и стал колдовать над заваркой, в зеленый чай добавляя только ему ведомую душистую травку.

Вода закипела, Эзиз заварил чай и устроился рядом с мастером.

— Устал?..

Сердар даже не шевельнулся.

— Спишь?

— Нет… Не сплю.

— Чай готов.

— Пусть хорошенько заварится.

Эзиз накрыл тунчу пиджаком, прислонил к углям черкеза ломоть чурека величиной с ладонь и спросил:

— Ты вчера видел Гульджемал?

Сердар вздрогнул и вскочил:

— Гульджемал?! Где она?

Эзиз пристально посмотрел на мастера.

— Приснилось, что ли? — Он коснулся рукой чурека. — Какой горяченький! Бери… Проглоти хоть пару кусочков. А то в суете до свадьбы станешь, как гончая перед охотой, — протянул Сердару дымящийся чурек.

— А сам?

— Обойдусь! Я с утра сыт, глядя на тебя… Чего молчишь, поссорились, что ли?

— Все нормально. Приедет мать, познакомлю и отпразднуем свадьбу.

— На какое число договорились? Выкладывай! Ребята ждут не дождутся…

Сердар подошел к костру, сломал прутик и бросил в огонь. Сухая веточка затрещала и сразу же вспыхнула.

— Вот так сгорает и наша холостая жизнь…

— Жалеешь, что ли? Больно быстро. Ты женись сначала… Вчера я был в поселке и видел их вместе… — Эзиз почесал затылок. — Как это понимать?

— Да кому он нужен! Разве в прошлом году не от него ушла жена?!

— Одна ушла, другая придет…

— Как знаешь, тебе виднее…

— Прошу отныне прекратить разговоры о Гульджемал! — Сердар присел возле накрытой тунчи. — Давай выпьем по пиале… Мне еще необходимо посоветоваться с ребятами.

— Какие могут быть советы и совещания?! Ты только скажи, а мы уж сумеем поговорить с этим старым ловеласом…

— Не понял ты меня. Необходимо посоветоваться, как избавиться от вибрации.

— Возможно, не понял, но и не верю, что тебя в данный момент волнует только вибрация ротора… Бурение идет нормально! И очень даже скоро выйдем в передовые. А это не только зарплата, это — репутация коллектива…

— Ладно, пора отдыхать…

Утром на буровую пришла Гульджемал. Она поздоровалась с ребятами и поздравила с отличными показателями бурения.

— Скоро должен быть газ! — сообщила она, взглянув на Сердара, и осеклась. Лицо мастера было темнее тучи…

Намек Эзиза, судя по хмурым лицам буровиков, подействовал не только на Сердара. Гульджемал почувствовала это, ей стало неловко. О причине она догадалась… Не зная, с какой стороны подойти к Сердару, она испытывала и стыд, и мучение. Попробовала вызвать на разговор Эзиза.

— Что-то ваш мастер сегодня не в духе, никак заболел?

— Сама ты за… — Эзиз рассвирепел, но сдержался. — Вообще, какое тебе дело до нашего мастера, дорогуша?..

— Я тебе не "дорогуша" — это раз, а второе, от-

вечай: что случилось?

Эзиз ухмыльнулся:

— Тебе лучше знать...

В это время к буровой подбежала запыхавшаяся золотоволосая повариха Нюра Скобелева и протянула Эзизу телеграмму: "Поздравляем рождением седьмого сына, — размахивая рукой, громко читал он. — Четыре килограмма триста грамм аппетит мальчика хороший обнимаем Сафаровы".

Эзиз дважды прочел телеграмму. От обуявшей радости, как заяц, подпрыгнул на дощатом помосте и, не соображая, что делает, резко нажал на рычаг тормоза. Поднимаемая из скважины труба закачалась и стукнулась о раму. Угрожающе качнулась и вышка. Буровиков охватила тревога. К рычагу тормоза бросился Сердар. На лице его не было ни кровинки... Он оттолкнул Эзиза и прошипел:

— Марш отсюда, весельчак! И чтоб ноги твоей здесь не было... В который раз "шалишь"... Только настроились, и на тебе... Чуть не угробил буровую!

Эзиз опустил голову и замер на помосте... По лбу его стекали ручейки грязного пота...

Гульджемал решительно подошла к Сердару и

взяла за локоть.

— Пошли! — приказным тоном заявила она.

Остановились невдалеке от буровой.

— Во-первых, у меня к тебе первая и, надеюсь, последняя просьба: не трогай Эзиза… Не выгоняй с буровой… Со всяким может случиться.

— Это может случиться где угодно, только не здесь, — пробурчал Сердар. — Вышка слишком дорого стоит.

— Знаю! И все же не выгоняй… Во-вторых, ты джигит или тряпка? — Она в упор посмотрела на Сердара. — За что такое наказание? Я же объясняла! Что я могу сделать, если он пристает?.. Не драться же?.. — Гульджемал сжала кулачки и заплакала.

— Прости, милая! Так уж получилось… Это Эзиз во всем виноват, болтун!..

— Не Эзиз, а ты… Твое настроение передается другим, и вот результат — косятся люди. Как сурки смотрели…

— Уверяю, больше подобное не повторится… — Он прижал к себе Гульджемал и, не стесняясь, смотрят или нет, — поцеловал в заплаканные глаза.

Буровики, естественно, видели и добро завидовали мастеру, которого полюбила такая

красавица.

Сердар оглянулся на буровую, сжал локоток Гульджемал и повел к своему вагончику. "Скоро должна приехать мать, надо посоветоваться", — решил он. Открыл дверь и пропустил Гульджемал.

— Ну, успокоилась?

— Успокоилась, товарищ непутевый жених... Смог-ри мне! — с напускной суровостью пролепетала она и пытливо посмотрела на Сердара. — До чего же ты похож на Чары... И глаза, и улыбка...

— Никак забыть не можешь? — грустно спросил мастер.

— Трудно, Сердар! Ох, как трудно!.. — Гульджемал тонкими пальцами сжала виски. — Ведь мы должны были идти в загс... Даже число обговорили. И вдруг такое несчастье... Боюсь я, Сердар, очень боюсь... Опасная у вас работа. И ты такой же... Всегда лезешь в самое пекло...

— Бывает! Кто-то ведь должен рисковать. — Он попытался найти более убедительные доводы, но ничего больше не сказал и лишь махнул рукой: — От судьбы не уйдешь...

На душе было муторно. "Оказывается, не забыла!" — дрожащими пальцами прошелся по волосам.

Сидели молча. "Совсем почернел, бедолага! — Гульджемал вытащила из запыленной стопки газет и журналов старый "Крокодил" и начала перелистывать его. Но ни веселые картинки, ни острые строки не могли отвлечь ее от гнетущих мыслей." "И зачем я напомнила о Чары?" — укоряла она себя.

Сердар угрюмо уставился на лениво ползущего муравья. "Вот так и я ползу по жизни... Нет! Необходимо быть понастойчивей. Необходимо. Но можно ли осуждать ее за то, что она помнит о Чары?" — задавал он себе все тот же вопрос. Задавал и... оправдывал Гульджемал. — "Нет! — подсказывало сердце. — То, что спрятано в груди — не вытащишь... И память ее — святая и неподсудная. Только она, она сама должна решить, с кем оставаться: с мертвым или с живым? Получается, что я рановато полез к ней в душу и разбередил неокрепшее сердце. Рановато!" — как в бреду прошептал мастер.

— Ты о чем? — испуганно спросила Гульджемал.

— Все о том же... — Сердар легонько притронулся к руке любимой.

Но женское сердце трудно обмануть. Она видела, что Сердару тяжко. Не зная, что делать и как

поступить, она лишь согласно закивала головой:

— Да, да, все будет нормально… — Но всем своим существом Гульджемал чувствовала, как трудно будет ей сказать последнее, решительное: "Да, согласна!"

Сердар поднялся.

— Что это я, как щенок на поводке, плетусь за невеселыми думами? — попытался взбодриться мастер. Потом, неведомо зачем, переставил в угол табуретку. — Сейчас мы проверим, как наша Гульджемал заваривает чай. — Сердар приладил на табуретке электрочайник, потом снял его и приоткрыл дверь: — Подожди одну минуточку, я сейчас…

Когда Сердар вернулся, в вагончике было пусто…

* * *

К низенькому домику управления вплотную подступали пески…

— Барханы скоро в окна будут заглядывать, — пошутил один из мастеров, собравшихся на внеочередное совещание.

Начальник управления Тахир Атаев оглядел буровиков.

— А где наш передовик и новатор? — спросил

у секретарши.

— Сообщали, должен быть, — ответила курносая девушка. — А пока — вот! — протянула ему пожелтевший лист.

Атаев насупился и развернул бумагу:

"Начальнику управления тов. Атаеву Т.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

"Многоуважаемый товарищ начальник! — прочел он. — В который раз обращаюсь к вам с настоятельной просьбой доверить мне готовую, но бездействующую вторую буровую… Сердце мое ноет и разрывается на части от боли, когда вижу эту стройную и симпатичную, словно девушка, буровую вышку, о которой, как я убедился, Вы давно забыли… А забывать о деловых предложениях — это даже грешно! К сему добавлю, что обещанные муфты к нам не поступали…

Нижескорбящий Сердар Ниязов".

"Да он что, издевается надо мной?.. Ну и шутник! Стиль-то какой… Пишет, словно любимой девушке… Совсем распоясался новатор! Придется приструнить!" — Без особой злости и огорчения Атаев скомкал бумагу и сунул в карман.

Но всем стало ясно, кто автор этого "послания". И подсказали:

— Ему сейчас не до совещаний, к свадьбе готовится, — как обычно, раньше всех знавший пикантные новости, вяло проговорил толстяк с третьей буровой.

Джанмурадов впился руками в стол и застонал.

— Что с вами?..

— Язва не дает покоя, — заскрипел он зубами.

— Знаем мы его язву, — хохотнули в углу. — Гульджемал его язва… — раздалось там же.

— Тише, товарищи! Семеро одного не ждут. Начнем. Шутим хорошо, а работаем, судя по сводке, ахово… Сердар опять впереди, то, бишь, глубже всех… А все почему? — задал он сам себе вопрос. — Потому, что при помощи специалистов из института он для каждого пласта стал применять соответствующие буровые инструменты.

В кабинете загудели.

— Почему скрывает?

— Опытом необходимо делиться, а он…

— А он — втихаря! — подсказал Джанмурадов.

— Тише, товарищи! — Начальник постучал огрызком карандаша по пустому графину. — Делиться опытом, конечно, необходимо. Но, скажите, кто из вас обращался к Сердару за советом? Кто?.. Молчите?! То-то же.

Мастера насупились.

Поднялся Джанмурадов.

— Разрешите мне съездить к нему…

— Поближе к Гульджемал намылился, — пророкотали сзади.

— Вот и прекрасно. Сколько времени вам необходимо, товарищ Джанмурадов, чтобы проанализировать опыт работы Ниязова? — начальник с нескрываемой ухмылкой посмотрел на "добровольца".

— Постараюсь не задержаться. Дня три-четыре…

— Договорились…

Далее разговор пошел о плохом снабжении и других мелочах, совершенно не интересовавших Джанмурадова. Он вышел из управления и направился к машине.

— На буровую, к Ниязову… — буркнул шоферу.

На буровой Джанмурадова не ждали, однако не особенно удивились, когда он без стука открыл дверь и вошел в вагончик Сердара, который, склонившись над чертежами, объяснял Эзизу какую-то схему.

— Здравствуйте, новаторы! — поздоровался он, нервно сцепив за спиной худые руки.

Парни заметили это, переглянулись…

Сердар предложил:

— Садитесь, пожалуйста. С чем пожаловали?

— Первое — это передать недовольствие начальника управления за не появление на совещании. Второе — вы должны срочно представить мне графики ведения работ по скрываемому методу…

— Какие графики?

— Знаем, знаем… Мечтаете о славе! Получите, уж я постараюсь, — неопределенно пообещал Джанмурадов. — Так что выкладывайте, товарищ Ниязов.

Сердар вытащил из тумбочки кипу затертых черновиков и бросил на стол.

— Держите, дерзайте!

Эзиз потоптался на одном месте и направился к выходу.

— Скоро вернусь! — махнул рукой.

Сердар закурил, а Джанмурадов начал лихорадочно перелистывать листки, четвертушки и даже обрывки газет, на которых неразборчивым почерком Сердара были зафиксированы лишь ему понятные задумки и набросаны схемы неведомых "гостю" узлов буровой.

Вскоре Джанмурадов занервничал.

— Да вы что, издеваетесь надо мной?! — обер-

нулся он к Сердару.

— Нисколько... Чем богаты, тем и рады... поделишься.

— Давайте чертежи, которые показывали Эзизу...

— Это чертежи моего сокурсника по институту... Без его разрешения дать не могу.

— Ясно! Так и доложим...

— Докладывайте.

Наступила долгая минута молчания.

Первым не выдержал Джанмурадов. Глаза его забегали.

— Что вы наговорили обо мне Гульджемал? Шарахается, как от прокаженного... — грубо спросил он.

Сердар рассмеялся.

— С этого бы и начинали. Ничего я ей не говорит, товарищ Джанмурадов! Ничего, решила сама...

— Что решила?

— Сначала в загс, потом свадьба, что же еще...

Джанмурадов искривился и схватился за живот.

— Ты, парень, отравил всю мою жизнь! — Опять перешел он на "ты". — Ты сделал моим врагом человека, который для меня дороже всей все-

ленной!

— Зачем так высокопарно?! — спокойно парировал Сердар.

— Я… я… из-за Гульджемал бросил замечательную женщину…

— И напрасно!

— Ты, словно колючка, взошел на моем счастье… Но запомни! — Джанмурадов перешел на визг. — Гульджемал и тебе не достанется…

В это время в вагончик вошел Эзиз. Но Джанмурадов уже ничего не замечал.

— А если и достанется, то сразу наставит рога…

— Что-о-о вы сказали? А ну, повторите!

— Сказал то, что есть, — Джанмурадов задыхался от злости. — Она… она видела десятки таких, как ты…

Сердара будто подбросили. Он наотмашь ударил по шее Джанмурадова, повалил его и вцепился в горло.

— За-ду-шу!

Джанмурадов посинел. Из его горла вырывался судорожный храп. Наконец он взмолился:

— Пощади… Все расскажу… Пощади только…

Эзиз разнял соперников и встал между ними.

— Говори! — наступал Сердар.

— Я… я все это придумал, чтобы ты ее бросил…

— А-а!.. Вот как… Что ж, за чистосердечное признание положено отблагодарить.

Сердар волчком вывернулся из-под руки Эзиза и еще раз влепил пощечину по лицу клеветника. Из носа Джанмурадова пошла кровь… Он всхлипнул.

Эзиз подошел к "гостю" и взял за руку.

— Пойдемте, помогу умыться…

Джанмурадов с трудом поднялся и побрел к машине.

По дороге в управление он долго уговаривал шофера, и тот клятвенно заверил, что никому не расскажет о случившемся.

Джанмурадов на каждом перекрестке рассказывал, как возле чайханы на него напали хулиганы.

— Их было трое… У одного, высоченного, — Джанмурадов в который раз поднимал над головой забинтованную руку, — наколки на груди: "Беру, где не дают…"

Ему поддакивали и делали вид, что верят. Но все понимали, где и кто "обработал" Джанмурадова.

Слухи о случившемся дошли и до матери Сердара, и она сразу выехала к сыну.

Знали и на буровой о незадачливом "госте".

Но нежелательные разговоры были пресечены Эзизом и больше не повторялись.

— Давайте лучше подумаем, как отпраздновать свадьбу, — предложил всеобщий любимец.

И бригада решила справить два праздника в тот день, когда будет пробурена скважина.

Сердар посоветовался с Гульджемал.

— Я не возражаю, милый. Только…

— Что, дорогая?

— У тебя есть мать… Разве ты не будешь спрашивать у нее разрешения?

Сердар засмеялся, но смех его, как поняла Гульджемал, был горьким.

— Предчувствия какие-то нехорошие, — созналась она.

— Успокойся, все будет хорошо, — Сердар поднял ладошки любимой и прижал к своим щекам.

— Прикрываясь моей мамой, ты не пытайся оттянуть свадьбу… Моя мамочка для такой невестки, как ты, найдет место даже на своих бровях. Завтра поеду и привезу ее сюда.

Но мать опередила… Поздним вечером она вошла в вагончик и устало села на стул напротив сына.

— Здравствуй, сынок!

Растерявшийся Сердар подбежал к матери и

прижался к ней.

— Будут судить, сынок, или полюбовно разойдетесь? — спросила она.

И Сердар понял, что она все знает. "Собственно, а что скрывать?" — решил он и подробно рассказал о стычке с Джанмурадовым.

— А ведь он — благородный человек… Везде утверждает, что его избили возле чайханы.

— Буду просить прощения, мама.

— Не унижай лишний раз человека. Я сама с ним поговорю.

…Утром над Каракумами раздались редкие для этих мест грозовые раскаты. Стало темно и тихо… А потом налетел ураган. Он остервенело набрасывался на вагончики, наметал вокруг них груды песка. Склоны барханов шевелились, как живые, верхушки курились косматыми клочьями уносимого ураганом песка. Даже вышка, широко и прочно расставившая четыре опоры на гребне высокого бархана, заметно раскачивалась. Ревущий ветер не давал возможности ни говорить, ни слышать, ни видеть. Дышать и то было трудно. Но работать приходилось, несмотря ни на что.

Сердар шел по проложенной к вершине бархана дощатой тропинке. На зубах хрустел песок, от него болели глаза и их все время хотелось

прикрыть. И вообще хотелось одного — уйти в вагончик и спать. Но как раз этого делать было нельзя. Надо идти туда, к вышке, и следить за бурением, за качеством раствора.

Ураган бесновался двое суток. Солнце заволокло непробиваемыми песчаными тучами. В двенадцать часов июльского дня было темно, как глубокой осенней ночью.

В сторону буровой пытался пробиться водовоз с включенными фарами. Не дошел… Сбился с дороги и его нашли только на третий день при помощи вертолета. Из-под песка была видна только кабина… Опытного водителя спасло только то, что он впрок запасся едой.

Мать переживала и прекрасно понимала, что в такую непогоду не до разговоров о невестке, и ни о чем не стала расспрашивать сына.

Неожиданно погода устоялась, и над буровой показалось солнце. К стану изыскателей вылетел вертолет.

— Вот и хорошо, сынок! Если можно — на нем и улечу.

Сердар направился к винтокрылой машине. "Мать даже не заикнулась о Гульджемал… Как быть? Может, отложить встречу?.. Сейчас, конечно, явно не до этого", — в голове была сумятица.

Поговорил с пилотами, и те ответили, что можно!

Через полчаса мать поднялась в вертолет, обернулась и наказала сыну:

— В ближайшее время приезжайте в гости, дома и решим...

Сердар проводил взглядом улетающую машину. Постоял с поднятой рукой и побежал на буровую.

"Выдержала!" — прижался он щекой к отполированной песком стальной трубе.

Когда Гульджемал узнала о приезде Дурсунджемал, для нее наступили мучительные минуты ожидания... "Что скажет мама?" — гадала она. Еще хуже себя почувствовала, когда разбушевался ураган. Девушка не находила себе места. Она не могла ни есть, ни пить, ни спать... Накрывшись одеялом, часами неподвижно просиживала у окна и с тоской вглядывалась в непробиваемую темень. "Неужели Дурсунджемал так и не зайдет ко мне?.. И Сердар не приходит... Хоть бы на минутку заглянул..."

Наступила вторая кошмарная ночь. Промаялась часа четыре, и сон одолел. И во сне она взяла Сердара за руку и повела по хоботу "слона". Остановились возле песчаной раковины уха...

За далекими барханами поднималось молодое утреннее солнце. Прижавшись друг к другу, они встречали свой первый рассвет! Вдруг сзади зашуршало... Гульджемал оглянулась и побледнела: из-под песка выползала огромная волосатая рука дэва... От страха она задохнулась и не могла произнести ни слова. Раскрытая пятерня, словно щупальцы спрута, колыхнулась над песком и сжала колено Сердара. От боли он вскрикнул... и стал медленно погружаться в песок... "Мечом ее, мечом!" — подсказала она. Сердар выхватил меч и отсек ненавистную руку... К ним подошел белый верблюд... Сердар взобрался на него и направился в долину, где блестело озеро. "Не волнуйся, милая, я скоро вернусь! Отвезу руку ее хозяину и приду к тебе..."

Гульджемал вздрогнула и проснулась. Посмотрела в зеркало и ахнула: подбородок заострился, лицо посерело. "Пугало да и только! Уж лучше не встречаться..."

...Убедившись, что буровая работает нормально, Сердар быстрее ветра помчался в поселок к Гульджемал. Он поднялся на крыльцо и постучал. Ему никто не ответил. Раздумывать не стал и рванул на себя заскрипевшую дверь. Две железные койки, обрывки газет на полу и конверт

на столе — вот все, что увидел мастер. В глазах потемнело. Дрожащей рукой вытащил сигарету и взглянул на конверт. "Ниязову. Лично", — прочел он. В руках затрепетали листики, вырванные из школьной тетради.

"Любимый!

Попытайся понять меня правильно. Наши мимолетные и кратковременные встречи были чем-то похожи на миражи, рождаемые этой богом и людьми проклятой пустыней. За каждым барханом я видела тебя и бежала навстречу… Но каждый раз ты оказывался недосягаемым…

…Мы ни разу так и не поговорили о главном, о наших родителях. Твое равнодушие к моему прошлому не могло не огорчать, но я терпеливо ждала и молчала. Ты как бы забывал, что наша судьба зависит не только от наших чувств и отношений, но и тех, кто дал нам жизнь.

Так вот, знай, что я — круглая сирота. До семи лет воспитывалась в ашхабадском детдоме… Потом обо мне вспомнила дальняя родственница по отцу и забрала к себе в Чартакскую долину. До пятнадцати лет жила в ауле… Они были добросердечными и заботливыми людьми. Но подошло время, и соблазнительный калым, который пообещал богатый человек, решил мою участь…

Ночью я бежала от родственницы и вернулась в детдом. Работала на кухне: мыла посуду и подметала полы… Потом стала няней и "мамой" для некоторых девочек. И в одну из ночей я поклялась: подрасту, получусь и возьму на воспитание похожую на меня крошку.

Не буду описывать, что было дальше… Но мечта моя сбылась! Окончила профтехучилище, устроилась на работу и удочерила Джемал-джан.

Работая среди изыскателей, я никому и никогда не рассказывала о своей жизни. Не рассказывала потому, что очень рано убедилась: среди большинства добрых и отзывчивых есть и злые люди! Некоторые и сейчас смотрят на меня, как на гулящую девку, когда увидят с Джемал-джан… И вздохи, и ахи мне надоели!..

Но больше всего меня оскорбило не то, что ко мне не зашла твоя мать, а твое равнодушное отношение к моему ребенку. Ослепленный любовью, ты видел только меня и ни разу не спросил о Джемал-джан…

Да, я люблю тебя! Но для меня главное — не моя судьба, а будущее моей дочери.

Прощай, любимый, и не обижайся, но по-другому я поступить не могла. Пусть твоя жизнь будет красивой и яркой, как та последняя звездочка,

что горела над "слоном". Гульджемал".

Сердар оцепенел. Он долго не мог сообразить, что произошло. Ему показалось, что даже волосы на голове зашевелились. Он вернулся в свой вагончик и упал на койку…

В половине восьмого вечера вышка задрожала… И все поняли, что долгожданная минута пришла.

— Газ! Газ! Есть газ! — далеко были слышны возгласы буровиков.

Моментально была поставлена заглушка. Бригада ликовала…

В вагончик ворвался Эзиз.

— Ну, Сердар! — воскликнул он, — теперь дело за тобой. — Глаза Эзиза светились радостью и гордостью за мастера, который верил сам и убедил парней, что газ будет. — Теперь-то ты объявишь день свадьбы?!

— Объявлю, Эзиз, обязательно объявлю…

Сердар хлопнул дверью и направился в сторону "слона".

Перевод С.Суши

КАУШУТ ШАМЫЕВ
С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

озможно, и поныне молодежь аула Ходжаяб, что находится на расстоянии "одного конского пота" от города Мары, влюбляется друг в друга. Нет сомнений, что и раньше, когда в окруженном с юго-востока песчаными барханами ауле проживало всего-навсего двести семей, имелись влюбленные друг в друга пылко и страстно. Однако, наверное, ничья любовь не прошла через столько испытаний, как любовь Акгыз и Гараоглана — больших влюбленных маленького аула. Так они называли себя. Ибо вновь и вновь в маленьком ауле будут рождаться влюбленные, но уже ни одна девушка не сравнится с Акгыз, ни один юноша с Гараогланом.

Сказано, от белого и черного сотворится лучезарность рая. От любви Акгыз и Гараоглана расцвела роза любви. Они и не заметили, как влюбились друг в друга. Однажды Акгыз вдруг увидела, что смуглый мальчик пристально наблюдает за ней. Она отвернулась, но когда во

второй раз случайно взглянула на него, то опять встретилась с его упорным взглядом. И в третий раз, уже сама того не замечая, она подняла голову на таинственный взгляд мальчика и удивилась: как это среди множества девочек он безошибочно находит ее. Не значит ли это, что и она тоже ищет Гараоглана? Иначе, как же могло случиться, что двое людей, не сговариваясь, находят друг друга взглядами среди разноликой свадебной толпы? И протянулась невидимая ниточка между Акгыз и Гараогланом и связала их и на завтра, и на все последующие времена.

Никто в ауле и не догадывался об их связи, и они свято оберегали свою с каждым днем крепнущую любовь. Но разве можно утаить тайну любящих сердец, скрыть тайну стремящихся друг к другу взглядов? Пусть найдут покрова! Гараоглан не занимается воровством любви, и Акгыз, отвечающей его чистым чувствам, нечего и некого стыдиться! Распускайтесь начинены сплетней языки, поднимайтесь охочие до чужих дел уши Акгыз и Гараоглан от души посмеются над вами.

Прошли годы. Тонкая Акгыз выросла в красавицу. Гараоглан — худощавый, невзрачный мальчик — превратился в сильного, стройного юношу. Теперь они реже встречались друг с дру-

гом, но разве может песчаная запруда сдержать сокрушительный поток любви?

Окончив школу, они не покинули родной аул, как это сделали многие их одноклассники, начали работать в колхозе, и если Гараоглан поливал посевы ночью, то Акгыз занималась поливом днем. И осенью, когда, надев белый фартук, Акгыз проворно собирала хлопок, Гараоглан не отставал от нее.

— Я буду делать то, что будешь делать ты, — сказала, выпрямляясь, Акгыз и бросила в идущего рядом с ней Гараоглана мягкую коробочку хлопка.

Гараоглан поймал ее.

— Я тоже, — сказал он, ласково взглянув на Акгыз. — Знаешь, что скажу тебе. Если девушка хлопком или снежком ударяет парня, она делает его счастливым!

— Я и желаю осчастливить тебя.

Полные нежности глаза Акгыз опалили сердце Гараоглана.

— В таком случае… — Гараоглан осыпал Акгыз цветами хлопка. — Только… — сказал Гараоглан, загляды вая в лицо девушки, — ты не сможешь сделать то, что я могу сделать.

Акгыз опустила пониже платок.

— Смогу, сделаю.

— Нет, не сделаешь.

Тогда Акгыз самым серьезным образом заявила:

— Слово даю — сделаю.

Гараоглан, однако, настаивал на своем:

— Возьму и не буду собирать хлопок, а стану на тележке возить его, что тогда будешь делать ты?

— Разве моя рука не в состоянии взяться за руль?

Я тоже буду возить на тележке хлопок.

— А если я стану шофером?

— И я буду шофером.

— Будешь учиться на курсах водителей?

— Да.

— Не будь слишком уверенной.

— В этом я уверена.

Смелый вызов прозвучал в словах девушки и нежная отвага вспыхнула в ее гордых очах.

Однако в жизни далеко не всегда бывает так, как желаешь, порой наши желания и возможности не совпадают с действительностью и, хотя ни Акгыз, ни Гараоглан не подозревали о неизбежном противоречии, их не обошла чаша сия.

Видимо, никогда у людей не исчезнет зависть. Скажите, пожалуйста, кому неизвестно было о

любви Акгыз и Гараоглана, лишь старики, мало интересующиеся делами молодежи, не знали об их взаимном влечении, но Абдыр уж, конечно, знал. Вообще-то его полное имя Абдурахман, да люди, верно, лучше знают, кого и как звать. Так вот этот Абдыр вознамерился разлучить влюбленных, громко во всеуслышание объявил, что возьмет Акгыз в жены и, дабы не остались его слова пустой угрозой, заслал в ее дом сватов и сам же распустил слух о том, что не устояли родители Акгыз перед богатым калымом и вверили девушку в его власть.

Жаром обдало Акгыз, как только донесся до нее слух о похвалениях Абдыра. Некрасиво дочери перечить своим родителям, да в подобных случаях и молчать нельзя. Матери Акгыз сказала:

— Я тоже знаю, как мне поступить!

Испугалась мать:

— О чем ты, доченька? Что скажет отец?

— Девушка и с отцом должна разговаривать лицом к лицу, когда речь идет о ее судьбе.

— Ты думаешь, все должно быть по-твоему? — буркнул появившийся в комнате отец.

Акгыз потупилась, но вскинула голову.

— Я с Абдыром не то чтобы в одном доме… не знаю, как и в одном ауле с ним живу. За что его

хвалят? Кто он такой? Человек, который из одного рубля пытается сделать два. День и ночь ловчит. И за это его любить? Нет. Мне нужен честный парень. Пусть не вдоволь, но своим трудом, честным хлебом свою семью кормит.

— Разве в нашем ауле есть такие парни?

— Много.

— Говори мне, кто? — вкрадчивый голос отца задрожал от гнева.

Какой бы смелой ни была Акгыз, но и она запнулась под грозным взглядом родителя.

— Кто?

"Если дрогнешь, проявишь слабинку, — мелькнула мысль, — потеряешь Гараоглана". И Акгыз тихо сказала:

— Его зовут Гараоглан.

Это имя поколебало решимость матери и заставило дрогнуть отца, видимо, вспомнившего в этот момент кем-то произнесенное изречение: "Воля дочери принадлежит ей", и помянувшего его недобрым словом. И тут же, не меняя тона, спросил:

— Это еще не все, что ты собиралась сказать. Твои слова: "Я сама знаю, как поступлю". Как же? Говори, мы и это выслушаем.

Акгыз не слишком смутилась. Назвав Гараогла-

на, она как бы воочию увидела его, почувствовала рядом, ощутила опору и воодушевилась.

— Если будете настаивать со своим Абдыром, то, не сегодня так завтра, возьму за руку Гараоглана и перешагну порог его дома.

— Боже спаси! — мать, испуганно косясь на отца, замахала руками. Отец потерянно молчал. И в его взгляде таился испуг. Не было до сего времени случая, чтобы девушка их аула, взяв за руку парня, ушла в его дом. Что может быть для них, пятидесятилетних, хуже позора перед людьми? Нет, видно, дочь не переспоришь, судьбу не обойдешь.

Свадьбу Акгыз и Гараоглана готовили спешно, приурочив ее к октябрьским праздникам. Особого веселья не было, потому что Гараоглана призывали в армию и вскоре он должен был покинуть молодую жену. И все-таки свадьба удалась на славу, и гости, и родственники остались довольны. Счастлива была и Акгыз, сумевшая отстоять и себя, и любимого, и только одно слегка смущало ее: не удалось ей сравняться с Гараоглaном — он уже работал на мототележке, а по вечерам учился на водительских курсах. Заботы же о свадьбе, шитье и вышивки связали Акгыз по рукам и ногам.

Гараоглан в первую же сладостную ночь вспомнил об их споре.

— Ну как? — ласково обнимая жену, пошутил он. — Ведь я же говорил — не сможешь сделать, что я сделаю.

На сияющее лицо Акгыз набежало облачко. Она нежно прижалась к Гараоглану и прошептала ему на ухо:

— Не спеши, ведь не все в один миг делается.

Акгыз заранее подготовилась к проводам Гараоглана, собрала все необходимое ему в путь, и то, что она действовала самостоятельно, опережая хлопоты его родителей, немало смутило и озадачило их. Нарушала обычаи невестка. Однако так взаимно внимательны были друг к другу невестка и сын, что родители не решались и, пожалуй, даже скорее любовались ими, чем осуждали. И поэтому, когда Акгыз, взяв в руки легкий вещмешок мужа, показала тем самым, что пойдет его провожать, родители, хотя и растерялись, не посмели ее удерживать, но и сами не решились пройти всей семьей через село, остались дома, украдкой наблюдая из окна, как Акгыз, единственная женщина среди собравшихся мужчин, идет, гордо вскинув свою красивую голову, рядом с их сыном и своим мужем Гара-огланом. До сего времени в

Ходжаябе не было такой смелой невестки. Да разве одного Гараоглана провожали тем днем. Много парней, и холостых, и женатых, отправлялись служить Родине, но лишь с одним Гараогланом шла жена, остальных же провожали отцы, дядья, братья. Провожали и женщины, правда, лишь тоскливыми взглядами из дверей, из окон, и, надо думать, многие в тот час, глядя на гордо шагавшую Акгыз, упрекали себя за излишнюю робость, за нелепое почитание глупого обычая, извечно принижавшего женское достоинство, ибо многие впоследствии сожалели и сознавались, что хотели бы поступить как Акгыз, а девушки на выданье, эти тихие красавицы с опущенными на грудь косами, и вовсе сочли Акгыз преобразовательницей и впредь стали открыто следовать ее примеру. Что и говорить, хоть всего лишь один "конский пот" отделял маленький Ходжаяб от большого города, а городские нововведения переваливали через барханы долго, так что Акгыз и в самом деле явилась преобразовательницей.

Конечно же, Акгыз не хотелось выпускать из своих объятий желанного мужа. Особенно трудно приходилось в первые дни, когда постоянно казалось, что Гараоглан то выезжает с конца аула на своей тележке, то появляется с милой улыб-

кой из глубины комнаты, и, прижимая к груди дорогую женушку, касаясь губами ее губ, нежно спрашивает: "Ну что, можешь, как я?" Тоскливо было Акгыз на улице, и дома она не находила себе места. Дом-то был еще не освоенный... Акгыз, до девятнадцати лет ходившая в одну дверь, привыкшая к своей матери и отцу, еще не успела привыкнуть ко второй матери и второму отцу. Но хотя родной родительский дом находился в нескольких шагах, наведываться туда Акгыз одна стеснялась. Вот если бы с Гараогланом, тогда, конечно, непременно бы пошли тотчас же.

Акгыз в одиночестве только и думала о Гараоглане. Как он там, ее неизбывно родной? Днем эти долгие мысли приближали к ней Гараоглана, а ночью он приходил к ней во сне. Однажды Акгыз сильно испугалась. Не было на лице Гараоглана обычной милой улыбки, и обычные шутливые слова его "не можешь, как я, Акгыз" прозвучали упреком, как будто ставил ей в вину ее солдат, ее защитник, проснулась Акгыз в горячем поту, с волнением в сердце. А вдруг и правда своим бездействием Акгыз обижает мужа, ведь свидетелем ее клятвы были только он да белое хлопковое поле. "Разве моя рука не может держать руль", — так ведь говорила она, и были сказаны еще и другие

слова, от которых тоже нельзя отступиться, хотя, разумеется, из мужчины не сделаешь женщину, а женщину не превратишь в мужчину. Впрочем, разве из этого следует, что я не могу делать то, что делает Гараоглан? Ведь он всегда говорил мне: "Ты вольна, моя Акгыз, делай, что тебе по душе". Почему же тогда я не могу достичь большего? Потому, что я женщина? Отец говорил: "Не суйся куда попало, знай свое дело, занимайся кастрюлями и чашками", тогда как мать постоянно твердила одно: "Нет работы непосильной для женщины". Кто из них прав?

Акгыз с каждым днем все упорней и настойчивей стала обдумывать свое желание сравняться с Гараогланом, и эти мысли не давали ей покоя.

Однажды на окраине аула и впрямь загрохотала тележка Гараоглана. Этот звук, который она различила бы и среди тысячи ему подобных, едва не помутил ее рассудок. Она как стояла с ведром в руках, так и застыла в напряженном оцепенении у калитки. Ей казалось, что никто в ауле, кроме Гараоглана, не умеет управлять этой тележкой, в которую по городскому нововведению недавно стали ссыпать золу и мусор чтобы не засорять отходами, как прежде, улицы, а вывозить подальше от жилья. Гараоглан до восхода солнца объезжал

все дома, а уж потом отправлялся на перевозку хлопка или еще куда. После его ухода в армию некому стало поддерживать порядок, и ни разу еще не прогрохотала по дороге его тележка. Кто же сейчас сидел в ней?

Во все глаза следила Акгыз за ее зигзагообразными перемещениями. И упало сердце. Нет, не Гараоглан, а кто-то другой восседал за ее рулем. А ведь когда-то и Акгыз, обдуваемая прохладным ветерком, сидела на этой тележке, прижимаясь к Гараоглану, и он рассказывал ей, как управлять этим маленьким мотовозом, как тормозить, как останавливать. А потом и руль доверил. Долго в тот день они кружили по аулу.

Теперь же… Тележка — та самая, а водитель другой. Ну как же Акгыз вытерпеть это?! Где, где он, ее Гараоглан?!

— Вываливай свой мусор, не стой, разинув рот! — раздался рядом грубый неприветливый голос. — Чего стоишь?! Что у меня много лишнего времени?!

Акгыз глазам своим не поверила: на месте Гараоглана сидит Абдыр и облизывает языком потрескавшиеся губы.

Акгыз не сразу пришла в себя.

— Кто тебе дал тележку?

— Галхоз.

Слишком хорошо помнила Акгыз, кто пытался разлучить ее с Гараогланом, слишком дорога была ей эта тележка, на которой сидел сейчас, как ни в чем не бывало, этот негодяй. Сузились от ярости огромные глаза Акгыз и страшным стало ее прекрасное лицо.

— Говорить, негодяй, нужно "колхоз". Отвечай, почему ты ездишь на тележке Гараоглана?

Абдыр в замешательстве потрогал свой облупленный нос и обиженно ответил:

— Раз заставляют, приходится подчиняться.

— Кто заставляет?

У Абдыра язык повернулся сказать "галхоз", но он вовремя сдержался, боясь еще больше рассердить Акгыз, и пробурчал:

— Кому-то ведь нужно работать на ней.

— Пусть хоть собака ездит, но только не ты.

Акгыз яростно выпорожнила ведро и отшвырнула его в сторону.

— А ну-ка, убирайся отсюда.

Она решительно подвязала волосы платком, и, стремительно подойдя к тележке, спихнула опешившего Абдыра с сиденья. Сама же, подтянув платье, оголившее щиколотки ног, уселась за руль и, сверкнув глазами на недоверчиво уста-

вившегося Абдыра, на виду собравшихся соседей тронула мотовоз с места.

В ауле Ходжаяб всегда жили тихо и мирно. Соблюдали обычаи, почитали старших и за веяниями века особенно не гнались, предпочитая, чтобы они настигали их сами. Говорят, в годы коллективизации появилась трактористка по имени Гюльнур, да погубили ее басмачи. С тех пор ни одна женщина не осмеливалась сесть на машину. И вот теперь Акгыз бесстрашно катила по аулу. От удивления многие даже зажмурились. Вах, что делается на белом свете.

Между тем Акгыз оказалась в сложном положении. Тележка плохо повиновалась ее рукам, и все норовила забрать в сторону домов, тогда как Акгыз изо всех сил пыталась удержать ее посреди улицы. На перекрестке, не справившись с поворотом, Акгыз совсем растерялась и, оглохшая тс ли от шума тарахтящего двигателя, то ли от криков бежавшего за ней Абдыра, лишь тогда нажала на тормоз, когда заметила, что сбила тележкой поставленный на обочине дороги тамдыр.

Двигатель заглох, тележка дернулась и остановилась. Акгыз спрыгнула с сиденья и подошла к опрокинутому тамдыру. Подбежавший Абдыр не скрывал своей радости. Губы его шевельнулись,

изготовясь сказать какую-нибудь гадость, но свирепый взгляд Акгыз умерил его желание, и он почел за благо воздержаться от язвительных слов.

Со всех концов аула к месту происшествия спешили люди, и впереди всех — хозяйка тамдыра — маленькая, шустрая Джумаш, известная неожиданным для её роста зычным и грубым голосом. Еще издали она начала кричать, как будто на нее напали бандиты.

— Вах-вах-ва-ха-ей! — неумолчно кричала Джумаш, то воздевая руки к небу, то разводя их в стороны и опуская с хлопаньем на тощие бедра. — Я свой тамдыр мазала чарджоуским песком, из дальних мест привезенной глиной. Все, все сама, своими руками делала. Никто не помог, даже Гынна, негодница, отказалась, хотя потом пекла в моем тамдыре хлеб. Вах-вах-ва-ва-ей!

Джумаш, видимо, попав в излюбленную стихию, не думала замолкать. Крики ее становились все истошней, оскорбления все злей, и Акгыз со стыда готова была провалиться сквозь землю. Но в конце концов и она возмутилась: не хватит ли унижать ее перед людьми?! Уперев руки в бока, она пошла в наступление.

— Что ты кричишь, Джумаш? Слыханное ли

дело из-за одного тамдыра переворачивать все кверху дном. Ты ведь одной левой соорудишь такой новый тамдыр, что все просто умрут от зависти. Возьми себя в руки, Джумаш. Неужели ты хочешь, чтобы Гынна посмеялась над тобой, а люди сказали: смотрите, как Джумаш рвет на себе одежды из-за разбитого тамдыра. Видишь, даже Абдыр, которого лишь по ошибке можно принять за мужчину, торжествует над твоей слабостью. Стоит ли показывать ее?

Джумаш, вмиг переставшая горланить, слушала Акгыз с предельным вниманием.

— Это ты верно говоришь, — наконец согласилась она.

Ободренная Акгыз не преминула заметить:

— Все равно, не сегодня так завтра, твой тамдыр должны были сломать. Пожарники не разрешают ставить тамдыры на улице. Сухая колючка, огонь — далеко ли до пожара, Джумаш?

Женщина согласно кивнула. Похоже, ей стало стыц-но за поднятый шум. Акгыз тайно праздновала свою внезапную победу. И в эту минуту зарокотал мотор: Абдыр, воспользовавшийся паузой, решил удрать. Рванулась Акгыз, чтобы прогнать самозванца, но тщетно — тележка, грохоча, катилась по дороге, и ни остановить,

ни удержать ее было нельзя. Это так расстроило Акгыз, как будто и ей, и Гараоглану нанесли незаслу женное оскорбление. Да и то — правда. Кто за рулем?

Ненавистный Абдыр. Вот что больше всего мучило Акгыз.

Не было дня, чтобы Акгыз не вспомнила о Гараоглане. Если над аулом зависал тонкий месяц, то Акгыз-казалось, что это Гараоглан шлет ей свой привет. Если луна заглядывала в окно, то в ее томительно льющемся свете чудилось недавнее: как сидят они с Гараогланом на тахте и пьют из пиал душистый зеленый чай.

Сладостны были воспоминания, но тем горше и обидней становилось при мысли, что делом ее любимого мужа занимается ненавистный ее сердцу человек. Не насмешка ли это?

И Акгыз не выдержала, пришла в правление колхоза и, не сумев толком объяснить, попросилась на мотовоз. Председатель Тачсолтан, первая и пока единственная женщина села, носившая мужские сапоги, ничем не выказала удивления.

— Удостоверение на право вождения есть? — спросила она, лишних слов не тратя.

— Нет, — ответила Акгыз. — Но я все равно смогу.

— Тогда тебе нужно выучиться на водителя.

— Выучусь.

Тачсолтан внимательно вгляделась в стоящую перед ней девушку. За два года председательствования еще не было случая, чтобы женщина или девушка просились на мужскую работу. Тачсолтан призадумалась: как знать, что из всего этого выйдет.

— Ты со своими-то посоветовалась? — спросила она.

Высоко поднялась левая бровь Акгыз, узко сощурился правый глаз.

— А вы, когда вас председателем назначали, разрешения у свекра спрашивали?

Рассмеялась Тачсолтан, встала из-за стола, по-мужски протянула свою крепкую руку, и Акгыз, от волнения залившись румянцем, соединилась с ней в ответном рукопожатии.

Радостная, не шла, а летела домой Акгыз: может и она сравняться с Гараогланом.

Среди мужчин, обучавшихся на водительских курсах, Акгыз оказалась единственной женщиной. Конечно, определенного рода неудобства при этом существовали, но Акгыз не особенно тушевалась: главное — она продолжала дело Гараоглана и даже сидела за его столом у окна.

Рядом с ней место пустовало, как будто бы в ожидании Гараоглана, несущего солдатскую службу в далеких северных краях.

Знания давались Акгыз легко, глядя на нее, нельзя было сказать, что женский ум короток и ненадежен. Акгыз многих сокурсников обгоняла в теории и на практике с такой милой непринужденностью, что мужчины только диву давались, ревниво наблюдая за ее успехами. Женщины аула гордились ею, а уж юная поросль просто души не чаяла. Ведь своим примером Акгыз открывала им заманчивые перспективы. Да и сама Акгыз верила, что неравенство между мужчинами и женщинами скоро исчезнет и, как знать, если женщина освободится от цепей предрассудков, не окажется ли она кое в чем посильнее мужчины.

Летели письма Акгыз к Гараоглану, приходили от него солдатские конверты без марок. Время шло, Акгыз, получив права, трудилась, изумляя сельчан, на стареньком мотовозе вывозила за окраину и золу, и мусор, не видя в своем занятии ничего зазорного и недостойного чести женщины.

В трудах, заботах и ожиданиях минули два томительных года, и вновь пришли сладостные, ничем не омраченные дни. Гараоглан теперь был

рядом, его можно тронуть рукой, к нему можно прижаться, можно безоглядно забыться на его возмужавшей груди.

Акгыз была готова уступить ему тележку, но, к ее радости, Гараоглан отказался, сказав: "Работай, если тебе нравится". Сам же он задумал что-то другое. Несколько дней вынашивал тайные мысли, а затем, видимо, все как следует взвесив, поделился задумкой с женой. Начал, как всегда, издалека, осторожно:

— Я, кажется, затеял одно дело, моя Акгыз.

— Очень хорошо, желаю успеха.

Гараоглан рассмеялся, качнул головой.

— Думаю идти в органы, Акгыз.

— Будешь милиционером?

— Хочу.

— Ведь в Ходжаябе нет еще такой должности.

— В районе есть. Сказали, нужны люди. Берут отслуживших армию.

Акгыз не знала, что ответить. Слишком уж непривычная работа. И опасная! Она с испугом и сомнением смотрела на мужа. Справится ли он? Не лихо ли ему придется? Гараоглан чутко уловил ее состояние.

— Вообще-то, конечно, — сказал он, — трудновато придется, но желание твердое — выдержу.

— Ах, Гара, — произнесла, поднимаясь с тахты и подходя к мужу, Акгыз. — Делай, как думаешь, я — с тобой, — она обняла мужа и, заглядывая снизу вверх в его лицо, добавила: — А каким красавцем ты будешь в форме. — Она прильнула к нему. — И у меня для тебя новость. Скоро маленький закричит в нашем доме.

Милицейская форма и в самом деле удивительно-подходила Гараоглану. Точно подогнанный мундир ладно облегал его высокую стройную фигуру. К лицу ему оказались и светло-зеленая рубашка, и однотонный галстук. Красиво обтягивали его ноги всегда сверкающие на солнце голенища хромовых сапог. Что и говорить, теперь он вовсе не походил на прежнего, измазанного в мазуте и масле Гараоглана. Когда он, опоясанный кожаными ремнями портупеи с кобурой на боку, чеканил шаг в своих до блеска начищенных сапогах по недавно заасфальтированной улице, мужское население аула невольно думало: "Вах, почему я не такой?"

Акгыз безмерно гордилась мужем, ревностно следила за его одеждой, пылинке не давала упасть. Забот v нее прибавилось. Росла и крепла дочка Нурана.

Гараоглан уходил на службу рано утром, воз-

вращался-поздно вечером. Иногда случалось и так, что Акгыз проводила ночь без него. Видя на другой день его покрасневшие глаза, она догадывалась, что он не сомкнул век, что дежурство выпало трудным, а, возможно, и опасным. Гараоглан старался не показывать усталости, о работе рассказывал шутливо, как бы не всерьез. Но за шутливостью тона Акгыз угадывала ту огромную напряженность, которая требовалась от ее мужа и его друзей-соратников, и сердце ее сжималось от жалости и гордости за него.

Работа в милиции представлялась Акгыз чрезвычайно интересной. Каждый день находиться в гуще событий, каждый день сталкиваться с чем-то новым, отстаивать порядок и справедливость — что может быть почетней и лучше. Немножко, совсем чуть-чуть Акгыз завидовала мужу.

В ауле Ходжаяб, к счастью, конечно, драки, скандалы, перебранки случались крайне редко. Акгыз не помнила, чтобы кто-нибудь из повздоривших оказался за стальной решеткой. Если и возникали какие-то неурядицы — в жизни без этого не обходится — тотчас же собирались почтенные старцы и разбирались в случившемся. Их слово, авторитет были непререкаемы, и виновники скандала наказывались всеобщим

порицанием, которое, впрочем, не выходило за пределы аула и снималось, когда человек признавал свою вину. После суда никто ни на кого не обижался, и люди, высказав друг Другу все, что подспудно копилось внутри, расходились полюбовно и продолжали жить дружно, мирно, добрососедски.

Так было в Ходжаябе. Совсем иная жизнь, иные — отношения складывались в районе, населенном людьми из разных уголков страны, с разными обычаями, укладами, характерами. Участок, закрепленный за Гараогланом, был, пожалуй, особенно трудным. На нем располагался железнодорожный вокзал, так что приезжающего и отъезжающего люда имелось в избытке, а пассажиры, не говоря уже о том, что среди них попадаются разные люди, как известно, нервные, издерганные и утомленные дорогой. Что же удивительного, что происшествия случались всякие. Имелись, конечно, и серьезные нарушители. Против них и была направлена работа Гараоглана.

Уже не раз Акгыз замечала, что, вернувшись домой, Гараоглан, несмотря на одолевающую его усталость, не ложится в постель, а садится за стол и, обложившись бумагами, приводит в порядок записи свидетелей, протоколы, акты, расписки.

Дела не оставляли его в покос и ночью. Иногда он начинал бредить, метаться, и Акгыз, пугаясь, вскакивала, и стояла, склонясь над мужем, не зная, как и чем облегчить его тревожный сон. Будить его она не решалась.

Как же трудно, думала Акгыз, приходится милиционерам. Взять, к примеру, ее Гараоглана. Недавно ему было поручено разыскать пропавший из автоматической камеры хранения чемодан. Пострадавший никого не подозревал, и никаких следов и зацепок не обнаруживалось. Одно лишь припоминал пострадавший, что, поставив чемодан, он неосмотрительно громко сообщил своему товарищу, что цифровым шифром для облегчения памяти набрал год своего рождения. Если преступник, а они специально "ждут подобной информации", слышал эти слова, то извлечь чемодан незадачливого владельца не составило особого труда. Ему-то, конечно, не составило, а вот ее Гараоглану приходится нелегко. Где только не побывал он за эти дни и, видно, напрасно. Попробуй, разыщи в большом городе неизвестного жулика. Не так-то это просто. Вообще, слушая рассказы Гараоглана, Акгыз диву давалась: чего только не происходит на белом свете. В Ходжаябе ни о чем подобном люди и не

подозревали.

Гараоглан вернулся домой поздно ночью. Акгыз и дочка, обнявшись, безмятежно спали. Он полюбовался их родными лицами, показавшимися ему в эту минуту необыкновенно прекрасными, осторожно поцеловал в светлый лобик Нурану, и, боясь разбудить жену, принялся за приготовленный для него ужин. С пиалой в руке он подошел к окну, выходящему на северную сторону аула. Из светло-звездной темноты выступала ближними домами часть улицы. Дальше все было окутано мраком, и там, чуть не захлебываясь от кипевшей злости, лаяла собака. Гараоглан по лаю определил, что это собака Аллаша, и вспомнил о еще сохранившемся обычае в ауле Ходжаяб тайком посещать свою жену, находящуюся в родительском доме. Не зря говорят: собаки не ложатся спать в ночь, когда приходит зять.

Занавеску окна приподняло порывом ветра. На южной стороне села заорал ишак. Его крик послужил сигналом для других, и началась беспорядочная "ослиная какофония".

Гараоглан прикрыл створку окна, и, разложив бумаги, уселся за стол. Спать хотелось неодолимо, он с трудом различал и понимал написанное. Голова его клонилась все ниже и ниже, и наконец

коснулась стола. Акгыз осторожно перевела его на постель, раздела и укрыла одеялом. Сон его был глубоким и крепким.

Акгыз подошла к столу, освещенному пятном маленькой лампы, заглянула в разбросанные бумаги. Вот заявление, написанное чужой рукой: "Помогите найти чемодан", а ниже — Акгыз сразу же узнала почерк мужа: "Чемодан вручен владельцу" и подпись: "Младший лейтенант милиции Мулкаманов". Какой же все-таки молодец ее Гараоглан! Все-таки выполнил задание! С нежной гордостью Акгыз взглянула на спокойно спящего мужа и впервые подумала: "Нет, он может больше меня". От этого признания ей не стало обидно — хватит и того, что она его жена.

Внимание ее привлекли другие бумаги. Вот эта, с кляксой, написана рукой Гараоглана. Допрошенный человек не признает себя виновным, а между тем Акгыз почти уверена, что виноват именно он. Однако, как говорит Гараоглан, без очевидных доказательств подозреваемый не является преступником и по закону его можно задержать лишь на короткое время. Что ж, Акгыз плохо еще разбирается в делах такого рода, но сердце ее ошибается редко, вот не верит она этому человеку, и все. Вдруг у Акгыз округлились

глаза. Так этого человека зовут Абдурахман Мухамеддурды, уж не Абдыр ли это. Ну, конечно, он. Вот и его подпись. Нет, не зря насторожилось ее сердце. И Акгыз еще раз внимательно прочла объяснение Абдыра начальнику районного отделения милиции.

"Я работаю шофером и показываю чабанам колхоза кино. То есть, я — шофер и одновременно — киномеха-ник. Показав чабанам кино, я уезжаю обратно. Пусть я буду проклят, если говорю неправду и гружу на свой ГАЗ-69 шкуры овец. Сами подумайте, к чему мне высохшая овечья шкура. В нашем ауле Ходжаяб за нее дают полтинник, за белую с длинной шерстью — рубль.

С Акгозелью, женой Реджепа, у меня нет никаких связей. Она только знакомая. Это может подтвердить мой односельчанин, ваш работник милиционер Гараоглан, сын Мулкамана".

Дойдя до этого места, Акгыз нахмурила брови. "Не бери в свидетели моего Гараоглана", — с угрозой прошептала она. Под объяснительной запиской стояла подпись Абдыра и дата "20 марта сего года".

— "Сего года", — презрительно оттопырив губы, произнесла Акгыз. — Все должно быть зафиксировано конкретно и точно. — И успокоилась,

увидев проставленное рукой мужа время — "23 часа 50 минут".

Нет, что ни говори, но и она понемногу начинает разбираться в следственном деле. Хотя, будь ее воля, она сумела бы доказать виновность Абдыра. Кому же неизвестно, что он вор.

К тому, что Гараоглан стал ездить на мотоцикле с желтой коляской, в ауле скоро привыкли. Старикам, пожалуй, даже и нравилось, что на улицах Ходжаяба появился человек, в обязанности которого входило следить за всеобщим спокойствием и порядком. Не могло не нравиться это и председателю Тачсолтан, проживающей с семьей в соседнем ауле Хаузхане. Теперь-то она могла не беспокоиться: уже одна милицейская форма сдерживала иных "балагуров" и предупреждала всевозможные скандалы. Кстати сказать, Гараоглан не стремился без особой необходимости вмешиваться в чужие дела. Он был достаточно скромен, чтобы не превышать своих полномочий, данной ему властью никогда не кичился и не злоупотреблял. Однако его внушительный вид, осанистая фигура, в которой угадывалась недюжинная физическая сила, заставляли кое-кого сникать и отказываться от злостных намерений.

Может, именно поэтому ему и доверяли воз-

главлять на своем мотоцикле свадебные кортежи.

Поля села Ходжаяб просторны и обширны, владения их распространяются до самой Серахской равнины. Нужно обживать и осваивать эти благословенные земли. Но для этого нужны люди. Много людей. Гораздо больше, чем проживает в Ходжаябе. Поэтому ходжаябцы очень любят устраивать свадебные той, которые по своему великолепию превосходят остальные празднества. Пусть молодым на всю жизнь запомнится свадебное пиршество, пусть подрастающие невесты не засиживаются в девках, а стараются побыстрее стреножить себе в мужья добрых молодцев, пусть разрастается, множится Ходжаяб!

Свадебный кортеж украшается разноцветными платками, мужчины наряжаются в шелковые халаты, на головы надевают белые длинношерстные шапки, а женщины — в яркие платья с национальной вышивкой. И вот возглавлять такой поезд люди все чаще и чаще стали доверять Гараоглану. Мотоцикл его с желтой коляской не требовал украшений, а сам он в форме был до того хорош, что во всей округе, пожалуй, нельзя было сыскать мужчину представительнее и достойнее. К тому же, если Гараоглан впереди, то

будет полная гарантия, что лихачи-водители не обгонят свадебный поезд, не нарушат правила движения, а значит, столкновений и аварий не произойдет.

Не было случая, чтобы Гараоглан отказался принять на себя ответственность, попытался переложить ее на кого-то другого. Гараоглан добрыми делами подтверждал полезность своего присутствия на земле. За это почтенные аксакалы называли его сынком, седовласые женщины — ягненком, а молодежь величала его по имени отчеству — Гараоглан Мулкамановичем. Для Акгыз же он был любимым мужем, а для малышки Нураны — милым папой. Находились, конечно, люди, которые называли его просто — милиционер Гара, однако называли так лишь про себя, вслух же обращались иначе.

Вот какой муж был у Акгыз!

Однажды Гараоглан остановился у входной двери магазина. Не спеша сошел с мотоцикла, оправился, затем достал из кожаной сумки типографские листки с крупными черными буквами и наклеил один из них на видном месте.

Тотчас же собралась толпа. Оказывается, органами милиции разыскивался опасный преступник, сбежавший из тюрьмы, и всех людей, а

стало быть и жителей Ходжаяба, тоже призывали к бдительности и к оказанию помощи сотрудникам милиции, если этот преступник, фотография и приметы которого содержались в листке, попадется им на глаза. Такого еще в Ходжаябе не бывало, и ничего удивительного, что у расклеенных Гараогланом листков собирались люди, обсуждающие столь необычное для них событие.

Разговор о сбежавшем преступнике велся в доме Гараоглана. Многое уже узнала Акгыз, но удивление ее не иссякло. К тому же, Гараоглан рассказывал так увлеченно и интересно, что Акгыз порой забывала об остывающем ужине и чае. Да и как было не удивляться тому, что происходило? Но кое с чем она была не согласна. Вот, к примеру, Гараоглан рассказывал о поимке карманного вора. Для этого привлекли даже сотрудников Госбезопасности. Приехали на вокзал. Воры ведь действуют в местах наибольшего скопления людей — на вокзалах, автостанциях, где люди, как правило, спешат и рассеянны вниманием. Этим и пользуются воры. Понятно, в толпе им сподручнее шарить по карманам.

— Ну так вот, — рассказывал Гараоглан, — взяли мы под присмотр указанного нам человека и осторожно последовали за ним.

— За вором? — перебила Акгыз.

— Да.

— А почему вы его сразу же не схватили?

— Дорогая моя Акгыз, сколько раз я говорил тебе, что нужны улики, неопровержимые факты, доказательства. Нет, с твоим нетерпением не смогла бы ты работать в милиции.

Акгыз нахмурилась, а Гараоглан продолжал:

— Слушай дальше. Двинулся он к одиннадцатому вагону, где всегда давка, потому что билеты продают после снятия брони за полчаса до отхода поезда. Протиснулся, подобрался к пожилому человеку и запустил руку в его карман. Там оказалась табакерка для наса. Зачем она вору? Положил обратно, и в другой карман. А там — грязный платок. В общем, ни у него, ни у нас ничего не вышло.

— Почему не взяли?

— Хотели. Так ведь он даже платок обратно в карман засунул.

— Сразу надо было, как только руку запустил.

— Ох, Акгыз, сколько раз тебя учить?..

— Так он что, ушел?

— Конечно, ушел. Нет же оснований для задержания.

— Боже мой, да разве то, что он залез в чужой

карман не основание?

— А как докажешь? Одних глаз мало.

— И он ушел?

Гараоглан снисходительно взглянул на жену.

— Пока ушел, — сказал он, выделяя голосом "пока", но Акгыз это мало утешило: как можно воров отпускать?

Как и во всем мире, в Ходжаябе сменялись времена года, рождались, росли и умирали люди. Время брало и отдавало свое. На глазах Акгыз и Гараоглана вчерашние подростки обзаводились семьями, уходили в армию, уезжали на учебу в разные города и нередко поселялись там навсегда, пуская корни в незнакомую землю. Старшие не стремились насильно удерживать молодежь, понимали, что не всякая судьба обязана вмещаться в аульские рамки и, гордясь успехами своих земляков, только радовались, что ходжаябская поросль цветет и плодоносит, прославляя родное село. Впрочем, Немало молодых оставалось дома, и каждую весну в Ходжаябе справлялось десять свадеб и назначалось столько же новых. Аул расширялся, рос, богател, и если раньше в нем насчитывалось всего двести хозяйств, то теперь было в два раза больше.

Все эти изменения считались в порядке вещей,

и Поэтому Акгыз и Гараоглан, занятые повседневными делами, их почти не замечали. Между тем Акгыз и Гараоглану пошло по сороковому году. На погонах Гараоглана сверкали капитанские звездочки, виски у него слегка серебрились, да и на гладком лице Акгыз появились глубокие морщины, Нурана же превратилась в славную девушку на выданье, и была в свою шестнадцатую весну безоглядно счастлива. Акгыз и Гараоглан души не чаяли в своей единственной дочке, хотя и жалели, что судьба не подарила ей ни сестры, ни брата. Гараоглан ни словом, ни намеком не упрекнул жену, и в доме их по-прежнему царили мир и согласие.

Много радостных событий предвещало недалекое будущее: и получение аттестата зрелости Нураной, и сорокалетия Акгыз и Гараоглана, и двадцатилетие их совместной жизни, но все эти торжественные даты были впереди, а вот очередной праздник Первого мая стоял уже у самого порога.

Как известно, у милиции и в будни забот, к сожалению, больше, чем хотелось бы, а уж про дни праздничные, когда, согласно словам поэта, "веселится и ликует весь народ", и говорить не приходится, забот столько, что порой продохнуть

некогда. Тридцатого апреля Гараоглан весь день провел на ногах. Устал крепко. После дежурства вернулся домой, наскоро перекусил и снова — на службу, теперь уже добровольную, в штаб народной дружны. Гараоглан прибыл вовремя, провел инструктаж, распределил группы по маршрутам и собственноручно повязал на рукава дружинников красные повязки.

— Будьте осторожны, — напутствовал он. — К месту происшествия старайтесь по одному не приближаться. Действуйте по обстоятельствам, но осмотрительно. Иногда сигналы бывают ложными, а иногда нужно действовать, не дожидаясь их. Врываться в квартиры граждан без их вызова запрещено законом, но если услышите крик: "На помощь, помогите!" — тогда другое дело. Особое внимание — кинотеатру, общежитиям и прочим местам наибольшего скопления людей. В двадцать четыре часа — сбор в штабе. И помните: вы сейчас — солдаты, охраняющие покой граждан. Благополучного вам дежурства.

Отправив группы, Гараоглан не стал задерживаться в штабе, где вполне мог управиться дежурный лейтенант. Кивнув ему на прощанье, он оседлал свой мотоцикл и не спеша начал маршрут. Путь его пролегал по давно знакомым

улицам, которые сейчас больше обыкновенного были оживлены. Гараоглан многих узнавал в лицо; со многими здоровался, но достаточно было, и незнакомого приезжего люда, прибывшего на ударную стройку пятилетки со всех концов страны.

Стройка проходила рядом с райцентром, вклиниваясь в него не только людьми, но и новыми зданиями, что само по себе было, конечно, неплохо. Однако определенного рода "строители" порой доставляли милиции немало хлопот, и Гараоглан еще раз мысленно проверял: все ли возможное он предпринял для предупреждения беспорядков.

Между тем наступали сумерки. У пивной редели посетители. Сторож пивного ларька шарил в кустах, разыскивая порожние бутылки. Окна домов озарялись светом. Из колонки, выставленной на подоконник, неслась громкая, шлягерная музыка.

Гараоглан, поставив мотоцикл на свободной от зелени площадке, прошелся меж многоэтажными домами до ближайшего переулка и, остановившись в темноте, окинул взглядом освещенные ряды окон. Заметил: с третьего этажа щелчком выбросили горящую сигарету и она, описав дугу, ударилась, рассыпаясь яркими искрами, об ас-

фальт. "Пожар устроит, безголовый!" — ругнулся про себя капитан. В целом же вокруг было тихо, если не считать, конечно, музыки и танцующих на одном из балконов пар.

В воздухе запахло дождем. Гараоглан встревоженно взглянул на небо. Не хватало еще, чтоб Первомай выдался ненастным, хоть бы во время демонстрации не лило. Однако рваные, серые тучи, медленно наползающие с востока, обещали обратное, и вскоре действительно заморосил дождь. Мелкие, сеющие капли не беспокоили Гараоглана, и он обошел весь квартал. Почему-то вспоминалась прошлая жизнь: Акгыз на хлопковом поле, кинувшая ему в лицо белоснежным мягким цветком. Ничего плохого в его жизни не происходило и все-таки отчего-то было грустно.

Увлеченный воспоминаниями, Гараоглан не замечал, как капли усиливающегося дождя все настойчивее стучат по фуражке. Вдруг ему показалось, что навстречу ему идут Акгыз и Нурана. Он встрепенулся, но напрасно: женщины были чужими и скрылись раньше, чем он к ним приблизился. Впрочем, он уже понял, что обознался.

Подходя к перекрестку, он увидел возле кинотеатра дружинников, но не стал подходить к ним и продолжил свой путь.

Сгущающая темень не мешала мыслям Гараоглана, пожалуй, она даже способствовала им. Он вспомнил о недавно случившейся на его участке краже. Сосед обокрал соседа. Похоже, они дружили, потому что тот, кто обокрал, прекрасно знал, где лежат драгоценности — золотое кольцо и брошка. Впрочем, как показывает практика, жители сел хранят свои ценности, как правило, или среди белья в шкафах, или в сундуках с одеждами, тогда как райцентровские и городские держат украшения в сервантах с посудой, в каком-нибудь сувенирном чайнике или вазочке. Ничего не поделаешь, срабатывает общая привычка. Как бы там ни было, а вор, воспользовавшись отсутствием хозяина, проник в квартиру, погрел на соседском добре руки. Правда, недолго он владел чужим. Понес кольцо к ювелиру, а тот уже был предупрежден. Хозяин-то оказывается записал номера и кольца, и брошки. Вот чего воришка не учел… Но стыд-то какой: соседа, друга обокрасть! Гараоглан даже передернулся от возмущения и неприязни. И когда только кончится воровство?

Время, будто бы разбавленное нудно моросящим дождем, текло как никогда медленно. Не затихали и улицы. То там, то сям слышались звонкие голоса женщин, грубые окрики

пьяных мужчин, какая-то возня, стуки, звяки, неуместные, лишние в этот поздний час и потому раздражительные. Но Гараоглан был рад этим шумам. "Все это ничего, лишь бы не было скандала, драки. Лишь бы благополучно закончить дежурство, заехать в отделение, и домой. Спать. А угром одеть парадную форму и на площадь, запруженную людьми, украшенную цветами, флагами, транспарантами. Завтра — праздник, и хотя особенно тяжелы для милиции праздничные дни, настроение — Гараоглан знал — будет приподнятым. А как же иначе?

Тридцатое апреля, похоже, не спешило слиться с Первомаем. Медленно уходила апрельская ночь, медленно продвигались стрелки часов, но все же подбирались к двенадцати. Еще немного и время начнет работать в пользу Первого мая. Пора в штаб, пора писать рапорт: "За время дежурства никаких происшествий не произошло". Какие отрадные слова! Они, считал Гараоглан, лучшая оценка работы милиционера.

Установившаяся было тишина нарушилась трескучим, захлебывающимся кашлем. "Теперь не даст своим соседям спокойно спать", — подумал Гараоглан, узнав в кашляющем больного старика, на которого вот из-за этого самого

неурочного и неумолчного кашля в отделение поступила одна жалоба. Но что сделаешь, как отреагируешь на нее, чем поможешь. В таких случаях милиция бессильна.

Направляясь к мотоциклу, Гараоглан выбрал самый длинный путь, обходя дом с южной и самой темной стороны, где, едва ли не вплотную, подступали к окнам заросли камыша. С этой стороны было совершенно темно и угнетающе тихо, даже лягушки не квакали. Гараоглан уже достал из сумки фонарик, чтобы посветить под ноги, но вдруг, упреждая едва не вспыхнувший свет, что-то прошумев в воздухе, тяжко упало в камыши. Гараоглан замер. И вновь, и еще раз прошумело в воздухе и рухнуло в камыши. Выждав несколько секунд, Гараоглан шагнул к упавшим предметам и включил фонарик. Коротко вспыхнувшего и разом погасшего луча было достаточно, чтобы определить, что за предметы свалились. Это были свернутые в рулоны огромные туркменские ковры.

Оставалось лишь устроить засаду и дождаться похитителя, как тут тишину ночи прорезал пронзительный детский крик: "...Вай, мамочка, мама!" — сразу же насильственно заглохший.

Гараоглан определил квартиру. Она ему была

знакома. Он даже вспомнил, что ребенок должен быть дома один, поскольку мать работает в ночную смену, а отец в командировке. Неужели соседи девочки не откликнутся на ее смертельный крик? Где же человечность? Разве это дело только милиции?..

Все эти мысли не мешали Гараоглану действовать: ноги несли его к подъезду, а по рации он сообщал предполагаемые координаты места происшествия.

Он не ошибся. Крик, настигший его уже на лестнице, подтвердил правильность его предположения.

Дверь оказалась незапертой. Спеша на помощь ребенку, Гараоглан ворвался в квартиру столь стремительно, что притаившийся за дверью преступник не успел нанести удар, но и Гараоглан не заметил опасности, проскочил вглубь, включая на ходу фонарь и освещая лучом сначала туалетную, а потом и ванную комнату, где и увидел съежившуюся, с кляпом во рту, маленькую светловолосую девочку. Выдернув кляп, он подхватил ее на руки. Девочка дрожала так сильно, что Гараоглан испугался за ее сердце: выдержит ли оно. Капитан дал ей воды и хотел поставить на ноги, но девочка крепко вцепилась в него и не хотела

расставаться со своим спасителем. Успокаивая ребенка, Гараоглан заметил, как девочка показала пальцем в комнату: Гараоглан метнулся туда, но вор выпрыгнул в окно. Возможно, Гараоглан и последовал бы за ним, если бы его не остановил крик девочки. Он оглянулся, и, видя, что ей ничто не угрожает, подбежал к окну, перегнулся через подоконник, вглядываясь в темноту, и тут почувствовал резкий удар чем-то в спину и жгучую боль. Он повернулся и, увидев перед собой смутно белеющее лицо какого-то человека, сильно ударил его. Человек рухнул, как подкошенный, а Гараоглан полез в кобуру, но достать наган не успел, в глазах потемнело, и он упал, придавив своим грузным телом преступника и стараясь удержать его до прихода милиции…

Едва Акгыз закрыла глаза, как ей словно прострелили грудь. Она проснулась. Выстрел из ружья — это сообщение, весть. Так толкуют подобные сны старики. Однако Акгыз не верила в предзнаменования, а грудь болела, будто ее и в самом деле прострелили. Ниоткуда не ждала вести Акгыз, все, кроме Гараоглана, были дома, поэтому первая мысль о нем. Что-то случилось с Гараогланом. Ох, не зря, не зря так сильно шумит в груди. Слышала Акгыз, что любящие друг друга

люди чувствуют, когда один из них попадает в беду. В это она верила — ведь родные… как же иначе-то?

Уснуть уже не смогла. Сидела в постели, смотрела поверх занавески в окно на серое небо, ловила звуки. Время перевалило за полночь. Словно шакал подкрался к курятнику — глухо закричал соседский петух. И опять вспомнились Акгыз стариковские суеверия: доля безвременно закричавшего петуха — это наточенный нож.

Встала. Укрыла безмятежно спавшую Нурану. Постояла у окна, посетовала на дождь, грозивший подпортить праздник. Нет, сердце не успокаивалось, не находило места.

Вдруг поблизости скрипнула тормозами машина. Акгыз приподняла занавеску, рассмотрела милицейский газик. Слава аллаху, вернулся Гараоглан. Но вместо Гараоглана из кабины выпрыгнул другой, и, не замечая смотревшую из окна Акгыз, подбежал к двери и застучал.

Лицо вошедшего ей не понравилось.

— Где Гараоглан? — строго спросила она.

Младший сержант потерянно молчал.

— Где Гараоглан? — крикнула Акгыз, не услышав своего крика, но до жути испугав им младшего сержанта. Он не осмелился сказать правду.

— Он, он просто ранен.

— Горе мне! — вскрикнула Акгыз. — Он умер, умер, умер! — она металась по комнате, выкрикивая эти слова.

Младший сержант думал, что она сошла с ума, и сам, как сумасшедший, все повторял:

— Не умер, живой, живой.

Но его слова не убеждали Акгыз, она им не верила, она их просто не слышала. Наконец, схватив обувь, побежала. Младший сержант и водитель догнали ее, чуть ли не силком уговорили сесть в машину. Тело ее сотрясали рыдания. Но плакала она не одна. По щекам шофера тоже катились слезы, и младший сержант, продолжавший твердить "не умер, живой, живой", — тоже плакал.

Акгыз влетела в больницу, ничего не видя, ничего не помня. Белый халат так и остался в руках медсестры. Возле Гараоглана толпились врачи и ответственные работники милиции. Они расступились. Акгыз упала на колени, обняла и поцеловала Гараоглана в лоб.

— Открой, открой глаза, Гараоглан!

Гараоглан не отвечал, не шевелился. Акгыз оглянулась на людей:

— Что с ним? Кто скажет мне: жив он или мертв?

Полковник вопросительно взглянул на главного врача. Тот отрицательно покачал головой. Акгыз этого не увидела, потому что ей показалось, что Гараоглан шевельнулся. Это было действительно так. Помертвелые губы Гараоглана задергались. Акгыз приподняла его голову. Он открыл глаза. Посмотрел вокруг, на Акгыз и, виновато ей улыбнувшись, скончался.

— Гараоглан! — страшно крикнула Акгыз и, припав к груди бездыханного мужа, забилась в рыданиях.

Глядя на нее, не сдержали слез не только женщины, но и мужчины.

Ходжаяб такой смерти еще не знал. Когда печальная весть черной птицей опустилась у стен аула, люди, не поверив своим ушам, всем миром повалили в дом Гараоглана. Гроб с покойником, прибывший с траурной музыкой из отделения милиции, был уже готов для отправления в последний путь. Вновь щемяще запели духовые трубы, надрывно ударил барабан, торжественно и скорбно зазвенели литавры. Огромная толпа народа двинулась, колыхаясь, за малиновым гробом. Никогда еще в ауле Ходжаяб не хоронили с музыкой, никогда еще не выступали с речами, не проливали одновременно столько слез. Нико-

гда еще жена покойного не сопровождала мужа на кладбище, не бросала на могилу любимого горсти земли. Акгыз и в этом печальном обряде выпала жестокая честь быть первой. Но то ли еще предстояло ей!

Акгыз думала, что без Гараоглана жить не сможет, но, оказывается, смогла — жила. Занималась хозяйством, ходила на работу, заботилась о Нуране, стараясь не обнажать перед дочерью своего безутешного горя, старалась лаской и вниманием заменить ей безвозвратно ушедшего отца.

Так минули третий день, седьмой, сороковой. Каждый день Акгыз приходила на кладбище. Могила Гараоглана выделялась среди других свеже насыпанным холмиком, тщательной ухоженностью. Каждый камешек на могиле Акгыз размельчила и перетерла своими руками, каждую сорную травинку выдернула она, обнесла железной оградой, установила и скамеечку напротив изголовья Гараоглана. И после этого стала бывать на кладбище еще чаще, иногда по два раза на дню. Она понимала, что необходимости в столь частых посещениях нет, тем более, что всякий раз она сильно расстраивалась, но, когда не приходила, расстраивалась еще больше.

Приходя на могилу, Акгыз низко кланялась,

оглаживала холмик руками и говорила: "Здравствуй, мой Гараоглан! Нурана, твои товарищи по работе, односельчане все живы-здоровы. Кланяются тебе".

Она присаживалась на скамеечку и, устремив взгляд вдаль, продолжала: "Все у нас хорошо. Не волнуйся. Спи спокойно". При этих словах на глаза ее набегали слезы, скатывались по щекам, падали на платье. Долго сидела она, задумавшись, вспоминала прожитые с Гараогланом годы, еще недавние счастливые дни. Ей казалось, что все, что она делала для Гараоглана при его жизни, было недостаточным, и теперь она хотела возместить недоданное, хотя и не знала чем и как.

На городском кладбище — она видела — могилы украшали цветами, но на ходжаябском кладбище это было почему-то не принято. Акгыз нарушила установившийся обычай, теперь холмик Гараоглана был усыпан яркими полевыми цветами. Ничего плохого в этом Акгыз не усматривала и на вздорные языки не обращала внимания. Впрочем, приверженцы старых обычаев на этот раз особенно не злословили: что, в самом деле, плохого в цветах.

Акгыз собирала цветы в поле, покупала в районе, а затем, перекопав в своем меллеке часть

клевера, посадила на его месте кусты многолетних роз. Хорошо удобренные, обильно поливаемые кусты очень скоро стали цвести. Первый же букет роз Акгыз отнесла на кладбище, поставила в кувшин с водой у изголовья любимого мужа и растроганным хриплым голосом сказала:

— С твоего собственного меллека, Гараоглан!

Затем она посадила у изголовья и в ногах Гараоглана две чинары. Пусть они покроют его своей листвою, пусть оберегут от холода и жары. Пусть и люди, приходящие на кладбище, найдут приют и отдых под их густыми кронами. И пусть зовет их народ чинарами Гараоглана. Так хотела Акгыз, но несмотря на то, что она каждую неделю привозила на машине фляги с водой, чинары не прижились на суглинистой почве, зачахли. Тогда Акгыз выкопала со своего меллека молодой тутовник и посадила его вместо чинар. Неприхотливый тутовник сразу же пошел в рост. С каждым днем все выше и гуще становились его ветви, и Акгыз любила слушать, как шелестит на ветру его неумолчная листва.

Время залечивает раны, приглушает любую боль. Акгыз постепенно привыкла к своей непоправимой беде, смирилась с ней, сжилась.

Нурана окончила среднюю школу, получила

аттесстат зрелости, и Акгыз поздравила ее от себя и от Гараоглана. "Был бы он жив, — подумала она, — он бы больше меня порадовался этому событию". Она на каждом шагу вспоминала Гараоглана, всегда он был с ней: и дома, и на работе, ни на миг она не разлучалась с ним. Но кто бы знал, как его недоставало!

Нурана не думала об отъезде в далекие края, а сдала свои документы в районное медицинское училище. Не пожелала оставить мать одну. Близкой родни у них не было. Родители Гараоглана и Акгыз давно умерли, и в просторном доме мать и дочь размещались вдвоем. Каково пришлось бы матери, если бы Нурана уехала?

Что и говорить, Акгыз несказанно обрадовалась решению дочери, хотя и опечалилась немного, ибо при жизни Гараоглана мечтали они обучить Нурану тому, чему еще никто в ауле обучен не был. Хотели, чтобы их дочь стала тем специалистом, нужда в котором была в Ходжаябе острой.

Многих специалистов покуда не хватало в Ходжаябе. Гараоглан однажды даже подсчитал сколько и кого не мешало бы иметь. Вот, например, нет у них ихтиолога, чтобы разводить прудовых рыб, нет с высшим образованием лесника, нет юриста, да мало ли еще кого у них нет,

а ведь нужно. Стало быть, необходимо растить свои кадры, а из кого же их растить, как не из молодежи. Ведь авторитет и славу Ходжаяба укреплять им, молодым, вот и хотелось, чтоб и Нурана тоже получила нужную специальность, но… ничего не поделаешь, судьба распорядилась иначе, а впрочем, ничего плохого в том, что в Ходжаябе в скором времени появится еще одна медицинская сестра, тоже не было — аул растет, работа найдется. Только вот милиционера теперь в ауле нет. Кто сможет заменить Гараоглана? Всех он знал, всех видел, каждого готов был понять, каждому готов был помочь.

Не его вина в том, что некоторые трепетали от одного его имени. Истинно добрый человек внушает уважение добрым людям и заставляет бледнеть и меркнуть злых. За годы его деятельности не одни длинные руки были укорочены, не одни горячие головы остужены, не один гуляка приведен в трезвое состояние. Найдутся, конечно, и такие, что упрекнут его, но несопоставимо больше будет тех, кто помянет его добрым словом. Нет, думала Акгыз, некому заменить его.

Размышляя, она достала из шифоньера милицейский плащ Гараоглана, шапку и стала их чистить. В общем-то нужды в чистке особой не

было, и она вскоре повесила вещи обратно. Руки сами собой потянулись к чемодану, лежащему в шкафу, открыли крышку, погладили выстиранную, отутюженную летнюю форму. Почудилось: вот сейчас войдет побритый Гараоглан, сядет завтракать, потом оденет форму и отправится на службу. Чаще всего он ходил в форме, и лишь во время отпуска одевал штатское, повязывал галстук... вот и он висит на вешалке.

Акгыз взяла в руки галстук. Его Гараоглан всегда завязывал сам, да Акгыз и не умела этого делать и научилась.

Она попробовала завязать галстук, но у нее ничего не получилось. "Не умеешь, как я, Акгыз", — словно бы услышала она, и перед глазами, совсем живой, возник ее Гараоглан — рослый, широкоплечий — на каждое плечо можно посадить по человеку, — улыбающийся. Он ласково обнял жену, убрал с ее лица тронутую сединой прядь волос, прошептал на ухо: "Не огорчайся. Мужчина есть мужчина. У него свои дела, у женщины — свои".

"Нет, — по привычке возразила ему Акгыз, — разве я не овладела мототележкой, не стала шофером. Я была тем, кем был и ты. Вот ты был милиционером..." Акгыз запнулась, как неуме-

лый наездник, потому что едва не выпалила: "милиционером буду и я". И неловко стало Акгыз от этих непроизнесенных слов как будто хотела она дать обет, да испугалась, не дала. И показалось ей, что улыбнулся Гараоглан, хотя и понимающе, но с грустинкой. И сильное волнение охватило Акгыз.

Виноградные лозы "Дамский пальчик", три года назад посаженные Гараогланом, дали множество кистей завязи, разрослись во всю беседку, полезли на поблизости растущую сливу, через забор, на улицу. Весенняя пора со всеми своими тайными и явными рождениями, с одуряющим воздухом, с короткими и сильными ливнями как-то разом и вдруг обратилась в жаркое лето. Ходжаябу, окруженному песками и пустынями, лето возвестило о своем приходе начавшимся суховеем. Солнце пекло, палило и жарило день-деньской.

Два месяца прошло со дня гибели Гараоглана. Два месяца не прошли даром и для Акгыз. Верно говорят, беда не красит человека: два месяца избороздили лоб Акгыз продольными морщинами, высушили щеки, набили под потускневшими глазами синеватые мешки. Младший сержант, пригнавший мотоцикл Гараоглана, не сразу узнал Акгыз. Дрожащими руками он передал ей и

некоторые вещи Гараоглана: форменный китель с засохшими пятнами крови, фотографию, на которой смеющийся Гараоглан обнимал жену и дочь. Как ни стискивала зубы Акгыз, подступившее рыдание оказалось сильнее, и горячие слезы безудержно потекли по помертвелому лицу.

Она плохо понимала слова милиционера, но когда он ушел, оставив мотоцикл с желтой коляской перед окном, она вспомнила, что речь шла как раз об этой коляске, которую брался перекрасить младший сержант. Акгыз ему ничего не ответила, но, помнится, подумала: "нет, он не будет перекрашен, браток". Что она подразумевала под этими словами, для Акгыз и самой еще было не вполне ясно, однако скорое решение не замедлило представиться. Акгыз нарезала букет роз, наполнила водой флягу, погрузила ее в коляску, и, усевшись на мотоцикл, рванула с места.

Соседи и прохожие провожали ее с разинутыми ртами. Немало удивлялись они Акгыз, но такого еще не видели. Неслыханная новость.

Акгыз направлялась к кладбищу. На повороте ей встретился грузовик, в кузове которого тряслись женщины и девушки аула.

— Акгыз! — оборвав песню, закричали они, узнав односельчанку. — Акгыз!

Но она не остановилась, а мчалась туда, где за оградой призывно зеленел тутовник.

Она остановила мотоцикл. Положила на могилу цветы, поклонилась. Потом полила дерево. И долго сидела на скамеечке, что-то шепча, о чем-то советуясь, И листья тутовника, шелестя от тихого дуновения ветра, словно отвечали ей от имени Гараоглана: "Спасибо, спасибо!"

Всю ночь боролась Акгыз с нахлынувшими сомнениями, которые то накрывали ее волнами отчаяния, то погружали в зыбкий сон призрачных надежд. Тем не менее утром она была преисполнена решимости.

Когда Акгыз прибыла в районное отделение милиции, там шло совещание, обычная пятиминутка, длившаяся, как правило, около часа.

Акгыз решилась подождать в приемной начальника, где, кроме секретарши, молоденькой девицы с крашеными желтыми волосами, выпуклым лбом и манерно выпяченной грудью, никого не было. Девушка нимало подивила Акгыз. Она одновременно стучала на машинке и смотрелась в зеркало, установленное на подоконнике. Видимо, она допускала ошибки, потому что с укоризной, обращенной к самой себе, покачивала головой. Акгыз, не выдержав, подошла к ее

столику, взяла зеркало и поднесла к ее лицу.

— В одной руке двух арбузов не удержишь, милая. Вот, гляди на себя сколько хочешь.

Девушка не обиделась, наоборот, мило улыбнулась и, взяв из руки Акгыз зеркало, положила его на подоконник.

Машинка заработала веселее и под ее монотонный стук Акгыз забылась в своих неотвязных мыслях.

Совещание вскоре кончилось. Дверь, обитая черным дерматином, открылась. Первым вышел младший сержант, доставивший мотоцикл и вещи Гараоглана. Увидев Акгыз, он запнулся на приветствии, покраснел и виновато опустил глаза. Неловко и даже как будто бы пристыжено вели себя с Акгыз и другие сотрудники. Трудно им было смотреть в глаза жены погибшего товарища. Да и Акгыз, не ожидавшую встретить стольких друзей Гараоглана, расстроили их сочувственные, виноватые взгляды.

Секретарша позвала ее в кабинет. Едва Акгыз переступила порог, начальник, стремительно поднявшись из-за стола, шагнул ей навстречу. Он бережно пожал руку Акгыз, усадил на стул, почтительно склонившись, осведомился о здоровье, о состоянии вообще.

— Ничего, — сказала Акгыз, — все нормально.

— Вы уж нас простите, — оправдывался начальник, — редко навещаем вас, но дел невпроворот.

Начальник отделения, грузный, седой подполковник, был знаком с Акгыз много лет. От Гараоглана она слышала о нем только хорошее, да и люди о нем дурно не отзывались. Знала Акгыз, что через год подполковник собирается на пенсию, и что сердце у него больное, ненадежное. Поэтому она неодобрительно посмотрела на пачку сигарет, за которой привычно потянулся он, и тут, верно, заметив ее взгляд, убрал руку, возможно, посчитав неудобным курить в присутствии женщины. Вместо этого он нажал черную кнопку на краю стола. В двери показалось сияющее лицо секретарши.

— Эмма Васильевна, нельзя ли чайку?

Видимо, чай был приготовлен заранее, так как через минуту секретарша внесла на подносе цветастый чайник с двумя пиалами.

Пока подполковник несколько раз переливал чай из пиалы в чайник и наоборот, Акгыз осмотрелась. На столе не было ничего лишнего: перекидной календарь, служивший так же прибежищем для карандашей и ручек, папка для бумаг, пепельница… Обстановка не при-

влекала роскошью… Вдруг Акгыз вздрогнула. В углублении стены размещался стенд отличников милицейской службы, и оттуда прямо на нее смотрел сдержанно улыбающийся Гараоглан. Его портрет был обвит по краям черным крепом.

Подполковник, подавая пиалу, сказал:

— Вчера вам привезли вещи… что поделаешь, сестра, что поделаешь!..

Агкыз была готова к тому, что речь пойдет о Гараоглане, и поэтому, хотя ее и глубоко тронуло сочувствие этого человека, она не позволила себе расслабиться, да и смотревший на нее с портрета Гараоглан придал ей силы. Она подняла голову и, вспомнив, что Гараоглан называл начальника "Агаевичем", хотела так же обратиться к нему, но побоялась, что подведет голос. Она помедлила секунду и твердо сказала:

— Агабай, одна смерть у человека. Правда, смерть больше приличествует старости, но, как бы ни было тяжело, переносить ее нужно мужественно.

— Верно, Акгыз, верно, — отозвался начальник. — Живые о живом должны думать, — он долил себе в пиалу чая. — А погибшим, как твой муж, — вечный покой и вечная память.

Подполковник замолчал, побарабанил пальца-

ми по столу.

— Да, вот что, — вспомнил он. — Ты, Акгыз, пожалуйста, не обижайся, но мотоцикл нужно перекрасить. Неловко, да и нельзя ездить на милицейском транспорте. Ты хотя и наша, своя, и водительские права у тебя есть, но...

Акгыз жарко вспыхнула, и Агаев запнулся: нелегко смотреть на человека, когда лицо у него горячее огня. Акгыз же догадалась, что не договорил подполковник: "Но ты не милиционер, не работник органов милиции".

Зазвенел телефон. Начальник снял трубку, и Акгыз отвлеклась тем, что принялась рассматривать карту Туркменистана, висевшую на стене. На карту были подробно нанесены не только города, села, но и каналы, мосты, дороги, холмы, минареты. Под ней на широкой подставке располагался макет района и близлежащих сел, среди которых должен был находиться и родной Акгыз аул Ходжаяб.

Едва Акгыз подумала об этом, как начальник громко сказал:

— Какой аул говорите? Ходжаяб? Хорошо, записываю. Что там у вас?

Женщина насторожилась. Голос на том конце провода был сильным, напористым, и Акгыз враз

поняла в чем дело, тогда как для подполковника еще ничего не было ясно.

— Хорошо, пошлем человека, проверим. Однако, мне кажется, не из-за пустяков ли вы тревожите органы? Говорите, это не мелочи? Ну что ж, проверим! — Агаев сердито бросил трубку, раздраженно покачал головой, пояснив Акгыз: — Сестра жалуется на брата.

Акгыз не выдержала.

— Я эту женщину знаю. Непутевая женщина, скандальная. А брат её — человек хороший. Она сама уговорила его переехать к ней, а теперь же и донимает. Никакого серьезного повода нет. Не стоит и ехать.

— Сигнал поступил — надо ехать, — сказал начальник и, нажав кнопку, вызвал секретаршу, отдав ей необходимое поручение. После чего молча взглянул на Акгыз, взглядом давая понять, что готов выслушать ее.

— Я мотоцикл Гараоглана не отдам, — начала Акгыз.

— А никто и не думал забирать, — удивился начальник. — Гараоглан покупал его на свои деньги, значит, он ваш… Речь идет о перекраске.

— Я не так выразилась, простите, товарищ начальник.

— Агабай. Я для тебя Агабай.

— Простите, девушка, у которой одна рука на машинке, другая занята зеркалом, называет вас "товарищем подполковником", милиционеры — товарищем начальником. Мне неудобно обращаться к вам по имени, если можно, я буду звать вас Агабай Агаевич. Вот видите, — без тени улыбки продолжала Акгыз, — у вас как по пословице: "У хорошего парня много имен, но как не назови — все молодцом будет!"

Подполковник засмеялся, сотрясаясь грузным телом, и на миг превратился в того Агабая, который весельем и смехом заражал застолье на свадьбах и тоях. Акгыз, воспользовавшись паузой, отпила глоток остывшего чая и украдкой взглянула на портрет мужа, словно черпая в его взгляде новые силы.

Отсмеявшись, Агаев наполнил пиалу Акгыз и вернулся к прерванному разговору.

— Так что вы хотели сказать, Акгыз?

— Я говорю, дело не в мотоцикле. Железо всегда найдется, человека невозможно найти. За мотоциклом был человек... Гараоглан был.

Агаев, очевидно, не понимал, что стояло за словами Акгыз, и это непонимание его слегка раздражало. На службе он привык к ясности, к

экономии времени, к конкретности в решениях различных вопросов. К чему разводить туманы, ходить вокруг да около? Если каждый посетитель будет говорить загадками, то когда же делом заниматься? Только из уважения к Акгыз, к памяти ее погибшего мужа, своего товарища, он готов был продолжать этот затянувшийся разговор.

— Акгыз, — сказал он как можно мягче, — не волнуйся, скажи, что тебя тревожит?

И опять Акгыз начала издалека.

— Есть пословица: "То, что доступно одному человеку, доступно и другому". Когда-то Гараоглан поддразнивал меня тем, что я, женщина, не смогу сделать то, что сделает он. Я обещала ему не отставать от него, и при его жизни держала свое слово. Работала и на тележке, и шофером. Теперь его нет, и я хочу занять его место. Я знаю, многие женщины служат в милиции. Думаю, и на меня подыщется милицейская форма, или вам не нужна женщина-милиционер?

Все, что скопилось на душе, выложила Акгыз, и теперь стойко ждала решения, готовая к отказу, но не к отступлению от своих намерений.

Начальник милиции призадумался. Крупные руки его лежали на столе, голова была опущена, и средь седых волос отчетливо проглядывала

плешь. Много сложных, хитросплетенных дел пришлось ему распутывать на своем веку, а вот предложение Акгыз поставило его в тупик. Похоже, ни "да", ни "нет" не мог сказать сразу. Он поднялся, вышел из-за стола, прошелся по кабинету, вновь сел на свое место, побарабанил пальцами по столу, что-то пробурчал себе под нос и, наконец, с видимой неохотой проговорил:

— Люди нужны. Не хватает людей. Нашему отделению срочно нужны два милиционера.

"Что же раздумывать, — чуть было не вырвалось у Акгыз, — если нужны — бери тогда", — но она промолчала, помня правило: с мудрыми людьми спешить не нужно.

Подполковник вызвал секретаршу.

— Инспектора по работе с кадрами. Срочно.

Эмма Васильевна бочком выскользнула в дверь.

Через минуту пришел молоденький старший лейтенант, над верхней губой которого светилась полоска — все, что осталось от недавно сбритых усов. Атаев, не называя фамилии Акгыз, изложил суть дела. Инспектор слушал внимательно, краем глаз изучая Акгыз и, насколько она могла судить, видно, был от ее кандидатуры не в особом восторге.

Когда Агаев смолк, инспектор выдержал приличествующую паузу, прокашлялся и встал.

— Можно говорить сидя, — разрешил начальник.

Инспектор сел, провел рукой по былым усам, еще раз кашлянул и обратился к Акгыз:

— Ваше образование?

— Среднее.

— Ваша профессия?

Агаев нарочито кашлянул, предостерегая молодого инспектора от неверно взятого тона, но тот не обратил внимания, разглядывая Акгыз, как неожиданное развлечение. Акгыз решила проучить его.

— Моя профессия, братишка, — шопур.

Глаза старшего лейтенанта округлились.

— Вы — шофер?

Акгыз солидно подтвердила:

— Шопур.

— И какую же машину водите?

— Какая попадет. В сельской местности разбираться не приходится, что дают, на том и езжу. Одним словом — шопур.

— Надо говорить шофер, а не шопур, — поправил инспектор и, вероятно, не вполне доверясь словам Акгыз, обратился к подполковнику: — Хо-

рошо, что среди наших женщин есть шоферы.

Акгыз мгновенно дополнила:

— Среди туркменок будут и милиционеры.

Лейтенант глянул на нее сердито. Ему не понравился ее вызывающий тон. Глаза его сузились, черные-брови сошлись на переносице.

— Сколько вам лет, уважаемая. Видимо, около пятидесяти?

— Мне идет сороковой, — с невольной обидой ответила Акгыз. Крылья ее носа гневно задрожали.

— И сорок для службы поздновато. И потом, — старший лейтенант старался быть убийственно вежливым, — вы, может быть, не знаете, но на нашей службе иногда, и довольно часто, приходится проводить сутки на ногах, без сна, без пищи. Не трудно ли вам будет?

— Нет.

Старший лейтенант, удивившись ледяной твердости тона, слегка растерялся и в замешательстве глянул на Агаева, как бы призывая его на помощь. Подполковник, кашлянув, пояснил:

— Я не ввел вас в курс, но дело в том, что эта женщина — жена капитана Гараоглана Мулкаманова.

Красные пятна пошли по лицу старшего лей-

тенанта. Взгляд его метнулся к стене, где под портретом Дзержинского висели фотографии отличников службы, и среди них фото Гараоглана Мулкаманова. Однако старший лейтенант, видно, принадлежал к числу тех людей, которых отличает упорство, если не упрямство, потому что, взглянув на Акгыз, он тихо сказал:

— Это обстоятельство не меняет сути дела.

Возникла продолжительная пауза, прервать которую решился сам подполковник.

— В словах старшего лейтенанта есть резон, Акгыз. Профессия наша трудна и надо крепко подумать, прежде чем… — он встретился с горящим взглядом Акгыз, — …мы понимаем все. Тебе хочется продолжить дело Гараоглана, однако пойми и нас, наши сомнения…

Договорить ему не дали. Дверь распахнулась и, вталкиваемый милиционером, в кабинет ввалился безобразно пьяный мужик с кровоподтеками на лице. Он едва держался на ногах и, наверное, свалился бы, если бы милиционер не подхватил его.

— Что делать, товарищ начальник? — возбужденно спросил он. — Видите, нализался, как свинья, а документов никаких нет.

— Не оставлять же его в таком виде на улице, —

сказал Агаев, — веди в вытрезвитель.

Милиционер поволок пьяного назад.

— Вот видишь, — обратился Агаев, — с какими элементами нам приходится иметь дело. А ведь это мелочи. Есть обязанности потруднее.

Акгыз заерзала на стуле.

— Я жена милиционера, — стояла на своем, — и хотя сама в органах не работала, кое-что, спасибо Гараоглану, знаю, помимо кастрюль и тарелок. Вы не бойтесь, если не смогу, я вас мучить не буду, уйду сама, за это я ручаюсь. Но, товарищ Агаев, товарищ старший лейтенант, — Акгыз поочередно обвела взглядом обоих, — я одного не понимаю. Вот этого пьяного зачем сюда приводили? Неужели нельзя было его сразу в вытрезвитель спровадить? По-моему, такие вопросы нужно решать на месте, самостоятельно, не беспокоя понапрасну старших товарищей.

Старший лейтенант с удивлением слушал толковую, связную речь женщины, всего лишь несколько минут тому назад говорившую "шопур". До него дошло, что она его разыграла, и ему стало стыдно за свою оплошность и за свой тон. "Нельзя о незнакомом человеке судить поспешно", — оговорил он себя.

Акгыз тем временем горячо продолжала:

— Я живу в сельской местности. Как пять своих пальцев знаю свой аул, односельчан. Ходжаяб сейчас насчитывает больше чем четыреста хозяйств, население приблизилось к двум тысячам, если считать с присоединившимися к Ходжаябу аулами Муджевур, Ынкылаб. Так вот, — Акгыз отхлебнула из пиалы чай и жестом предупредила Агаева, вознамерившего долить ей чаю, — на участке с двумя тысячами людей нет ни одного милиционера. В одном ауле два председателя колхоза, множество их заместителей, бригадиров, помощников, и — ни одного милиционера.

Атаев не предполагал, что Акгыз поставит вопрос столь серьезно. Она казалась ему обыкновенной женщиной, мысли и желания которой не вылетают надолго из круга домашних забот. Теперь же он слушал ее с вниманием, да и старший лейтенант, забывшись, согласно кивал головою и шевелил губами, вторя словам Акгыз.

— Гараоглан как-то подсчитал, что в селе существует около пятнадцати общественных организаций. Каких только нет: и книголюбы, и ОСВОД, и общественное страхование, и общество санитарно-гигиеническое, и театральное… Ай, одним словом, много. Я не предлагаю уменьшить их количество, однако почему у такого огромного

села нет своего милиционера? Есть ли пожарная команда? Есть. Родильный дом есть? Есть. А почему нет участкового милиционера?

Ответ на свой вопрос Акгыз не получила, так как вновь открылась дверь и в кабинет вошел с докладом милиционер, которого Агаев посылал в аул Ходжаяб разобраться с делом.

Как и предполагала Акгыз, ничего серьезного там не случилось. Оказывается, живущий по соседству с Гурбангозель Гурбанкулыевой ее брат Дурды вчера отмечал свой день рождения. У него кончилась зелень, и он, пройдя по меллеку сестры, сорвал пучок зеленого лука и кочан капусты. Из-за этого и разгорелся сыр-бор.

— Гурбангозель обозвала брата вором, схватила за грудки, обливала при всем народе грязью, а потом сама же сообщила нам. Я собрал показания свидетелей-соседей: Чарыгельды, сына Дортгулы, Сахы, сына Голекберди, а самого Дурды, сына Мираса, на всякий случай, доставил в отделение.

— Что?! — Агаев не знал смеяться или плакать. — Немедленно извинитесь перед задержанным и доставьте его домой. О, боже! Что за человек, из-за пучка лука и кочана капусты на родного брата заявляет.

— Вот, Агабай, где нужен участковый инспек-

тор, — вклинилась Акгыз. — Ведь я говорила, что Гурбангозель скандалистка, что сигнал этот пустой. Но вернемся к прежнему разговору. В селе имеются полевые станы. Сколько бригад — столько же станов. На каждом есть свой сторож. Разве нужно столько сторожей? Один охраняет люцерну, другой — кукурузу. Каждый получает зарплату. Не говоря уже о сторожах в магазинах, гаражах и прочих учреждениях. Да что говорить: если оставляют пару поломанных тракторов, то там выставляют охрану. Счету этим сторожам нет, и дела у них нет. Если бы зависело от меня, я бы сократила часть этих сторожей и открыла бы в Ходжаябе милицейский пост. Я это говорю не потому, что имею в виду себя. Я думаю не о себе, а о пользе общего дела.

Акгыз смутилась и умолкла. Мужчины помолчали, не находя сразу нужных слов. Затем Агаев крякнул и признал:

— Акгыз, ты права.

Тотчас же от слов перешел к действиям. По телефону связался с высшими должностными лицами, изложил суть вопроса, заострил внимание.

В село Акгыз возвращалась как на крыльях. Начало было положено и оно сулило удачу. На

Агаева можно было положиться. Этот дела не оставит. И впрямь: не прошло и двух недель, как вопрос с открытием милицейского пункта в ауле Ходжаяб был решен положительно, и первым участковым инспектором была назначена жена геройски погибшего капитана милиции Гараоглана Мулкаманова — Акгыз Мулкаманова!

В любом деле важны первые шаги. Но первые шаги не только самые важные, они — самые трудные. Акгыз было нелегко создавать в Ходжаябе милицейский пункт. Опыта у нее, естественно, никакого не было и посоветоваться тоже было не с кем. Вся ее организация состояла из одного человека, и этим человеком была сама она — и руководитель, и исполнитель в одном лице. Однако Акгыз не унывала: дело есть дело, и если о нем только говорить да охать, с места оно не сдвинется.

Прежде всего Акгыз "выбила" помещение, отдельный дом, в котором размещалась библиотека, хотя ее давно уже следовало перевести в клуб, что с помощью Акгыз и было сделано. Помещение не отличалось добротностью, но Акгыз сумела организовать ремонт, в котором приняла самое деятельное участие. Подновленный дом привлекал внимание не только внешним видом,

но и вывеской, где синим по белому было выведено "Милиция". Напротив двери всегда теперь стоял мотоцикл с коляской. Правда, первое время мотоцикл частенько отсутствовал, ибо участковый инспектор уезжал на нем в район на курсы повышения, лучше сказать, освоения квалификации. Памятку с обязанностями участкового инспектора Акгыз положила под стекло на столе в своем кабинете, и точно такую же, только с увеличенным шрифтом прикрепила к стене под маленьким портретом Дзержинского, который когда-то стоял на столе Гараоглана.

Следующий шаг Акгыз ознаменовался проводкой телефона, и в это же время в книге учета жалоб и нарушений появилась первая запись. Этой чести удостоилась все та же неуемная Гурбангозель, опять пришедшая с жалобой на своего брата. Акгыз сдержала свое сердце, невозмутимо выслушала жалобу, невозмутимо занесла ее в книгу, но затем дала волю гневу, устроила Гурбангозель такую взбучку, что та пожалела о своем приходе. Напоследок Акгыз сказала, что если она и впредь будет мутить воду, чинить дрязги и склоки, она найдет способ поговорить с ней по-другому. Эти слова, как если бы за ними скрывались могущественные силы, нешуточно

испугали спесивую Гурбангозель. Гонор с нее слетел, но хитрости, пожалуй, не убавилось. Она тотчас же притворилась больной и ушла из милиции, еле волоча ноги, хотя обычно ходила так стремительно, что платок на голове трепетал. По пути к дому она останавливала каждого встречного и, прикрывая ладошкой рот, озираясь по сторонам, шептала:

— Слушайте, оказывается у Акгыз сильные покровители, большая власть, — и многозначительно кивала головой.

Милицейская форма хорошо сидела на в меру полной, еще вполне сохранившей стройность Акгыз. По утрам, оглядывая себя в зеркало, Акгыз думала: видел бы меня Гараоглан, и ей представлялось, как идут они, оба в парадной милицейской форме по ходжаябским улицам. Вот было бы славно.

В отделении ей выдали переносную рацию, обеспечив тем самым постоянную связь с районом. Первой увидела черную коробочку с антенной опять-таки пронырливая Гурбангозель. Заискивающе она приблизилась к Акгыз и только успела поинтересоваться незнакомым предметом, как рация зашипела и заговорила. Услышав же ответы Акгыз, Гурбангозель настоль-

ко удивилась, что, забыв закрыть рот, полетела на своих длинных ногах по всему аулу, разнося самую поразительную, самую свежую новость.

Акгыз оказалась права: организация в ауле милицейского участка избавила районное отделение от жалоб и заявлений ходжаябцев. С этого дня не было ни одного дела, которое, миновав Акгыз, направилось бы в район. Акгыз твердо, но неназойливо входила в общественную жизнь аула, привыкая к новым обязанностям сама и приучая к ним односельчан.

Так миновал июнь и пришел июль, самый сухой и знойный месяц в Туркмении.

В раскаленных песках Ходжаяба можно было печь яйца. Жаркий воздух приходил в движение только от еще более знойного суховея. Все усиливающаяся жара сушила саксаулы, солянки и спрятавшиеся в их жидкой тени травы. Дополнительного полива требовали хлопковые поля. Жара не щадила никого. От жгучего ветра трескались губы, пересыхало горло. Пожилые люди спасались от губительной жары крепким зеленым чаем, молодежь и дети по целым дням сидели в арыке Айлама, протекавшем по северной стороне аула.

Вот и сегодня палило уже с утра. Покончив с

делами, Акгыз завела мотоцикл, надела шлем и помчалась к Айламу. Ее встретил разноголосый гвалт купающихся детей. Увидев подъехавшего участкового, дети притихли, но Акгыз не стала им мешать, проехала дальше, до мелководного брода и, оставив мотоцикл, пошла пешком. В глаза ей сверкнули осколки битых бутылок. Подумав, что дети могут пораниться, Акгыз собрала осколки и закопала их глубоко в песок.

У кустов верблюжьей колючки села отдохнуть. В нос ударил запах свежей колючки. В последнее время старики пристрастились собирать цветы, стручки ее. Высушив, они заваривали чай. Говорят, это питье способствует пищеварению.

Безлюдный берег настроил Акгыз на далекие воспоминания. Дедушка Гараоглана умел выделывать кенаф, а из него сплетал крепкие веревки. А дедушка Акгыз добывал из кремня огонь, обеспечивал дома теплом, светом. Гараоглан тоже был полезным людям, да и она, Акгыз, не хочет жить зря. Многое еще у нее впереди.

Издалека донесся шум плескавшихся в воде детишек. Акгыз очнулась от своих мыслей. Разделась, влезла в прохладную воду. Длинные косы, как гибкие змеи, извивались за ее спиной. Вода приятно ласкала тело. Ширина арыка была мет-

ров пять-шесть, и Акгыз с удовольствием плавала от одного берега к другому. Она вспомнила, как купалась здесь с Гараогланом, как он подплывал к ней под водой, шумно выныривал и обнимал своими сильными руками. Как недавно это было, и вот все так же бежит Айлам, а Гараоглана нет и некому обнять ее.

Слезы набежали на глаза Акгыз, и она окунула лицо в прохладную воду. Нет, не только светлые воспоминания пробуждает Айлам. Сын соседки Джумаш, родившийся после трех дочерей, утонул в этом арыке. Мать привела его, двухлетнего, с собой, стала полоскать белье, чуть забылась и…

Близился полуденный жар, самое нестерпимое время. От долгого сидения в воде у детишек облупились носы, потрескались губы. К мотоциклу невозможно было притронуться. Черпая пригоршнями, Акгыз облила его водой, села за руль и по узкой тропинке помчалась к пшеничному полю.

Грузные колосья чудом держались на высохших стеблях. Было время косовицы, но в полуденный жар в поле не было видно ни единой души. То там, то сям виднелись бездвижные комбайны, трактора, механизаторы, наверно, отдыхали где-нибудь в тени.

Впрочем, по дальнему краю поля что-то двигалось, и через несколько минут Акгыз различила человека, суетно погонявшего чем-то навьюченного ишака. Человек бежал трусцой, и Акгыз вскоре настигла его, хотя правда и то, что свернуть или скрыться ему было некуда — всюду стеноп стояла пшеница.

Акгыз, вырулив, остановила мотоцикл перед ишаком, и оказалась лицом к лицу с его владельцем. Им был аульчанин Ата, известный под прозвищем Заика.

Вислоухий ишак, как только остановился, потянулся мордой к тому вьюку, где вперемешку с травой была пшеница, причем последней было намного больше.

— Что везешь? — спросила Акгыз. Ей уже все было ясно.

— Пу… пу… пучок травы, — заикаясь сильнее обычного, ответил переменившийся в лице Ата.

— Лучше скажи — вьюк пшеницы.

— Откуда пшеница, может, случайно попала? — стал спорить Ата.

— Ладно, допустим, трава. А зачем траву воруешь?

— Что же, по-твоему, я своих коров песком должен кормить?

— Ну, если бы коров кормили песком, то ты и песок бы стал воровать, но дело в другом: что ж, по-твоему, если в колхозе упразднили сторожей, то и средь бела дня воровством можно заниматься?

Ата-Заика, сбитый с толку миролюбивым тоном Акгыз, попробовал случившееся свести к шутке.

— Ладно, женщина, в другой раз ночью буду ездить. Глядишь, и ты сговорчивее станешь.

Он весело рассмеялся своей, видно, показавшейся ему весьма удачной шутке.

Акгыз поняла, что препирательства на дороге ни к чему не приведут. Она подождала, пока он кончит смеяться, и сказала:

— Пойдем в контору!

Ата испугался. И признака веселья не осталось на его лице, напротив — появилось умоляющее выражение.

— Женщина, неужели из-за кучки травы ты опозоришь меня перед народом?

— Дорогой Ата, — сказала Акгыз, — если ты возишь пшеницу на ишаке, то найдутся люди, которые будут возить машинами. Раз украл, значит — отвечай. И не перечь мне, иначе дело добром не кончится. А насчет позора, так ты унизился уже тогда, когда общественную пшеницу для себя

стал косить. Погоняй ишака.

Акгыз умышленно провела Ата по главной улице. Пусть как можно больше людей увидят, чем чревато подобное посягательство на колхозное добро. Задумке Акгыз помог ишак, заоравший вдруг на весь аул. Его рев подхватили другие ишаки, и на этот шум к конторе колхоза прибежало множество народа, не говоря уже о конторских служащих.

Председатель колхоза одобрила действия участкового. Она тоже считала, что случай с Ата послужит уроком для других. Незадачливого несуна оштрафовали.

Но тем дело не кончилось. Руководство колхоза, приняв во внимание заверения Ата, что к хищению пшеницы его побудило отсутствие корма для скота, этим же вечером направило в его двор машину с травой. Пришлось Ата-Заике внести в колхозную кассу деньги за траву, бензин и за услугу. Председатель колхоза, выступив по радио, сообщила всем колхозникам, что нуждающиеся в корме для скота должны обращаться в правление, за плату колхоз готов оказывать помощь. Говорила по радио и Акгыз. Она предупредила об ответственности и, приведя в пример проступок Ата, сказала, что впредь к подобным нарушите-

лям будут приниматься еще более строгие меры воздействия.

Случай с Ата-Заикой стал широко известен всем ходжаябцам, и, хотя за пределы аула не вышел, упрочил положение Акгыз. С этого дня мало было в ауле вопросов, в разрешении которых не принимал бы участия участковый инспектор. До всего было дело Акгыз.

Солнце клонилось к закату. Медленно оседала просвечиваемая рдяными лучами уходящего светила густая пыль, поднятая разошедшимся по дворам стадом. В душном еще воздухе уже предчувствовалась близкая ночная свежесть. Из дворов слышалось пение подойников, о днища которых били упругие струи молока, молодицы разводили огонь в тамдырах, в загонах резвились непоседливые козлята, пожилые немощные люди поднимались со своих лежаков и выползали на улицу подышать вечерней прохладой. Наступал час заслуженного отдыха после долгого трудового дня.

Акгыз уже давно перестала делить время на свободное и рабочее. Разные неотложные дела призывали ее в любое время дня и ночи. Вот и сейчас, вместо того, чтобы сидеть за пиалой с чаем, она увеличивала газ и, прибавляя скорость,

мчалась, оставляя позади белый дымок, к броду Айлама, к тому самому месту, где ею были обнаружены битые бутылки. На этот раз она заглушила мотоцикл, не доехав до мелководья, и крадучись, таясь за кустарниками, двинулась вперед.

Вскоре ей открылась довольно-таки неприглядная картина. Трое полуголых парней, лежа на песке вокруг расстеленной газеты, заставленной закусками и бутылками, предавались, так сказать, вечерней трапезе. Без спиртного им, наверное, ужинать было скучно, но и пить просто так не хотелось, поэтому они затеяли забаву. Порожнюю бутылку втыкали горлышком в песок, отходили метров на десять за черту, и старались с трех попыток поразить бутылку камнями. Промахнувшиеся должны были пить. Очевидно, один такой раунд уже состоялся, и толстый парень с отвислым животом, протягивая стакан своему длинноволосому напарнику, говорил:

— Проиграл — пей!

Длинноволосый не заставил себя упрашивать, лихо опрокинул в рот стакан.

Третий, с усами и жидкой бороденкой, спросил:

— Опять проигравший будет пить?

Толстяк наполнил доверху стакан, накрыл его

куском хлеба и сквозь зубы сказал:

— Будет пить.

Все трое поднялись, запаслись камнями и, подойдя к черте, остановились. Толстяк, колыхая животом, установил очередную бутылку и вернулся за черту.

— Ты первый, усы, — обратился он к бородатому.

Тот пожал плечами и, почти не целясь, выпустил один за другим три камня. Все три пролетели над бутылкой. Длинноволосый захлопал в ладоши, захохотал.

— Тебе пить, тебе.

Следующая очередь была толстяка. Он долго целился, примерялся, но цели не достиг, бутылка осталась невредимой. И опять длинноволосый засмеялся, захлопал в ладоши и закричал:

— Пить, пить!

Подобрав камни, он шагнул к черте. Уже первый бросок едва не достиг цели. Второй камень чиркнул по бутылке, но не разбил. Зато третий вдребезги разнес ее. Длинноволосый от радости завертелся на одной ноге. В эту же минуту из своего укрытия выскочила Акгыз. Парни бросились врассыпную: бородатый в воду, длинноволосый прямо на разбитые бутылки, а толстяк, метнув-

шись туда-сюда, остался на месте, явно стесняясь своей обнаженности. Вскрик раздался со стороны длинноволосого. Он опять скакал на одной ноге, но теперь уже не от радости, а от боли. Из подхваченной руками ноги шла кровь.

Акгыз приказала бородачу, сидевшему в арыке:

— Вылезай и принеси из коляски мотоцикла, вон там в камышах, санитарную аптечку.

Бородач вылез, смущенно натянул брюки и побежал к указанному месту. Толстяк тоже решил одеться. Отряхнув песок, он, кряхтя и отворачиваясь, влез в свои штаны.

Подойдя к длинноволосому, сидящему на песке неподалеку от осколков, Акгыз, разглядывая его рану, сказала:

— Что заслужил, то и получил. Так всегда бывает. — Ведь они тоже бросали камнями, однако их ноги целы, — попытался пошутить пострадавший.

— Это до поры до времени, — сказала Акгыз, принимая из рук вернувшего бородача аптечку.

Она заставила пострадавшего промыть рану, обезвредила ее йодом, умело перевязала бинтом.

Парни чувствовали себя виноватыми, и раскаяние их было искренним, но Акгыз все-таки

предупредила:

— Вы, по-видимому, неплохие ребята, но не понимаете простых вещей. Мало того, что пьете, да еще к тому же и безобразничаете, бьете бутылки, отлично зная, что в этом месте бывают дети. Придется вас проучить, скажу родителям, чтобы, как маленьких, не выпускали вас из дома без присмотра.

Съежившиеся ребята насильно улыбнулись.

— Да мы просто поиграть, скучно.

— И не впервые, — сказала Акгыз. — Я уже однажды убирала за вами осколки. Теперь вы это сделаете сами. Конечно, помощью милиции это не назовешь, хотя вы вполне могли бы помогать мне. Ведь соблюдение дисциплины и порядка — долг каждого из нас. Как вы считаете?

Парни неуверенно пожали плечами и принялись собирать осколки. Сказать им было нечего. Они помнили Гараоглана, не раз вытиравшего им носы в детстве, знали и Акгыз, не сделавшую им ничего плохого. Но оказывать помощь милиции? — об этом они не помышляли. Однако Акгыз не думала отступать. Ее уже давно заботило одно дело, решить которое без помощников не мыслилось. Случаи ей показался подходящим.

— Ребята! — сказала она, — вообще-то у меня к

вам просьба, да не знаю, стоит ли обращаться.

— Говори, — воскликнули парни одновременно. — Раз замахнулась, нужно рубить.

— Вообще-то это дело касается меня, то есть моего служебного долга, но, если вы поможете, будет неплохо. Знаете Абдыра? Он и шофер, и кино-механик. Очень много сигналов поступает на него, а уличить его не можем. Ускользает, черт его побери. Что вы молчите? Или вы хорошо с ним знакомы?

Парни находились в полном замешательстве. Ясно было: им не хотелось вмешиваться в подобные дела. Спустя минуту толстяк так и заявил:

— Это не наше дело.

Его приятели неуверенно отмолчались.

— Так, — сказала Акгыз, — моя хата с краю, знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. Позиция ваша не нова, а зло тем временем процветает. Конечно же, у меня всего два глаза, за всем не уследишь. Но запомните, если вы не поможете искоренить зло, то кто поможет?! Милиция без вас обойдется, вы без милиции — нет. Борьба с нечестностью — дело всех нас, общее дело. Вот ты, — указала Акгыз на толстяка, — конторский служащий. Ухватишь ли ты вора за руку? А ты, — она обратилась к длинноволосому, — кладовщик.

Неужели ты будешь молчать, если понесут тайком твой товар? Неужели закроешь глаза, промолчишь, отпустишь вора подобру-поздорову? А о тебе и говорить нечего, ты — учитель. Твоя прямая обязанность сеять в сердцах учеников зерна добра, предупреждать их неверные шаги. Так разве вы не должны содействовать милиции? Почему я одна должна выводить мошенников на чистую воду? Безусловно, я и одна доберусь до Абдыра, но времени на это уйдет больше., Вы же самоустраняясь, только не называйте себя честными людьми. Вот в этом арыке течет чистая проточная вода, если кто-нибудь будет лить у ее истока нефть, то вода окажется непригодной для питья. Наша жизнь — тоже река и в нее выливают немало грязи. Почему я одна должна заботиться об ее очищении, разве вам приятно пить замутненную водицу? Почему нельзя соединить усилия, и всем миром обрушиться на тех, кто мешает жить честно и добро?

Акгыз, не скрывая своего возмущения, ушла, а парни еще долго после того, как отдалился и затих треск ее мотоцикла, стояли друг против друга не в силах поднять глаза и встретиться взглядами. Каждый из них думал о словах Акгыз, примеривал их к себе и внутренне с ними

соглашался.

Акгыз была недовольна собой. Вместо того, чтобы склонить парней на свою сторону, обругала их, упрекнула в нечестности. Не пыталась ли она невольно переложить груз своих обязанностей на чужие плечи? Да нет, разве у них не общая цель, не общая задача? А раз так, то и бороться следует вместе. Такие, как Абдыр — одиночки и, если бы не глубоко распространившаяся снисходительность к их темным делишкам, то давно бы уже не было любителей ловить рыбешку в мутной воде.

Впрочем, фактов против Абдыра у Акгыз не имелось. Слухов до нее доходило множество, но слухи, как говорится, к делу не пришьешь. В сущности, Акгыз не имела права делиться своими подозрениями с посторонними людьми. Опорочить человека легко, и Акгыз, хотя и не верила в честность Абдыра, осудила себя: без фактов и доказательств не годится действовать, иначе, чем она отличается от досужих сплетниц.

Осудив себя, Акгыз подумала, что ее неприязнь к Абдыру, проявившаяся много лет назад, хотя и утихла, но совсем не исчезла, и потому дала себе слово не поддаваться голосу сердца, а поступать согласно фактам, исключая до их поступления любые нелицеприятные мнения об Абдыре.

Перед аулом мотоцикл неожиданно заглох. Акгыз, подумав, что засорился бензопровод, полезла за сумкой с инструментом, чтобы отвернуть штуцер и насосом продуть систему. В это время рядом тормознул, подняв клубы нахлынувшей пыли, замызганный ГАЗ-69. Дверца распахнулась, и на землю выпрыгнул загорелый дочерна Абдыр. Облизывая обветренные губы, он шагнул к Акгыз.

— Помощь не требуется, мисс?

— Нет, — ответила Акгыз, подумав про себя: "Вот уж действительно: про волка речь, а он тебе навстречу".

— Оказывается, — и милицейская техника подводит, а?

Абдыр обошел мотоцикл и, облокотясь на люльку, дохнул на Акгыз запахом наса и табака. Она поморщилась, но ответила приветливо:

— Что делать, Абдыр. Бывает, что и люди подводят.

— Ты говоришь о себе или обо мне?

Акгыз поняла, что несколько переборщила с приветливостью. У Абдыра совсем недавно умерла при родах жена. У Акгыз погиб муж. Судьба круто обошлась с ними. Правда, по рассказам женщин аула, смерть жены была накаркана самим Абдыром, который, если слышал, что у ко-

го-то умерла жена, непременно шутил: "Надо же, у людей и это получается". Возможно, и впрямь Абдыр нёс наказание за свой глупый язык, но Акгыз не хотела объединять даже на минуту себя с ним.

Забыв о наказах самой себе, она повернулась к Абдыру и высказала ему прямо в лицо:

— Потому, что ты сам убил свою жену.

Абдыр побледнел, отшатнулся.

— О чем ты говоришь, Акгыз?

— Разве не правда? В твоем доме бедняжка света белого не взвидела. Одни издевательства, одни упреки. Она, когда и жива была, ходила как мертвая, измученная, обессиленная. Вот и не выдержала, бедная.

Абдыр почесал свои жидкие волосы.

— Давай, Акгыз, не будем вспоминать прошлое. К несчастью, смерть невозможно предотвратить руками или деньгами.

Акгыз опомнилась, взяла себя в руки.

— Вай, впервые в жизни умное слово молвил.

Её слова приободрили Абдыра.

— Но есть вещи, — сказал он, — которые зависят только от нас.

— Что это за вещи? — Акгыз вытерла ветошью руки, взглянула на Абдыра.

Рот его искривился. С усилием над собой Абдыр продолжил:

— Что нам ходить вдовыми. Нам по сорок лет. Когда ты была девушкой, мне ты не досталась, а я так хотел взять тебя за руку, обнять… Давай теперь…

Акгыз зажала уши руками. Вроде ничего плохого не говорил Абдыр, но его слова больно отдавались в сердце, не хотелось их слышать, как будто не имел Абдыр права говорить ей о своей любви. Не желая обидеть его, Акгыз тихо произнесла:

— Разве тебе не известно, что я в браке?

— С кем?

— С Гараогланом.

— Тьфу! — Абдыр в сердцах плюнул.

Акгыз едва не возмутилась, но, усилием воли сдержав себя, заговорила с полной серьезностью:

— Я была верна ему при его жизни, останусь верна и после его смерти. Я даже думать ни о ком другом не могу. Мой Гараоглан… Он может спать спокойно. Никогда его Акгыз не очутится в чужих объятиях. А тебе, — Акгыз, глядя на недоверчивое лицо Абдыра, разозлилась, — я вот что скажу. Ты поддельный, всех на свой аршин не меряй, не равняй с собой. Иди, ищи себе равную. А я, —

разгорячившись, Акгыз стукнула себя кулаком в грудь, — не только сердца, даже своего ногтя не отдам тебе.

Эти слова словно хлестнули Абдыра по лицу, даже сквозь загар на нем проступили жгучие красные пятна. Мстительная гримаса исказила его черты, и он заговорил насмешливо, едко.

— Язык болтает одно, а сердечко твое совсем о другом страдает. Ведь тебе лучше, чем кому другому, известно, что пословица "бабий век — сорок лет" — чистейшая ложь. Тело твое, Акгыз, мужчину хочет, да только...

От гнева внутри Акгыз все кипело, но вместе с тем было жаль себя и хотелось плакать. Не будь рядом Абдыра, она бы заревела, но ему ни за что не хотела показывать свою слабость, которую он непременно бы посчитал за свою победу. Нет, не предоставит она ему такой радости. Пусть глумится над ней, потешается над ее службой, этим он не сможет унизить ее. Наоборот, она гордо вскинет голову и одарит негодяя таким взглядом, от которого глаза его упрутся в песок. Вот так, знай свое место.

Абдыр, не выдержав ее уничижительного взгляда, действительно уставился себе под ноги, и Акгыз вдосталь насладилась его поражением.

"Все-таки нужно вывести его на чистую воду", — подумала она, возвратившись к прежним мыслям, и ей стало жаль понапрасну потраченного на пустую перебранку времени. Хорошо хоть, что в пылу разговора не проговорилась о своих подозрениях. Абдыр из тех, кто мимо ушей и рук ничего не пропускает. Этот волк в овечьей шкуре удачно обходит капканы, ну да сколько веревочке не виться... Акгыз решила впредь быть с Абдыром вкрадчивой, мягкой, как пух кролика. Она невинно спросила:

— Не будем говорить о нас, Абдыр. Когда ты думаешь устраивать поминки? Я не смогла прийти на седьмой день, а ведь поминки — это не свадьба. На свадьбу можно не пойти, опоздать, а на поминки нельзя не явиться. После этого чувствуешь себя должником.

Господи, как легко можно повернуть мысли мужчины. Только что Абдыр весь зеленел от злости, а стоило лишь прибавить к голосу чуть-чуть тепла и, пожалуйста, — он уже забыл обращенные к нему гневные слова, улыбался.

— Бе, вот это другой разговор. Вот так нужно утешать скорбящее сердце! — Абдыр прикинулся скорбящим.

С таким же видом он сидел на поминках чужих

людей, с таким же видом сидел и на поминках собственной жены. Вообще к поминкам у Абдыра была какая-то нездоровая страсть. В те дни, когда не было рейсов и шабашек, он не пропускал ни одного траурного дома. Сидел в своей шапке с кожаным верхом, разинув рот, до позднего вечера и с почтением и страхом наблюдал за набожными людьми. Акгыз, сама того не ведая, нашла его слабое место.

— Послезавтра сороковой день матери моих детей, — смиренно продолжал Абдыр. — Приходи обязательно. Ведь мы не причинили зла друг другу, нечего нам враждовать. Заодно посмотришь и мой дом. А, впрочем, почему бы тебе прямо сейчас не сделать этого? Зачем дожидаться траурного дня, когда в доме будет полно народу? Сделай милость, идем прямо сейчас.

Акгыз на секунду задумалась. Глупо было бы отказываться от этого предложения. Дом человека — его лицо. Сразу будет видно на какие доходы живет Абдыр. И она согласилась.

Рот Абдыра расползся до ушей… Он, как и большинство умеющих "делать деньги" людей, считал себя и самым умным, и самым красивым, и знатоком человеческих душ. Теперь он думал, что, уговорив Акгыз побывать у него дома, он

чуть ли не склонил ее к близости. Акгыз, ничем не опровергая его надежд, последовала за его автомобилем.

Когда Абдыр, затормозив у ворот своего дома, выпрыгнул из машины, навстречу ему с разных сторон выбежали его дети. Их было трое, два мальчика и девочка. Акгыз расстроилась при виде сирот. Абдыр, нырнув в машину, достал арбуз, дыню, наделил ими детей, а девочку взял на руки. Дети с любопытством глазели на восседавшую на ярком мотоцикле Акгыз.

Дом Абдыра был сложен из отборного силикатного кирпича, крыльцо украшено затейливым орнаментом. Широко распахивая двери, Абдыр вел Акгыз по многочисленным комнатам, стены которых были покрыты дорогими обоями, а полы — коврами. Все окна были забраны решетками.

Акгыз не скрывала своего удивления. Что и говорить, по сравнению с домом Абдыра ее дом выглядел жалкой лачугой. Всего-то три комнаты. Правда, сейчас, когда Гараоглана уже нет, а дочь, готовясь к экзаменам, почти перебралась в общежитие, чтобы не терять времени на дорогу, ей и этих трех комнат девать некуда, вернее, самую себя девать некуда. Ах, какое одиночество навалится на нее, когда Нурана выйдет замуж.

Страшно подумать.

Абдыр безудержно хвастался, Акгыз рассеянно слушала, кивала "хорошо, хорошо", и тем самым еще сильнее вдохновляла Абдыра, который, словно гордящийся редкими экспонатами музея экскурсовод, показывал ей разные вещи, называя цены и места приобретения. "Скажи, пожалуйста, — хотелось с невинным видом спросить Акгыз, — как может обыкновенный шофер накопить такие богатства?" Но она молчала. Ясно: от дел праведных не построишь палат каменных. Они с Гараогланом двадцать лет в четыре руки работали у и хотя в долги не залезали, лишнего не имели. А Абдыр один работал. Жена то рожала, то болела, да и дом был на ней. Нет, не зря люди судачат о делишках Абдыра. Дыма без огня не бывает.

Однако Акгыз ничем не выказала своих сомнений, и, сославшись на неотложные дела, вскоре ушла, оставив Абдыра в полном неведении.

Когда-то в селе росла во множестве джуда. Деревья как деревья, но после того как распространился слух, что будто кто-то, полежав в тени джуды, тронулся умом, люди стали относится к дереву с опаской и недоверием. Затем и вовсе стали искоренять его и высаживать тутовник,

листья которого шли на корм шелкопрядам. Раньше за разведение шелкопрядов платили мало, а работа эта хлопотная, кропотливая, поэтому желающих заниматься ею находилось немного. Но постепенно цены поднялись, за выращивание коконов стали платить хорошие деньги, и желающих заметно прибавилось. Мало того, некоторых людей прямо-таки охватила алчность. Они чуть ли не дрались из-за деревьев. Листья и продавались, и покупались. К концу весны в округе не оставалось ни одного необобранного дерева. Только шелестел молодой листвой тутовник, посаженный Акгыз у могилы Гараоглана. И под ним отходила душой Акгыз, вспоминая прожитые годы, рассказывая о днях, проведенных без него.

Вокруг колхозного клуба тоже все тутовники были обезлиственны. Но люди, собравшиеся у клуба, сегодня не интересовались кормом для прожорливых червей, пора шелкопряда уже прошла и можно было отдохнуть и развеяться от повседневных забот, которые не давали возможности никаким развлечениям и культурным мероприятиям. Сегодня в клубе демонстрировался новый двухсерийный индийский фильм, и все население от мала до велика стремилось попасть на соблазнительное зрелище.

Акгыз следила за порядком. Казалось, не было конца и края людям. Между взрослыми вьюнами скользили дети. Находились и такие, что сигали через забор. Большинство же, не жалея одежды, карабкалось на деревья, и эти бесплатные зрители особенно раздражали Абдыра, который был и киномехаником, и кассиром. Время от времени он вылавливал какого-нибудь мальца и за ухо выводил его из зала.

Акгыз было не до фильма. Только-только хватало глаз, чтобы уследить за порядком.

Когда начался журнал, шум-гам вроде утих, но у входа в зал по-прежнему была толчея. Абдыр, отрываясь от киноаппарата, раздавал билеты, принимал деньги, но последнее делал охотнее, чем первое, то есть, попросту говоря, беззастенчиво набивал свой карман, торопя зрителей грубыми окриками:

— Проходи, проходи, чего встал, рот разинув! Давай, давай.

И все-таки, хотя он и занимался наверняка уже привычным делом, глаза его косили по сторонам, движения были суетливы и нервны.

Незаметно приблизившись, Акгыз достала записную книжку и принялась записывать имена тех, что проходили без билетов. Абдыр все торо-

пил: "быстрей, быстрей", и вдруг заметил Акгыз. В первую минуту он так растерялся, что пропустил человека не только без билета, но и без денег. Опомнившись, он бросился за ним, но тот уже исчез, растворился в толпе. Абдыр разозленно плюнул, возвратился к выходу и загородил проем своим телом. Теперь, кося взглядом на Акгыз, он обилечивал всех без разбору. Лицо его было хмурым.

Когда начался фильм, Акгыз подошла к Абдыру и тихо сказала:

— После сеанса явишься на пост.

Абдыр обмяк. Верно, не такие надежды он возлагал на Акгыз. Возможно, из-за расстройства он что-то сделал не так, но только лента оборвалась. Эта непредвиденная задержка пошла на пользу. Работник правления сделал важное хозяйственное сообщение, а Акгыз, взяв слово, попросила, не называя причины, прибыть на пост тех, чьи имена попали в ее книжку.

После сеанса состоялся разговор. Абдыр, как водится, все отрицал, и тем не менее трое из прибывших признали, что билеты им выданы не были.

— Я собирался дать, но они не взяли, — оправдывался Абдыр, пытаясь свалить на чужие плечи

свою вину.

Это, естественно, никому не понравилось, и все разом загалдели.

— Когда это ты давал?

— Всегда проходим без билета.

— Зачем ты свою вину сваливаешь на нас?

В комнате поднялся шум. Акгыз хлопнула ладонью по столу.

— Прекратите. — Она поднялась. — Виноват не только Абдыр, и все вы. Почему не требуете билета? Почему являетесь поводом для разжигания алчности в человеке? Если бы не ваша терпимость, разве сумел бы Абдыр делать из одного рубля два? Это не так-то просто без вашей помощи. А что получается теперь? В зрительном зале яблоку негде упасть, а билетов продано не более одной трети. Как вы думаете: в чей карман ушли остальные деньги? Правильно, в карман киномеханика. А сунули вы их туда сами. В сущности, вы являетесь пособниками воровства. Вот протокол, подпишите!

Люди насторожились. Никому не хотелось подписывать бумагу, уличающую их в нехорошем деле, тем не менее Акгыз настояла на своем, собрала подписи.

Абдыр ушел с понурой головой. Акгыз вспомни-

ла его детишек и в сердце ее закралась жалость. Но длилось это недолго. Представив в кого они могут превратиться, Акгыз осудила их алчного отца. Протокол направила по инстанции, копию на место работы Абдыра. Вскоре она узнала, что Абдыра из киномехаников сняли.

Много дорог уводят из Ходжаяба, много людей ушло и вернулось по ним. Саженец, посаженный у могилы Гараоглана, превратился в пышное дерево, дающее густую тень в жаркие дни. Многие посетители кладбища находили приют и прохладу под его развесистой кроной, многие добрым словом вспоминали Гараоглана и его жену. На погонах Акгыз появилась первая звездочка. Шли дни, складываясь в недели, месяцы, годы — годы, прожитые с Гараогланом и без него.

Вечером, прибирая могилу Гараоглана, Акгыз услышала шипение рации. Настроившись на прием, Акгыз узнала о краже овец.

В её районе это был уже не первый случай. До слуха Акгыз доходили разговоры, что шофера автолавок иной раз выменивают за спиртное овец. Немало было и таких случаев, когда шофера действовали совсем уж наглым образом, воровали овец, Свидетельницей одного такого случая стала сама Акгыз.

Однажды поступил, сигнал на некоего водителя автолавки. Из района прибыл работник ОБХСС, и они вместе с Акгыз устроили на дороге засаду.

Вскоре они увидели автофургон, который остановился напротив пасущейся отары овец. Водитель, выпрыгнув из кабины, огляделся и зашагал не прямиком к овцам, а забирая влево, туда, где пролегал каменистый склон. Вероятно, это был отвлекающий маневр, но, исчезнув из поля зрения, водитель так долго не возвращался, что Акгыз забеспокоилась и выслала на разведку работника ОБХСС. Тот вернулся ни с чем, подтвердив опасения: автолавка стоит, водителя нигде нет.

Пришлось блюстителям порядка отправиться на поиски пропавшего шофера. Товарища из ОБХСС Акгыз оставила возле машины, а сама пошла к кошу чабанов.

Чабан был стар и немощен. Жидкая бородёнка его тряслась, глаза слезились. Встретил он Акгыз приветливо, как дочь. На её вопрос не видел ли он водителя, ответил, что вроде бы кто-то перебирался через склон, а куда потом делся, неизвестно. Вместе они обошли отару, осмотрели склон. Шофёра нигде не было. Акгыз обеспокоилась всерьёз. Вдруг старик призывно замахал

руками. Акгыз бросилась к нему.

— Вот на того черного, обросшего барана посмотри, — сказал он.

Акгыз внимательно посмотрела в указанное место. Баран стоял неподвижно, затем как-то неуклюже, тяжело зашагал среди заколыхавших спинами овец. Акгыз, не заметив ничего странного, непонимающе оглянулась на старика. Чабан, тряся бородой, засмеялся и дал знак Акгыз следовать за ним.

Через несколько шагов Акгыз стала ясна причина его смеха, и она рассмеялась тоже. Под черной овцой, водрузив ее на спину, передвигался на четвереньках человек.

— Чего только не придумают, — сказала Акгыз.

Сегодняшний случай обещал мало приятного. Близилась ночь, а под ее душным покровом нарушитель мог ускользнуть. Акгыз объехала все посты ГАИ, предупредила автоинспекторов, устроила засаду.

Ближе к полночи Акгыз услышала гул мотора, но самой машины не увидела. Водитель, очевидно, был опытен и хорошо ориентировался в темноте, так как ехал без фар. На перекрестке, где грунтовая дорога переходит в асфальтированную, фары на мгновение сверкнули, и это дало

Акгыз возможность понять, что водитель решил воспользоваться круговой дорогой через ГРЭС.

Следя за автомобилем, который двигался уже с выключенными фарами, Акгыз без труда вычислила предполагаемый путь. По ее расчету автомобиль, пройдя берегом Мургаба, должен был выехать на асфальт с южной стороны аула.

Акгыз завела мотоцикл. Когда она подъехала к посту ГАИ, то увидела стоящий на обочине ГАЗ-69. За рулем дремал Абдыр. Увидев Акгыз, он разом сбросил с себя остатки сна и расплылся в приветливой улыбке. Но глаза его были тревожны.

— Документы в порядке, ничего подозрительного нет, — докладывал автоинспектор. — Возвращается от чабанов.

На переднем сидении лежал киноаппарат, на заднем — круглые коробки, деревянный ящик, а в углу две человеческие фигуры.

— Кто такие? — спросила Акгыз, наводя на сидящих фонарик, но Абдыр торопливо перехватил ее руку и отвел луч света.

— Усталые люди, — сказал он. — Зачем будить.

Акгыз, чуть помедлив, кивнула. Войдя в будку ГАИ, она по рации связалась с отделением и доложила, что нарушитель задержан.

Когда машина Абдыра подъехала к конторе,

там уже были председатель колхоза, два члена правления и еще несколько бог весть как прознавших про случившееся сельчан.

Абдыр хорохорился, но видно было, что ему здорово не по себе. Он не знал куда деть свои руки, куда отвести глаза.

Акгыз приказала:

— Разбудите пассажиров в машине Абдыра.

Двое мужчин бросились исполнять поручение, стали окликами будить фигуры, а затем, видя, что ничего из этого не получается, влезли в автомобиль. Тотчас же послышались удивленные вскрики и громкий смех.

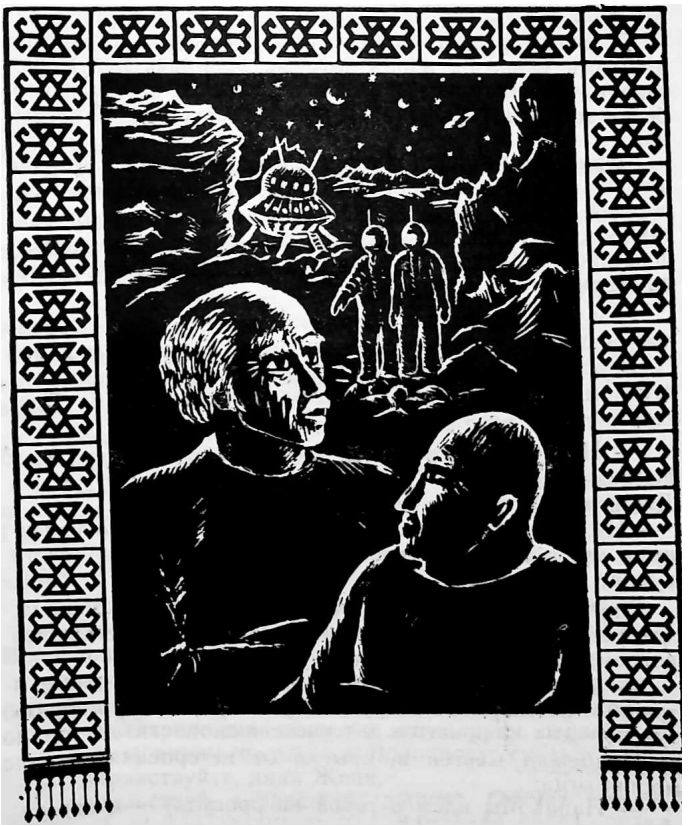
Спустя несколько минут "двух пассажиров" удалось вынести наружу. На ногах они стоять не могли, и не удивительно, поскольку оба оказались обыкновенными овцами, на которых напялили широченную одежду, старые шапки и специально сшитые сетчатые намордники. Как только их сняли, овцы возмущенно заблеяли.

Люди весело смеялись, недоверчиво покачивая головами, не до смеха было только Абдыру. Жалкий, поникший, он возбуждал жалость, но Акгыз уже ничем не могла помочь ему. Взгляды их встретились. "Разве я не предупреждала тебя?" — вопрошал взгляд Акгыз. Абдыр потерянно

отвернулся. Акгыз вдруг вспомнила его детей. Теперь тюрьмы не миновать, они останутся круглыми сиротами. Сердце Акгыз дрогнуло, на глаза набежали слезы. Не она ли лишила их отца? Нет, — ответила она себе, — это своим воровством, жадностью лишил он их отцовства. Но дети не пропадут. Акгыз еще не знала, как она поступит, но в том, что не оставит детей одних, не сомневалась. Дети не должны отвечать за ошибки отцов. Решено: завтра же Акгыз заберет детей к себе.

Перевод С.Есина

ХУДАЙБЕРДЫ ДИВАНКУЛИЕВ
ОБЪЕКТ САРРИ
Научно — фантастическая повесть



ПРОЛОГ

Джангли представляет собой небольшой городок с прямыми улицами, вдоль которых высились над морем зелени многоэтажные светлые здания. Они были особенно эффектны на фоне ландшафтов заповедной пустыни.

Чудесные пейзажи вокруг радовали глаз и сердце любого: барханы, покрытые цветами и зеленой порослью; отары овец, привольно пасущиеся среди саксаула и кустарников; разноголосье птиц, мелодичный пересвист сусликов, оживленное движение всякого рода зверья…

Любуясь весенними Каракумами, академик Воронцов медленно опускал свой вибролет все ниже и ниже.

Воронцов не без труда признал в круглолицем, загорелом подростке, выбежавшем навстречу, сына Сергея.

— Ну и вымахал же ты, сынок!.. — воскликнул академик. — Мо-ло-дец! Давно надо было привезти тебя в Джангли. Так вырос, что впору женить…

— Ну, зачем ты смущаешь мальчика? — мягко

упрекнула мужа Мария Алексеевна. — Джангли не просто курорт, а почти рай земной, любезный отец.

Они немного поговорили о сыне, о врачах и режиме, лекарствах, и процедурах. После обеда, оставшись вдвоем, академик сказал жене:

— Знаешь, мать, начинаются весьма важные и трудные космические экспедиции, и я должен подобрать тут молодых кандидатов для участия в полетах.

Прибежал Сергей и, прыгая от нетерпения, затормошил отца:

— Папа! Мы идем с тобой на прогулку — к оврагу.

Там пасет верблюдов мой друг Ыхлас! Мы сегодня будем прыгать через верблюжонка.

— Через живого?! — полушутя, ужаснулся академик. — Тогда вас надо отругать. Вы, наверное, совсем замучили бедняжку?

— Да не-ет. Он такой умный, послушный, — заверил Сергей.

Облачившись в спортивные костюмы, они вышли на проспект, который надвое делил городок.

На окраине поселка Сергей остановился напротив утопающего в зелени двора и весело закричал:

— Ыхла-ас!.. Э-ей, Ыхлас!

Открылась калитка, и на улицу вышел сперва пес, ростом с теленка, а за ним смуглая девочка лет восьми в красном платьице.

— А-а, здравствуй, Сергей! — звонко воскликнула она.

— Ты бы собаку свою убрала, девочка. И почему со мной не здороваешься? — с напускной строгостью молвил Воронцов.

— Здравствуйте, — тихо сказала она, протягивая академику загорелую ручку.

Воронцов очень серьезно пожал ее, словно здороваясь со взрослым, человеком, и другим тоном проговорил:

— Здравствуй, здравствуй. Ты все-таки прогони собаку… Вдруг укусит твоего нового знакомого?

— Да не-е-т! Это же старый пес. Он даже за стадом не ходит. И зубы у него тупые и редкие. Как у деда Гайлы.

— Ну и ну-у! — протянул академик. — А как тебя зовут?

— Айна-джан, — с достоинством ответила девочка.

— Очень красивое имя, — сделал ей комплимент Воронцов.

В это время в проеме калитки показался маль-

чик с большим красным яблоком в руке. Увидев незнакомца, он тут же переложил яблоко в левую руку, спрятал её за спину, и, важно подойдя к Воронцову, сказал:

— Здравствуйте, дядя Женя.

— Здравствуй, здравствуй, джигит. Откуда знаешь моё имя?

— От Сергея, — пояснил мальчик и отдал другу яблоко. — Мой отец, как и вы, преподаватель. Он учит студентов основам кибернетики.

Академик вздохнул с облегчением: о его засекреченной деятельности мальчик, по-видимому, не знал. А то, что Ыхлас, несмотря на малый возраст, держится как мужчина, приятно удивило Воронцова.

— Чего мы стоим!? Пошли! — сказал Ыхлас и потянул друга за руку.

— Пошли, — ответил с готовностью Сергей. — Сегодня мой отец будет следить за нашими состязаниями.

Когда они отдалились от дома шагов на сорок, Ыхлас вдруг резко обернулся и остановился. Его примеру машинально последовал Сергей. Оказывается, за ними медленно плелась Айнашка, чуть позади нее — старый пес.

— Куда ты идешь, упрямая девчонка?! — в голо-

се Ыхласа прозвучали твердые нотки: — Это надо же! Разрешения даже не просит. Идет, будто так и надо. Ну-ка, Аксай, вернись сейчас же. Назад!

Пес лениво повернулся и нехотя побрел к дому.

— И ты возвращайся, — приказал сестренке Ыхлас, — сколько раз толковал тебе: не вмешивайся в игры мальчиков и не ходи за мной по пятам. Ну-ка, марш-марш домой! — И он топнул ногой.

Айна стояла, как вкопанная, и не думала двигаться с места.

— Все равно твоя команда проиграет! Ты же не умеешь прыгать!.. Ты, ты... — Она замолчала, всхлипывая, и побежала обратно.

— Ты ее обидел, Ыхлас, — нахмурился Воронцов.

— Да вы еще не знаете Айну, дядя Женя! — стал поспешно оправдываться Ыхлас. — Очень упрямая девчонка. Все время вмешивается в дела мальчишек. И на велосипеде носится, как угорелая, и в футбол играет, на турнике вертится. Даже лезет в чисто мужскую игру. "Прыжок чабана" называется. В этой игре надо перепрыгнуть через верблюжонка. Она даже этот "барьер" хочет взять! А родители не говорят ей ни слова. Она у нас самая младшая, вот и избалована. Если я что

натворю, со мной не церемонятся, иногда отец и затрещину отвесит.

— Полагаю, ты ее справедливо заслуживаешь, — мягче сказал академик. Его заинтересовал не по возрасту умный мальчик.

Наконец они подошли к оврагу. Здесь меж двух высоких холмов было широкое ровное поле. Прямо в центре его стоял крепкий верблюжонок и лениво жевал траву. Рядом вертелось около тридцати мальчишек.

— Наш капитан идет!

— Выходит, ты уже капитан?! — спросил Воронцов.

— Да, — не без гордости заявил Ыхлас и принялся разъяснять: — Наши ребята из Джангли сегодня соревнуются в прыжках с мальчиками из Черкезли. Сначала через планку, а потом самые ловкие будут прыгать через верблюжонка.

— О, высота немалая, — улыбнулся Воронцов. — Ну, поглядим, кто кого победит.

Честь прыгать через верблюжонка выпала на долю-капитанов соревнующихся команд. Ыхлас пока отставал от черкезлинского капитана в прыжках через планку на целый сантиметр. Тогда мальчик из Черкезли то ли из тщеславия, то ли проявляя спортивное великодушие, неожи-

данно предложил Ыхласу:

— Я отказываюсь от прыжка через верблюжонка! Пускай любой из джанглинцев сделает это, если сможет. И мы с тобой разделим в таком случае победу.

Рассерженный Ыхлас обратился к Воронцову:

— Они недооценивают меня. Думают, я не перепрыгну!

— Он прав, — спокойно ответил академик. — У тебя должен быть напарник. Ты устал, и капитан из Черкезли видит это.

— Нет, я прыгну! — решительно заявил Ыхлас, сжав кулаки. Было заметно, что он охвачен азартом состязания.

Ыхлас отошел метров на тридцать от пасущегося верблюжонка к флажку, чтобы взять разгон. Но почему-то не разбегался: то ли не решался, то ли просто отдыхал. Прошло минуты четыре, а он всё не прыгал.

По правилам игры Ыхласу дали еще минуту.

— Раз, два, три, четыре… шесть… двенадцать! — принялся громко отсчитывать секунды капитан из Черкезли. — Пять-десят о-дин!.. Пять-де-сят два!

— Твой друг, кажется, проиграл, — обратился к сыну Воронцов.

В тот же миг на холме позади Ыхласа, словно из-под земли, выросла фигурка девочки в красном платье. Как стрела, выпущенная из лука, помчалась она в их сторону, с ходу — красиво, легко перемахнула через верблюжонка. Все произошло так Неожиданно, что мальчишки опешили. А девочка, пользуясь общим замешательством, спрыгнула с кучи соломы, лежавшей в качестве "мата", быстро пригладила упавшие на лоб волосы. Затем повернулась лицом к черкезлинцам, озорно показала розовый язык — так же легко, стремительно помчалась обратно к холму.

Мальчишки захохотали.

Лишь один Ыхлас не смеялся. Ему было стыдно, что младшая его сестренка Айна справилась с трудной для него задачей.

И вот теперь, спустя одиннадцать лет, Ыхлас вспомнил тот день: овраг, Айну и верблюжонка, академика Воронцова и Сергея, друга своего детства...

омандир планетолета закрыл последнюю страницу книги, бросил ее на столик. И обратился к Ыхласу, сидящему напротив:

— Если верить твоим подсчетам, сегодня мы должны выйти на орбиту искомой мини-планеты. Так ли это?

Штурман мысленно усмехнулся: "Тебе хочется поболтать со мной? Так и сказал бы. Книжка, которую ты листал, прочитана еще вчера от корки до корки". А вслух с обидой произнес:

— Надо верить, Сергей... В чём ты сомневаешься?

Тот легонько хлопнул его по плечу:

— Ну-ну, брат-космонавт! Не дуйся. Или разучился понимать шутки?

— Не о том я думаю! — с досадой сказал Ыхлас: — Можешь не верить, но вчера я видел ЕГО своими, глазами. Невероятно? Но это правда. Может, мне и в самом деле показалось, как ты утверждаешь. Однако при своем убеждении остаюсь... Хотя не отрицаю: усталому человеку могло и примере-

щиться. В полете мы всего-навсего одиннадцатый день, но я нисколько не устал. Значит, гипотеза о матодах не сброшена со счетов! Вполне допустимо, что существо, виденное мною, и есть матод. Кто знает, а не погиб ли экипаж пропавшего звездолета "Циолковский" после встречи с ними?

— Они не могли погибнуть, — возразил командир.

— Это почему же?!

— Да потому, что Тахир и Федор не боятся... как мы с тобой. Они разнесли бы этих матодов в пух и прах.

Будь Ыхлас повнимательнее, он мог бы уловить в голубых глазах Сергея озорные огоньки. И сообразил бы, что командир подтрунивает над ним. Но Ыхлас не заметил, сердито отодвинул книгу на край столика.

— Почему ты злишься? — нахмурился Сергей.

— Не считай меня глупцом! Я ему говорю о реальной встрече с матодом, а он заладил: "Галлюцинация! Примерещилось..." Можно подумать, что меня обвинили в трусости.

— Я этого не говорил, Ыхлас. Кроме того...

— Кроме того, ты не веришь моим подсчетам, — подхватил Ыхлас. — И упрямо повторяешь: "Где же искомая планета? Сегодня должны выйти к

ней". А ее нет и нет. Твои подсчеты…

— Остановись. Не будь злюкой, — укорил его Сергей. — И не надо, пожалуйста, преувеличивать.

Тут Сергей умолк, сраженный внезапной догадкой.

Поднял вверх указательный палец, воскликнул:

— Эврика!..

— Что, новое открытие? — подозрительно глянул на него Ыхлас. — Ладно, валяй дальше, а я послушаю.

Растягивая слова, Сергей продекламировал:

— Если на друга станешь обижаться, на своем посту тебе не удержаться.

Ыхлас чуть усмехнулся и язвительно прокомментировал:

— Не слишком удачные вирши на этот раз. Нескладно, господин поэт.

— Разве?! — притворно удивился Сергей. — Тогда укажи конкретные просчеты.

— Я не критик. Но о смысле скажу. Зачем тебе смещать провинившегося с должности? Хочешь остаться в одиночестве?

Командир лишь развел руками, как бы признавая поражение.

Ыхлас, пытаясь скрыть от друга довольную улыбку, перешел к серьезному разговору:

— Сергей, послушай обоснование моих расчетов. Они, я полагаю, весьма точные… Посмотри в левый иллюминатор. Надеюсь, видишь там серебристое, как алмаз на бархате черного неба, пятно? Это шестой спутник Юпитера — Ио. Недалеко от него — собрат Каллисто. А наш корабль оставил за собой Ганимед и Европу. Прочие же спутники Юпитера нам не видны. Они находятся за его громадной "спиной". Ерго, как выражаются философы, наша мини-планетка блуждает недалеко от Юпитера. Это не я утверждаю, а непогрешимый компьютер и расчеты, полученные из Центра — от самого Воронцова… Впрочем, стоит ли говорить об этом? Разве ты менее подкован в космонавигации? Думаю, не менее. И прекрасно умеешь подсчитывать.

— А ты полагал, что не могу? — добродушно парировал Сергей. Медленно встал и направился к выходя из рубки управления.

— Куда ты?..

— К рефрактору, брат-космонавт. Хочу посмотреть, что творится в пространстве. Или ты боишься остатке один? Стой, я придумал еще… — Сергей остановился и поднял указательный

палец: — Эври-ка! С зайцем серым дружить нельзя, гони его прочь от себя.

— Да иди ты… господин стихотворец! — махнул ру-рой штурман. — Вот посмотрим, что запоешь при встрече с неким призрачным методом. И не вздумай тогда звать на помощь серого зайца.

Уже из коридора донесся до штурмана ответ Сергея:

— Ничего. Как-нибудь справлюсь сам.

2

Вчера, на десятые сутки полета, произошло то, о чем так упорно твердил штурман.

Оба они проснулись часов в семь утра, которое в космосе является чисто условным понятием, как и другие названия частей суток.

Сергей начал день, как всегда, с утренней гимнастики. Штурман же все еще нежился в постели, лениво разглядывая в иллюминатор немерцающие, сиявшие холодным огнем точки звезд.

— Раз ты не собираешься делать зарядку, ступай, брат, к пульту, — сказал Сергей. — Временно заменишь киборга. Пусть он немного отдохнет, бедняга дежурит уже пятнадцатый час. Твой сон оберегает! Ты не допускаешь мысли, что он нуждается в подзаправке электроэнергией?.. А я

тем временем приготовлю завтрак.

Ыхлас судорожно зевнул, потянулся и нехотя встал. Через минуту он был бодр и кинулся исполнять повеление командира.

Рубка управления находилась в передней полусфере космолета. Пройдя по тоннелю мимо обсерватории "Пулково", Ыхлас добрался до рубки. Войдя, он переключил киборга на заправку энергией, а корабль — на автоматический режим. И хотел было идти обратно в комнату отдыха, но задержался: надо было сверить свои часы с цезиевым хронометром, впаянным в панель пульта. Он показывал: "2020 год, 26 августа, 7 часов 15 минут, 9 и бегущие миллионные секунды". Эти микросекунды Ыхласу, разумеется, были ни к чему.

Сверив часы, он решил заглянуть в "Пулково". Нажал кнопку автомата, открывающую проход из рубки в тоннель обсерватории. И тут его поразило то, что дверь оказалась незапертой!.. Он перевел взгляд на шкалу автомата-замка: дверь открыта больше часа назад. Сейчас она была просто прикрыта. "Неужели Сергей приходил, пока я спал? Или был сигнал компьютера. Нет, исключено. Иначе дежурный киборг объявил бы тревогу. Либо, а это хуже: тревога была, а мы уснули! Но и это исключено: Сергей никогда не проспит. Не

найдя других версий, Ыхлас позвонил командиру по видеотелефону.

— Слушай, ты не заходил в рубку примерно час назад?

— Не-ет… А что случилось? — удивленно спросил Сергей.

— Да ничего-о… Все в порядке, все на месте. Просто дверь на "Пулково" из рубки приоткрыта.

Сергей так и взвился:

— Да ну-у! Странно. Сегодня я там не был.

— А кто же мог, по-твоему, сделать это?

Сергей задумался:

— Ты не только штурман, но бортинженер. Зачем меня спрашиваешь? В уставе четко записано; "Бортинженер обязан непрерывно следить за всеми аппаратами и приборами корабля". Или ты не читал устава?

— Ладно, Сергей, хватит шутить. Я спрашиваю вполне серьезно.

— Ну и что, если дверь не заперта?.. В следующий раз умнее будем. Да, я вспомнил!.. В последний раз ты заходил в "Пулково". Еще сказал, помнишь: "Хочу понаблюдать за спутниками Сатурна".

— Вообще-то, ты прав, это было, — согласился. Ыхлас.

— Так что не переживай, поскорей приходи и выпей свой чай, пока не остыл.

— Ладно. Только чуть задержусь на пульте, минут на пять.

Ыхлас положил трубку и побежал по коридору, ведущему в "Пулково". Перед дверью обсерватории крутнул номера на диске — и замер: дверь оказалась тоже открытой! От испуга Ыхлас попятился назад: за пультом управления рефрактором сидел какой-то человек, пытаясь поймать в фокус объектива одному ему известный объект. Но это был не Сергей! Ведь Ыхлас только что говорил с ним, добежать до "Пулково" за две-три минуты он не мог. Третьего в космолете не было!

К счастью, неизвестный не заметил Ыхласа. Штурман тут же взял себя в руки. Одежда незнакомца была обычной для космонавта, собирающегося в открытый космос: он был в скафандре, да еще в маске из желтой материи. И притом вооружен! Из нагрудных карманов торчали два лазерных пистолета.

Ыхлас не имел при себе оружия и не мог приказать незнакомцу: "Руки вверх!" Стал лихорадочно соображать: "Неслышно уйти? Или напасть на него?". Но тут же отбросил эту мысль. "Если уйду, то незнакомец в маске может повредить теле-

скоп. В случае кризисной ситуации способен вывести его из строя. Даже корабль может повредить. У него же лазерные пистолеты! Возможно, есть и более мощное оружие… Нет, надо на что-то решиться". Тут его взгляд наткнулся на морской бинокль, некогда подаренный Ыхласу дедом Гайлы. Бинокль лежал на столике — в двух шагах от Ыхласа, справа у входа в зал обсерватории. Он несказанно обрадовался и такому "оружию".

Однако Ыхласу не так-то легко было сделать эти два шага к биноклю. Он понимал: если незнакомец заметит его, то ручаться за свою жизнь Ыхлас не мог. И тогда все пойдет прахом!.. Именно так и вышло: едва он попытался дотянуться до бинокля, как существо в маске стремительно оглянулось и вскочило на ноги.

— Ни с места!.. — молниеносно схватив бинокль, завопил Ыхлас каким-то чужим голосом. — Ты опоздал, братец! Мое оружие готово к выстрелу.

Он рассчитал верно: то ли незнакомец растерялся, то ли принял зажатый в руке Ыхласа бинокль за пистолет. И поднял руки, пятясь вверх по лестнице, ведущей от подножия тумбы окуляра к площадке объектива рефрактора. Одним прыжком Ыхлас занял нижнюю ступень лест-

ницы. Незнакомец успел подняться на восьмую. А дальше вверх пути не было! Был только обрез круга объектива, нацеленного в космос сквозь поляроидный купол сферы отсека.

Целясь в лоб чужаку, Ыхлас медленно одолевал ступени. Когда осталось всего три, он замер, выжидая момент для начала рукопашной схватки. Незнакомец нависал над ним, подобно гигантской чайке, только "крыльями" были поднятые вверх руки. Еще мгновение! И тут Ыхлас разинул рот — в буквальном смысле. Настолько он был удивлен: незнакомец от души хохотал (правда, беззвучно!) Это обескуражило Ыхласа, он невольно опустил свое "оружие", а противник воспользовался его замешательством — и прыгнул вниз через голову штурмана, как заправский гимнаст четко крутанул одно сальто вперед, плавно приземлился на пол и выскочил вон.

— Сто-ой!.. — в досаде кричал Ыхлас и помчался за незнакомцем.

Тот бежал по коридору между обсерваторией и центральным пультом. Их разделяло около тридцати метров.

Добежав до входа в рубку, "маска" остановилась, словно насмехаясь над преследователем, затем неторопливо скрылась за дверью рубки, не

соизволив даже захлопнуть ее.

Когда Ыхлас вбежал в рубку, там уже никого не было. И он кинулся к видеотелефону.

— Сергей... Тревога! Ты слышишь?

— Что там у тебя опять стряслось?

— В корабле чужой! Быстро беги ко мне, да прихвати оружие.

— Околесицу несешь, — сердито ответил Сергей. — Тебе что, делать нечего, кроме того, как разыгрывать меня? Откуда на борту быть чужому!?

— Мне не до шуток! Я только что вбежал сюда, преследуя чужака от "Пулково".

— Значит, он рядом с тобой? — насмешливо спросил Сергей. — Надеюсь, ты отнял у него оружие.

— Перестань издеваться! — рассердился Ыхлас. — Смог бы я звонить тебе, если б он был рядом?

Сергей понял, что Ыхлас не шутит.

— Вид у тебя, действительно, невеселый. Будто не ты за ним, а он за тобой гнался...

— Что мне делать?

— Потихоньку иди к рубке. Возьми с собой все три вида пистолетов. А я пойду навстречу. — Ыхлас имел в виду пистолеты: лазерный, "усыпляю-

щий" киборгов и роботов, а также оглушающий живых существ, точнее парализующий их.

Пройдя по коридору метров шестьдесят, Ыхлас встретился с командиром.

— Стой!.. Руки вверх, — приказал он.

Ыхлас вытаращил глаза:

— Ты что?! Это же я! Ослеп?..

— Все равно подними руки! Если даже это и ты. Откуда мне знать, что ты не колдун инопланетный? Просто выдаешь себя за Ыхласа?

Видя, что Сергей не шутит, Ыхлас медленно поднял руки.

— Ой, держите меня, а то упаду от смеха! Ой, не могу… Ха-ха-ха!.. — согнулся Сергей от смеха.

Ыхлас схватил его за плечи, с силой тряхнул:

— Я серьезно тебе говорю! Он только что…

Сергей не дал ему досказать фразу, слегка постучав Ыхласа пальцем по лбу:

— Гал-лю-цина-ция, дорогой мой дружок! Понял?.. Ладно уж, идем допивать чай. Ну и развеселил ты меня! Наверное, с месяц я так не смеялся.

— Меня поражает твоя беспечность, — не успокаивался Ыхлас. — Какой чай?! По кораблю бродит чужак.

— Ладно, ладно!.. Тогда объясни толком все с

самого начала. Что это за великодушный чужак, если он, имея оружие, не воспользовался им? Думаю, нам нечего бояться. Возможно, он хочет вступить с нами в переговоры?

...Они тщательно обследовали все отсеки и помещения корабля. Никого и ничего! Проверили спецприборы, фиксирующие появление незнакомца на борту. Тоже ничего. Даже провели дактилоскопию на ручках и клавишах рефрактора, но чужих отпечатков пальцев не нашли. Не было следов ног и там, где "приземлился" он, прыгнув с лестницы.

Сергей недоверчиво поглядел на штурмана и сердито сказал:

— Что ж, будем ждать. Иного не остается.

3

— Видишь, Ыхлас, тот зеленый свет? — голос командира отвлек штурмана от его обычных рассуждений про себя.

Ыхлас посмотрел в иллюминатор. На фоне черной тьмы небесной сферы, изредка освещаемой лучом фотонного прожектора космолета, он ясно увидел на западе зеленую, очень яркую точку.

— Вполне возможно, что это просто космическая пылинка. Либо крохотный метеор, — недо-

уменно сказал Ыхлас.

— Следи за этим объектом в телескоп. Наблюдай неотрывно, понял?

Штурман согласно кивнул и встал. Он уже дошел до выхода из рубки, как Сергей закричал ему вслед:

— Эврика-а!..

Ыхлас остановился:

— Валяй, я послушаю.

За какой точкой космоса ни наблюдай, Терпение Вилли Гершеля не забывай.

Ыхлас усмехнулся, прищелкнул языком:

— Опять не то, господин поэт.

— Почему "не то"? — самолюбиво вскинулся Сергей.

— Либо ты ничего не смыслишь в поэзии, либо глуп я. Рифма довольно примитивна. — И он выскочил, из рубки управления.

...Пока Сергей рассчитывал курс на Зеленую точку, Ыхлас вернулся в рубку. Точнее, он ворвался в нее, еле переводя дыхание.

— Э, что с тобой!? — спросил командир, не поднимая головы. — Опять гонится матод?

— Да нет... Уф-ф! Есть новость поважнее.

— Что ж, говори.

— Зеленая точка — это планетка. Небольшая,

правда. К тому же, сплошь покрытая льдами. Но самое удивительное — у нее есть даже спутник.

— Удивительно? — уточнил Сергей.

— Да брось ты насмешничать, — поморщился Ыхлас. — Как говорят, не торопи заику и не спеши понимать его речь.

— Никто и не подгоняет тебя. А юмор помогает в любой ситуации.

Ыхлас заговорил спокойнее:

— Когда я просмотрел снимки объекта, у меня екнуло сердце. Вот, смотри сам! Изображение напоминает фотоснимок Земли, как она видится с Луны.

— Что из того следует? — спросил Сергей. — Полагаешь, что там возможна жизнь?

— Ничего не полагаю, господин юморист. А считаю, что мы открыли новую, неизвестную ранее мини-планету в Солнечной системе. Разве это не событие?

— Ага, — Сергей наконец поднял взгляд на Ыхласа: — Это ты верно заметил.

Ыхлас решил не обращать внимания на иронический тон командира и спокойно продолжал:

— Надо готовиться к посадке на эту планетку. Сбавить ход космолета. Затем ввести в действие систему паролей для киборгов, ведающих запа-

сами продовольствия, реакторами, энергией. Кто знает, может, планета населена разумными существами или матодами? У всех люков поставим дежурных роботов.

— Ну, хорошо, убедил, — согласился Сергей. — Впрочем, это моя забота!.. Пароль будет для всех единый: "Салют". Мой личный пароль — "Сокол", а твой — "Беркут".

— Как быть с названием космолета, выбитом на внешней обшивке? И с картами Галактики, календарями?

— Спрячем в сейфе, закроем электронным кодом. Ключ кода — "13".

— . Понятно, — сказал Ыхлас. — Что ж, за дело?

...Спустя двенадцать часов космолет вышел на стационарную орбиту планетки. Объект был чуть меньше Луны. Корабль маневрировал, переходя на все более низкие орбиты.

Вдруг Ыхлас засомневался:

— Послушай, Сергей! Нет тут никаких братьев по разуму. Кроме, возможно, микроорганизмов. Ты сам сидишь, условий для разумной жизни никаких: она вся покрыта льдами.

И действительно, всюду куда Сергей наводил объектив рефрактора, торчали одни торосы — будто иглы гигантского ежа. Громадные ледяные

колонны — высотой до двести метров — стояли плотно, как бы опираясь друг на друга. На планетке не просматривалось даже квадратного метра ровной площади. Некуда было посадить космолет.

Так пошли первые сутки на орбите. Вскоре обшивка корабля стала покрываться толстенной коркой льда. Первым заметил это Ыхлас.

— Ты видишь, Сергей? — тревожно спросил он. — Надо срочно отрываться от планеты.

— Да, — уныло протянул командир и включил систему маневрирования.

Космолет медленно отдалился от Объекта. Корка льда на обшивке пока сохранялась.

— Вот тебе и непредвиденный расход топлива, которого у нас отнюдь не бездонная бочка, — вслух думал Сергей. — Если эта ледяная корка не чистая аш-два-о, то беда неминуема. Да, да! Если не чистая вода, а смесь каких-то нерастворимых, не тающих от солнечного нагрева компонентов, то я не представляю, чем кончится дело. Придется тебе, Ыхлас, вылезать в открытый космос и скоблить псевдолед обыкновенной наждачной бумагой.

— Опять неуместный юмор, — досадливо сказал Ыхлас.

— Но кому могло придти в голову, что произойдет именно это? — продолжал Сергей, делая вид, что не слышал слов друга.

— Надо взять курс на спутник планетки, — предложил штурман. — Он похож на Землю. Может быть, там удастся избавиться от корки естественным путем? Зачем переводить впустую тонны наждака?

Сергей улыбнулся, оценив ответную шутку, но выразил опасение:

— А сможет ли космолет стряхнуть дополнительную массу?

— Надеюсь на это, — ответил Ыхлас. — Возможно, спутник обладает запасами внутреннего тепла. Иначе не сверкал бы он такими разными цветами.

— Ладно, уговорил, — согласился Сергей. — Перевожу космолет на ручное управление. Это будет надежнее! Иди в "Пулково" и следи за Зеленой точкой.

4

В первые секунды, когда вернулось сознание, Ыхлас ощущал только нечеловеческую боль во всем теле. Казалось, все тело у него затвердело, как ледышка. А рот наполнен каким-то против-

ным на вкус сплавом. Ыхлас попытался раскрыть глаза, но из этого ничего не вышло: ресницы пристыли друг к другу и не разлеплялись. Где-то под рукой словно журчал быстрый родник. Ыхлас даже не удивился — откуда взяться на корабле роднику, а напротив, обрадовался. Он с трудом повернулся на бок, черпнул ладонью прозрачной воды и поднес к губам. Едва иссохшие уста дотянулись до ладони, как пальцы у Ыхласа задрожали — и вода вытекла. Затем он услышал плеск большой волны, шум весеннего дождя. Машинально втянул в себя влажный чистый воздух, и ему стало чуть легче. Но в следующий миг в груди возникла нестерпимая боль. Ыхлас вновь потерял сознание. Когда он очнулся во второй раз, то услышал, как чьи-то тихие голоса говорили совсем близко:

— Вах! Такой короткой оказалась жизнь у моего бедного мальчика!.. Но что поделаешь? Какая сила способна бороться против смерти?

Ыхлас с испугом и изумлением признал голос матери.

— Да, верно ты сказала, Хурма. От смерти никому нет спасения, — подтвердил незнакомый собеседник матери.

Словно сильный заряд электротока пронизал

оцепеневшее тело. Ыхлас корчился, раскрывал рот, но не мог выдавить ни одного словечка, дабы успокоить мать. "Уму непостижимо!.. — кричал он беззвучно. — Я еще жив, а меня оплакивает мать. Разве это возможно?!" Снова силился сказать ей слова утешения и ничего не получалось.

Внезапно заморосил холодный дождь. Издалека донесся тоскующий крик журавля. Он летел высоко-высоко в чужом, незнакомом небе и звал кого-то: "Кырруз! Кырруз!..". Еще через минуту Ыхласу показалось, что в кабину к нему кто-то вошел, ибо прозвучал сигнал сторожевого робота. "Сергей?.." — мысленно окликнул Ыхлас. Снова губы и язык не послушались его.

Ыхлас пришел в ясное сознание совершенно неожиданно. И тогда вспомнилось все! Словно в кадрах скоростной съемки перед его глазами промчались последние секунды на орбите…

Космолет вошел в полосу тумана, который мерцал удивительными красками. Казалось, что с планеты его освещали десятки юпитеров с цветными стеклами. Что-то гулко ударилось о корпус космолета, — и штурман открыл, наконец, глаза. По-прежнему он находился в отсеке "Пулково", перед ним был рефрактор. Потом осознал, что космолет не движется, ибо не ощущал знакомой

вибрации. "Странно, и приборы не действуют?! — подумал Ыхлас, с удивлением обводя взглядом стены зала: — Неужели попали в аварию?" От этого предположения у него болезненно заныло сердце. В памяти словно приоткрылся темный занавес, и он вспомнил последние минуты спуска на планету. "Да, это даже не авария, а настоящая катастрофа!". И тут же увидел вещественные доказательства — повязки на собственных предплечиях, на руках. Была повязка, и на голове: он узрил ее в отражении на зеркальной тумбе рефрактора. "О, дьявол!.. Значит, я получил серьезные травмы! А Сергей? Где он? Его тут нет. Значит, он не пострадал. Иначе, кто бы позаботился обо мне. Молодчина, командир! Но все же куда он ушел? Может, и в такой момент нашел силы шутить? Вероятно, увидел, что я прихожу в чувство — и спрятался".

— Эй, Сережа, где ты? Отзовись же, чертяка!

Но из груди штурмана вырвался только слабенький стон, а не громкий призыв о помощи. Зато тело его как бы "отпустило", Ыхлас ожил, с трудом встал на ноги, хотя это движение и стоило ему огромных усилий. Медленно-медленно одолел он несколько ступенек наблюдательной площадки, спустился в зал "Пулково". В ближнем

от него углу валялся бортовой журнал, рядом авторучка и фломастеры. Ыхлас опустился на колени... В двух шагах справа подобрал находку, увидел какой-то фотоснимок... Ыхлас узнал двух молодых парней, сидевших в обнимку. У штурмана дрогнуло сердце: на фотоснимке были запечатлены космонавты пропавшего без вести "Циолковского" — Федор и Тахир!

"Как попала их фотография сюда?.. Они же никогда не были в нашем космолете. Они улетели раньше, чем он был построен", — думал Ыхлас, вглядываясь в улыбающиеся лица товарищей. Ыхлас стал внимательно осматривать обсерваторию. Его взгляд остановился на иллюминаторах правого борта, — их было два в отсеке. Из них лились разные по цвету лучи: из одного — белый, из другого — алый, почти багровый, отчего царил пугающий сумрак.

Потом, он стал осторожно снимать повязку. Боли почти не чувствовалось, во всем теле ощущалась какая-то легкость. Ыхласу хотелось двигаться, и желание все усиливалось. "Что бы это значило?" И тут он вспомнил, что недавно принял политаблетку-стимулятор, найденную в нагрудном кармане. Этот препарат применялся в кризисных ситуациях и требовал непрерывных

движений.

— Сергей! Хватит тебе прятаться, выходи? — голос Ыхласа прозвучал так громко, что многократно отдался эхом от стен зала. Однако никто не отозвался на его оклик.

Ало-багряные лучи стали вроде погуще, интенсивнее. Ыхлас решил посмотреть в иллюминатор, но от стремянки остались одни обломки. Уцелевшая часть повисла на стальном тросе.

Наконец он кое-как добрался до иллюминатора, и все стало понятно: космолет обстреляли какие-то существа, владеющие мощным оружием. Вследствие повреждений отсек "Пулково" автоматически отделился от корабля и рухнул на планетку. "Вот почему я весь побитый, — думал Ыхлас. — А помощь, видимо, оказал мне Сергей. Значит, он пострадал меньше... Но куда же он подевался? Куда?!" Минутой позже Ыхласа взяло сомнение: "Нет, я ошибаюсь! Нет здесь Сергея и не было. Он не разыгрывает меня — в такой-то ситуации! Это померещилось мне. А может, отсек вовсе и не отделялся от космолета?" Ыхласу очень хотелось поверить в это.

Вдруг табло на двери в рубку замигало красными буквами. "Значит, после катастрофы в зал обсерватории никто не входил, — радостно поду-

мал Ыхлас. — Тогда кто столь усердно помогает мне?! Вероятно, инопланетянин, "космит", как их теперь называют... Однако и это невозможно, чтобы в пределах Солнечной системы, пусть на ее окраинах, существовала ВЦ. Почему, в таком случае, она до сего времени не вступила в контакт с землянами? Невероятно, чтобы за сотни лет техногенной цивилизации человечества наши приборы не могли открыть ее проявлений!"

Штурман совсем забыл о своем состоянии, о крахе экспедиции, ломая голову над загадкой. И тут внезапно вспомнил о "безумных идеях" космологов конца XX и начала XXI века. Гипотеза их утверждала, что "в мироздании, которому нет ни начала, ни конца во времени и пространстве, вечно эволюционирует не поддающийся воображению людей Клубок "малых" вселенных (подобных нашей, "видимой" глазом и приборами). А в этом Клубке существуют почти "замкнутые на себя" вселенные — так называемые "схлопнувшиеся миры". Они возникли вместе с нормальными мирами пятнадцать миллиардов лет назад — на заре рождения Космоса. Тогда все его вещество, сжатое до размера маковой росинки, которая весила квадриллионы миллионов тонн в одном кубическом сантиметре, взорвалось (так

называемый Большой Взрыв). Маковая росинка мгновенно распухла до размера нашей "видимой вселенной" — продолжает распухать сейчас! До сих пор "разбегаются" от точки Взрыва тысячи галактик, метагалактик, "малых вселенных". В отдельных зонах пространства иногда чудовищно возрастает сила тяготения — гравитация; опять начинается сжатие вещества Космоса — и рождаются "схлопнувшиеся миры". Самое поразительное их свойство — это "двуликость". Если наблюдатель смотрит на такой мир извне, тот выглядит как микроскопический объект! Но стоит наблюдателю каким-то образом проникнуть в "схлопнувшуюся вселенную", он окажется в огромном космическом мире — подобном нашей Галактике.

"Неужели мы с Сергеем проникли именно в такую, "полузамкнутую на себя", вселенную? — подумал Ыхлас. — Вот это будет действительно "эврика!", как говорит Сергей. Тогда все сходится, все понятно: с космолета, летящего вне "схлопнувшегося мира", мы видели в рефрактор крохотную Зеленую точку. Потом непонятно как, а может, не без помощи "космитов", наш корабль оказался внутри "малой вселенной". Космолет, видимо, сбит, скорее всего ударом сверхтяготения

на границе "мира Зеленой точки", а не какой-то там пушкой или другим оружием".

Душу Ыхласа охватила неизбывная тоска. На родной земле могут никогда не узнать, куда исчезли "Циолковский" и их космолет. Во-первых, потому, что Ыхлас беспомощен и заточен в изолированном отсеке "Пулково". Сергей, возможно, погиб... И вскоре погибну я — либо от голода, либо от удушья. Рано или поздно запасы кислорода в отсеке кончатся. Но я обязан выжить! Надо любой ценой выбраться отсюда". "Ну, а дальше?! — промелькнуло в глубине сознания. — Допустим, выберусь. А пригодна ли для человека среда обитания в этом мире? Есть ли тут кислородно-азотная атмосфера, белковая пища, только не всякая, а земного состава: аминокислоты, углероды и-те-пе? Грубо говоря, что ты будешь кусать?.. То-то! Ничего, найдется выход, — успокоил сам себя Ыхлас. — Из любой ситуации есть какой-то выход".

Текло время. Вдруг Ыхлас почувствовал, что кто-то следит за ним через боковой иллюминатор. В багряном свете, падающем на полусферическую стенку обсерватории, мелькнула чья-то размытая тень. И тут же исчезла. Острый слух штурмана уловил даже слабый шорох шагов извне. "Что

это было? Самовнушение или галлюцинация? Попробуй, проверь..." — подумал Ыхлас.

Ыхлас добрался с трудом до иллюминатора и приклеился лбом к стеклу, пытаясь разглядеть что-нибудь. Конечно, никакого существа Ыхлас не увидел, зато был вознагражден зрелищем цветущей местности, заросшей экзотической растительностью. Причудлив был вид деревьев: у них были кроны, похожие на шапки-кубанки, и зеленовато-красно-фиолетовая листва. В целом, дерево напоминало громадные тельпеки, хотя отдаленно смахивало и на плакучую иву. Корни деревьев далеко распластались по грунту сине-зеленой окраски и казались огромными водяными змеями.

Невысоко над горизонтом висело какое-то светило. "Вероятно, спутник? — подумал Ыхлас. — Да, та самая Ледовая планета, которую мы видели, подлетая". — Он скосил глаза налево и увидел озеро, на противоположном берегу которого зеленели высокие холмы. Падая на зеркало воды, яркие лучи Ледовой планеты рождали красивую световую дорожку. То было поистине волшебное зрелище!

Растения словно были облиты жидким серебром. На самом деле, то были сверкающие в лучах

Ледовой планеты росинки. А может, и не роса это вовсе: понять Ыхлас не мог. "Но впечатление ошеломляющее, — думал он умиротворенно. — Словно жизнь тут кипит и переливается через край от избытка сил".

Вблизи от Ледовой планеты он приметил еще две небольшие розовые точки-звездочки. "Скорее всего, это спутник Объекта, а может, и часть звездной россыпи этого мира — целой Галактики, вроде нашей". Тусклый красноватый свет "звездочек", освещая Объект, придавал всему вид прекрасно оформленной театральной декорации.

Ыхлас почувствовал сильную усталость от обилия впечатлений, и медленно слез по останкам стремянки вниз. Немного отдохнув, собрался с мыслями. И понял, что нет у него времени на отдых. Пустой желудок начинал властно требовать свое. "Нет, нельзя действовать по принципу: "Выноси вещи, когда дом сгорел". Чтобы выжить в этом мире, надо думать, искать выход, пока он не найдется. Прежде всего, проверить дверь отсека! Откроется ли она? Если не откроется, можно считать себя покойником. Допустим, что я все-таки выбрался из "Пулково". А что найду снаружи?.. Есть ли на планете кислород и пища?"

Он привел отсек в относительный порядок, осмотрел радиопередатчик на предмет годности к ремонту, но тот оказался в безнадежном состоянии. И это сильно огорчило штурмана: теперь нельзя будет послать даже сигнал о помощи. В дальнем углу отсека он увидел кресло. На его подлокотнике стояла белая тарелка! Но не это поразило штурмана, а то, что лежало на ней — пищевые таблетки и тубы! "Опять загадка! — мысленно удивился Ыхлас. — Значит, кто-то заходит сюда. Вернее, заходил после аварии и принес пищу? Это тот самый человек, который перевязывал меня и давал лекарство. Сергей?.. Нет, его нет в корабле. Так кто же тогда?"

Ыхлас взял несколько таблеток. Медленно проглотил их, запил соком из туба. Да, конечно, это обычные в рационе космонавтов препараты, содержащие полный набор жиров, белков, углеводов. "Что ж, спасибо тебе, неведомый благодетель, — поблагодарил Ыхлас. — Проблема голода временно решена. Несколько дней..." Он вздохнул, заметив тень, мелькнувшую за стеклом бокового иллюминатора. Снова услышал топот легких шагов. Не раздумывая ни секунды, прильнул к иллюминатору. За красноватым стволом толстой "плакучей ивы" угадывались контуры

чьей-то фигуры. Огромные ветви растения слабо шевелились. Рядом стоящие деревья сохраняли полную неподвижность. Ни малейшего колыхания! Ясно, в ветвях "плакучей ивы" кто-то прятался. "Хватит созерцания!.. — приказал себе Ыхлас. — Так ничего не выяснишь и не добьешься. Пора выходить наружу, исследовать местную флору и фауну. Пока есть силы."

Надевать гермоскафандр он не стал: какая разница — умереть от удушья сразу или медленно агонизировать в отсеке, где вот-вот кончится кислород? Кто не рискует, тот не выигрывает. "Раз тут бурлит органическая жизнь, похожая на земную, значит, есть надежда".

Он решительно подошел к столику, раскрыл вахтенный журнал и записал в нем все, что случилось с их космолетом. "Это необходимо, — подумал Ыхлас, ставя последнюю точку в записи. — Если люди и не узнают истинных причин нашей катастрофы, то хотя бы поймут, что мы сделали все, что было в наших силах".

Выходная дверь "Пулково" оказалась запертой условным кодом! И этот факт укрепил Ыхласа во мнении, что именно Сергей приходил сюда, а не какой-то "космит". Штурман набрал на диске замка цифры "2080", и дверь бесшумно ушла в паз.

С сильно бьющимся сердцем Ыхлас ступил, наконец, на "землю" планеты. Она была словно покрыта упругим толстым ковром с густым ворсом. От нее исходил удивительно приятный аромат. Воздух был свеж и чист, как после хорошего весеннего дождя и даже как будто попахивал озоном. "Правильно я сделал, что не влез в тяжелый скафандр", — подумал Ыхлас.

Ледовая планета была на ущербе и клонилась к горизонту, а на небе, с противоположной стороны, поднимались две звездочки, испускавшие красноватые лучи. Густые заросли вокруг отсека напоминали экзотический лес где-нибудь в дебрях бразильской Амазонки. Однако ни птиц, ни зверей не было. "Это плохо, — с огорчением подумал Ыхлас. — Неужели вся органическая жизнь представлена на планете лишь одними деревьями, цветами да травами?"

Вскоре он вышел на открытое пространство и сразу увидел на далеком горизонте нечто, похожее на искусственное сооружение. Оно было освещено закатными лучами Ледовой планеты. Нельзя было понять, что это такое: здание или просто громадное дерево типа земного баобаба, под которым можно укрыть целый кавалерийский взвод.

Ыхлас схватил одну из ветвей "плакучей ивы", и у него часто заколотилось сердце. Ибо он осознал все величие этого момента: ветвь — это тебе не одноклеточный организм, найденный в марсианской почве, и не бактерия водородной атмосферы Венеры. Целая ветвь!.. От дерева, выросшего в "микровселенной", о которой не подозревало человечество. Ыхлас переборол волнение, с силой рванул на себя ветку. В руках у него остался плод солидных размеров. От него исходило своеобразное тепло! А в месте разлома выступила жидкость, напоминающая по цвету молоко.

— Вах!.. Уж не кровь ли это живого существа?! — испуганно воскликнул Ыхлас, непроизвольно озираясь вокруг.

Но "плод" помалкивал, как и сама "плакучая ива". И вообще, окрест стояла глухая тишина. Ни звуков, ни голосов, ни шелеста! На глазах жидкость густела, затвердевала — и капель с обломанной ветви прекратилась. Затем "плод" начал таять.

— Может, все-таки это часть живого организма? — спросил сам себя штурман. Вопрос был чисто риторический.

В озере, к берегу которого он незаметно вы-

шел, послышался резкий всплеск. "Кто это там плещется? — с тревогой подумал Ыхлас. — Не Сергей ли?.." — Ыхлас никак не мог отделаться от навязчивой мысли о командире.

Ничего не разглядел он в озерной воде. И опять вернулся в отсек "Пулково". Взял миниатюрный киноаппарат, не забыл прихватить и лазерный пистолет. Снова выскочил наружу, где его поджидал очередной сюрприз. Меж стволов растений на бешеной скорости промчалось какое-то существо. В несколько прыжков одолев расстояние от зарослей до берега озера, оно на миг остановилось и посмотрело на Ыхласа. Светлая кожа и длинные черные волосы, окаймлявшие щеки и лоб, напомнили чей-то знакомый образ. Не успел он осмыслить увиденное, как существо высоко подпрыгнуло и взвилось в воздух! Пролетев над озером двадцать-тридцать метров, оно плавно изогнулось и без всплеска ушло в воду.

Ыхласа поразило сходство "космита" с человеком. Хотя вместо рук у существа было какое-то подобие крыльев. "Значит, оно — амфибия и дышит жабрами?

Ничего удивительного: и на Земле много таких животных. Во всяком случае, мне пора от созерцания переходить к практическим исследованиям

местной фауны, раз мое предположение о ее отсутствии здесь оказалось неверным".

Он вновь внимательно осмотрелся. Отсек "Пулково" был позади и сверкал в лучах спутников мини-планетки, словно "гупба" — украшение на девичьей тюбетейке. И снова Ыхлас задумался о необычности местных растений и животных. Почему они так похожи на земные?

5

Спокойная вода в переполненной чаше озера задрожала: из нее вышла молодая женщина с темными глазами и бровями. Ее плечи закрывали длинные светлые волосы. Тысячи капелек, подобных ртутным бусинкам, рассыпались по ее шелковистым локонам и юному телу. С той же поспешностью, с какой она вышла из воды, женщина добежала до скалы близ берега и спряталась там, словно кого-то поджидая. И действительно: снова расступилась поверхность озера, и на берег ступила такая же юная женщина. Она была весьма похожа на первую. В руках у нее был желтый мешок. До слуха Ыхласа долетели слова разговора, который вели они полушепотом:

— Идем, никто не заметил нас.

— Но эти мерзавцы приходят всегда незамет-

но!

— Мой радиоэлектронный видеоаппарат показывает, что они не так уж близко. Думаю, еще на один обед мы успеем набрать плодов. Давай сюда твой мешок!

— А может, немного повременим? Этот негодяй Джо нападает внезапно. Он еще мальчишкой был отменным прохвостом. Хитрец, каких мало!.. Не перестаю удивляться и недоумевать: почему любой, кто попадает к НИМ в лапы, сразу превращается в нашего врага?! Иначе нельзя объяснить, почему отец бросается с ножом на родного сына — да еще самого младшего.

— Быть может, он не узнал его?

— Разве он слепой, — возразила первая. — Не только мой муж стал врагом младшего поколения; те, кто попадат ИМ в руки, настолько меняются, что их просто невозможно узнать! Выходит, тут заключена какая-то непостижимая для нас загадка.

— Об одном обстоятельстве не подумала ты, Вика. Ни сам Джо, ни тем более люди из ИХ шайки не могут войти в воду. Чего они боятся, как считаешь?

— Моя мама объясняет это так: "У них, по-видимому, особая природа жизни, непонятные нам

замыслы и устремления". А тебе известно, что моя мать — знахарка. И вполне возможно, она права.

— Кто знает... — вздохнула ее собеседница. — Столько времени прошло с той поры, как они оставили свою обитель под водой. Может, они успели одичать? Я чуть сознание не потеряла, когда в последний раз увидела Джо. Лицо у него сплошь покрыто волосами, а глаза страшно красные! При одном лишь взгляде на него я поняла: в нем не осталось и капли сострадания к ближнему. А ведь как сильно любил он младшенького. Теперь же и его не пощадит.

"Ага, ту, что несла желтый мешок, зовут Викой. А Джо, имя которого наводит на девушек ужас, был, вероятно, ее мужем", — подумал Ыхлас.

Обе женщины быстро зашагали по острым камешкам вдоль подножия скалы. Вскоре они добрались до зарослей и принялись собирать какие-то плоды под ногами.

Ыхлас тоже покинул свой наблюдательный пост и по другой тропинке пошел вслед за девушками. Джунгли поразили его: растения на вершине горы резко отличались от тех, что росли внизу. Ветви на них были колючие и длинные, покрытые желтыми и красными цветами. Под деревьями валялись всевозможные плоды. Кро-

ме того, землю сплошь покрывали цветы, и она казалась подстриженным газоном. Подобную же картину Ыхлас видел на родной земле, где-то неподалеку от Черкезли, в начале весны, когда в предгорной пустыне набирали силу фисташки. При воспоминании о милых сердцу местах Ыхлас как бы возродился, почувствовал себя крепким, сильным, уверенным в себе. И растроганно улыбнулся.

Тем временем девушки продолжали сбор ягод, а также плодов, чем-то похожих на фисташки и грецкие орехи, что снова поразило Ыхласа. Неужели возможно подобное сходство местной флоры с земной? Подруги так увлеклись, что не почувствовали приближения Ыхласа. Он остановился и стал внимательно разглядывать девушек. И его поразило сходство той, что звали Викой, с кем-то из девушек из его родных мест, но с кем? Он запамятовал. Поразила его тогда красота земной незнакомки. Так же прекрасна была и Вика… "Где же я раньше видел подобный облик? Может, в детстве?.. Или в юношеские годы? Где встречался — в Москве, Ашхабаде, Черкезли? Или на космодроме?.." — В памяти ничего не забрезжило, и он досадливо махнул рукой. И все-таки Вика так и притягивала его внимание,

казалась Ыхласу такой близкой и родной, что он едва удержался, чтобы не окликнуть девушку по имени. Так бы он и сделал, если бы не тихий шорох где-то справа: он мгновенно вывел Ыхласа из поэтического созерцания. Присев на корточки, он зорко всмотрелся в джунгли и приметил два силуэта. Они, пригнувшись, почти бесшумно, подкрадывались к женщинам! У одного из них и лицо, и тело, едва прикрытое от пояса до колен легкой накидкой, заросли мелкой шерстью; на плече висел лук, на поясе торчали стрелы с блестящими наконечниками и перья на другом конце. Лохматая шевелюра закрывала грудь и плечи. Он был босой и смахивал на зверя. Его же товарищ в общих чертах напоминал обычного человека. Голова у него торчала из могучих плеч и была красной, словно медь. Ушей почему-то не было, а вместо глаз — две узкие щели, в которых отражался свет. И рта у него не было видно! На теле..." А что там у него?" — с испугом подумал Ыхлас, пока не разобрался, что "человек" имел две руки и... четыре ноги. Потому и двигался он весьма странным образом: ноги семенили ритмично, а шаги были почему-то неуклюжими, и со стороны казалось, что туловище его оставалось на месте, или, во всяком случае, еле перемеща-

лось в пространстве. Потом Ыхлас заметил, что и руки у него тоже почти не действуют.

"Видимо, у него тело железное? — предположил Ыхлас. — М-мда-а! Ничего доброго от этих существ ждать не приходится… Как безобразен этот мохнатый! Кажется, это и есть муж Вики, сам Джо".

Тут "Железный", как окрестил второго Ыхлас, подал товарищу какой-то знак. Джо взял наизготовку лук, вставил стрелу и прицелился в подруг. Джунгли прорезал истошный женский крик:

— Остановись, Джо-о! Это же я, Вика!.. Ты что — решил убить меня?! В своем ли ты уме?.. Ника, образумь же ты его!

Она хотела прокричать что-то, но стрела сорвалась с тетивы и вонзилась ей в грудь.

Ника обхватила подругу поперек туловища и побежала к обрыву скалы, нависавшей над озером. Достигнув края скалы, она бросилась в воду. Высота обрыва была около ста пятидесяти метров! Ыхлас поразился силе и ловкости женщины.

Как только Ника коснулась воды, Джо снова прицелился из лука. Ыхлас, забыв об опасности, яростно заорал:

— Остановись, негодяй!

Но стрела уже вырвалась на волю — и опять не прошла мимо цели. Она поразила одну из уходящих под воду женщин. В кого из них попала стрела, Ыхлас не смог различить.

Услышав крик, Джо хотел было ринуться на него, но раздумал. Вероятно, принял Ыхласа за одного из своих. Спустя мгновение он понял, что это чужак. Неожиданно для Ыхласа он бросил лук на землю и скрылся в джунглях. А "Железный" по-прежнему стоял столбом. Выхватив лазерный пистолет, штурман прицелился в него и скомандовал:

— Не шевелиться! Руки вверх!.. Я не трону тебя, но если ты попытаешься бежать, пристрелю!

Железный бежать не собирался, но и команды не исполнял. "Что за черт! Странная личность, — подумал Ыхлас. — Вероятно, робот?"

Он смело приблизился к Железному и принялся внимательно разглядывать. Четыре конечности напоминали ноги, обутые в старинные чокаи. Крепко упирался ими в землю. "Ну и поза, — усмехнулся штурман. — Как будто приготовился к поединку на ринге".

Словно подтверждая его догадку, Железный вдруг сделал выпад. От резкого, точного удара по кисти Ыхласа пистолет вылетел из пальцев

и упал в траву. Ыхлас отшатнулся, но лапы Железного схватили штурмана за ворот скафандра. Ыхлас мгновенно ударил испытанным приемом по этим "захватам" — и лапы отцепились. Мощным повторным движением уже одной "руки" Железный отбросил Ыхласа на несколько метров назад. На мгновение штурман даже потерял сознание, но тут же очнулся и пытался подняться. Однако Железный сгреб его в охапку, сжал. "Эх, теперь не вырваться мне!.." — с досадой подумал штурман. Собрав остатки сил, он все же выскользнул из объятий робота и потянулся к пистолету. Железный успел ухватить Ыхласа за ногу, но, резко вывернувшись, Ыхлас схватил оружие и взвел курок.

6

— Снимите повязку у него с глаз!..

Сергей испытал облегчение: "Наконец-то хоть этот дидон заговорил на понятном языке! Приятно услышать нормальную речь после всего пережитого. Правда, это еще ничего не значит и судьба моя неизвестна. Куда я попал? Что за люди тут? — Он заскрежетал от злости зубами. — Никакого почтения к гостю!.. Когда эти типы в черном били, они даже словом не обмолвились, будто

упражнялись на боксерской груше..."

Он бегло осмотрелся. Его караулили те же субъекты в черных одеждах и в масках. В просторной комнате была идеальная чистота. У стены, задрапированной черной материей, стоял полированный стол. Яркий свет юпитеров в углах слепил глаза, и Сергей прикрыл их ладонью, пытаясь рассмотреть сидящего за столом седого субъекта с густыми черными бровями.

Седой человек поднялся, обошел стол и представился:

— Меня зовут доктор Сарри... А вас?

Сергей молчал.

— Прошу прощения, мистер, но у вас нет причин обижаться на меня. Не отрицаю: мои ребята несколько переусердствовали... Вы не захотели по-хорошему подчиниться им. К тому же, отправили на тот свет одного из лучших моих помощников. И даже после этого я не питаю к вам злобы. Скрывать свое имя не было никакого смысла, и Сергей расцепил зубы:

— Меня зовут Сергей Сергеевич.

— О! И фамилия, наверное, Сергеев? — весело произнес Сарри. — По-моему, у вас так бывает частенько.

— Откуда вам это известно?! — удивился Сер-

гей. — Как я понимаю, мы находимся в мире иной цивилизации. Или вы бывали на Земле?

Доктор Сарри сел в кресло и от души расхохотался. Сергей заметил, что у него не было зубов. Нахмурившись, хозяин кабинета заявил:

— Теперь, мистер Сергеев, вам абсолютно некуда спешить. Вероятно, вы посетили наш мир, как говорите вы, впервые. И наверняка с какой-то целью! Смею заверить, что ее вы не достигнете никогда... Вам ничего не остается, как привыкать к местным условиям. Кстати, а почему вас интересует, откуда я знаю земную жизнь? — Не дождавшись ответа, он переменил тему: — Для настоящего знакомства с моей планетой вам, прежде всего, следует привести себя в порядок. А также и отдохнуть, согласны? — Доктор сделал одному из парней в черном какой-то знак. Тот кивнул.

Чем больше Сергей глядел на Сарри, тем сильнее разгоралось его любопытство: "Странная личность... — думал он. — Поразительно напоминает обыкновенного англосакса. Но это невероятно: он же космит? Если бы я встретил Сарри в Ашхабаде, либо в Москве, Риге, Тегеране или Дели, то принял бы его за почтенного университетского профессора".

У Сарри был широкий, несколько выпуклый лоб. Длинные волосы сохранились только на затылке. Они казались шелковистыми и прядями спадали на шею. Лицо продолговатое, изжелта-бледное, словно перенес болезнь Боткина. Одет доктор был в красную водолазку и клетчатый костюм, на лацкане красовался золотой значок с изображением человеческого черепа. На перстне, украшающем тонкий указательный палец, оттиснуто какое-то уродливое существо. А в мочке левого уха раскачивалась золотая серьга в виде полумесяца. "Не-ет, он похож не на профессора, а на старого артиста, покинувшего сцену провинциального театра", — переменил свое мнение Сергей.

Тут его мысли прервались: неслышно раскрылись двери, и в комнату вошли две красивые девушки высокого роста, одетые в снежно-белые платья. Доктор Сарри приказал им:

— Займитесь мистером Сергеевым. Приведите его в божеский вид.

Одна из девушек поднесла к Сергею золотой тазик, в котором плескалась жидкость синеватого отлива. Ее подруга обмакнула в жидкость кусок бинта и принялась осторожно смывать с лица пленника кровь и грязные пятна, потом занялась

одеждой. Каждый раз, как светловолосая девушка касалась нежными пальцами щек Сергея, он испытывал сладкую дрожь. Но вот смоченный тампон лёг на кровоточащую рану, и Сергей едва не подскочил от жгучей боли. Ему казалось, что у него загорелась кожа и отваливается по кускам. Быстрым движением руки он коснулся "горящего" места — и внезапно ощутил, что у него ничего более не болит. "Что за странное наваждение?!" — мелькнула у Сергея недоуменная мысль.

Девушка словно знала, что чувствует ее пациент, и с улыбкой в огромных голубых глазах успокоила Сергея:

— Не надо пугаться, от вашей раны и следа не осталось. — Она вытащила из кармашка платья маленькое зеркальце, повернула его к Сергею.

— Кто разрешил тебе болтать с ним?! — закричал вдруг доктор Сарри.

Сергей непроизвольно вздрогнул: настолько устрашающе прозвучал голос этого "доктора".

"Ну, и лицемерный же тип, — подумал он. — Не хватало еще, чтобы он начал избивать эту милую девушку!.. Она что — рабыня? Ничего не поймешь в чужом доме. Тем не менее, если вздумает поднять на нее грязную лапу, задушу, как котенка!.."

Сарри, видимо, прочитал эти мысли по выра-

жению глаз Сергея и прежним любезным тоном извинился:

— Простите меня, но девки эти недостаточно воспитаны, хотя и весьма смазливы… Но я попрошу Факуру научить их приличиям.

Тут зеркальце выпало из рук светловолосой девушки и разлетелось мелкими осколками. В следующее мгновение она пала ниц у ног Сарри, обняла их и принялась умолять:

— О-о! Простите меня, шеф. Избавь от гнева Фа-куры, пожалей свою покорную слугу. Впредь никогда не допущу такую ошибку.

Доктор с силой вырвал ногу, повернулся к стене и властно закричал:

— Факура-а!

Занавес раздвинулся. За ним был цветной экран, вмонтированный в стену. На нем появилось изображение сидящего "человека" по имени Факура, как сразу догадался Сергей.

Голова Факуры напоминала куриное яйцо, увеличенное раз в двадцать. Обнаженное до пояса туловище казалось отлитым из олова. Сергея передернуло: ни дать ни взять, живой мертвец. Руки, ноги, квадратная фигура — все у Факуры было неуклюжим, необычным, даже ужасным. "До чего же ты безобразен, собрат по разуму, —

с дрожью подумал Сергей. — В кого уродил ся такой. Однако с лица воду не пить, говорят на Земле, и мне придется потерпеть".

— Я к вашим услугам, шеф! — глуховатым голосом сказал Факура.

Сергей поразился: вместо рта у него была длинная щель, как у персонажа мультфильма.

Сарри подал Факуре знак. Тот встал и пошел прямо на доктора. И это тоже было чудо: на экране Сергей видел, как Факура идет по неширокому коридору, в нишах которого то и дело появлялись... человеческие скелеты. "Неужели настоящие?! Да нет, пожалуй, просто муляжи", — успокоил он себя.

Сарри дернул за веревку, и телеэкран закрылся.

— А ты чего разинула рот? Тоже захотела в гости к Факуре?.. — заорал доктор на вторую девушку — ту, что держала тазик.

Она мгновенно поставила таз на пол, окунула в жидкость тампон и стала вновь обрабатывать раны Сергея. Как и прежде, он сначала испытывал боль, которая затем исчезала. Душу Сергея терзало более сильное чувство: он ужасался порядкам, заведенным тут "доктором" Сарри. Он презирал себя за то, что не может, не имеет права

вступиться за светловолосую. Видимо, на лице его было такое страдание, что Сарри, отнеся это к ощущениям при промывке ран, снисходительно ободрил Сергея:

— Потерпите немного, мистер. Жидкость, в которой плавают живые ткани, быстро исцелит вас от всякой боли. Взгляните-ка на эти раны: от них уже нет и следа, верно?

И доктор изобразил на своей мрачной физиономии обворожительную улыбку, явно не гармонирующую с холодным, острым выражением глаз.

— Эти чудо-ткани я готовлю сам, — добавил Сарри. — Жаль только, что их запасы у меня невелики, и применять их вынужден крайне редко. Для вас же…

Тут его прервали: стена позади Сарри раздвинулась, будто по ней провели лазером, и в кабинет ввалился Факура. Он упал на колени и положил свою голову на правую ногу хозяина.

— Готов к услугам, шеф! — пророкотал он. Поднялся и застыл, сложив руки на груди.

Вначале Сергей подумал, что это робот, но, приглядевшись, изменил свое мнение: Факура был, несомненно, "человеком".

Сарри кивком указал на девушку, которая все

еще была в обмороке. Факура легко, словно та была перышком, поднял светловолосую с полу. Она вдруг очнулась и оттолкнула Факуру. Затем поклонилась Сергею и быстро произнесла:

— Вы здесь гость. Помогите же мне. Спасите от Факуры! Быть может, доктор прислушается к вашей просьбе?

Сергей устыдился, что такая мысль не ему пришла в голову: "Ты не мужчина, а тряпка, — обругал он себя мысленно. — Ну, чего медлишь? Девушке грозит смерть, а ты стоишь, будто кол проглотил. Действуй!.."

— Доктор Сарри, прошу вас… Пусть Факура вместо нее заберет меня, — заявил он решительно.

Тот не без удивления посмотрел на Сергея, усмехнувшись, жестом приказал Факуре оставить девушку. Медленно встал из кресла, приблизился к Сергею. Пользуясь случаем, другая девушка молча выскользнула из комнаты. Сарри пытливо глянул Сергею в глаза и вполголоса сказал:

— Мистер Сергеев, в вашем возрасте и я был слепым храбрецом. Тоже рисковал без оглядки. А знаете ли вы, кто такой Факура и что он сделает с тем, кто перейдет этот занавес? Мальчишество, понимаете?.. Вы смертельно рискуете, повторяю. И ради чего же? Ради твари, не стоящей ломаного

гроша.

Сергей лишь пожал плечами. "Интересно, в чем его сила? — думал он. — В том, что слишком умен? Но, по-моему, Сарри отнюдь не гений и не маг. Из глупца не получится волшебника! Значит, мне придется выяснить: кто же он на самом деле?.. Когда же Ыхлас объявится? Он не из тех, кто сидит сложа руки. Только гибель может помешать ему придти мне на помощь".

Он снова взглянул на Сарри, и ему почудилось, что в слезящихся глазах "доктора" застыла усталость и отрешенность. И вдруг понял, что ошибается: это был взгляд человеконенавистника!.. Мертвящий холод был в нем, а не отрешенность. "Да, да, все верно: в органах каждого живого существа царствует лишь присущая именно ему гармония. У мягких и добрых людей движения души находятся в полном согласии с качеством ума. У жестоких субъектов разум дремлет, он в зачаточном состоянии. Например, у белки все нежно и прекрасно: и шкурка, и взгляд, и движения. У кабана все иначе. Он свиреп и груб, внешне не слишком красив, симпатии особой не вызывает. Такая вот существует корреляция в природе. Бывают, конечно, и исключения, но они еще больше подтверждают это правило, закон...

Помимо того, человек все же высшая ступень развития ума — по сравнению с животным миром, из коего он вышел. А посему, к сожалению, владеет искусством притворства, маскирует свое естество. Хотя у подавляющего большинства гомо сапиенсов душевные качества и ум, как в зеркале, отражаются в глазах. Надо лишь уметь читать в них..."

Доктор Сарри угадал, вероятно, ход его мысли, нахмурился и вернулся на место. Отрывисто буркнул Факуре:

— Уведи отсюда эту стерву! Не наказывай пока. Но это не значит, что я простил. Отведи и запри в лаборатории. Жди нового распоряжения... Да, забыл предупредить: строго охраняй банки, где хранятся программы! Сам видишь: к нам то и дело лезут нежданные гости... — И Сарри метнул на Сергея молниеносный взгляд.

Факура снова пал на колени, положив голову на ногу Сарри, и сипло прорычал:

— Слушаю, шеф! Все будет в порядке.

Быстро встал, схватил светловолосую за плечи и почти швырнул ее на стену, которая автоматически разошлась, образовав проход в длинный коридор. Он был подобен ущелью в горах. Пространство же за стеной чем-то смахивало на

пещеру. Сверху ее освещал слабый свет: он как бы исходил от прожектора, висящего в пустоте на удалении в километр, если не больше. В пещере был странный, несколько жутковатый полумрак.

Прежде чем раствориться в нем, светловолосая девушка успела благодарно улыбнуться Сергею. Доктор Сарри, к счастью, не видел этого. Едва она скрылась, он поднял кверху указательный палец, давая понять Сергею, что речь пойдет о чем-то важном:

— Знаете, мистер Сергеев, я впервые в жизни так разъярился. И в этом виноваты только вы.

— Я? — недоуменно спросил тот. — В чем же моя вина?..

— В вашей просьбе, дорогой гость.

Сергей возразил:

— Вот видите! Моя глупость уже дает свои плоды.

— Но вы могли и не выполнять эту просьбу.

— И я глотаю их без восторга. Так учтите. Венеру я отправил не на смерть, как вы думаете. Второй плод тоже не по вкусу мне: я сижу и покорно выслушиваю ваши упреки, мистер. А ведь сделал это, не считаясь с чудовищами, в окружении которых приходится работать. Кроме того,

благодаря мне удалось привести в божеский вид вашу физиономию, поврежденную их кулаками. Я потратил на это живые ткани, а ведь им цены нет!..

"Имя светловолосой вполне гармонирует с ее божественной красотой, — думал между тем Сергей. — Где она сейчас, что делает?.."

Видимо, Сарри покоробило его невнимание и он без всякого перехода зарычал:

— Надеюсь, вы меня слушаете?!

— Стараюсь, — ответил Сергей.

— В таком случае договоримся окончательно. — и доктор хлопнул в ладоши.

Паркетный пол в комнате плавно пошел вниз, и вместе с ним поползли стражи, такие же невозмутимые и молчаливые. Затем из проема выдвинулся сервированный стол и два кресла.

— Прошу, мистер Сергеев, садиться. Угощайтесь. Не стесняйтесь! Скоро вам предстоит важное дело… А пока я расскажу об этой планете. Это необходимо ради общего блага.

Глядя на Сарри, Сергей вспомнил почему-то туркменскую поговорку: "Сытый человек не знает горя и беды". И мысленно признал ее мудрость: "Ничего хорошего от этого волка с цивилизованными манерами ждать не приходится. Посему я

просто обязан плотно набить свой желудок калориями. Тогда легче будет тягаться с космитом! Любопытно, какую пакость он готовит мне? Да еще окрестив ее термином "важное дело"? От старого плута можно ожидать всего. Но и я не лыком шит! Может рискнуть и спросить его: "Схвачен ли его парнями Ыхлас?". Однако поразмыслив, он решил не искушать судьбу. Сарри, видимо, не подозревает о его существовании. Быть может, Ыхлас где-то рядом, и когда придет время, выручит из беды.

Разговаривая мысленно сам с собой, Сергей задумчиво улыбался. Сарри истолковал это по-своему.

— Пусть вас ничего не тревожит, — успокоил он. — У меня и в мыслях не было подсунуть вам отравленную пищу! Все проверено. Не бойтесь и чужеродности продуктов, из которых приготовлены блюда. Хотя вы и находитесь в ином мире, — тут Сарри загадочно ухмыльнулся, — пища состоит из тех же белков, жиров, углеводов, что и ваша.

— Ага, вы сказали, что еда проверена? — спросил Сергей, в упор глядя на него.

Вместо ответа Сарри демонстративно придвинул к себе первое попавшееся блюдо и взял в рот

кусочек желе. Затем с аппетитом стал поглощать пищу, мерно двигая челюстями. Тогда и Сергей последовал его примеру. Его поразил тот факт, что еда космитов и по виду, и по вкусу ничем не разнится от земной, привычной Сергею с детства. "Целый набор загадок, — думал он, смакуя фрукты и овощи, которые всегда любил. — Вторая загадка — этот Сарри! Изысканная вежливость со мной — и взрывы звериной жестокости при обращении с женщинами? Что за уродливые переходы! Они ведь люди, а не роботы. А этот бункер или купол, не поймешь? Сооружение, напоминающее о худших временах нацизма. Почему Сарри безвылазно сидит в нем? Или взять матода, блуждавшего по нашему космолету. Уж не из свиты ли Сарри он? Теперь я вполне уверен: неожиданная авария космолета еще при спуске с орбиты — дело рук Сарри... Хотя можно думать и о каком-то гравитационном "мешке". В него попадались иногда земные корабли. — Немного поразмыслив, он отверг эту гипотезу. — Нет, нет, факты говорят не в пользу Сарри. Именно его "чернорубашечники" преднамеренно охотились за мной. Кто они такие? Скорее всего, матоды, принявшие человеческий, земной облик... Наконец, самая важная загадка: что заложено в программе,

охраняемой Сарри столь тщательно?.."

Сергей механически пережевывал пищу, ломая голову над этими тайнами. Потом не выдержал и обратился к Сарри:

— Признайтесь, доктор, что продукты, из которых приготовлен столь вкусный обед, доставлены вашими людьми с планеты, на которой живу я?

Сарри усмехнулся и охотно подтвердил:

— Это верно, вы угадали... А как называется ваша планета?

"Э, дудки-с, мистер!.. — мысленно ответил ему Сергей. — За простачка принимаете? Так я и выложил тебе все".

Но этот дьявол словно прочитал его мысли.

— Ладно, не отвечайте, — небрежно махнул он рукой. — Когда придем к соглашению, сами скажете.

Сергей тоже непринужденно поддел его:

— А я, доктор, подозреваю, что вам отлично известно, откуда я прилетел.

Сарри беспечно рассмеялся:

— Чепуху несете... Ведать не ведаю, откуда вы и кто.

— А где достали эти фрукты? — спросил Сергей, беря с тарелки яблоко.

Сарри уклонился от ответа и встал из-за сто-

ла. Пересел за свой рабочий столик и нажал на кнопку.

Паркетный пол вновь раздвинулся, "черные маски" снова вылезли из квадратного проема. Люк плавно закрылся. Сарри велел парням убрать со стола. Стражи безмолвно исчезли. Спустя минуты две на столик доктора поставили голубую вазу с экзотическими цветами и две бутылки минеральной воды. Сарри жестом пригласил его выпить и достал из ящика стола два золотых бокала. Налив в них шипучей жидкости, придвинул к Сергею.

— Хорошо, не стану скрывать, мистер Сергеев, ничего, — начал он, отпив маленький глоток. — Расскажу, пожалуй, с самого начала. Так лучше поймете меня. Готовы слушать?

Сергей кивнул.

— Смотрите… — Сарри включил цветной экран на стене комнаты. — Вот участок космоса и планетка, где вы имеете честь беседовать со мной. Она сфотографирована издалека.

И верно: Сергей увидел превосходный снимок на слабом фоне какой-то размытой туманности. Затем планетка дрогнула и начала быстро увеличиваться в размерах. "Да, да, ее снимали из космолета, спускавшегося на планету по виткам

спирали, — понял Сергей. — Затем корабль сел". Далее было показано его приземление. И только когда на экране появились существа, в испуге бегущие прочь, Сергей убедился в своем подозрении: Сарри и его люди совсем не космиты, а скорее всего — земляне. "Невероятно, но вполне допустимо, — думал он. — Но с какой целью прилетели они сюда? Кто они такие?.. И вообще, если они так зверски обращаются с аборигенами этого мира, то Сарри не может быть моим современником, человеком Освобожденной Земли. Он какой-то реликт прошлых времен, эпохи разгула на Земле реакционных сил империализма... Тогда непонятно, как он мог незаметно стартовать в космос, да еще с шайкой сообщников? Правда, с давних пор в открытом Внеземелье обнаружены следы неведомых кораблей. Они рыскают на границах Солнечной системы с бог весть какими намерениями. На запросы наших станций не отвечают... Неужели и "Циолковский", ушедший в открытый космос десять лет назад, попал в лапы таких, как Сарри и его напарники. Он обмолвился как-то о неком Центре... Значит, Федор и Тахир были захвачены врасплох, обманом. А когда оба отказались дать нужную информацию, их просто уничтожили: какой смысл держать на

борту корабля лишние рты? Ведь запасы любого космолета не безграничны. Или пища "космитов" оказалась непригодной для Федора и Тахира, если Сарри и ему подобные все-таки инопланетяне..."

Видя, что экран больше не занимает Сергея, доктор выключил изображение. И почти добродушно заметил:

— Как вы догадались, мы открыватели и покровители этой планетки. Жизнь на ней появилась недавно. Аборигены ее могут жить как на суше, так и в воде. Своего рода амфибии. Но эта способность и сыграла с ними злую шутку.

— Что имеете в виду? — холодно осведомился Сергей.

— Они не смогли развиться и создать цивилизацию техногенного типа. Их мозг дремлет в блаженном неведении. В водах планетки можно прокормиться без особого труда и забот. И через миллион лет у них не будет прогресса! Все застыло на одной точке... Впрочем, они не виноваты, — задумчиво сказал Сарри. — Есть другой фактор: Ледовой спутник планетки! Холод Ледовой достигает поверхности, охлаждает температуру почвы, воздуха. Иначе вся здешняя флора, едва возникнув, давно сгорела бы: в недрах, как установлено приборами, бушует рас-

плавленная магма.... Аборигены мне нравятся: они весьма житейские, недалеки и послушны. С ними я и горя не знаю! Что ни прикажу, отвечают: "Слушаюсь, господин" — и не требуют никакой платы либо еды. Питаются подножным или подводным кормом. Правда, они несколько грубоваты, как вы убедились. Но этот недостаток легко исправим...

Сергея стало клонить ко сну. Ему казалось, что самодовольный болтун никогда не замолчит. Он сделал над собой усилие и разлепил веки. С возмущением подумал: "Какой же ты скот, доктор Сарри!.. На этой прекрасной земле шла своим чередом неясная нам эволюция. А лжеученый подонок прервал развитие, лишил будущего Венеру и ее соотечественников. Кто знает, что ждет их теперь? Быть может, прозябание в виде живых роботов, подчиняющихся "программе" колдуна-человеконенавистника?.. Какое чудовищное преступление!"

Сарри понял, что его слова не доходят до сознания гостя.

— Вижу, я утомил вас, — сказал он угрожающе.

Их взгляды скрестились. И Сергей ясно прочитал в глазах Сарри невысказанную угрозу: "Больше я не намерен церемониться с тобой. Я

просто ждал, что ты, наконец, дашь ответы на мучающие меня вопросы. Раз так, пеняй на себя! Тебя никто не спасет, никто не поможет… Готовься к испытаниям…"

— Как бы ты ни старался, господин Сарри, — ответил Сергей, — какие бы меры воздействия ни применял…

— Хватит болтать!.. — взвизгнул "доктор". — Дискуссия окончена. Переходим от теории к практике. Эй, вы, ко мне!..

Открылась невидимая дверь в стене. Вошли двое в масках, с оружием в руках, застыли у кресла Сарри.

— Не в первый раз посещают космонавты мою планету, — заявил более спокойным тоном Сарри. — С какой целью?.. Догадываюсь! Видимо, ресурсы вашей планеты на пределе, а? И вы подыскиваете объект для колонизации, не так ли? — Он выдержал небольшую паузу, и не дождавшись ответа, продолжил. — Хорошо, не будем терять времени. — И кивнул стражам.

Один из них почтительно приблизил свое лицо к уху "шефа", желая что-то сказать, но Сарри поднес палец к губам, прошипел: "Ни звука…" Повернулся к Сергею и спросил:

— Какими возможностями располагает твоя

цивилизация? Сколь часто можете вы прилетать в этот уголок Системы?

Сергей ответил:

— Стоит лишь захотеть, и мы способны хоть каждый месяц.

— Это ложь, по глазам вижу, — саркастически усмехнулся Сарри. — Проиграл, господин философ! Все-таки, какую цель преследуют ваши визиты?

— У нас только научные цели, а других и не может быть. Попали же мы к вам случайно: вели поиски нашего исчезнувшего корабля. Может, вам что-нибудь известно о "Циолковском"?..

Сарри пожал плечами, давая понять, что не знает.

— А вас как занесло на странную планетку, существование жизни на которой — в такой близости от Юпитера! — невозможно объяснить?! Это какой-то феномен космологии и экзосоциологии, — в свою очередь невозмутимо поинтересовался Сергей.

Сарри промолчал.

— Таким образом, — заключил Сергей, — нам нечего делить с вами. Мы ни на что не покушаемся! Наша единственная цель — найти пропавший космолет и его экипаж…

— Э, все это пустая философия! — беспечно махнул рукой Сарри. — Мало ли куда и как попадают люди и космиты не по своему хотению. Однако попытаюсь ответить... Дело в том, что жители планетки — наши трудовые ресурсы. И мы их прибрали к рукам. Вы, мистер Сергеев, конечно, осуждаете... Ваше дело!.. По-моему, во Вселенной господствует всеобщий закон: выживает сильнейший. А если ты слаб, пеняй на себя. Разве я или, скажем, вы виноваты в том, что природа кого-то обошла умом, и он слаб?.. Я защищаю интересы людей своего мира, потому и очутился здесь. Для того, чтобы вернуться в свой мир, мне нужна сила. Какая именно? Думаю, вам ясно... Чтобы построить космолет, надо уйму денег и технических средств, накопленных цивилизацией, верно? Все это я выжму из амфибий! С помощью науки и кудесника Факуры я создам тысячи послушных рабочих и... солдат. Вы, разумеется, протестуете? Что ж, ваше дело, раз так воспитаны... Впрочем, хватит философии, давайте перейдем к делу.

Сарри поднялся из кресла, сделал знак одному из парней, стоящих за его спиной. Тот метнулся к стене, нажал невидимую кнопку. И опять все повторилось: части стены ушли в пазы, а еще двое

стражей в черном, ожидавшие "по ту сторону", плавно вкатили в комнату длинную коляску, смахивающую на катафалк. Крышка была накрыта белым покрывалом.

У Сергея заколотилось сердце, он даже побледнел… "Неужели в ней человек? Может, Ыхлас… Он попал в их лапы! Медленно поднимаясь с кресла, он лихорадочно соображал: "Если там Ыхлас, то я все-таки доберусь до глотки Сарри. И не разожму зубов, пока его черная душонка не отлетит в лучший мир!.. Кто знает, может, со смертью Сарри эти парни подчинятся мне. По всему видно, что они боятся и ненавидят своего "шефа". У таких типов, как он, не бывает верных друзей…"

И эти мысли разгадал доктор Сарри.

— Один момент, любезный!.. — рявкнул Сарри. — Не торопись!

Повернувшись к одному из стражей в черном, он спросил:

— Предупредили этого дьявола, как он должен вести себя?

— Как велели, шеф, так мы и сделали.

— Он согласился добровольно?

— А куда ему деваться? — ухмыльнулся страж. — У него нет выхода. И так одной ногой в могиле…

— Не умничай, скотина! — оборвал его Сарри. — Никто тебя не спрашивает о его здоровье... — И отвесил слуге затрещину.

Тот покачнулся, но устоял на ногах.

— Болван! Исполняй свой долг — и больше ничего. Не то Факура быстренько образумит тебя.

Услышав имя Факуры, страж тотчас пал на колени и обнял ногу "шефа".

— Простите... — глухо пробубнил он из-под маски.

Сарри брезгливо отдернул свою ногу, нервно потер-выпуклый лоб. И опять заорал на стража:

— Встать! Я... могу простить. Но впредь не вздумай вести заумную болтовню.

Он мгновенно вскочил и отошел к коляске.

— Сними покрывало с крышки, — приказал Сарри второму.

Тот повиновался. Белая материя сползла на пол, и Сергей увидел иссохшее тело человека. Нельзя было определить — жив он или мертв? На его сморщенном лице едва теплились только глаза.

— Приведи его в чувство!..

Страж снял одну из фляжек, висевших на крюке под коляской, и поднес ее к губам живого скелета: на горлышко сосуда была надета резиновая соска. По-видимому, человек был приучен к подобной

процедуре: он шире приоткрыл глаза и стал жадно сосать. "До чего же довели свою жертву, подонки?! — с возмущением подумал Сергей. — Много же пришлось вынести бедняге, прежде чем он дошел до младенческого состояния. В каком же социальном строе рос и воспитывался этот лже-ученый и садист Сарри?.. Какие идеалы вдохновляли его?.. Подобные методы будто списаны им с инструкций нацистских палачей. Значит, нечего надеяться на его гуманность: она в его душе никогда и не ночевала. Следовательно, меня ждет подобная участь". И он вспомнил священную клятву великого Фраги:

О Махтумкули, ты не трус,
Какой ты храбрец — знает народ.
И не уйдет живым от меня
Тот, кто посягнет на честь мою.

"Эти бессмертные строки будут поддерживать меня в испытаниях", — мысленно поклялся Сергей.

Его поразило, как быстро принял нормальный вид этот живой труп: здоровый румянец окрасил щеки, складки и морщины на лице разгладились, пропали под слоем мускулов выпиравшие ребра и кости. Ярким светом засверкали синие глаза.

Сарри прикрикнул:

— Довольно! Ты что, хочешь вернуть ему былую силу? Можно подумать, тебе не доставалось от его кулаков.

Человек оторвался от соски, сел в коляске и внимательно глянул на Сергея. От изумления у космонавта перехватило дыхание.

Живым трупом оказался штурман космолета "Циолковский" — Федор Игнатьев!

— Я узнал тебя, Сергей, — хриплым голосом заговорил он. — Сразу предупреждаю! Если уж ты дался им в лапы, будь стойким до конца…

— Молчать!.. — завизжал Сарри. — Уберите его немедленно!

Стражники бросились к коляске и спешно покатили ее обратно к стене.

— Я вам покажу, как надо работать с неполноценными особями!.. — кричал им вдогонку Сарри. — Мерзавцы! Всех отдам Факуре. Вы не исполнили мой приказ. Ну, хорошо! Сегодня же я решу, что делать с вами, ублюдки… — И он ринулся на слуг, в страхе ждавших открытия прохода в стене.

Решение к Сергею пришло мгновенно: он схватил забытую слугами на столе флягу из толстого стекла, с силой бросил ее в голову "доктора". Бро-

сок был точен — фляга попала Сарри в затылок и разлетелась вдребезги. Тот дико завопил, упал ничком. Один из стражников прыгнул на Сергея. Другой кинулся к Сарри на помощь, но глаз с космонавта не спускал. Двое набросились на Сергея, пытаясь скрутить его: один сжимал его руками сзади, не давая применить прием каратэ, а второй плясал перед Сергеем, силясь надеть наручники. Опираясь спиной на противника сзади, Сергей пнул переднего в живот. Тот охнул, согнулся — и выронил наручники. Сергей и тот, что был за спиной, тоже упали на пол. Однако страж не ослабил своей хватки. Сергей пытался рывком освободиться, но у него не хватило сил.

Зажимая ладонями рану на затылке, Сарри с трудом поднялся на корточки. Шаря, как слепой, рукой по полу, он добрался до рабочего стола и нажал скрытую клавишу. Пол раздвинулся, и Сергей вместе с противником провалился в тесный отсек, огражденный решеткой. Все произошло так быстро, что он растерялся: "Вот, ч-черт, этот Сарри! Тут уж мне не развернуться..."

— Ну что, попалась птичка в клетку? — склонившись над отсеком, насмешливо спросил Сарри и поморщился от боли в затылке: — Ну, ничего, немного потерпишь, сейчас придет хозяин

"гостиницы" — наш общий друг Факура.

В решетчатом загоне вспыхнул яркий свет. В глазах Сергея зарябило, но все же он различил в дальнем конце подземного коридора уродливый силуэт Факуры.

7

Вырвавшись из цепких лап Железного, Ыхлас подумал, что спас его Сергей. И закричал во весь голос:

— Спасибо тебе, Сергей-джан! Я всегда знал, что ты настоящий джигит!.. Ну, чего прячешься? Или по-прежнему шутишь.

Никто не отозвался.

— Ну, хватит, Сергей! Мне надоели твои шуточки. Разве они уместны сейчас? Выходи из укрытия!.. — сердито окликнул Ыхлас.

Кругом стояла тишина.

— Ясно, что мне кто-то помогает, — вслух размышлял Ыхлас. — Вот факты: когда я лежал без сознания в отсеке, этот невидимка перевязал мои раны, дал лекарство. Потом оставил пищевые таблетки и тубы с соками; в тот момент, когда Железный едва не прикончил меня, кто-то выстрелил в робота из лучемета. Я ведь отлично слышал характерный звук выстрела. То, что

Железный рассыпался на куски, говорит о попадании мощной энергетической "пули". Кстати, такие имеются лишь в космолете. Значит, Сергей?.. Но его нет. Кто же тогда?.. А может, Сергей находится теперь где-то на другом краю планетки? И не в состоянии дать знать о себе. Не исключено и другое: мне помогла Ника. Возникает новая загадка: как в ее руки мог попасть наш лучемет? Нет, не годится это предположение. Черт возьми, так можно и шарики свихнуть!..

Он поднял несколько мелких кусочков от Железного. В вышедших из строя останках робота блестели детальки микрогенераторов энергии, обрывки интегральных схем. "О, здесь и биологические живые ткани. Значит, это не робот, а киборг, симбиоз искусственного разума и живых клеток. Выходит, у космитов вполне современная цивилизация? От них можно ожидать всего", — заключил Ыхлас и двинулся обратно к отсеку. На полминуты Ыхлас замер в изумлении: отсек просто-напросто испарился. Его не было! "Вот это сюрприз похлеще всего прочего, — отрешенно подумал он. — Надо же: уволокли из-под носа!" Он внимательно оглядел далекий горизонт. На пределе видимости Ыхлас различил какое-то светлое сооружение. "Что бы это могло быть? —

подумал он. — Но попробуй добраться до него в тяжелом скафандре". Он вспомнил, что люди здесь ходят чуть ли не голыми (имея в виду Нику и ее подругу). Если идти в скафандре, космиты за версту признают в нем чужака. "А нужно, чтобы не заметен я был", — подумал Ыхлас и начал сбрасывать демаскирующий скафандр.

8

— Мистер Сергеев, прошу не сопротивляться. Все равно вам не победить, — вежливо сказал Факура. — Нас четверо, а вы — один. Я хочу показать, какая участь вам уготована, если будете упорствовать.

Сергей был удивлен. Оказывается, жестокий Факура может говорить по-человечески. "Но что он хочет показать мне? Или это очередная угроза? Ладно, не буду тратить силы, еще пригодятся. Выжду подходящий момент". Со времени приземления на мини-планете столько было разных неожиданностей и потрясений, что Сергей просто устал и был готов ко всему. И все же невольно мучился загадками, свалившимися на него: "Каковы цели лже-доктора Сарри? Где сейчас Ыхлас? Федор Игнатьев жив, а вот где же Тахир Гараханов?.. Дошла ли в Центр моя гравио-

грамма? И будет ли помощь?.. В любом случае, придется запастись терпением и ждать".

Подумав обо всем этом, Сергей ответил Факуре:

— Я решил не сопротивляться. Надеюсь, что вы не забыли: я ведь гость и пришел с добрыми намерениями. Думаю, мы договоримся?

— Безусловно, — согласился Факура. — Но не в этой неуютной клетке. Она явно не годится для переговоров. Прошу за мной к выходу... — Он позвал жестом одного из стражей.

Тот осторожно взял Сергея под локоть и повел за собой. Едва они вышли из камеры, как Сергей понял, что его обманули: притаившиеся за дверьми "маски" — их было двое — стиснули его с боков, заломили руки за спину, а "провожатый" ловко нацепил наручники.

Сергей от злости захохотал и плюнул в лицо стражнику. Тот не среагировал: ибо маска — не лицо.

— Не пытайтесь снять наручники, — посоветовал Фа-кура. — Чем больше будешь шевелить руками, тем крепче они защелкнутся.

— Спасибо за дельный совет, — сквозь зубы процедил Сергей. — В свою очередь, рекомендую не запугивать меня. Я не ребенок.

— Принимается, — ухмыльнулся Факура. — За-

чем пугать, на самом деле? У нас в запасе есть более эффективные методы. Вот я и хочу показать, как они воздействуют на провинившихся субъектов.

Сергея повели по тоннелю. Он незаметно "ощупывал" стены левым плечом. Но Факура быстро разоблачил его уловку:

— Мистер Сергеев, даю второй совет: не вздумайте задеть какой-нибудь рычаг на стене. Иначе все мы испепелимся: включатся генераторы электрополя. Не спешите, любезный гость! Ну, я угадал?.. Чуточку терпения, мистер, и все узнаете. Подчиняйтесь, и я все секреты открою.

...Лифт опустил Сергея и его конвойных в большой светлый зал. Тут стоял операционный стол, вокруг всевозможная аппаратура.

Сергея усадили в кресло и привязали к спинке. Руки, схваченные наручниками, ныли, а плечи от неудобной позы болели. Но Сергей не обращал внимания на это: боль в душе была несравнимо тяжелее. "Все понятно, — угрюмо подумал он. — На мне проведут эксперимент. Провели, как дурачка. Надо было драться с ними, а я поверил... Однако никакими пытками не выудишь из меня информацию".

"Ассистенты" Факуры натянули на себя нечто

вроде медицинских халатов. То же сделал сам Факура. Затем в палату вошла женщина в белоснежном платье, и сердце у Сергея дрогнуло: то была Венера!.. Она держала в руке плоскую коробку с крышкой. С бесстрастным лицом поставив ее на столик в углу, тихо примостилась на стульчике рядом. Казалось, что Венера желает лишь одного: чтобы ее просто не замечали.

"Она даже боится взглянуть в мою сторону, — думал Сергей. — Каким-то чудом ей удалось остаться в живых. Значит, Сарри все-таки внял моей просьбе?.."

Факура и "ассистенты" окружили операционный стол. Понимая, что сейчас начнется "эксперимент", Сергей кивнул Венере и даже улыбнулся, хотя в душе у него все застыло. Венера быстро опустила взгляд, чуть кивнула на Факуру: будь, мол, осторожнее. "Она так спокойна, — удивился Сергей. — Может, и мне нечего дрожать? Может, Факура просто решил попугать меня?.. Впрочем, стол этот больше напоминает электрический стул пли нечто похуже. Кто знает, до каких высот принуждения додумались космиты? Впрочем, у Сарри они могут быть утонченнее, "культурнее", так сказать. Но я не скажу ему ни слова! Иначе, что подумает обо мне Венера?"

Факура махнул рукой помощнику, и страж привел в действие механизм в корпусе стола. Крышка его раздвинулась точно по центру, наверх "всплыла" тахта с лежащим на ней человеком. К его туловищу и конечностям тянулось множество датчиков, а голову венчала непонятная аппаратура. На лицо жертвы была натянута маска — нечто вроде противогаза. Факура деловито включил энергию, и "пациент" стал мучительно корчиться, прерывисто вздыхая.

"Ассистент" что-то шепнул Факуре на ухо, тот кивнул. Тогда помощник нажал за креслом Сергея рычаг, и оно резко поднялось. Теперь космонавт отчетливо видел все, что делалось на столе. Факура, засучив рукава, своими уродливыми лапами вцепился в голову жертвы. Сергей побледнел, но ничего страшного не случилось: Факура просто снял с головы аппаратуру и передал "ассистенту". Принимая ее из рук шефа, тот сделал неловкое движение — и выронил прибор. Он грохнулся об пол и покатился по залу.

— Никогда из тебя не выйдет специалиста, свинья! — заорал разгневанный Факура. — Не зря доктор говорил: "Их надо всех отправить в Калифорнию пасти телят".

От изумления Сергей поперхнулся. "Калифор-

ния!? Откуда им известно о ней?" Потом увидел, как вздрогнул и "пациент", глухо замычал, пытаясь что-то сказать. Факура тут же с силой придавил "противогаз" и держал его так до тех пор, пока жертва не умолкла. "Телята… Калифорния. Что это значит", — лихорадочно соображал Сергей. И вдруг краем глаза заметил, как кто-то "невидимый" пробежал через зал. Это было как дуновение ветра. Но и Факура это заметил.

— Эй, кто там? Как смел войти?! Куда смотрит стража? — заревел он.

— Никто не входил, господин Факура, — испуганно пролепетал возникший в дверях охранник. — Никто, кроме, вот, меня.

— Значит, показалось… — мягче пробурчал Факура. — И вы ничего не заметили? — спросил он помощников.

Те дружно покачали головами.

— А ну, проверьте лучше!

"Ассистенты" бросились исполнять приказ. Несмотря на усердие, им ничего не удалось обнаружить. Сергей тоже удивился. Однако перехватив мимолетный взгляд Венеры, понял, что ошибается, и зрение не обмануло его. Напряженный взгляд Венеры был устремлен именно в ту точку, где затихло движение невидимого

существа. А в следующий миг Сергей ощутил, что его руки, сжатые за спиной наручниками, перестали ныть. Кто-то ослабил путы. "Что за чертовщина? — изумился он. — Никого не видно, а я чувствую быстрые, уверенные движения чьих-то рук за спиной. И даже кто-то дышит мне в затылок". Он сдержал вздох облегчения и для маскировки застыл в прежней позе.

Факура опять приступил к "делу". Наклонившись к жертве, сдвинул с лица "противогаз. Сергей увидел тщательно обритый череп. Острым ножом Факура ловко разделил голову на две половинки. "Будто арбуз или дыню!..", — с содроганием подумал Сергей. Внутри половинок обнаружилось первозданное вещество мозга. "Хирург" Факура распылил на его поверхность розоватую жидкость, и оно тотчас покрылось слизистой, но плотной на вид оболочкой. Тем временем "ассистент" длинными ножницами отрезал артерию и вену, идущие в мозг.

— Массаж на сердце! Быстро... — тихо бросил Факура.

Тот мгновенно приступил к делу.

— Не суетись и не пугайся, — успокаивал его Факура. — Ничего страшного не случилось. Если что не так — могу и сердце заменить! Для меня

это не составит труда. Ибо шефу нужен только мозг. Все пройдет нормально, и этот человек станет нашим в полном смысле слова.

Отработанным приемом, не повредив ни одной частицы вещества, он взял полушария в руки. Быстро подошла Венера, открыла крышку биостата, и Факура бережно опустил в него мозг, плотно закрутив крышку.

— Чего стоишь, разинув рот?! Беги к шефу и вручи лично ему эту коробку, — обратился он к девушке.

Венера пошла к выходу. И опять Сергею почудилось, как у выхода в тоннель мелькнула чья-то тень. Заметил это и помощник Факуры.

— Хозяин! — завопил он в страхе, — кто-то посторонний в коридоре.

Стражник, возникший в дверях, оборвал его вопль:

— Не ори чепухи! Вышла только одна Венера. А больше никого и быть не может!

Факура тоже обругал "ассистента":

— Болван! Ты мешаешь мне. Что там тебе мерещится?

Сергей не сомневался: он ясно видел силуэт, мелькнувший впереди Венеры.

— Подай мне программу, — властно сказал

Факура помощнику.

Тот передал ему в руки биостат. "Хирург" тщательно проверил показания на шкалах и отвинтил крышку.

— Надеюсь, содержимое в порядке?

— Так точно, хозяин! Прямо из вакуум-камеры, — угодливо ответил помощник.

И в этом биостате был мозг. У Сергея мурашки побежали по спине. Вот, оказывается, что такое "программа" Сарри! Значит, и меня таким образом прооперирует Факура? Хотят превратить в бессловесного киборга!.. Ну, еще посмотрим..." Все стало понятно: Сарри не дают спать лавры Гитлера. Он хочет создать надежную армию новых "гитлерюгендов", таких же роботов. У подростков, составляющих отряды, ни разума, ни воли, лишь слепая вера, что они "сыновья" Гитлера. "Он для вас отец, — день и ночь вдалбливали подросткам в голову. — С именем фюрера идите в бой, убивайте его врагов. И вас не возьмут ни пуля, ни снаряд, ибо вас охраняет сам фюрер..." И подростки-полуроботы, словно ошалелые, бросались под танки, на доты и дзоты — и бесславно гибли. А когда уцелевшие с горечью спрашивали у старших: "Почему фюрер не спас от смерти моих друзей? Почему они погибли?! — им отвечали: "Потому,

что эти болваны не были всей душой преданы фюреру". Удовлетворенные таким объяснением, они назавтра снова шли в атаку. Винить этих несчастных не в чем. Они — жертвы фашизма, как и те девять миллионов немцев, павших на полях второй мировой войны за бредовые идеи Гитлера. Они все были оболванены идеологами фашизма".

Тут мысли Сергея прервались, ибо Факура вынул из биостата "мозг-программу" и бережно опустил в череп "пациента". Обрызгал вещество тем же раствором живых тканей, сразу ожили, мелко завибрировали бесчисленные мозговые извилины.

— Все идет в норме, — довольно сказал Факура "ассистенту". Новая голова будет работать как часы. — Неуклюже пританцовывая, "хирург" потер руки, ловко сшил обе половинки черепной коробки, промыл все эликсиром из живых тканей. — Через пару минут у пациента все заживет и мы радушно скажем ему: "Поднимайтесь, сэр! Вы, надеюсь, хорошо выспались?.." Ха-ха-ха!

Прервав несколько нарочитый смех, Факура заспешил:

— Ну, я побежал к шефу. Доктор Сарри ждет этой доброй вести. Ведь этот мерзавец Сергеев, — он с

ухмылкой глянул на космонавта, — пробил шефу затылочную кость. Думаешь, после этого Сарри погладит его по головке? Вряд ли. Он выжмет из Сергеева всю информацию, а потом я положу его на этот столик... Пока же поставим на ноги этого пациента.

"Ассистент" снял с лица "больного" белое покрывало.

Сергей чуть не взвыл от ужаса: на операционном столе лежал Федор Игнатьев!

9

Призрак-невидимка, поднявший тревогу в "операционной", бесшумно пробрался в кабинет Сарри. Тот лежал на кровати и занимался самолечением: прикладывал к затылку эликсир из живых тканей. На высоком кресле позади доктора восседал невозмутимый страж в маске, с оружием в руках. В углу кабинета стоял огромный холодильник-сейф. Правую стену занимали стеллажи с книгами. Над полками висел портрет самого доктора" Сарри.

Призрак долго смотрел на него, ибо человек на портрете казался ему знакомым. Разница в возрасте между ним и оригиналом, лежащим на кровати, была лет в тридцать. "Вероятно, этот

негодяй притащил свое изображение с Земли", — подумал он. Ибо Призраку хотелось верить, что и Сарри, и его приспешники прилетели сюда с Земли. Слова "теленок, свинья, Калифорния" Призрак только что слышал в операционной Факуры. Он знал, кого собирался оперировать Факура, но не смог предупредить об этом Сергея. "Мне еще надо помочь Ыхласу. Сейчас штурман как раз бредет к логову Сарри". Призрак мог бы помешать операции над Федором, да не успел: его обнаружили.

"Кто же такой Сарри? — думал Призрак. — Какие у него замыслы? Сколько верных приспешников? Собирается ли он возвращаться на Землю?.." Все это требовалось выяснить. Кроме того, у Призрака, по условиям эксперимента, было однозначное задание: ни при каких обстоятельствах не имел он права выходить за рамки порученного. Ибо результаты задуманного Воронцовым эксперимента были нужны для успеха последующих космических экспедиций. Даже в том случае, если негодяю Сарри и удалась операция над Федором, он ничего не добьется. Не успеет добиться! В этих вопросах мы намного опередили его устаревшую технику и неполные знания. Федора мы спасем! И конечная победа будет за

нами… — продолжал размышлять Призрак. — Ты не уйдешь от возмездия, проклятый дьявол Сарри! Биостат с мозгом Федора я найду, даже если ты запрятал его в недрах этой планетки".

Бесшумно пройдя к книжным полкам, он полез было наверх, но тут же отпрянул. В кабинет ворвался вой сирены. Стражник, сидевший в кресле, подскочил и прыжком достиг входа, закрывая его своим телом. А доктор Сарри суетливо сел в кровати, схватил микрофон и завопил испуганно:

— Факура-а, что там происходит? Уже прилетели?..

— Никто не прилетает и не улетает, шеф, — спокойно сказал Факура, появляясь в дверях. — Кто посмел включить сигнализацию?

— Я тоже не понимаю, — буркнул Сарри. — Однако чувствую чего-то мы недоглядели, когда захватывали отсек космолета Сергеева. Не остался ли кто в нем, укрывшись в тайнике? Нет, это исключено: я сам заходил туда и все обшарил. Второе: до сих пор не найден убийца Джо. Да вы все просто трусы, боитесь нарваться на его лучемет!..

— Вы ошибаетесь, шеф, — быстро возразил Факура. — Я получил сообщение, что убийца

Джо идет к нашему Куполу, и двое моих парней поджидают его в засаде.

— Почему же ты, дьявол, не отправил на охоту за ним четверых?! Что могут сделать против него два твоих урода? У сообщника Сергеева есть лучемет.

— Шеф, а если он уложит всех четверых, кого мы пошлем тогда? Думаю, эти двое используют преимущество внезапности. Он не уйдет от нас.

— Не уйдет, не уйдет… — проворчал Сарри. — Меня больше страшит молчание тех, кто летит к нам с Большой Земли.

— Вы просто переволновались и устали, шеф, — мягко увещевал Факура. — Отдохните, и все будет о'кей.

— Хорошо. В таком случае, кто привел в действие сигнализацию? — спросил Сарри.

— Пожалуй, это просто замыкание. Провод задело какое-то насекомое, — неуверенно предположил Факура.

Доктор промолчал, пытаясь унять дрожь в руках. Вспомнив о чем-то, он вскочил на ноги, подошел к сейфу. Набрав шифр замка, потянул на себя дверцу и заглянул внутрь хранилища. Призрак, прятавшийся у него за спиной, успел запомнить цифры секретного кода, которым

отпирался замок.

В холодильнике-сейфе стояли минибиостаты. "А, понятно, — сообразил Призрак. — Это столько уже сделано операций! Теперь у Сарри прибавилось число послушных человекороботов".

Сарри заметно успокоился; никто не трогал его "сокровищ". Однако накинулся вновь на Факуру:

— Фантазируешь, болван Факура! Никаких тут насекомых, замкнувших провода сигнализации, не водится. Ты что забыл? Планетка абсолютно стерильна. Только одни амфибии. И еще два двуногих скота — Сергеев и тот, кто идет сюда.

— Увы, шеф. Насекомых могли занести космолеты.

Быть может... согласился Сарри. — Ну, ладно, оставим дискуссию о тараканах. Все внимание — на убийцу Джо.

— Есть, шеф!

Сарри продолжал нервничать, чего-то боться. Он силой выволок стражника из комнаты в тоннель и велел ему не спускать глаз с входного тамбура Купола. Вернувшись в комнату, хотел взять микрофон, — как вдруг его дряблое тело странно задергалось. Словно доктора хватил приступ конвульсий. "Да, да, это, несомненно, приступ падучей! — подумал Призрак, следив-

ший за ним. — И очень опасный. О, ч-черт, как бы Сарри не подох раньше, чем я узнаю все его секреты!"

А доктор слепо шарил в воздухе руками, пытаясь поймать что-то. Внезапно застонал, согнулся едва ли не вдвое. В горле у него забулькало, захрипело. Он дышал, как загнанный старый конь… Наконец с большим трудом дотянулся костлявыми пальцами до затылка и начал осторожно поглаживать его. Вскоре он стал приходить в себя, конвульсии прекратились.

— Нервы, проклятые нервы!.. — пожаловался он вслух, обращаясь не к стражам, а просто в пространство. Так можно и с ума сойти… Вот до чего способны довести тупицы-помощники?

Тут его налитые кровью глаза остановились на стражнике, стоявшем в дверях.

— А ты что стоишь, разинув рот?! Негодяй!.. Знаешь, где находился бы ты лет пятьдесят назад, живя на Земле? Шлялся бы по улицам в толпе безработных! Потому как ничего не умеешь делать. Сперва шлялся б по улицам, вечерами торчал в очереди за похлебкой Армии Спасения, а потом превратился бы в уличного пса. Рылся бы в помойках до тех пор, пока тебя, облепленного зелеными мухами, не прогнал бы пинком в зад

полисмен…

Сарри подскочил к нему, схватил обезумевшего от страха парня за шиворот, продолжая кричать, как бесноватый:

— На следующий день ты пошел бы на демонстрацию с такими, как сам, сукиными детьми. Вам ведь нужны равенство и свобода!.. Демократия и хлеб! Но вам хлеб давали, хотя вы и бездельничали. Вас надо было просто-напросто уничтожать, а не любезничать!..

Вы объединились с черномазыми смутьянами, безмозглыми индейцами — и перевернули нашу прекрасную зеленую страну вверх тормашками… А ведь мы были близки к победе. Мы создали в космосе военные базы, вывели на орбиты авиакосмические корабли с пучковым и лазерным оружием, отработали все, чтобы одолеть коммунистов! И все рухнуло из-за мерзавцев, как ты и тебе подобные. Взяли да вонзили в спину ножи лучшим людям — капитанам бизнеса, отважным солдатам!.. А теперь вот, сидим на мели, как лягушки в болоте…

Сарри забесновался еще пуще, запустил руку в карман — и выхватил пистолет. Повертел им перед носом вконец запуганного стража. Тот сжался в комочек. Сарри усмехнулся:

— Нет, сволочь, не надейся, что доктор Сарри возьмет да пристрелит тебя. Легкой смерти ждешь? Не могу подарить. Я сделаю иначе. Прежде надо схватить еще одного "гостя"... Потом я синтезирую тысяч сто киборгов-солдат. Построю сотни космолетов и возьму курс на Землю. Миллионами буду уничтожать тебе подобных! Ну, а тебя... — Сарри ухмыльнулся, — пощажу, но сделаю экспонатом музея тех типов, которые погубили наши Штаты. И буду показывать гебя и подобных же за плату... Что — не нравится? Еще не наложил в штаны от страха?.. Сарри немного поостыл, устало пробурчал. — А пока стой и не отрывай взгляда от дверей, негодяй! Не спускай глаз и со стола. Видишь, там лежит мой отчет хозяину Центра?.. То-то. Да смотри, чтоб его не сожрали тараканы, приползшие с Земли.

Сарри окончательно выдохся и прилег на кровать. Спустя минуту он уже спал. Тогда Призрак бесшумно нырнул под стол, осторожно стянул папку Сарри и тихо выбрался из комнаты. Страж тупо смотрел на выход в тоннель и ничего не заметил.

10

Тяжело отдуваясь, Ыхлас шагал по бездорожью. Идти по мягкой, покрытой узлами корневищ почве было все труднее. Ледовая "луна" клонилась к закату, зато все ярче сияли две красноватые звездочки. И минипланета стала разогреваться. Тепло исходило из-под почвы. Ыхлас задумался о таинственных взаимосвязях небесных тел. Ученые Земли около двух тысяч лет изучали Луну и ее поверхность. Было время, когда наука считала: Луна — это кусок Земли, вырванный из ее тела мощными приливными силами. Потом гипотезу отвергли. К концу XX века стало ясно: главная функция Луны — быть необходимым компонентом в динамической системе Земля — Луна. Так, видимо, и здесь, — решил Ыхлас. — Жизнь на планетке возникла в ходе взаимного влияния четырехчленной гравиционной системы, в которую входят Ледовая луна, две красные звездочки и сама планетка".

По мере нагревания почвы все гуще поднимался над ней белый туман, сумрачнее становилось вокруг. Изнывая от усталости, Ыхлас брел вперед. И вдруг пошатнулся, будто кто-то подтолкнул его сзади. Он резко обернулся, нажал спуск лучемета.

Выстрел!.. Словно молния, пронесся яркий пучок энергии, рассек туманную мглу. Не все было спокойно. Ему просто почудилось. А пошатнулся Ыхлас просто от усталости, а также от того, что задетый им сук дерева спружинил и легонько ударил в спину.

Проследив вспышку "молнии" в тумане, он подумал: "Вот так же сверкала молния и припускал дождь в предгорьях Копетдага. А над пустыней вставала радуга, упираясь концами дуг на барханы!.. И сейчас там может идти дождь. Сестричка Айнашка носится, наверное, под струями дождя и весело потряхивает своими косичками. Нет, скорее всего, она пасет овечек в Черкезли. А родители сидят дома. Ждут — не дождутся меня… Мама наверняка чувствует сердцем, в какое положение попал я. Уж это точно! Когда я, бывало, терял ориентировку, блуждая с отарой по Центральным Каракумам, она сразу узнавала — словно великий телепат! Хотя никогда не говорила мне об этом. Впрочем, все матери Земли обладают такой способностью… Да, сильно постарели теперь мать и отец Гандым! Сколько времени провел я в полете? Каков ход времени на планетке. Не ведаю. Велика ли разница времен тут и на Земле? Увижу ли я родителей? Непременно!.. Так будет,

так я чувствую..."

Окончательно изнемогая, Ыхлас решил отдохнуть и повалился прямо на белые узловатые корневища растений. Через мгновение у него стали слипаться веки, и он испуганно вскочил. "Не хватало еще уснуть! И проснуться голым, безоружным, в кандалах", — выругал он себя. Потом ощутил мучительную жажду. Но где найти воды? Бежать, что ли, обратно — на берег озера?

Невозможно. Надо идти только вперед! Снова Ыхлас поплелся в том же направлении, где видел здание.

Ориентировался он по двум красным звездочкам, довольно четко видимым даже сквозь туман.

Добравшись до обрыва, Ыхлас кубарем скатился вниз, где особенно густо клубился проклятый туман — и очутился в чаще деревьев с густой листвой. "Вот тут и отдохну", — решил он и блаженно растянулся на траве.

Огромная усталость, испытанные переживания и мучительная жажда так измотали Ыхласа, что он стал бредить — и незаметно заснул.

Его разбудили женские голоса. Ыхлас протер глаза и не поверил себе: в десяти шагах справа, в кустарнике, стояли две молодые женщины и о

чем-то негромко спорили. Та, которая была одета в тонкую, легкую накидку, оказалась старой знакомой — светловолосой нимфой по имени Ника. А с ней разговаривала высокая худощавая девушка в красной накидке. Однако лицо ее было спрятано под желтой маской.

Увидев, что штурман проснулся, женщина в желтой маске толкнула Нику в плечо. Та хотела было подойти к Ыхласу, но "маска" удержала ее за локоть и что-то шепнула на ухо. Ника согласно кивнула и осталась на месте. А "маска" вдруг приветливо помахала ему рукой и торопливо скрылась. И тут Ыхлас узнал ее: "Так это же матод, за которым я гонялся по космолету! Или у меня вновь галлюцинации..."

Он встал и закричал:

— Постойте! Да подождите!.. Давайте объяснимся. Я прилетел к вам с добрыми намерениями!

— Простите мою подругу, она спешит... Мне поручено сопроводить вас туда, куда вы стремитесь. Следуйте за мной, — заговорила Ника.

Ыхлас ничего не понимал.

— Откуда вам известно, к какой цели я следую? — спросил он изумленно.

— Что, разве я ошиблась? — с улыбкой ответила Ника. — Не в направлении ли Купола смерти

идете?..

— Я и сам точно не знаю, куда держу путь. Я ищу своего друга.

Ника согласно кивнула и ответила то же самое, что раньше:

— Женщина в желтой маске требует, чтобы я помогла вам добраться именно к Куполу.

— Кто она, это желтая маска? И почему требует? Она ваша правительница? Не думаю.

— Мы тоже не знаем, кто она такая, — ответила Ника. — Она не из прежних пришельцев, которые были до тебя.

"Что за прежние пришельцы? — подумал Ыхлас. — Может, англичане с пропавшего звездолета?.."

— Ничего не могу понять, — пожал плечами Ыхлас. — Я вижу эту "маску" впервые.

— Точно такое же недоумение было у меня, — улыбнулась Ника.

— А где ваша подруга Вика? — поинтересовался штурман. — Она жива, надеюсь? Хотя этот негодяй Джо и стрелял в вас обеих. Но я видел ясно, что стрела миновала цель.

— Вика погибла. А меня спасла девушка в желтой маске, и я предана теперь ей всем сердцем. Исполняю все, что она хочет…

— И почему-то торопит вас проводить меня в Купол смерти, — вставил Ыхлас.

— Мне самой туда идти не хочется, — невесело призналась Ника. — Оттуда еще никто не возвращался. Те пришельцы, что в Куполе, могут изменить мысли и чувства так, как случилось с Джо: после операции он стал жестоким и кровожадным! Сколько крови он пролил… А ведь был хорошим, добрым мужем Вики. И винить его нельзя ни в чем.

— Ну что ж, раз надо идти под Купол — пусть будет так, — сказал Ыхлас без страха. — Но обязательно только туда?

— Да, — ответила Ника. — Желтая маска говорит; там тебя ждут.

И они двинулись в путь, продираясь сквозь чащу.

Наконец они выбрались из лесных дебрей и вышли на поляну. И тут перед Ыхласом выросли двое — в черных масках и черных одеждах.

— Добро пожаловать, Гандымов, — без церемоний сказал один из них: — Следуйте за нами. Лучемет теперь вам ни к чему.

На дрожащую от страха Нику тоже надели наручники.

Ыхлас молча двинулся вперед, а малый обогнал

его, услужливо раздвигая густые ветви.

Спустя некоторое время он остановился, достал из кармана нечто вроде портсигара, который оказался обыкновенным радиофоном. Незнакомец поднес его к губам, раздельно сказал:

— Шеф!.. Это я — "Циклон".

— Циклон?! — с подъемом прохрипел старческий голос. — Докладывай.

— Гость обезоружен и взят в плен. С ним Ника, шеф! Через полчаса доставим обоих.

— Молодчина!.. Ты сделал важное дело, которое будет оценено в Центре.

Ыхлас заметил, что его стражник ведет себя весьма странно: согнулся вдвое, то ли сдерживая припадок смеха, то ли мучаясь болью в желудке. Вдруг он прерывистым голосом сказал:

— Эй, Гандымов, слыхал? О моем поступке будет доложено Центру. И мои старания оценят! Как думаешь, во сколько монет?

— Думаю, миллиона два отвалят! И тогда я смогу построить себе комфортабельные виллы. И строить их будут те же нищие индейцы и чернокожие скоты, которые думают, что навсегда избавились от нас. Впрочем, я не должен болтать об этом. Ну ладно, вскоре ты, пожалуй, будешь покойником, никому не выдашь моей тайны,

а? Нет, ты только подумай, Гандымов, в какое унизительное положение поставили нас! Мы вынуждены были отдать свои капиталы, честно заработанные на бизнесе, а также кровные монеты, унаследованные от предков. Все пошло дымом и прахом!.. Вот и прозябаем ныне на дурацкой планетке, куда попали, сами не знаем как. — Он задумался на мгновение и с новым пылом продолжил: — Но мы вернемся на Землю! И тогда не минует никто возмездия!..

— Пустые это мечты, — прервал его Ыхлас. — Реки не текут в гору, история не повторяется, тем более — не течет вспять. На Земле все иначе теперь. Могучая Армия освобожденных народов бдительно охраняет и планету, и околосолнечное пространство. Вас тут кто-то дурачит, любезный страж! Или намеренно держит вас в неведении…

Шедший сзади стражник, охранявший Нику, вдруг незаметно сжал штурману плечо и тихо произнес: "Поменьше говори, иди потише, понял?"

Ыхлас замолчал на полуслове.

"Значит, никакие они не космиты, а сбежавшие миллионеры со своими приспешниками. Каким же образом смогли они достичь этой планетки. Вернее — на чем? Все полеты в космос строго кон-

тролируются. Правда, за последние десятилетия в разные пункты Внеземелья были отправлены сотни космолетов, — рассуждал Ыхлас. — Некоторые из них пропали без вести, кое-кто просто не вернулся — по неизвестной причине... Выходит, какая-то доля их попала в руки этих людей?.." И тут Ыхлас припомнил давнюю историю с разоблачением подпольной научно-космической организации в Хьюстоне. "Хьюстонцы" намеривались уничтожить весь человеческий род — ни больше, ни меньше! Достичь гнусной цели они надеялись с помощью сверхмощных лазеров, смонтированных под видом актинометрических орбитальных станций; пучкового оружия и гигантских ядерных бомб, замаскированных под спутники, а также взлетающих с Земли на орбиту авиакосмических кораблей...

— Вот что, Гандымов! — Резкий голос вернул штурмана к реальности. — Ваша космическая служба не сможет противостоять нашей армии. Скоро и тебя Факура положит на стол, и ты станешь послушным солдатом! На Земле мы не успели собрать такую силу — времени не хватило. Через годик мы сколотим мощную эскадру космолетов — и навестим Землю...

— Будем ждать с нетерпением, — съязвил Ых-

лас.

— Ты дождешься, — угрожающе процедил стражник. — Мои расшатанные нервы могут и сдать! — И вдруг сорвался на крик: — Слышишь, гад?!. Ты и тебе подобные осточертели мне еще на Земле! А теперь надоедаешь в космосе…

Ыхлас едва успел уклониться от удара, а стражник не смог удержать равновесие — и по инерции напоролся на острие кинжала, который был в руке напарника, и замертво упал.

Второй незнакомец сорвал с себя маску. Ыхлас едва не упал в обморок, узрив его лицо.

Перед ним стоял… Тахир Гараханов.

— Ну-ну, Ыхлас! Возьми же себя в руки. Ну, конечно, это я. Надеюсь, веришь мне?

Штурман, всхлипывая от счастья, без конца твердил:

— Тахир-ага! Как же я сразу не признал тебя?!.

— Я знал, чуяло мое сердце, что вы не погибли… — твердил Ыхлас.

— Ия знал, что ты прилетишь за мной, — вторил ему Тахир.

— А как тебе удалось остаться в живых, Тахир-ага?

— Расскажу потом. Пока же переоденься в одежду этого покойника. А твою одежду мы натянем

на него... Именно таким способом мне удалось внедриться в их ряды, понял? Теперь же идем спасать Сергея и Федора Игнатьева.

Потом Ыхлас обратился к Нике:

— Выходит, и ты знаешь немало?.. И свою исчезнувшую подругу знаешь.

— Я выполняю поручение. А тебе... разве незнаком Призрак?

— Откуда ему знать? — прервал Нику Тахир, многозначительно кашлянув.

11

Сильным тычком в спину Сергея втолкнули в прежнюю камеру. Долгое время он не мог уснуть.

Страх прокрался в его душу. "А что если с помощью операции они изменят все мои мысли и намерения? — думал он. — В таком случае меня не узнают даже те, кого отправят с Земли на помощь. И меня объявят предателем. Ведь никто не будет знать, что меня "обработали". Разве кто-нибудь сможет вырваться из цепких лап этого Сарри, чтоб рассказать там, на Земле, о его подлых авантюрах?

В железной двери что-то тихо звякнуло, Сергей настороженно прислушался. Было тихо.

И вдруг наручники, крепко стягивавшие запястья, опять немного ослабли. Изумленный Сергей прошептал:

— Венера, ты?

Слабый свет крошечного фонарика тускло осветил камеру. Сергей увидел наклонившуюся над ним женщину в красной шелковой одежде и в желтой маске на лице. Он видел ее первый раз в жизни, хотел выразить своё удивление, но женщина поднесла руку в желтой перчатке к губам. Сергей понял и безропотно подчинился.

"Гостья" в красном передала ему фонарик и увесистый сверток. Заметно было, что женщина тревожится. Желая что-то объяснить, наклонилась к Сергею, но тут же выпрямилась, чутко прислушиваясь. Одним прыжком очутилась у двери и встала так, чтобы остаться незамеченной.

В тот же миг загремел замок. Сергей успел спрятать за спиной фонарик и сверток.

— Эй! Что ты тут разошелся, чего разгремелся? Уж не думаешь ли вырваться? — спросил вошедший охранник и зажег свет такой яркий, что в глазах зарябило.

Сергей заметил, как смутная тень гостьи исчезла во мраке тоннеля.

— Ну-ка, покажи мне руки! — Словно почувствовав что-то неладное, сказал охранник.

— Ну; ты, брат, даешь! У тебя получается как у возлюбленной Омара Хайяма: "Переверни пиалку, полную вином, и не пролей". Как же я их покажу? Сам знаешь, что руки у меня за спиной — и в наручниках.

— Не смей называть меня братом, скотина! Не хватало еще иметь такого родственничка! Можешь не показывать! Но если еще раз загремишь, сверну тебе челюсть. Уяснил?

— Вполне! Давно надо было объяснить так понятно и доходчиво, — прикинулся Сергей наивным простачком. И это ему удалось.

Охранник что-то пробормотал и вышел из камеры. Когда дверь закрылась, Сергей с минуту стоял неподвижно. Убедившись, что все тихо, он бесшумно развернул сверток. Хотя было темно, он сразу узнал свой лучемет и включил фонарик. Увидел исписанные мелким почерком листки бумаги. На обратной стороне листков были какие-то чертежи, схемы, обозначения. Сергей, перелистав записи, углубился в чтение их.

"Выписка из досье Альфреда Сарри.

Альфред Сарри, профессор географии, астрономии, биологии, Медицины. Год рождения — 2020.

Место, рождения — город Техас. Сын археолога Рудольфа Сарри, который обнаружил в Эльдорадо богатейшую казну древних индейцев и сумел удержать ее в тайне. По земному летоисчислению сейчас ему девяносто лет. Предельная способность организма к жизни — 200 лет.

Альфред появился на свет хилым, семимесячным младенцем в дни, когда Рудольф Сарри путешествовал в джунглях Амазонки. Поэтому с первого же дня жизни ребенка вся забота о нем легла на плечи его матери Элен. Чтобы оплатить свое пребывание в родильном доме и поднять на ноги слабого младенца, она заняла тысячу долларов у своего соседа — матерого вора Роуза. Шло время, а Рудольф все не возвращался из экспедиции. И вестей от него никаких не поступало. Не подумав о последствиях, молодая женщина опять заняла денег у Роуза. Тот прекрасно понимал, в каком положении оказалась женщина, и предъявил ультиматум: или возвращай долг, или плати любовью. Элен была вынуждена уступить Роузу — он стал хозяином в доме Сарри.

Роуз принялся за воспитание Альфреда, намереваясь сделать из него достойного преемника. Ни днем, ни ночью не давал ему ни минуты для отдыха или детских развлечений. Заставлял

малыша выполнять различные упражнения. Частенько бил. На робкие упреки Элен отвечал, что теперь Альфред — его сын, наследник всего богатства. Следовательно, он, Роуз, и отвечает за воспитание мальчишки. "Считаю своим долгом сделать из него сильного, смелого, ловкого, не знающего жалости мужчину", — заявил он матери Альфреда.

Спустя пять лет в Техас вернулся Рудольф Сарри. Как бы мимоходом сообщил жене, что вся археологическая экспедиция погибла от рук индейцев.

Сообщение Рудольфа о находке им клада предков древних индейцев Элен встретила равнодушно: денег Роуза ей хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Видя подобную реакцию, Рудольф, в свою очередь, безразлично спросил:

— Может, ты просто-напросто не веришь, что я обнаружил такое богатство?

— Да верю… — Элен говорила тоном, в котором явно проскальзывали нотки сомнения: — Но хватит ли твоего клада хотя бы для уплаты моих долгов?

— Там хватит на поджарки всему народу! — хвастливо заявил Сарри.

Увидев сына, Рудольф Сарри разочаровался:

Альфред своим поведением напоминал Роуза. Несмотря на малый возраст, сын казался волчонком, которого заставили жить среди людей. И Рудольф невзлюбил Альфреда. "Может, он и в самом деле сын Роуза?" — терзал он себя. Однако ему пока было не до Альфреда: необходимо как можно скорей доставить на родину найденные сокровища. "Потом буду выяснять, чей сын Альфред", — решил он.

Рудольф быстро истратил привезенное золото, поскольку львиная его часть пошла на уплату долгов Элен. Для нового же похода в "Эльдорадо" и доставки в Техас всей индейской казны нужны были деньги, сила, люди. И тут Рудольфу мог бы помочь только Роуз. Пришлось идти к нему на поклон. Тот потребовал свою долю. Казну решили перевозить в Техас по частям.

В один из очередных походов Рудольф Сарри взял с собой Альфреда. И вот что вышло из этого...

...Они прыгнули в реку, там где она образует водопад — и плыли минут десять. Подводный тоннель привел их в громадную пещеру, где были спрятаны сундуки, мастерски изготовленные из красного дерева и дуба. Они доверху были заполнены слитками золота, рубинами, изумрудами,

алмазами, лазуритом. И вот однажды между "компаньонами" при дележе вспыхнула ссора. Открыв один из сундуков, Рудольф извлек оттуда удивительно красивый перстень в форме паука. Сверкая глазами, вдохновенно сказал:

— За уникальную красоту и древний возраст только эту штуку у меня купят миллионов за десять. Как ты на это смотришь? — спросил он Альфреда и в избытке чувств щелкнул его по носу.

Хотя щелчок был не очень сильным, Альфред все же ощутил боль. А так как отец обидел его в присутствии Роуза, которого мальчишка ненавидел, Альфред затаил на Сарри обиду. Этим и решил воспользоваться Роуз.

— Господин Рудольф Сарри! Требую, чтобы вы извинились перед Альфредом…

Оценив ситуацию, Рудольф выхватил пистолет. Рука Роуза так и застыла в воздухе, крепко сжимая золотой слиток.

— Ну, что, господин Роуз?.. — язвительно хихикнул Сарри. — Не удалось опередить меня?

— Да мне просто жаль малыша… — притворно ответил Роуз.

— Ну да! Потому и решил прикончить меня, чтобы заграбастать все сокровища, не правда

ли? — ухмыльнулся Рудольф, не убирая пальца с курка пистолета.

И тут Альфред, стоявший в смиренной позе, молниеносно ударил ногой по руке отца. Однако замысел Альфреда не удался: прозвучал выстрел! Роуз жутко завопил, упал навзничь, задергался в судороге.

Альфред бросился в ноги Рудольфу и захныкал:

— Прости, отец, я больше не буду!

Сарри холодно усмехнулся, приставив пистолет ко лбу сынка. Но не смог нажать спуск, встретив молящие глаза Альфреда. Рудольфу Сарри не раз приходилось отправлять на тот свет приятелей и врагов, порой и закадычных "друзей". А сейчас он просто не решился выстрелить. Ведь ему могли не поверить на родине, если он во второй раз вернется из экспедиции без спутников. И Сарри ограничился том, что избил Альфреда до полусмерти.

Они вернулись в Техас, прихватив немало золота и драгоценностей.

И все-таки Альфред перехитрил своего папашу: в ночь возвращения из "золотой экспедиции", когда Рудольф Сарри забылся в глубоком сне, сынок ударом кинжала отправил его в лучший мир. На шум прибежала мать. Увидев сына, ко-

торый вытаскивал из спины Рудольфа клинок, Элен едва не лишилась чувства. Альфред быстро утешил ее:

— Пусть это не волнует тебя, мамочка! Карта местности, где спрятан клад, у меня в кармане. А муженька, подобного папаше, ты найдешь в любой день.

...С этого и началась сознательная жизнь не по возрасту самостоятельного Альфреда. Он понимал, что непросто будет воспользоваться сокровищами, оставшимися в джунглях Амазонки. Для этого необходимы опыт, сила, знания.

Все свое внимание Сарри-младший направил на постижение наук, самовоспитание, физическую, закалку. Будучи одаренным от природы, он глубоко изучил биологию, медицину, психологию, кибернетику, генную инженерию, биотехнологию. В короткий срок экстерном окончил — за приличную плату — Гарвардский университет и вскоре подучил докторскую степень.

Почти все сокровища он без колебаний пустил на создание собственной научной лаборатории, оснастил ее мощным оборудованием и новейшей аппаратурой. Набрал преданный ему коллектив талантливых исследователей-экспериментаторов. Спустя несколько лет изобрел "псевдомозг",

работающий по заданной программе и почти идентичный человеческому. Затем в ходе напряженных "проб-ошибок" разработал операцию замены живого мозга таким, который служил бы его целям.

— Дело сделано! — сказал себе Альфред, потирая руки. — Теперь можно приступить к подготовке единомышленников и соратников.

Увлеченный своей "идеей", он как-то не заметил происходящих в мире перемен. Жил словно в пресловутой "башне из слоновой кости". И вот совершенно неожиданно его выбросили из нее в реальную действительность. Прекратил существование — без всякого вмешательства извне — последний бастион частной собственности. И честолюбивые мечты Альфреда Сарри развеялись, как песок в пустыне. "Что же дальше делать?.." — задал он себе сакраментальный вопрос всех "наполеонов" и "владык мира".

Для начала он попытался укрыть лабораторию и приспешников где-нибудь на одном из малоизвестных атоллов Океании. Но из этого ничего не вышло! Он не знал, сидя в своей "башне", что все уголки земного шара бдительно охраняются Объединенной Армией ООН, созданной из представителей свободных народов планеты. И без

ведома командования невозможно поселиться на самом захудалом островке близ Антарктиды даже мухе — не то что многочисленной группе ученых, да еще с громоздким оборудованием и энергетической станцией, работающей от энергии Солнца. Лаборатория Сарри перешла в руки ЮНЕСКО, а вскоре разоблачили и характер его "научных изысканий". Было выяснено, что Сарри намерился превратить всех людей Земли в послушных "псевдо-человеков", управляемых по заданной программе. И Альфреда упрятали за решетку. Чуть позже его освободили, но запретили вести исследования в области медицины и генной технологии.

На суде Альфред со слезами На глазах доказывал, что его эксперименты носили чисто теоретический характер — во имя прогресса науки. "Я ведь не проводил свои опыты на людях, как эсэсовские профессора в Бухенвальде или Освенциме, — твердил он, умалчивая о жертвах из числа индейцев в Центральной Америке, купленных за баснословную цену у местных диктаторов. — Мною открыт и синтезирован эликсир, содержащий в растворе живые ткани, способный мгновенно лечить раны, травмы. Мои исследования имеют огромную ценность! Я вел

их во имя блага человеческого рода..." Высокий суд, не имея фактов, опровергающих его утверждения, снял запрет.

Как это бывает при всех социальных переменах, нашлись и такие, кто не мог примириться с новыми порядками. Не прошло и месяца, как Альфред отыскал себе помощника в лице довольно известного врача-космонавта Факуры и при его содействии пролез в сотрудники Хьюстонского космического центра. Вместе с Фа-курой навербовали из числа космонавтов несколько десятков единомышленников — всяких "бывших", мечтавших о возврате к золотым временам "свободной инициативы и бизнеса". Факура предложил дерзкий план захвата суперкосмолета "Аполлон", который готовился в первый межзвездный полет к созвездию Центавра.

Тщательно продумав всю "Операцию", группа Сарри-Факуры внезапным ночным наскоком — в канун старта звездолета их группа овладела кораблем, уничтожив охрану и обезвредив всю систему связи и сигнализации. Всего на "Аполлоне", поднявшемся в космос, оказалось пятьдесят четыре соратника Сарри.

Альфред Сарри обосновался на планетке Ники и Венеры. Здесь у него было сколько угодно "мате-

риала" для опытов. Он решил "прооперировать", то есть вживить свой "псевдо-мозг" как можно большему числу аборигенов, создать из них мощную армию, вернуться на Землю с эскадрой космолетов, наказать "предателей и отступников" и объявить себя властелином человечества.

Правда, замысел его был безумным, что свидетельствовало о синдроме паранойи Сарри. Разместить такую армию в одном корабле не могло быть и речи. Однако Факура был дьявольски изобретателен: придумал, как заманивать в микровселенную космолеты Объединенного Человечества Земли. Прерасно изучив местоположение "вселенной" вблизи Юпитера и Каллисто, он вычислил координаты "гравитационного входа" в зону населенной планетки Ники и Венеры. Затем выслал в данную точку Солнечной системы разведывательный миникосмолет, имевшийся на "Аполлоне", с заданием: вращаться по круговой орбите с включенным "зеленым" прожектором. Так возникла Зеленая Точка, на которую попались "Циолковский" и корабль Сергея и Ыхласа. Таким образом, у Сарри теперь три космолета..."

Краткое "досье" безымянного следователя по "делу Сарри" на этом кончалось. Далее следовала

приписка сугубо доверительного характера.

"Таких претендентов на власть, как Сарри, в истории было немало, дорогой Сергей Сергеевич. Вы согласны? Он абсолютно не оригинален, к тому же психически болен, как я убедилась. Надеюсь, сведения о "колдуне" Альфреде помогут тебе, Сергей Сергеевич, в борьбе с ним. Внимание! Ваша задача: выйти из камеры обязательно в маске из той материи, какую я использовала для свертка. Не беспокойтесь за Ыхласа, он жив и невредим. Пароль для всех, кто ходит по этой Планетке в желтой маске, один — Москва.

"Аполлон" имеет множество помещений. Главное из них — бункер, в том числе и камера, где вы находитесь. Надежно охраняйте рубку управления "Аполлона", она в тридцати шагах левее бункера. Схема "Аполлона" — на оборотных листах моей записки. Будьте предельно бдительны! Не дайте Сарри поднять звездолет в космос.

Жму вашу руку — ПРИЗРАК".

Письмо вдохнуло в Сергея новые силы. Однако его занимал вопрос: "Кто такой этот Призрак?" Уж не Венера ли скрывается под этим псевдонимом? Вряд ли... Во всяком случае, Призрак — человек для нас бесценный. Пожалуй, все-таки это Венера, больше некому".

Услышав шум в камере, стражник ворвался в нее и с порога набросился на Сергея:

— Эй, негодяй, я что тебе говорил? Или успел забыть?

— "Если ты еще раз будешь греметь, войду и сверну тебе челюсть", — ответил Сергей и нанес охраннику сильный удар кулаком. Не издав ни звука, он сел на пол.

Заковывая ему руки в кандалы, Сергей примирительно говорил:

— Вот так приблизительно, дружище, надо бить! А теперь посиди здесь спокойненько, то есть веди себя тихо. Это тебе зачтется. Я не из тех, кто долго помнит зло, — и с этими словами Сергей выбежал из камеры.

12

По мере того, как Ыхлас приближался к высокому каменному забору, "украшенному" колючей проволокой, он все отчетливее ощущал перемены в своем организме: сердце билось все учащеннее, легким не хватало воздуха, а тело пронизывала острая боль.

До сооружения оставалось метров пятьдесят. "Еще немного терпения, и положение улучшится", — подбадривал он себя, с трудом превозмогая

слабость. Но не счел нужным сказать о своем состоянии Тахиру.

Внезапно проволока стала "изрыгать" огненное пламя. Раздался оглушительный треск, и часовой, сидящий в крошечной будке, открыл автоматный огонь.

Тахир, шедший позади, громко крикнул:

— Стой! Будем отходить, Ыхлас. Сбрось с себя труп!..

Штурман исполнил приказ и помчался назад, закрывая уши обеими руками. Часовой, видимо, тоже испугался и палил бесприцельно: пули со свистом пролетали метра на три-четыре выше головы Ыхласа.

Пробежав метров сто — сто пятьдесят, они укрылись в густых зарослях. Тахир-ага сжал кулаки и выругался:

— Учуяли, сволочи!

— Часовой узнал меня, — сказала бледная от страха Ника. Она искренне считала себя виновной во всем, что произошло.

— Ничего, бывает, — успокоил ее Тахир. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Ыхлас ощутил некоторое облегчение: адскую боль в теле как рукой сняло. Он понял, что в этом "заборе" есть какая-то сила. И с удивлением пове-

дал Тахиру о своем исцелении.

— Вопрос ясен, — прервал его Тахир. — Стены забора набиты радиоактивными излучателями. Но едва мы отдалились от источника радиации — и боль исчезла. Ни один живой организм не может преодолеть это заграждение! Оно придумано Сарри для защиты от аборигенов планеты. Башковитый малый! Ни перед чём не останавливается. Видел, как летели искры от проволоки? Это внешний эффект защиты. А самое опасное — невидимая смертельная радиация. М-мда!.. — вздохнул он, — нелегко будет проникнуть в Купол!

— А кто этот Сарри? — спросил с любопытством Ыхлас.

— И я не знаю, братишка. Кажется, он тоже с Земли. Аборигены и эти стражи в черном называют его "колдун". Каждого, кто к нему попадает, он каким-то чудом превращает в своего единомышленника. Вог в этом дворе, в подвале, и находится его "больница". Нам необходимо разгадать дьявольский секрет "колдуна". Любым путем надо пробиться в бункер! Ведь там Федор с Сергеем.

— Ты же сам говоришь, Тахир, что каждый, кто попадает ему в руки, становится совершенно другим человеком! — возразил Ыхлас. — Разумно

ли соваться туда наобум?..

— Да, опасность велика, — согласился Тахир. — Рядом с бункером Сарри есть еще огромная пещера, где мерзавец держит несколько тысяч аборигенов. Их по одному ведут в "больницу". Сарри вводит им какие-то препараты, после чего аборигены как бы лишаются разума. И становятся послушными исполнителями Сарри! Вон, видишь, во дворе огромная ракета? Это, братишка, к твоему сведению, "Аполлон".

— Тот самый "Аполлон", который лет тридцать тому назад поднялся в космос и затерялся среди звезд?! — воскликнул Ыхлас.

— Он самый, братишка. Ждать у нас нет времени! Надо действовать, поскольку Сарри, теряя под ногами почву, способен пойти ва-банк. Этого нельзя допустить!

И они решили повторить свою попытку.

— Видите ворота? Нам надо атаковать их! Ты, Ника, подойдешь к ним с левой стороны, — распорядился Тахир. — Только сильнее натяни свой лук, сестричка! А я дам тебе прибор, который нейтрализует лучи, разлагая их на безвредные элементы. Другой наденет на себя Ыхлас. Он будет атаковать ворота справа. Я буду штурмовать их в лоб — и попытаюсь не подходить слишком

близко к забору. Эх, нам лишь бы захватить ворота! Тогда я прорвусь к генератору смертоносной радиации, обращу его излучение на бандитов. И крепость доктора Сарри рухнет, как карточный домик! Лучемет Ыхласа поможет нам. Его лучи превращают в пепел все, на что падают. Уверен, гвардия Сарри не устоит перед ним. У них, к счастью, нет такого мощного оружия! Значит, договорились? Ну, пожмем друг другу руки, до встречи у ворот.

Заметив, что Ыхлас чем-то обеспокоен, Тахир спросил его:

— У тебя есть другое предложение?

— Нет… Но я прошу, Тахир, возьми тот прибор себе. Моя жизнь не дороже твоей.

— Оставь прибор у себя, Ыхлас. Моя смерть никого не должна пугать. Цель стоит риска!

Атака началась. Группу Тахира встретила лавина пуль. Колючая проволока вокруг стены засверкала тысячами разноцветных огней, послышался оглушающий рев, казалось, пронзивший всю планету.

Охранники не обращали особого внимания на оружие Ыхласа, поскольку не знали, на что оно способно. И сосредоточили свой огонь на позиции, где находилась Ника. Ее стрел они боялись

— и девушке пришлось несладко.

Атака не удавалась не только из-за бешеной стрельбы охраны, но, в основном, из-за жуткого воя неведомого акустического оружия Сарри. Этот невообразимый гул так действовал на нервы, что голова шла кругом. "Если адская музыка продлится еще минут пять, мы запросто сойдем с ума", — с беспокойством подумал Тахир. — Надо срочно отступать! Пока вой не утихнет, о захвате двора не может быть и речи".

— Назад! Назад, к джунглям! — закричал Тахир.

Увидев, что Ника отползает, Тахир радостно вздохнул: значит, услышала команду. Ыхлас же медлил! Тахир собрался было еще раз крикнуть, но тут произошло неожиданное. Ника выскочила из укрытия, промчалась прыжками метра четыре и, раскинув руки, взмыла в воздух, словно птица. Пролетев метров десять-двенадцать, она врезалась в колючее заграждение. Последовал треск, заколебалась почва, будто началось землетрясение. В тот же миг страшный вой утих.

"О-о!.. Что ты наделала, девушка?!. — застонал Тахир. — Зачем ты замкнула электрополе? Мы могли бы и..."

Как только оглушающий вой прекратился, Та-

хир устремился к стене, с ходу ворвался в ворота. Ыхлас замер: четыре охранника понуро стояли у сгоревшего забора, подняв руки вверх. Сноровисто вынимая диски из их автоматов, Тахир быстро говорил Ыхласу:

— Видишь вон тот подвал? Огнем лучемета испепели выход из него! Да стой в сторонке, чтоб не затоптали тебя узники, которые хлынут из подземелья. А я побегу к бункеру Сарри.

Ыхлас включил лучемет.

Из подвала, цепляясь друг за друга, стали выходить люди, вернее не люди, а скелеты, обтянутые кожей. В их потухших глазах не было жизни! Вряд ли они сознавали, куда идут сейчас.

С грохотом распахнулась дверь бункера Сарри. Из него выбежали десять-двенадцать женщин, одетых в белые платья. В руках у них были какие-то мешочки. Шедшая первой приветствовала Ыхласа и Тахира легким кивком. Затем обратилась к узникам:

— Стойте! Мы поможем вам… В этих мешочках целебные таблетки, быстро восстанавливающие силы! Берите только по одной. Она вас поддержит, и вы легко доберетесь до спасительных глубин озера. Не спешите! Теперь вы свободны, ничто не грозит вам.

"Как эта девушка похожа на Нику! — вздохнул штурман. — Может, сестра?.. Потом узнал ее: это была Венера.

В ту же минуту кто-то подошел сзади и ладонями закрыл Ыхласу глаза.

— Сережа, ты! — подавляя прилив радости, спросил Ыхлас дрогнувшим голосом. Ладони друга сжали ему веки еще крепче.

Друзья крепко обнялись.

— Не думал я, что ты живой! Ведь был в самом логове врага, — радостно приветствовал Ыхлас командира.

— Взгляни, Сергей, на этих узников. Они напоминают жертв концлагеря Дахау. Помнишь, в день столетия великой Победы показывали документальные фильмы о фашистских лагерях смерти. Выходит, зло, подлость, другие "демоны бытия" еще не перевелись на Земле.

— Верно говоришь, Ыхлас-джан! Но предупреждаю: когда увидишь Сарри, не вздумай испепелять его своим лучеметом. Его будут судить по земным законам. Как понимаешь, он жестокий преступник. Сарри замахнулся на все человечество!..

Помолчав немного, Сергей сказал мягче:

— Вот что меня интригует... Вернее, удивляет.

Нам все время помогал кто-то третий! Какая-то женщина в желтой маске. Именно она разоружила самого Сарри, его приспешников… Тахир утверждает, что она прилетела вместе с нами. Уж не Айна ли это?

— Да нет, что ты! — Тут Ыхлас задумался. — Неужели в нашей обсерватории я встретил тогда не матода, а именно ее?.. Кстати, этот "матод" показался мне по жестам и движениям очень похожим на Айну.

— М-мда, — покрутил головой Сергей. — Все возможно! Тем более, что Воронцов и уважаемый Гандым-ага весьма склонны к подобным шуткам. Вот и попробуй понять мотивы их розыгрышей.

Сергей замолчал, разглядывая толпу узников. В самом конце ее оказался Тахир, за ним плелись еще с десяток смертельно бледных пленников, и среди них Федор Игнатьев! Узнав его, Ыхлас разинул от удивления рот: руки Федора тоже были связаны.

— Нет, этого не может быть! — воскликнул Ыхлас. — Игнатьев — предатель!? Уму непостижимо…

— Увы, Ыхлас, — сказал не менее пораженный Сергей. — Впрочем, все может быть! Вероятно, подонок Сарри подверг Федора Федоровича опе-

рации вживления псевдо-мозга. Оболванил, так сказать. Он не виноват! Я сам видел, как он пытался в камере покончить с собой, но ему не дали.

Потом из подвала вышли еще двое. Один из них — седовласый старик с длинными волосами, закрывавшими плечи. Лицо у пленника напоминало яичную скорлупу. Ыхлас видел его впервые — и не мог знать, что это загримированный Факура. А если б и знал, то опознать его было трудно. Факура сделал сам себе пластическую операцию, пытаясь уйти от возмездия за совершенные злодеяния. Но Сергея нельзя было обмануть: он опознал Факуру по походке! "Но кто же схватил оборотня и связал ему руки? — подумал он. — Значит, есть человек, знающий о пластической операции".

Поравнявшись с космонавтами, Тахир-ага приказал: — Уведите этих дьяволов и заприте в "Аполлоне"!.. Мне только что радировали по гравиоканалу из космоса. К нам прибывает космолет с земли. Скоро надо встречать гостей.

— Дорогой Тахир... — успокоил Ыхлас. — Мерзавцы вряд ли теперь сбегут! У них нет ни сил, ни оружия. Разреши нам встретить землян.

— Ты прав, Ыхлас-джан, — добродушно проворчал Тахир. — Им действительно некуда удирать,

разве что в галактику Андромеды. Ладно, будь по-вашему! Но я все-таки свяжу этих мерзавцев и передам на попечение Венеры.

Вскоре близ точки схождения Ледовой и красного спутника планетки Ники "проявился" суперкосмолет. Он был весь окутан сиреневой дымкой, что говорило о гигантском расходе энергии на гашение волны тяготения. Спустя несколько минут дымка рассеялась, и корабль по малой спирали начал снижение к месту посадки.

— Что-то больно долго они примеряются, — сказал нетерпеливый Ыхлас. И вопросительно посмотрел на Тахира.

— Не волнуйся, терпи, — ответил Тахир. — Кварцевый "прожектор" космолета очень силен. И запросто может повредить планетку. А то и сорвать ее атмосферу. Корабль не будет садиться на равнину близ озера. Сейчас он выпустит из своего чрева дисколет. В нем и совершат приземление наши ребята из Центра. Усек, Ыхлас-джан?

— Вполне!.. — пристыженью кивнул штурман. Все волнения этого дня выветрили из памяти азбучные истины вихревых полей гравитации. Помолчав, он спросил Тахира: — А ты уже переговорил с ними?

Сергей важно стукнул себя кулаком в грудь:

— Не по адресу обращаешься, Ыхлас! Не Тахир, а я установил первую гравпосвязь с посланниками академика Воронцова.

— С помощью некоего Призрака, — несколько ехидно поддел командира Тахир.

— Что еще за Призрак?! — недоуменно поглядел на них штурман.

— Потом узнаешь, — отмахнулся Тахир. — Впрочем…

Тут все трое застыли от удивления. Произошло невероятное: у "Аполлона" с грохотом и ревом заработали подъемные механизмы и стартовые двигатели. Опоры корабля с визгом и скрипом автоматически раскрылись. Затем космолет окутало облако дыма и пламени.

— Держи-и его!.. — совсем потеряв голову, завопил Ыхлас. — Выходит, охрана прозевала? Или у этих дьяволов есть секретный пульт, не известный нам…

— Прекрати, Ыхлас, — с досадой прервал его Сергей. — Эх, ч-черт!.. Неужели ускользнет?

Тахир-ага выхватил у штурмана лучемет, намереваясь обстрелять корабль, но Сергей остановил космонавта:

— К чему это?! Разве не видишь, что сделать уже ничего нельзя. Что твой лучемет против его

броневой обшивки?! Все равно "Аполлону" не удрать, его перехватит наш звездолет.

Они помчались к бункеру, где стояла толпа узников, и среди них Сарри. Завидев космонавтов, он злорадно воскликнул:

— Ну, что, не нравится? А вы думали, что всех прибрали к рукам. Черта лысого, товарищи красные! Надеялись на моем "Аполлоне" долететь до Земли? Сочувствую вам. Идите греться, пока обломки посудины не остыли.

— Откройте глаза, господин "Наполеон", — отпарировал Тахир. — Взгляните-ка на небеса! На кой черт сдался нам твой ржавый "Аполлон". Вон плывет наш красавец.

Альфред Сарри машинально повиновался приказу — и переменился в лице: он только сейчас заметил снижавшийся к "земле" дисколет с эмблемой "Интеркосмоса". Несколько секунд оз созерцал это зрелище, потом грязно выругался и мстительно сообщил:

— А что вы скажете о тех, которые сгорели в "Аполлоне"?! Вот вы только что освободили целую тысячу. Среди них нет ни одного здорового человека, который был бы в своем уме! Они теперь будут врагами даже собственных родителей. Они уничтожат на этой богом забытой планетке все

живое… Их умы испарились вместе с биостатом в "Аполлоне"…

Разгневанный Ыхлас бросился к Сарри, замахнулся, но Венера остановила его властным жестом:

— Не делай этого, прошу!.. Я обязана сдать Сарри тому, кто оставил меня охранять его. И сдать невредимым. Тахир-ага, что ж вы стоите?

Чтобы охладить Ыхласа, Сергей похлопал штурмана по плечу.

— Нет уж!.. — продолжал кипятиться Ыхлас. — Простите, Венера-ханум, но типов, подобных Сарри, нельзя щадить… А ты, негодяй, послушай меня: мы вылечим твоих подопытных. Так что не радуйся! На Земле, которую ты покинул, давно нашли эффективные средства для возвращения таких несчастных людей в нормальное состояние.

— Да оставь ты его, — с досадой прервал Ыхласа Сергей. — Идем встречать гостей!

Дисколет закончил свои маневры в небе и плавно сел в точке, указанной лучеметом Тахира. Едва был спущен автоматический трап, как из дисколета вышли двое — мужчина и молодая, стройная девушка. Опередив спутника, девушка подбежала к Тахиру. Ее внешность была Ыхласу

до боли в сердце знакома, но он никак не мог сообразить — откуда. Он схватил Сергея за локоть и спросил:

— Кто это?.. Она тоже сошла с дисколета, или это мне показалось?

— Да ты совсем обалдел, дорогой мой штурман, — засмеялся Сергей. — Получше посмотри! Неужели ты не признал сестричку? Это ведь та самая желтая маска, которая помогала нам.

Ыхлас выкатил глаза, растерянно постучал себя кулаком по лбу и тихо воскликнул:

— О!.. Неужели я совсем спятил? Ну и болван..

Увидев, что Тахир-ага поочередно обнимает прибывших, Ыхлас и Сергей наперегонки побежали к ним.

Ыхлас, радостный и запыхавшийся, подскочил к Айне, ласково шлепнул ее по руке и укоризненно сказал:

— Ах ты, чертовка-плутовка! Какой была в детстве, такой неисправимой и осталась… Как это тебе удалось пролезть в наш корабль? Сама додумалась, или по наказу Воронцова и нашего хитроумного ата? Отвечай как на духу!..

Вместо ответа Айна озорно помотала головой, легко ударила брата по носу и со счастливой

улыбкой на лице и зажмуренными глазами бросилась Ыхласу на шею.

Перевод А.Колпакова

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Туркменская проза молода. Ее формирование, становление происходит, буквально, у нас на глазах. Счет ведется на десятилетия. Они вместили в себя процесс, который у других национальных литератур занял века. Нарушился классический ход поступательного развития: классицизм, романтизм, реализм, натурализм и т. д. Метод социалистического реализма стал основным творческим методом в туркменской советской литературе. Но в поисках выразительности, в поисках "своего голоса" туркменские прозаики ведут разведку боем по всему фронту от традиционной шаблонной, полной условностей прозы дестанов до современного реалистического романа. В этих условиях повесть с ее богатыми художественными возможностями стала надежным инструментом исследования новых творческих приемов и методов, полигоном, на ограниченном пространстве которого испытываются возможности того или иного стиля, течения для отображения разнообразного жизненного материала. Повесть очень удобный для этого жанр.

Своими корнями она уходит в древнюю эпическую устную традицию (сам термин "повесть" от "поведать"), в то же время современная повесть испытывает на себе постоянное сильное влияние романа — принципиально письменного жанра — с его стремлением к драматичности и замкнутости сюжета. Читателю будет нетрудно самому определить к какому полюсу тяготеет та или иная повесть. Сближает же их общий для всех авторов и характерный для всей туркменской литературы в целом глубокий интерес к человеку, к этическим проблемам жизни и, в первую очередь, к проблеме личной ответственности человека за судьбу и нравственное здоровье общества.

Герой повести Атаджана Тагана "Миг расплаты" прожил долгую достойную жизнь, он пользуется заслуженным уважением своих односельчан — в годы войны они доверили ему ключи от колхозного склада, где хранился необходимый для жизни села минимум — все остальное отдавали фронту, армии для победы. И вот на старости лет терзается Непес-ага, не находя покоя ни днем, ни ночью, из-за того, что не рассчитался со своим соседом Кервеном, не вернул ему при жизни долг — сапоги, которые взял поносить еще в далекие военные годы, не нашел в себе сил признаться

в этом на кладбище, над свежей могилой, как это предписывает обычай. Действительно, если все дело только в сапогах, то история не стоит выеденного яйца. Но сапоги — это только символ. И обычай Непес-ага нарушил не на кладбище, а много лет назад в тиши колхозного склада.

"...когда Кервен вошел в склад и Непес-ага жадными глазами уставился на ноги Кервена, он увидел вместо блестящих черных сапог старые желтые ботинки.

— Эй... А где же сапоги?! — растерянно произнес Непес-ага, даже не поздоровавшись.

Кервен понимающе улыбнулся.

— Я их смазал и прибрал подальше. Беречь буду. Но... если кто попросит поносить...

Договорились они быстро. Кервен получил взаймы до следующего урожая мешок ячменя, а Непес-ага завладел заветными сапогами".

Сапоги — взятка. Кервен дал взятку, Непес ее взял. Они соучастники преступления, и поэтому, когда на кладбище обычай предоставит Непесу-ага возможность примириться с покойным, он не использует этот шанс, ибо "провинность его так велика, что никто из стоящих здесь не снял бы ее, а человека, который хоть как-то мог помочь ему, только что засыпали землей".

Трагедия старика в том, что он, осознав свою вину перед обществом, не может уже получить прощения, обратный ход событий невозможен. В неблагополучии, которое Непес-ага видит вокруг себя, он винит только себя, свою давнюю слабость. Писатель рисует своего героя с симпатией, но не оправдывает его.

Но сапоги — это символ не только преступления, но и власти над людьми. Когда-то скрипучие сапоги Непес-ага попирали человеческое достоинство односельчан, молчаливо смирившихся с тем, что за их счет приобрел себе Непес модную шикарную обнову. Чтобы осознать это, Непесу-аге пришлось стать свидетелем отвратительной по своей беспечности сцены в райцентровской чайхане, где сапоги карают и слабого, и виноватого.

"Нет правды на земле, но правды нет — и выше". И жуток явившийся Непесу-аге во сне рай, где процветает коррупция и пьянство. Эта сцена как бы подготавливает финал повести. Непес-ага отправляется в далекое для его лет путешествие, чтобы признаться в случившемся некогда родственнику Кервена. В пути он рассказывает свою историю незнакомому молодому шоферу, но не встречает понимания — для Хыдыра сапоги это только сапоги и цена им две десятки".

"— Дело-то не в деньгах, сынок.

Хыдыр отвернулся. Но долго не выдержал:

— Я согласен, не в деньгах дело. А заботиться-то надо об этой жизни, а не о загробной, которой не существует.

Непес-ага спросил:

— Ты что, думаешь, я верю в бога?"

Это не вопрос — ответ. Не перед богом, а перед людьми, чье доверие обманул в далекий голодный год, казнит себя Непес-ага. Но еще больше его вина перед живущими ныне и давно уже забывшими что такое голод, но чья жизнь хуже, чем должна быть, из-за того, что некогда он, Непес-ага, поступил не по совести. Таков нравственный урок повести. Она — аллегорична. Но аллегория, символика нужны автору не для того, чтобы спрятаться под маской эзопового языка, а напротив, чтобы ярче, убедительней донести до читателя свою мысль, показать свою гражданскую позицию.

Словно ответом на вопросы, которые мучают Непес-агу, звучит первая фраза повести А. Караева "Где брат твой": "Сколько бед и несчастий принес людям голод? Но не больше ли принесла сытость?" И пусть автор сразу же переведет разговор на бытовое, обыденное, тревожный тон,

заданный этой фразой, определит характер всего дальнейшего повествования.

Четверо друзей отправляются на охоту, во время которой погибает брат главного героя повести — простодушного доброго человека, чабана Байджана. Убийство произошло случайно, с подсказки Акджика рассуждает Байджан, так зачем же множить горе, зачем сиротить детей в двух домах? И Байджан принимает на себя ношу чужой ответственности, выгораживает завфермой Джуманияза. Ложь прозвучит первоначально "во спасение", но, разрастаясь, словно раковая опухоль, она разрушает искренность отношений между близкими, между друзьями, рождает новую ложь, новые беды и страдания.

Суд совести. Байджан, оправданный законом, не может оправдаться перед вдовой и детьми Юсупа, он постоянно ощущает душевный дискомфорт, исчезает тот лад, который прежде существовал между ним и природой. Не только люди, но, кажется, сама пустыня отворачивается от Байджана.

Атагельды Караев — реалист. Он рисует убедительные и точные в деталях картины быта современного села, простую и нелегкую жизнь чабанов, но в повести ему важно показать не

единичный случай, и чтобы подчеркнуть символический характер происходящего, поднять его до притчи, обобщения, он вводит еще одного героя.

Однажды ночью придет к чабанскому костру странный бродяга, величающий себя пророком Хыдыром Атой, тот самый, который повстречался незадачливым охотникам в день гибели Юсупа. Придет и расскажет легенду о богатыре и старце, мораль которой так созвучна мыслям Байджана. Мыслям писателя: человек должен сам сделать выбор между Добром и Злом.

Но преступление, оставшееся безнаказанным, рождает новые преступления. Так случается и в повести. Джуманияз, спасая свою жизнь, похищает у своих спутников термос с последней водой, обрекая их, заблудившихся в просторах пустыни, на мучительную жажду, а может, и смерть.

Мы верим автору, когда в финале повести его герой — доверчивый, как ребенок, податливый, как воск, чужой воле Байджан, берет на себя груз ответственности за жизнь другого человека, жалкого, потерявшего в борьбе с пустыней силы — Акджика. А тот признает за Байджаном право на поступок, доверяется ему.

Повести Атаджана Тагана "Миг расплаты" и

Атагельды Караева "Где брат твой?" очень разные. Но сближает их желание авторов подняться над изображаемой действительностью, представить частный случай, как некую модель человеческих взаимоотношений. Поступок становится мерилом значимости человека. А решительность, умение взять на себя ответственность в не простой, нередко экстремальной ситуации — наиболее ярким проявлением характера положительного героя литературы. Защищая ребенка, бросится наперерез быку Непес-ага и именно этот поступок, порыв души станет своеобразным искуплением вины. И поднимаясь из пыли, в которой извалял его сорвавшийся с привязи бык, Непес-ага подумает: "Конечно, расплата не та, но что поделаешь, какая есть". Поступками утверждает себя и герой Атагельды Караева.

На первый взгляд, таков же и Сердар Ниязов из повести Мухамметнура Курбанклычева "Факелы и звезды". Она о туркменских газовиках, бурильщиках, в трудностях пустыни ведущих разведку подземных кладовых. В таких условиях решительность приобретает первостепенное значение. Ведь на буровом мастере лежит ответственность и за людей, и за дорогое оборудование, и за дело. Решительность и компетентность при-

носят Сердару уважение коллектива, любовь Гюльджемал. Но... Да, чтобы проверить характер героя, необходимо "но", необходимы испытание, конфликт. Время от времени они возникают в этой повести, но всем предлагаемым автором ситуациям не хватает многомерности, с которой мы встречались в повестях А. Тагана и А. Караева. Ситуации таковы, что перед героем по сути и нет выбора. Он должен поступить или плохо, или хорошо. Сердар, естественно, поступает хорошо. Мы видим, что реалистическая манера письма автоматически не гарантирует реалистическому отображению жизни. Сердара автор явно идеализирует.

Сюжет повести благополучно катится к финалу, но в последний момент происходит осечка. Поступок, которого мы так долго ждали от главного героя повести, совершает его любимая, Гюльджемал. Она уезжает, оставив письмо. "Твое равнодушие к моему прошлому не могло не огорчать, но я терпеливо ждала и молчала. Ты как бы забывал, что наша судьба зависит не только от наших чувств и отношений. Ослепленный любовью, ты видел только меня и ни разу не спросил о (далее ничего нет — прим. ANSI)

По сути повесть М. Курбанклычева заканчи-

вается там, где повести А. Тагана и А. Караева — начинаются. Да, писатель утверждает те же моральные ценности, что и его коллеги по перу, но ему не хватает убедительности. Ведь поступок — это лишь надводная часть айсберга, он должен быть выстрадан, созреть в душе героя. Гюльджемал же на всем протяжении повести была на вторых ролях, этакой бледной тенью главного героя, ее поступок не подготовлен развитием сюжета, кажется некоей досадной помехой на пути к счастливому концу. Если прежде приходилось говорить об условности, которую авторы повестей избирали сознательно, чтобы достичь заранее рассчитанного эффекта, то теперь мы имеем дело тоже с условностью, но условностью характера. Условностью явно нежелательной.

Повесть Каушута Шамыева "С тобой и без тебя" — рассказ о беззаветной любви девушки по имени Акгыз (Белая девочка) и юноши Караоглана (Черный мальчик"), о том, как после гибели мужа Акгыз продолжила его дело и стала милиционером. Рассказ насквозь условный, но эта условность предопределена поэтикой дестана. Ведь Акгыз совершает не поступки, подобные тем, о которых мы говорили, анализируя другие повести, а подвиги, и цель автора не просто пове-

дать об этом, а воспеть героиню. Семь чудесных подвигов совершает обычно герой народной сказки, семь подвигов совершает и Акгыз, отвергая старые обычаи и обряды, узаконивавшие неравенство женщины в обществе. Шесть подвигов, чтобы сравняться с мужчиной, и последний — чисто женский, чтобы доказать высокие моральные качества Акгыз, она принимает решение взять на воспитание детей Абдыра — своего антагониста.

Русский читатель, привыкший к тому, что напряжение в литературном произведении обычно нарастает постепенно, одновременно раскрываются и все новые грани характера героев, что только после этого долгого подъема по склону наступает кульминация, за которой — стремительный спад напряженности, финал. Каждый "подвиг" Акгыз важен сам по себе, он не является следствием предшествовавших событий, не влияет на события последующие. В лучших случаях это сведено до уровня обычных причинных связей: сначала Акгыз становится милиционером, затем начинает преследовать преступников.

Если повесть К. Шамыева тяготеет к жанру героического дестана, то "Объект Сарри" Худайберды Диванкулиева — к дестану фантастическому. Тем, кто привык к четким логическим обоснованиям

событий и тонкой психологической разработке характеров в лучших произведениях современной философской и социальной фантастики, следует помнить, что он знакомится с одним из первых произведений туркменской фантастики, фантастики социальной. В повести подкупает же по-детски искренняя вера в торжество справедливости, в победу Добра над Злом.

Литературу часто сравнивают с деревом. Его корни уходят в глубь истории, в толщу народной жизни, ветви тянутся к солнцу, устремлены в будущее. Если развивать сравнение "литература — дерево", то повести этой книги словно листья туранги. Они очень разные, хотя все от одного корня, с одной ветви. Дело тут не только в авторской индивидуальности, в несхожести творческого почерка, хотя это тоже, безусловно, важно. Объективное отличие в ином: в различных уровнях овладения реализмом как художественным приемом отображения действительности. Читатели наверняка заметят, что не все представленное в этой книге имеет равную художественную ценность, но повести помогут лучше узнать жизнь Туркмении, ее людей, понять какими путями ведут сегодня свой поиск туркменские прозаики.

Редактор С. Якушкина
Художник С. Ияберснов
Худ. редактор Б. Кураев
Тех. редактор Д. Эменова, Е. Сербина
Корректор Л. Хотинская
ИБ № 644

Сдано в набор 13.04.87 г. Подписано в печать 22.С8.87 г. И—02636. Формат 84Х108 1/32. Бумага тип № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. — отт. 17, 01. Учетно-изд. л. 17,12. Тираж 15 000 экз. Заказ 1788. Цена 1 р. 50 к.

Издательство "Туркменистан" Государственного комитета ТССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ашхабад, 744 013, ул. О. Кулиева, 31.

Дом печати Государственного комитета ТССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ашхабад, 744 013, ул. Атабаева, 20.